

Русско-еврейский
международный
ЖУРНАЛ

НОВЫЙ ВЕК

№ 2003

- Натан Щаранский о правах человека и арабском терроре: Хельсинки vs Осло.
- «Выдавливание раба» - главный результат последней русской революции
- Еврейско-русская культура на двух роинах
- Бесславные годовщины. 50 лет после Сталина и «Дела врачей»
- Израиль и Россия: одна беда на всех - терроризм
- Эллинизм и иудаизм. Две концепции отношения к человеку и Богу
- Новая повесть Инны Лесовой
- Из израильской поэзии. Новые переводы Р. Торпусман

NOVIY VEK

Politics. Society. Literature.

(New Century)
Russian-Jewish-
Journal

1, 2003

In This Issue

Readers' Letters

National Culture within One Family

Three generations of one Russian Jewish family, which has produced several gifted artists and writers, worked in the field of Jewish culture. **Meir Akselrod** (1892-1970), born in a Byelorussian Jewish settlement and a survivor of pogroms, became a prominent artist who provided a uniquely comprehensive and sensitive view of Russian Jews from the 1920s to the end of the '60s. His daughter **Elena Akselrod**, a well-known poet, and his grandson **Michael Yachilevich**, who is following in the footsteps of his famous grandparent, now continue their creative work in Israel.

Geopolitics. A Clash of Civilizations

Michael Sidorov "Judgment Day" of the Biblical Civilization

F. Fukuyama & N. Samin Can Any Good Come of Radical Islam?

What is going on in the Muslim world? Its economies are stagnant, illiteracy is widespread, political freedom is hardly to be found. Such an isolated and undeveloped culture became a breeding ground for the Islamic fundamentalism that spawned September 11. However, it would be a mistake to regard the Islamic movement as nothing more than an expression of those failures. The phenomenon of radical Islam is more complicated than that.

Dennis Prager Most Muslims Are Nice Guys. SO WHAT???

The vast majority of Germans living in the Nazi era were also peaceful; very few ever so much as laid a hand on a Jew. So, too, the vast majority of Russians never killed anyone while 20-40 million of their fellow citizens were murdered by their Communist regime under Stalin.

Society. Worldviews. Culture.

Leon Aron Russia's Last Revolution

Over a century ago, before the Bolsheviks appeared on the scene, Anton Chekhov wrote of Russia's "heavy, chilling history, barbarism, bureaucracy, poverty, and ignorance..." And Chekhov did not shrink from naming what needed to be done: to "squeeze out the slave, drop by drop," from the Russian soul. This squeezing-out has been perhaps the most stunning result of the past decade and a half.

Whose Was the Miracle of Salvation God's or Mankind's?

The modern commentaries of the "small" Jewish festivals Hanukkah and Purim include a wide variety of theories and opinions, so the meaning of the celebrations ranges from the emphasis on the superiority of the Light true faith of monotheism over Darkness, symbolized by the worship of pagan gods, to the military victory of the Maccabees the brave defenders of the independence of Jewish people over Greek-Syrian enemies or the victory of Mordechai and Esther over wicked Haman.

Mordechai Gafni From Athens to Jerusalem. Hellenism and Judaism: the Attitude toward Man and God
Shlomo Riskin Hanukkah and Harmony between Judaism and Hellenism

Lev Utevsky This Mysterious "Small" Holiday Purim

An Acute Angle

Alexander Sinelnikov Jews and Russian Noblemen: Similarities in historical fate

Israel and Russia: The Same Torment - Terrorism

Natan Sharansky Human Rights as a Shield against Dictatorship and Violence.

Helsinki vs Oslo

Shlomo Groman The Tragedy of the Dubrovka Theater and Terror in Israel/
Comparisons and conclusions

Russian Jewry Today

Michael Kopeliovich Russian Jews in Israel. The Problems of Identification and Mutual Expectations

Vyacheslav Lichachev The Russian Orthodox Church and Jews

Человек и общество. Вчера, сегодня, завтра.

СОДЕРЖАНИЕ

Национальная культура в интерьере одной семьи

- Елена АКСЕЛЬРОД.** Живу внутри стиха... *Стихотворения* 8
Михаил КОПЕЛИОВИЧ. Две жизни поэта Елены Аксельрод 12
Григорий ОСТРОВСКИЙ. Меир Аксельрод и Михаил Яхилевич. Дед и внук – два художника в едином мире 18

Геополитика. Столкновение цивилизаций

- Михаил СИДОРОВ.** «Судный день» библейской цивилизации 27
Фрэнсис ФУКУЯМА и Надав САМИН. Способен ли радикальный ислам привести к позитивным переменам 37
Дэннис ПРАЙГЕР. Не все мусульмане участвуют в терроре. Ну и что из того? 44

Общество. Мировоззрение. Культура

- Леон АРОН.** Последняя русская революция 46

Чудо спасения народа – Божье или человеческое?

- Мордехай ГАФНИ.** Между Афинами и Иерусалимом. Эллинизм и иудаизм об отношении к человеку и Богу 61
Шломо РИЗКИН. Возможна ли гармония между иудаизмом и эллинизмом 65
Лев УТЕВСКИЙ. Этот загадочный праздник Пурим. Кто спас евреев от Амана? 68

История. Неожиданный ракурс

- Александр СИНЕЛЬНИКОВ.** Евреи и дворяне. Различия и сходство 76

Израиль и Россия. Терроризм – общая беда

- Натан ЩАРАНСКИЙ.** Права человека в борьбе с террором. Хельсинки vs Осло 83
Шломо ГРОМАН. Трагедия на «Дубровке» и террор в Израиле 95

Русские евреи в современном мире

- Михаил КОПЕЛИОВИЧ.** Русские евреи в Израиле. Проблемы идентификации 98
Вячеслав ЛИХАЧЕВ. Русское православие и евреи: трудный путь к диалогу 108

Из истории борьбы евреев СССР за Исход

Владимир МАК. Слово о дирижере Юрии Ароновиче, маэстро и диссиденте	120
Иосиф БЕГУН. Свет Хануки в московской тюрьме (воспоминания о 1970-х)	124

Две бесславные годовщины

50 лет после Сталина

Алан БАЛЛОК. Гитлер и Сталин. Параллели и уроки	128
Леонид ШКОЛЬНИК. Биробиджан в последние годы сталинизма	137
Шломо ГРОМАН. Сталин и Израиль	145

50 лет «Дела врачей»

Валентин БЕЙЛИНСОН. Москва начала 1953 г.	150
Из воспоминаний детей «кремлевских врачей». Яков ЭТИНГЕР, Леонид КОГАН	160
Послесловие к дискуссии. Депортация евреев – миф или реальный план?	
Федор ЛЯСС, Шломо ГРОМАН, Александр РАШИН, Арон ЧЕРНЯК	168

Поэзия и Проза

Инна ЛЕСОВАЯ. Счастливейший день в Италии. Повесть	185
Ефим ЗАХАРОВ. Два рассказа	232
Рахель ТОРПУСМАН. Новые переводы из израильской поэзии	241

Книжная полка

Алексей Гелейн. Как страшно жить Господи! /В. Илюшенко, «Отец Александр Мень. Жизнь и смерть во Христе»/	244
Эфраим Баух. Реальность мифа /Л. Гомберг, «От Эдена до Вавилона»/	248

* * *

На 1-й странице обложки – «На балконе», М. Яхилевич
На вкладке(4 полосы) – графические работы Меира Аксельрода
На 2,3,4 странице обложки – цветные репродукции картин Михаила Яхилевича.

Главный редактор: **Иосиф БЕГУН**

Редколлегия: **Вардван ВАРДЖАПЕТЯН (Россия), Шломо ГРОМАН (Израиль),
Валентин КОБЯКОВ (Израиль), Валентин ОСКОЦКИЙ (Россия), Семен РЕЗНИК
(США), Михаил ХЕЙФЕЦ (Израиль), Лев УТЕВСКИЙ (Израиль)**

Ответственный секретарь: **Алла ЮДИНА**

Компьютерная верстка: **Б. Львовский, А. Логачев**

Корректурa: **В. Шептуха**

OCR Давид Титиевский, июль 2019 г., Хайфа

Адреса и телефоны редакции:

В России – 127322 Москва, ул. Яблочкова 23, кв. 41; тел. +7-(095) 210-4019

В Израиле – 1А Hapalmach Str, apt. 7, Jerusalem 92542; тел. + 972-(02)563-649; + 972-(054)221-382

В США – Тел. +1-(718) 615-2301, +1- (718) 891-9018, факс (718) 615-2302

E-mail: novvek@novvek.com

Веб-сайт: www.novvek.com

Оформить подписку можно:

В России – в отделениях связи по каталогу «Пресса России», стр. 370, индекс 44508

В других странах – по E-mail: info@periodical.ru См. также раздел «Подписка» на сайте журнала www.novvek.com и на сайте www.periodicals.ru

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

На какого читателя ориентирован «Новый век» (подзаголовок – «международный еврейский журнал»), кому он будет нужен? – вот вопрос, который задаешь себе, листая его страницы, вчитываясь в тексты статей.

После того, что произошло в Нью-Йорке 11 сентября 2001, а совсем недавно – в Москве и многих точках земного шара, обострилась проблема выживания человечества как такового. Именно поэтому так важно понять, что такое терроризм, какими методами можно бороться с ним, проникнуться сознанием, что это происходит не где-то далеко с чужими незнакомыми людьми, но может наступить каждого в его собственном доме. Сегодня особенно обострилась проблема выживания евреев как нации, и одной из важнейших задач журнала, заявляет редактор, – это убедить евреев в разных странах и на разных континентах почувствовать сопричастность с Израилем, давно и постоянно подвергающимся актам терроризма.

Приятной особенностью журнала является то, что в нем представлены авторы, высказывающие порой прямо противоположные мнения. Так, в первом номере «Нового века» помещена статья сторонника жестких мер борьбы с терроризмом, бывшего премьер-министра Израиля Б. Нетаниягу – «Как Западу победить террор». И в том же номере можно прочесть интервью с послом Палестинской автономии в России, считающим, что терроризмом занимается Израиль, а палестинцы лишь борются против оккупации.

Весьма лестные слова можно сказать о втором номере «Нового Века», мемори-

альном выпуске, посвященном памяти ЕАК – Еврейского Антифашистского Комитета, расстрелянном по приказу Сталина. В номере материалы и документы, рассказывающие об антисемитизме в СССР, который в послевоенные годы был превращен в государственную политику. В их числе подборка материалов с высказываниями «соратников вождя и приближенных», среди которых Хрущев, Каганович, Микоян... Эренбург, Симонов. В свете репрессий эпохи Сталина важной является также статья В.Оскоцкого «Хроника исторической драмы советского еврейства» и обстоятельная дискуссия по поводу возможной депортации евреев после казни «врачей-убийц».

Тот, чей мозг затуманен антисемитской пропагандой, сможет (если захочет) найти в номере массу контраргументов против наветов, издавна возводимых нацистами и просто юдофобами на евреев. Наибольший интерес представляет здесь глубоко аналитическая работа историка Г. Костырченко «Русско-еврейский вопрос в советскую эпоху». Прочесть эту статью было бы полезно любому российскому читателю – и еврею, и в еще большей степени – не еврею, ведь по словам Дм. Мережковского «вопрос еврейский есть русский вопрос».

Так на кого же рассчитан новый журнал?

Недальновидный, равнодушный к тому, что происходит рядом, но не с ним персонально, читатель-нееврей, отложит журнал со словами – «это не для меня, это – для евреев, их проблемы меня не касаются».

Раздраженный тем, что набирающий сегодня силу

фашизм не встречает должного, отпора со стороны всего населения России, читатель-еврей устало отмахнется: «Опять об антисемитизме и фашизме пишут евреи в своем еврейском журнале...».

Оба читателя будут неправы.

«Новый век», на мой взгляд, нужен каждому, кому не безразлично, что происходит вокруг, кто хочет знать историю, кто любит хорошую литературу. Я очень надеюсь, что высокий уровень журнала, о котором можно судить по первым его номерам, сохранится и в дальнейшем.

Нина Катерли,
С-Петербург.

В №1 Вашего журнала прочла перевод «Песни Песней» Якова Лаха. Известно, что литературный перевод – дело чрезвычайно трудное и рискованное. Публикация Я. Лаха оставляет хорошее впечатление сочетанием прекрасного перевода и детального литературного анализа.

Сила творцов АНАХА, по мнению переводчика, состоит в том, что подчиняясь «правде жизни, наряду с историческими и галахическими частями, включили они в канон эту сладостную, эротическую, драматически напряженную и необычайно лиричную «Песню». И все последующие поколения художников черпали отсюда свои образы.

Выполнение поставленной переводчиком задачи стало захватывающей дух, трудной и заманчивой работой. В результате Я. Лах смог представить читателю XXI века свою версию современного прочтения библейского художественного текста.

Во второй части работы – литературоведческом анали-

зе, представлена масса реминисценций и ассоциаций. Читателя привлекает четкость и простота изложения, безукоризненная историческая, литературно-библиографическая и филологическая культура переводчика.

Канон есть канон. Тут, как говорится, «ни убавить, ни прибавить». И не зря сказано, «из песни слова не выкинешь», поэтому не могу не высказать своего несогласия с избранным Я. Лахом названием – «Песня песен». По-моему, не время и не место менять сейчас то, что у всех на слуху, на сердце. И в образе. И навсегда для нас останется «Песнь песней» – и теперь в переводе, а значит – в соавторстве Якова Лаха.

Елена Биргауз,
Израиль, Нве-Даниэль.

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ ВЕК»

От души поздравляю с выходом в свет второго номера журнала. Этому номеру суждено, по-моему, жить долго. Большой удачей была идея посвятить большую часть площади журнала печальной полувековой годовщине («юбилею») разгрома советской культуры и убийства ее титанов Михозлса, Бергельсона, Зускина, Маркиша и их соратников. Вы сумели представить тему в должной исторической и культурологической перспективе, как писали в старину, «дали пищу пытливому уму», сопроводили все отлично подобранными фотодокументами и стихотворными текстами.

Номер не содержит сенсационных открытий. Но вы впервые соединили их вместе, они отлично смотрятся рядом, хотя (а может, именно потому что) отчаянно спорят друг с другом. Даже специалисты-историки, как мне известно, читают журнал №2 с большим интересом.

Русскоязычным евреям всего мира (прежде всего, старшему поколению, но не только) не хватало такого издания – мне это очевидно.

В журнале весьма посредственен общий (пограничный) дизайн, но это едва ли ни единственная моя профессиональная претензия ко второму номеру. Хочу пожелать держать уровень столь же высоко. Это очень трудно, но, как мы убедились, достижимо для вас.

Абрам Торнусман,
науч. редактор Кратк. Евр.
Энциклопедии, Иерусалим.

ВОЛНУЮЩАЯ ЛЕТОПИСЬ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Сразу и без преувеличения скажем: второй номер международного еврейского журнала «Новый век» за 2002 г. станет событием. И будет получать, по мере его распространения и ознакомления с ним, всё возрастающий резонанс – и не только русскоязычный израильский, а и всемирный. В отличие от первого номера «Нового века», содержавшего насыщенный и глубокий анализ, яркую художественную и публицистическую интерпретацию широкой проблематики еврейской жизни – в прошлом, настоящем и будущем /по известной поговорке «кое-что обо всём», второй номер – «однотемный» / «всё кое о чём». Выпуск целиком посвящён теме еще одной трагедии еврейского народа в XX веке, кульминацией которой стал расстрел в 1952 году ведущих деятелей еврейской культуры.

В мовей – 12-летнего московского школьника – памяти того времени ясно запечатлелась «автомобильная катастрофа» – подлое убийство величайшего артиста С. М. Михозлса. Я жил у Никитских ворот, неподалёку от театра и от квартиры Михозлса, учился в одном

классе с соседом Михозлсов по лестничной площадке – Женькой Евзерихиным, с затаившимся ужасом в глазах шепотом сообщившим евреям-одноклассникам о случившемся прошлой ночью. Уже в те дни сохранилось почти физическое ощущение надвигающейся большой беды. Все более частыми становились случаи оскорблений, унижения, и издевательстве со стороны антисемитских подонков разного возраста и повсюду: у выхода из школы, на улице, в трамвае...

Заново переоценивая прошедшее и пережитое, учишься осознавать реалии нового времени. Подборка и систематизация материалов журнала именно на это и нацелена. Естественно и неопровержимо выносятся обвинения построенному Сталиным и его соратниками кровавому тоталитарному режиму на «шестой части суши». О характере такой недавней еще эпохи со страниц журнала свидетельствуют исторические материалы, научная дискуссия на тему возможной тогда депортации евреев, голоса таких совершенно непохожих и далеко не однозначных людей, деятельность которых оставила неизгладимый след на судьбе страны: Никиты Хрущёва, Лазаря Кагановича, Александра Яковлева, Ильи Эренбурга и др. Особое внимание привлекает публицистический очерк литератора В. Оскоцкого, в котором, в частности, проводится параллель событий полувековой давности с опасными симптомами в современной духовной жизни России. В своём «свидетельстве диссидента 1970-1980 гг.». И. Бегун, гл. редактор журнала, убедительно показал, как планомерно и скрупулёзно осуществлялся в стране «культурный геноцид», вытравлялось еврейское национальное самосознание.

Сейчас бывшие советские евреи в другой своей «ипостаси» как граждане еврейского государства, не желают рвать тысячи нитей, связывающие их с «доисторической родиной» и стремятся поддерживать с ней тесные связи. О необходимости укрепления и развития дружественных связей между Израилем и Россией говорится в №1 «Нового века» в статье, выразительно названной «Время дружить».

Верится, что и в дальнейшем на страницах международного журнала «Новый век» будет идти откровенный и глубоко осмысленный, эмоциональный и творчески выстраданный разговор о главном: о Человеке, о мире и о стране, о миссии еврейского народа и, не в последнюю очередь, о добрых взаимоотношениях между людьми и народами во имя достижения высших человеческих ценностей мира и справедливости.

Павел Аронсон,
Офра, Израиль.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ ВЕК»

О рубрике «Несостоявшийся
Холокост по-советски»
(№2, 2002)

Со смешанным чувством тревоги и любопытства открываешь этот выпуск журнала. И это можно понять, всегда трудно вспоминать о тягостных минутах жизни, а о трагедии народа, к которому принадлежишь, — особенно. Холокост... Это слово стучится в сердце ледяным душой звуком, заставляет сжаться, обдаёт холодом. Это слово связано в нашем сознании с фашизмом, с гибелью 6 миллионов евреев во время второй мировой войны. Но «Холокост по-советски»...? Название рубрики заставляет обратиться к ней с особым вниманием.

Собранные под одной обложкой статьи, рассказывающие о гранях еврейской трагедии эпохи сталинизма, воспоминания друзей и близких о жертвах сталинских репрессий, дают обстоятельное представление о ее масштабах. Жертвы трагедии остаются в нашей памяти не жертвами, а борцами, не побежденными, а победителями. Стихи, подобранные в соответствии с генеральной темой альманаха, воздействуют глубоко, сверхэмоционально. Даже анекдоты тех лет оказываются очень к месту.

С документальной точностью писатель Валентин Оскоцкий воссоздает «акты» исторической «драмы» советского еврейства, используя при этом выразительные художественные средства. Великий «режиссер» Сталин рассчитывал довести до финальной сцены задуманный ужасный спектакль. Но зло оказалось бесильным, и другой спектакль — Пуримшпиль, веселый спектакль народного праздника Пурим, выразил торжество еврейского духа.

Планы депортации евреев в 1953 году — миф или реальность? Хорошо, что сегодня мы не можем даже допустить такой мысли, которая полвека назад вполне могла обернуться реальной трагедией. Что знают об этом специалисты-историки? Статьи на эту тему были разбросаны в газетах и журналах, подчас узкоспециального профиля и достоинство журнала в том, что он поднимает эту проблему и из отдельных элементов калейдоскопа складывает мозаику — узор ее увидит и поймет каждый, кто интересуется. Объективность — вот что является главным принципом в отборе материала по данной, очень непростой проблеме. Сле-

дует выразить огромную благодарность членам творческого коллектива журнала «Новый Век» за большой труд и непредвзятость. Это — свидетельство уважения к читателю.

Татьяна Двоскина,
Иерусалим.

ЭТОТ НОВЫЙ «НОВЫЙ ВЕК»!

Новый век. Двадцать первый. Мы все — где порознь, а где и все вместе — уже успели прочувствовать новизну нового столетия во всем её многообразии. К великому сожалению, и душа, и сердце, и сознание, вопреки их естественному человеческому устремлению, вынуждены отмечать, что негативно новое, безобразно новое перевешивает, преобладает. К великому же счастью не мало в «новой» жизни нашей и того, что, отвращая от безнадежного пессимизма, вселяет уверенность Добра, и в Его силу, и неизбежность Его торжества.

Одним из проявлений этой надежды я считаю явление на свет Международного еврейского журнала «Новый век», первый номер которого пришел к читателю в середине еще текущего 2002 года. Издатель журнала и его главный редактор Иосиф Бегун так определил сверхзадачу журнала: «Вызвать у читателей, живущих в разных странах и на разных континентах, чувство сопричастности с Землей Израиля, помочь им проникнуться ее проблемами и болью, почувствовать величие еврейской истории». Позволю себе вольность и добавлю к сказанному Иосифом, что задачей нового журнала является также — способствовать включению возможно большего числа здравомыслящих людей в

мире в оказание содействия позитивному разрешению проблем Израиля, устранению болей и страданий еврейского народа.

Мне повезло, – я, живущий в Латвии, в городе Даугавпилс, получил и первый, и второй номера «Нового века» почти сразу по их выходу. Этому способствовали мои израильские друзья, – спасибо им! Книжки журнала вызвали живейший интерес не только у меня, у моих здешних друзей-евреев, но и у многих «киноверцев». Согласившись с определением категории журнала как «общественно-политический и литературный», я бы считал его общественно-просветительским, поскольку многие представленные в нем публикации – открытия, откровения для многих читателей. Сужу по себе. Я давно и, казалось мне, глубоко интересуюсь всем, что связано с жизнью, творчеством, судьбой С. М. Михозлса и, как мне казалось, прочитал, изучил все не эту тему. Но второй номер «НВ» – мемориальный выпуск, посвященный памяти Еврейского антифашистского комитета – преподнес мне много нового. Особенно – в материалах дискуссии по теме «Депортация евреев – 1953. Миф или реальный план?». И это несмотря на то, что все участники дискуссии знакомы мне по публикациям. Но, в журнале много совершенно новых авторов для меня и для многих моих друзей, авторов глубоких и интересных, чьи статьи и эссе нашли своё достойное место на страницах «НВ». К сожалению, не могу их всех здесь перечислить, скажу лишь: спасибо всем!

Даугавпилс (Двинск) – город, где до второй мировой процент евреев был достаточно высок. Сейчас нас, евреев здесь осталось едва ли душ пятьсот. За последние

10-12 лет большинство евреев-двинчан уехали на еврейскую родину. Думаю, если бы все они поселились в Израиле компактно, то образовали бы городок с населением тысяч до пяти, который не грех было бы назвать Ново-Двинском. Ведь наш город именит, прежде всего, тем, что:

1. В еврейской гимназии этого городка в юношеские годы учился Элизер Перельман, известный всему еврейскому (и не только!) миру как возродитель иврита под именем Бен Иегуда;

2. Здесь же детские годы провел Марик Родкевич, ставший впоследствии художником с всемирно известным именем Марк Родко;

3. И здесь же родился за десять лет до окончания 19-го века Шломо Вовси, то бишь Соломон Михозлс!

Новый, XXI век пребудет новым для всех в нем сущих до последней его, века, минуты. Желаю того же журналу «Новый век»! И ещё – очень хотелось бы, чтобы каждая новая книжка журнала «НВ» приходила в руки страждущих читателей и в самые Богом забытые уголки нашей планеты.

В добрый путь!

И всех вам благ!

Марат Шелуткон,
Латвия, Даугавпилс.

* * *

Первый номер журнала «Новый Век» был впервые вынесен на обсуждение в Иерусалиме летом 2002 года. Но я хочу говорить о втором, презентация которого состоялась в Москве в рамках фестиваля С. Михозлса в октябре того же года. Он целиком посвящен 50-ой годовщине расстрела еврейских писателей – деятелей Еврейского антифашистского комитета.

Множество рассказов родных, друзей и близких, обилие известных и неизвестных фотографий и рисунков, относящихся к содержанию журнала, поражает воображение. Задача журнала – обновиться, вспомнить – выполнена. В нем много интересного, нового, и хотя некоторые материалы уже публиковались ранее, собранные вместе и отлично структурированные, они воссоздают то страшное время сталинского террора. Этот выпуск журнала стал отличным памятником страшной и, вместе с тем, последней в XX веке истории геноцида культуры еврейского народа. Редактор журнала, в прошлом известный еврейский диссидент, Иосиф Бегун, и его единомышленники сделали большое, важное дело.

К похвале составителям этого сборника присоединю кое-какие сожаления. В журнале нет воспоминаний А. Тышлера – главного художника театра Михозлса, – нет отрывков из написанной в Израиле книги Иосифа Керлера, также узника сталинских тюрем и лагерей. Он был учеником студии Госета, соратником всех расстрелянных деятелей еврейской культуры... Но все в один номер не вместишь, а работа проделана большая.

Будучи близким семье С. М. Михозлса, а также родственником великого режиссера А. Таирова, друга Михозлса, я могу сказать как бы и от него спасибо тем, кто создавал этот номер.

Спасибо!

Валерий Коренблит,
художник, Израиль.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ИНТЕРЬЕРЕ ОДНОЙ СЕМЬИ

Три поколения творцов красоты в одной семье – не частый случай в истории культуры. Та, о которой пойдет речь, представляет именно семью – поэта Елену Аксельрод и двух художников, ее отца – Меира Аксельрода и сына – Михаила Яхилевича. Все они работали и продолжают работать не в одной, а в двух национальных культурах.

В творчестве Меира Аксельрода – выдающегося художника советского периода – мы находим мотивы, навеянные как страной его рождения и всей жизни, так и происхождением и воспитанием, его еврейской душой. Ему пришлось пережить разгром еврейской культуры в СССР в 40-50-е годы прошлого века и он вне всяких сомнений черпал вдохновение не только и не столько в пореволюционной действительности России, но и в особенностях национального быта, перипетиях

сложной и мучительной судьбы российского еврейства.

Елена, выросшая на стыке двух культур, также была захвачена трагической темой еврейского существования в инонациональном окружении, чья враждебность с годами усиливалась. Ее репатриация в страну предков стала закономерным, хотя и крайне болезненным для русского поэта, итогом противостояния двух национальных стихий в одной, сильно чувствующей душе. В Израиле Елена Аксельрод заняла свое весьма заметное место в качестве одного из самых ярких поэтов, пишущих по-русски и о прежней родине, и о вновь обретенной (осознанной как вторая родина). А сын ее Михаил Яхилевич, еще до отъезда из России совершивший «тшиву» (возвращение в еврейскую религию), стал здесь вполне своим художником, постигающим особенности местного – вечного! – ландшафта его обитателей и их воплощающим.

Творческое единение сына и матери продолжается и в Израиле. Семья Аксельрод-Яхилевич не прерывает свою большую культурную работу – служение прекрасному.

Мать и сын. Поэт Е. Аксельрод и художник М. Яхилевич.

ЖИВУ ВНУТРИ СТИХА...

* * *

Жизнь после смерти есть. Я умерла
И вот попала в вечность – город вечный.
Теперь я знаю, что скрывала мгла
Последняя и что сказал мне Встречный,
Последний в жизни той, когда осуждена
Была я на Эдем, который не заслужен,
Не выстрадан моим безверием досужим –
Ни этот грозный зной, ни эта тишина.
А Встречный говорил, что соль крута в раю,
Где персик да инжир свисают с ветки каждой,
Что буду мучиться неутолимой жаждой:
Хоть плоть свою сожгла, чем душу напою?
Живу внутри стиха, где между строк – песок,
Где юный Яков – рубашка цвета хаки –
С Рахелью обнялся – их караулят маки,
И черный автомат, как пес, лежит у ног.
Зачем я в бестелесности моей,
Предвидя и в раю явление Амалека,
В большую даль гляжу, где больше полувек
Жила, не зная, что в раю больней...

1992

* * *

Кряжи рассыпались халвой –
На языке оскомины,
Как будто горькою травой
Я навсегда обкормлена.
И что олива, что ольха,
Что Негев, что Московия –
Не Божий мир, а требуха,
Затея бестолковая.
Но ослик меж камней стоит –
Живое изваяние,
Неужто спит, пейзажем сыт,
Иль знает все заранее?
Чего он ждет, совсем один,
Отбившись от хозяина?
Он в центре мира, меж вершин,
А мне – всегда окраина –
Хоть на горе, хоть под горой
Среди долины ровныя.
Но ослик, маки, склон рябой
И роща озаренная...

1998

ВЕСНА БЫЛА ТАКАЯ РАННЯЯ

Весна была такая ранняя,
Что к вечеру и на рассвете
Была с зимой в правах уравниена,
И, белая, спала в кювете.
Весна была такая ранняя,
Что мы, едва успев оттаять,
На сумасбродные собрания
Слетались, точно птичья стая.
В своих причудливых сплетениях,
Шараханьях и столкновеньях
Усердствовали в обретениях
С поспешностью ветвей весенних.
Обогащение без мытаря.
Влюбленности всеобщей всплески.
Весна таилась, не промытая,
В холодном вылинявшем блеске.

1978

* * *

Мне хочется сказать о розовых восходах,
 О легких небесах, о ветреной любви,
 И коль вздохнуть нельзя, ну так хотя бы продых,
 Хотя б спокойный взгляд... Забудь и не зови.
 Теперь не до того... Косматыми лучами
 Закат кровавит путь, зашарканный тобой.
 Как силится луна короткими почамы
 Пролить свой мирный свет над алчущей толпой,
 Бессонною враждой, неутолимой жаждой —
 Не сыщешь родника, отравлена вода...
 Как хорошо мечтать, что где-нибудь однажды
 Увижу синий свет, тугие певода,
 Улыбку доброты, просторную дорогу,
 Еод свежую росой ожившую листву...
 Тогда, не смяв травы, я подойду к итогу
 И бережный закат свободой назову.

1988

* * *

Мышиный горошек, лесная герань —
 Жила ведь без этих слов!
 Так что ж к вам бегу в непросохшую рань,
 Купава, болиголов?
 К тому же, и вправду, болит голова —
 Так непривычно чист
 Ваш цвет, а ваш запах больней, чем слова,
 И что рядом с вашим бумажный лист?
 Вас не оспорить, не зачеркнуть,
 Вас можно только забыть.
 Не думала я, что так сдавит мне грудь.
 Что так можно вас любить.
 Так отрываться от рук куста!
 Разве же это не вздор?
 Разве навеки?.. Все не сыта,
 Все озираюсь, как вор.

1989

МОЛЕНИЕ О ДОБРОТЕ

Господь, помилуй и спаси — не оставляй меня одну.
 Не забирай, кого люблю, не дай утратить дар любви.
 Покуда я могу дышать, оставь мне хоть одну струну —
 Струну любви и доброты, а остальные все порви.
 Господь, спаси и помоги — чтоб не иссякла доброта
 Поодаль, рядом и во мне — прости, Господь, мою корысть —
 Мне к миру нежность подари, что так трудна и так проста,
 Я помню как в руке отца в предсмертный час дышала кисть.
 Мне есть в кого счастливой быть. Дай силы мне, Господь,
 И ясность красок перенять, и лишней чистоту.
 Позволь любить и горевать, не усмиряя плоть,
 Не дай утратить веру в свет, живя не на свету.

* * *

Ненадеванные платья,
 Неговоренные речи,
 Нераскрытые объятия,
 Несвершившиеся встречи.
 Я застряла в лифте темном,
 Не поднявшись, не спустившись –
 В лифте темном, неподъемном,
 Не простясь, не расплатившись.
 Нахожу на ощупь кнопки.
 Жму на все подряд вслепую.
 Зов мой из ночной коробки
 Падает в нору пустую.
 Слепнет, мечется сознание,
 Бьется в петлях серпантина.
 Но прощенье, воздаянье,
 Свет во тьме – улыбка сына.

1998

* * *

Что будет с нами – мудрецами,
 Когда орда из-под горы
 Нахлынет, чтоб сразиться с нами
 За соломоновы шатры?
 Куда ты, мудрость, подевалась?
 Искать твой прах в каких горах?
 Не эта ль бездна открывалась
 Пророкам в их бесстрашных снах?
 Неужто ум слабей бездумья,
 Борьба за власть сильнее, чем власть?
 Зажата безднами, бреду я,
 Еще надеюсь не пропасть.
 Быть может, у листвы зеленой
 Храбрее и мудрее сны?
 О чем мечтали анемоны,
 Вчерашним ветром сметены?..

2001

* * *

Как трудно ты спишь, как ты места себе не находишь,
 Как трудно мне слышать признанья, не слышные днем...
 Двухместная крепость. Глаза торопливо отводишь,
 Боишься увидеть тревогу во взгляде моем.
 Скорее на волю, скорее садись за баранку,
 Приемник включим, про «богему» споет Азнавур,
 И будет нам застить дорогу, спеша спозаранку,
 Автомобильный, под музыку вьющийся шнур.
 Крутой серпантин, привередливый, как сповиденье,
 Нам открывает за каждой своей запятой
 Безоблачной выси распахнутое свеченье,
 Безбурного моря горячий зеленый настой.
 Чернеет асфальт обновленный, дорога бесстрастна.
 Твой профиль спокойный, надежно пристегнут ремень.
 Высокое солнце сопутствует нам не напрасно –
 Не подпускает ночную грозящую тень.

2001

ИЕРУСАЛИМ, 1995

Здесь европейцы в шортах до колен
 К святыням рвутся под присмотром гидов.
 Здесь в дождь мерцает полиэтилен,
 Спасая шляпы черные хасидов.
 Вершащие политику мужи
 На торжище, Шагалом осененном,
 Прочерчивают разъярясь, межи
 В пространстве, проклятом и вознесенном.

Рукоприкладством не решить судеб,
 До Божьей длани нам не дотянуться.
 Исыякла манна. Пощадите хлеб.
 Позвольте небу ждущих стен коснуться.

1995

РУССКИМ ПОЭТАМ

Над вымыслом слезами обольюсь...

А.С. Пушкин.

Трагедию сначала сочинять,
 Потом ее героем становиться.
 Невольник слова – не на что пенять –
 Нет воли продохнуть и протрезвиться.
 Ослушнику послушен только слух
 И музыкой подсказанное слово.
 Что небеса? Лишь клочковатый пух,
 Покуда нет словесного покрова.
 Ты каменного гостя сам впустил,
 И черный человек – твоя химера.
 Но вымысел твой зова не простил,
 Воздал за приглашенье полной мерой.
 От Черной речки и до Англетера,
 И дальше, дальше – свист бесовских крыл.

1998

*У вечности ворует всякий,
 А вечность, как морской песок...*

О.Э. Мандельштам.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

В свет уставясь головою,
 Елка вывесила хвою
 На просушку, как белье.
 И мое житье-бытье
 Развиднеется, быть может,
 Непогожий день мой прожит.
 Но последняя, одна,
 Туча, как вчера, черна,
 Ненароком вспомянула
 Утоленный Божий гнев
 И, вздохнув, слезу смахнула,
 Нехотя меня задев.

1998

Да, вечность, как морской песок,
 Однако не у нас в пустыне,
 Здесь прочности не мерен срок –
 Не раскалится, не остынет.
 Ребенок или сам Господь
 Набил здесь формочки камнями,
 И опрокинутая плоть
 Неуязвима под ветрами.
 Песок она смахнет с плечей,
 Как волосинки после стрижки.
 Бесцеремонный суховей
 Изнемогает от одышки.
 А вечность – что ж? Слегка пылит
 И потешается над нами.
 И лишь саму себя сулит
 Нам, мельтешащим меж камнями.

2000

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

ДВЕ ЖИЗНИ ПОЭТА ЕЛЕНА АКСЕЛЬРОД

*Жизнь после смерти есть. Я умерла
И вот попала в вечность – в город вечный.*

Елена Аксельрод.

Это стихотворение, написанное в 1992 году, является рубежным для автора. Елена Аксельрод уже два года в Израиле. Она еще глядит в даль, «где больше полувека/ жила», но уже знает и про «этот грозный зной», и что нынешний юный Яков носит рубашку цвета хаки, и даже когда он обнимает свою Рахель, «черный автомат, как пес, лежит у ног». Короче говоря, она уже не только житейски, но и творчески свыклась с новой обстановкой настолько, чтобы принять ее в стих.

К этому же времени относится еще один текст, где мотив «жизни после смерти» повернут по-иному. Выясняется, что в «заветном сундуке» поэта хранилась мечта о Европе, но вместо Запада выпал «Восток иудейский – вторая любовь и беда». Что ж?

*Я к морю спускалась, как прежде сходила к реке.
Все то ж снаряженье – анапест, хорей, амфибрахий.
К молитве вечерней отроги меняют рубахи.
Восток или запад – лишь билось бы слово в садке.*

Раз уж отроги меняют рубахи (какая фамильярность и, стало быть, какое породнение с новым ландшафтом!), жизнь после смерти есть! И поэтическое снаряжение не износилось: ведь метафора свежа и содержательна; тут и реальная смена освещения, и ритуальная мотивировка («к молитве вечерней»). Слово уловлено – жизнь поэта продолжается.

Еврейка – или, как она себя когда-то назвала, «иудейка из рода Авраама», – Елена Аксельрод пишет стихи на русском языке и, следовательно, подобно таким поэтам-евреям, как Александр Галич и Борис Слуцкий, не чуждавшимся мотива

национального происхождения, является в полном смысле слова русским поэтом. Дед Слуцкого был учителем русского языка, что дало право внуку заявить: «От Толстого происхожу, ото Льва, /через деда».¹ У Елены Аксельрод ситуация иная: «Возил по местечку тележку с пивом / Дедушка мой, торгуя вразлив». И в этом же стихотворении («Меж двух смертей») констатируется, что двое его сыновей выбрали для себя совсем иную стезю: «Бумагу марают, свечу запалив./<...>/ Мазила – один, а другой – рифмоплет». «Мазила» – выдающийся еврейский живописец XX века Меир Аксельрод, о ко-

Михаил Капелиович – израильский публицист.

¹ Правда, в другом стихотворении сказано: «... Абрам – /отец, Абрам Наумович, бедняга /Но он – отец, и отчество, однако,/я, как отчество, не выдам, не отдам».

тором специалисты ныне толкуют чуть ли не как о втором Шагале. «Рифмоплет» – поэт Зелик Аксельрод, писавший на идиш, расстрелянный большевиками в минской тюрьме накануне прихода гитлеровцев (1941). Первый – отец Елены, второй – ее дядя. Отцу посвящена изданная в 1993 году книга-альбом со ста пятьюдесятью репродукциями его работ, в сопровождении, мемуарных записок дочери, включающих и написанные ранее стихотворные тексты. Дяде – как раз вот этот диптих («Меж двух смертей»), концовка которого – свидетельство о гибели поэта Зелика Аксельрода:

*До газовой печи дйти не успев,
Сгорел ты от пули родимой, российской,
Заглох твой растерянный чуткий напев,
И нет виноватых, и нет обелиска.*

Но и это еще не все. Мать Елены – прозаик Ривка Рубина, как и дядя Зелик, писавшая на идиш. Тем самым, в отличие от многих советских евреев (в том числе поэтов), Елена Аксельрод с детства росла в двух национальных средах (неестественно разделенных, даже когда пьеса игралась на одних и тех же подмостках) и питалась плодами двух культур: русской и еврейской (идишской). Довольно рано она поняла, что, с одной стороны, «в этой стране родиться / Я не имела права», а с другой – что, заплутавшись в слове, избрала «безлюдные задворки / Российского стиха». Впрочем, уточним: не она их избрала, а они – ее. Как и многих наших соплеменников до нее и наряду с нею...

Ландшафты, к которым глаза привыкают с детства; книги, которые формируют твой внутренний мир; язык, на котором сочиняешь стихи; люди, с которыми вступаешь в более или менее тесные отношения; и первая любовь; и первые утраты, – словом, все то, что ты получаешь, как воздух, в стране своего рождения, составляют твою неразрушимую основу. И никакая дискриминация не способна ее поколебать, хотя, что вполне естественно, вносит в нее свою специфическую лепту, придает ей свой горький привкус.

В России (Советском Союзе) прожили многие годы, завязаны дружны на всю жизнь, там прошло становление поэта Елены Аксельрод и вышли первые ее книги, там остались родные могилы.

И, можно сказать, Россия оставила неизгладимый след в душе, отпечталась в памяти; сохранилась в генах. «Все ж хранятся, как в шкатулке, / Улицы минувших дней...» – это написано еще в России (1987), но с полным правом может быть отнесено и к более поздним, израильским временам. А «Воспоминания о подмосковном дожде» – это уже аксельродовский Израиль, и притом не начальный (1998). Но вот мощный текст, явившийся задолго до всяких мыслей об отъезде или, по крайней мере, до ясно осознанного намерения уезжать (1976):

*Окончится мой путь в какой чужбине,
Загадывать не стану наперед,
Смешается мой прах с песком пустыни,
Иль, дай-то Бог, березой прорастет.
Не знать бы привилегии печальной
Расстаться с тем, с чем всей душой
срослась, –
С чужбиной, нареченной, изначальной,
Той, что с рожденья родиной звалась.*

Поскольку понятие «чужбина» здесь не столько географическое, сколько экзистенциальное, я не склонен видеть в стихотворении некое пророчество. Это просто медитация на тему о предначертанном изгоястве поэта, где бы он ни обрелся физически. Но вот что особенно важно: поэт знает, что привилегия (а в условиях национальной дискриминации это действительно привилегия) расстаться с родиной-чужбиной печальна, ибо, какова бы она ни была, эта родина, ты с нею «всей душой срослась».

В лирике Елены Аксельрод российского периода есть – вопреки всему темному – и безмятежность, и полнота чувств, и любование ранней весной, которая вся – «обогащение без мытаря, / Влюбленности всеобщей всплески», и «одомашненные» облака в небе над деревней (из него к лирической героине «шла по дороге грустная корова, / За нею телка в пегой белизне...»). Есть и темное: женщина, которая «когда-то не своею волей / Валила в снег таежную сосну», и с которой поэт себя отождествляет по праву разумеещего сострадания (как Галич – себя со своими героями-зэками); мужчина, чьи «худые плечи, / Взгляд испытующий и бороз-

ды вдоль щек /Который раз о том напоминали, /Чего я не смогу и что он смог» («На поселении», 1970; посвящено Юлию Даниэлю, только что отбывшему пятилетний лагерный срок).

Уже незадолго до расставания с Россией из-под пера Елены Аксельрод излились несколько пронзительнейших образцов безбрежного лиризма, посвященных «родине-чужбине»: «Малый Левшинский, Тишинский...» (1987), «Мне хочется сказать о розовых восходах...», «Декабрь в Переделкине» (оба – 1988).

Не забудем такую немаловажную «деталь»: понятие родины для Елены Аксельрод связано раньше всего с другим понятием – семья. Пример родителей, не сгибавшихся под тяжестью невостремованности и постоянной (в конце 40-х – начале 50-х годов) угрозы ареста, их неизменной преданности профессиональному долгу, захваченности творчеством был для дочери не просто полезным, но и, можно сказать, целительным. Не случайно в том же 1988 году написано трехстрочье «Художник», не формально, а сущностно посвященное отцу: «Ты бросить кисть не мог, / Перед холстом уснул. / И знает только Бог, / Что он в тебя вдохнул». Образ отца – творца прекрасного и стойка – поддерживал Елену Аксельрод в самые трудные минуты ее болезненного приживания к новым условиям существования, сложившимся после репатриации. И вообще, мотив семейного – духовного и творческого – преемства стал одним из главенствующих в творчестве Елены Аксельрод. Тут была воля судьбы, состоявшая в том, что ее сын, внук художника Меира Аксельрода унаследовал дедовскую профессию – живопись, опровергая расхожее мнение, будто природа обыкновенно отдыхает на детях больших людей. (Впрочем, Аксельроды – не первая такая семья. Были Ренуары – Огюст, художник, и его сын Жан – кинорежиссер; Тарковские – Арсений и Андрей; три поколения Цветаевых – от Ивана Владимировича до Ариадны Сергеевны.) Так вот, Елене Аксельрод, дочери и матери художников, в этой преемственности виделся знак некоей отмеченности семьи. В стихотворении «Мне снятся красные пейзажи...», написанном в 1975 году, переработанном в 1999-м, читаем:

*И снова слиты воедино
Отца призванье, дело сына –
Не счесть цветов, не счесть оттенков.
Играет и живет картина,
И стены есть, и нет застенков.*

Здесь переплелось несколько мотивов: оппозиция – свободное живое искусство – мертвящая сила социума (как у Андрея Тарковского в его «Рублеве»); приумножение красоты (зажженный факел передается от деда к внуку); гордость «связующего звена», без которого стала бы невозможной счастливая эстафета...

Еще раз подчеркну: в семье Елены Аксельрод национальные корни оставались живыми и плодоносными, и потому, казалось бы, как раз в этом индивидуальном случае отрыв и переакцентировка духовных координат, связанные со сменой пространства жизни, могли бы пройти сравнительно (с теми, кто за годы советской власти окончательно «обрусел») безболезненно. Но не тут-то было! Еще пока въяве были Россия, Москва, «Малый Левшинский, Тишинский, / Патриаршие пруды, / Белый лебедь Лепешинской...», и привычные обиды («Интеллигентка, инородка – / Я соплеменница беды»), и привычные вопросы, на которые нет ответа («И где хотя бы негативы, / Где снимки в профиль и анфас / Тех, убивавших, тех, кто живы, / Кто выполнит любой приказ?..») – откуда все это было, а историческая родина только еще мерещилась («Скрипач невидимый играл / Всю ночь мелодию без слов»), отречение от прежнего мира не воспринималось как полная катастрофа. (Были горечь, трава, растерянность – как же без этого? Но не смертная истома.) Чем ближе, однако, становился миг расставания, тем убийственней оно ощущалось. Прекрасное стихотворение «Мышиный горошек, лесная герань...» точно зафиксировало предотъездное настроение поэта. Здесь спор с самой собой, ум с сердцем не в ладу. «Не думала я, что так сдавит мне грудь...» Что, что сдавит? «Жила ведь без этих слов!» И вообще – горожанка ведь и, в конце-то концов, иудейка из рода Авраама! Нет, одно другим не уравнивается, тем более не зачеркивается. «Не думала я, что так сдавит мне грудь, / Что так можно вас любить, / Так отрываться от рук куста!»

И первые израильские стихи подтвердили: разрыв с прежним не прошел даром. Показалось, что все осталось там: и душа, и стихи. «Здесь под горой в Святом краю / Я песен больше не пою...» (1991). «Не одолеть мне новой роли...» (1991). «Со всем по-русски лаяли собаки...» (1990). «В большую даль гляжу...» (1992). Что, очутившись в Израиле, в иной, попервости чуждой климатической и языковой обстановке, поэт сражен ностальгией, понять не трудно. Но вот уже «громада лет» прожита здесь, а та, «первая», жизнь то и дело напоминает о себе: «Крик гусей / На пруду / По Расее / Иду». Стихотворение называется «На чужом берегу» (1998), и из контекста следует, что чужим стал для автора именно «расейский» берег. Но это – обманка. Он такой же свой, как и этот. А что этот уже по-настоящему свой, тому главное свидетельство – ворох написанных здесь прекрасных стихов.

Немного арифметики. В 1992 году Елена Аксельрод выпустила свою первую после репатриации книгу «Стихи». В ней было не более полутора десятков текстов израильского происхождения. Ныне, спустя десять лет, в «Избранном» поэта таких больше сотни. Стоит также упомянуть, что в этом десятилетнем интервале вышли еще три поэтических сборника: «В другом окне» (1994), «Лирика» (1997) и «Стена в пустыне» (2000), – в последнем соавтором Елены Аксельрод выступил ее сын, Михаил Яхилевич, в своем собственном профессиональном качестве. (На обложке книги так и значится: «Елена Аксельрод. Стихи. Михаил Яхилевич. Живопись»). Таким образом, «круг» замкнулся: вспомним книгу-альбом с живописью отца и текстом дочери.

Кажется, никто из предшественников Елены Аксельрод в русской поэзии не обращался столь настоятельно к этой – «семейной» («семейственной»?) теме.¹ Конечно, Марина Цветаева и в стихах, и в прозе не раз поминала добрым словом своего отца; и восхищалась своей талантливой юной дочерью (даже включила в свой «Лебединый стан» ее стихотворение). И ахма-

товский «Реквием» вызван к жизни страхом и болью за судьбу репрессированного сына, и у Тарковского-старшего есть посвящения Андрею. А Давид Самойлов в очаровательных стихах воспел молодых родителей. О Слуцком я говорил выше. Но это все не то. Благодарность близким есть у всех перечисленных авторов. Но нет присущей Елене Аксельрод неколебимой убежденности в том, что ее жизнь, ее стойчивость (как у корабля) немыслима без опоры на семью. Только она в своих книгах упрямо выделяет стихи памяти родителей в отдельный раздел. И только у нее соседствуют в этом разделе тексты, написанные в разные и разделенные большими интервалами годы. И ни у кого больше нет такого «Моления о доброте», как у Елены Аксельрод: само это понятие «доброта» не расторжимо связано с образом отца, с его рукой художника, в которой и «в предсмертный час дышала кисть».

Книга «Стена в пустыне» вообще бы не состоялась без этого чувства духовного единения поэта с отцом и сыном. В 1998 году написан реквием по несвершенному в жизни – «Ненадеванные платья...». Поэт к себе беспощадно взыскателен: не прощает ни одного неверного шага, не забывает ни об одном неоплаченном долге. «Я застряла в лифте темно...» – ситуация не из приятных, особенно если некому освободить узника. «Слепнет, мечется сознание...». Помощи ждать неоткуда. И вдруг непроглядную тьму прорезает луч света – улыбка сына. Откуда она взялась здесь? Да она не взялась, она была все время. Речь о том, что надежда, которая, как известно, умирает последней, не есть тень бесплотная. Вот вам материализм, помогающий переносить жизнь. Ведь улыбка – это, не правда ли, нечто материальное, некое движение глаз и губ...

Конечно, далеко не всегда и не всех матерей высвобождает из трудного самочувствия такая все-таки непрочная и недолговечная материя. Но уж если выручает, обоим – и матери, и сыну – можно позавидовать.

А в другом тексте, прямо посвященном сыну, содержится свидетельство их еще более тесной связи:

¹ Здесь не рассматриваются обращения жен к мужьям и мужей к женам. Соответствующие тексты по большей части относятся к жанру любовной лирики. Разумеется, есть такие и у Елены Аксельрод.

*Я день разделила на утренний ветер –
На неразборчивый голос предвестья –
И ветер вечерний, который рывком
Твой след занесет торопливым песком.*

След еще эфемернее улыбки, но это, в свою очередь, знак пребывания данного человека в данном месте. Торопливый песок его занесет – сегодня. Но ведь наступит и завтра, и появятся новые следы единственных на свете ног...

И все это, заметьте, не провозглашается, не манифестируется. Это говорится самой себе, а потому тихо, едва разборчиво (как голос предвестья). Но ведь голос поэта – его стихи. Как еще сказано: «И снова я с настырностью мышинной / Скребу пером. Бумага шелестит». Благодаря этой настырности, а точнее, потребности, любимой привычке – изъясняться на шелестящей бумаге, и мы имеем возможность прикоснуться к сокровенному, заветному. В этом и состоит смысл одного из самых чудесных видов человеческого общения – читателя с поэтом.

Но, разумеется, эта краска – не единственная в лирической палитре сегодняшней Елены Аксельрод. Есть у нее стихотворение, которое написано в 1991-м, на первом году пребывания в Израиле. Вот оно – в версии сборника «В другом окне»:

*Здесь под горой в Святом краю
Я песен больше не пою,
Я жизнью двумя живу –
Во сне и наяву,
Здесь синий день, а ночь темна,
Боюсь бессонницы и сна,
Боюсь воспоминаний.
Здесь в небо я погружена,
Я у него в кармане
Застегнутом – не прохохнуть,
Здесь завтра кончится мой путь,
Коль небо не обманет.*

Спустя восемь лет поэт вернулся к своему созданию», чтобы, вооружившись опытом этих лет, поправить самого себя. «Здесь завтра кончится мой путь»? Наступило и завтра, и послезавтра – путь продолжается. Не в том дело, что он продолжается физически. А в том, что чувство отчаяния и безнадежности уступило место более сложному: да, карман надежно застрочен, «и нечем крепкий шов проткнуть, /Чтоб вырваться, чтоб улизнуть, /Коль пе-

сенка поманит». По-моему, ключевым является здесь последний стих. Песенка делает свое благое дело: все притягивает к себе, все манит и манит. И через песенку все ближе и роднее становится та земля, где ныне протекает «вторая» жизнь поэта. Впрочем, иной раз песенка суровее и, хотя не теряет своих имманентных свойств лирического высказывания, окрашивается ощутимой горечью по отношению к наблюдаемым реалиям здешнего социума (и это «с другого конца» доказывает, что социум стал своим). В «Избранном» есть раздел /Кофе под «Хропику дня»!, в котором собраны наиболее поздние стихотворения Елены Аксельрод, и многие из них так или иначе откликаются на переживаемые всеми нами события этих дней. Откликаются, конечно, лирически, а не лобово. Вот, к примеру, текст «День в июле» (2001). В нем – «на вседневном фоне / Неизменность быта», но «под час вечерний / Новости ночные – / По небесной черни / Камни ледяные». Или, как в стихотворении того же года «Дует холод, ревет поддувало...», поэт передает свой голос силам природы: тут «солнце гневные веки сомкнуло. / Ветер, злобою заряженный, / Бьется, ищет, куда рвануться...». Про себя же лирическая героиня (да что там – сам поэт!) говорит:

*Как же мне, темной зараженной,
Возвратиться к себе, отвернуться
От спящей, грозящей яви,
На рассвете беззлобном проснуться
Так, как будто ничто не давит,
Так, как будто черные тени –
Только легкий озноб вдоль тела,
Только разума помутнение,
Только жизнь, что на миг отлетела.*

Отвернуться от грозящей яви не получается. И снова «высокое солнце сопутствует нам не напрасно – / Не подпускает ночную грозящую тень». И опять: «Пушки усердствуют, муза молчит...», и хочется «хаос дактилем отразить, / За ставнями рифм укрыться...». А есть еще «Иерусалим, 1995», почти неприкрытая инвектива, обращенная к мужам, вершащим политику; стихотворение завершается мольбой (к кому?): «... Пощадите хлеб. / Позвольте небу ждущих стен коснуться». Сколь дорогого стоят эти ж д у щ и е с т е н ы!

Вот и вновь прозвучало в этих заметках такое важное в лирике Елены Аксельрод слово «небо». «Так мы к небу близки, / Что пора притязанья унять», – сформулировано в стихотворении «В деревне художников» (1994). По прямому смыслу близость к небу мотивирована пребыванием «в поднебесном приморском саду», но, конечно же, речь идет вообще о статусе художника. С одной стороны, он, художник п р и з в а н и, стало быть, в известном смысле и з б р а н Небом. Но эта избранность не столько возвышает художника над другими людьми, сколько налагает на него дополнительную ношу и, во всяком случае, действительно унимает всякие личные притязания. (Сходно с традиционным толкованием постулата об избранности еврейского народа.)

Миссию посредничества я бы истолковал так. Бог создал мир и сказал: это хорошо. Но ведь это в некотором роде самохвальство, и Творцу понадобились представители рода человеческого (наделенного познающим и оценивающим органом), чтобы те, в свою очередь, прославляли чудо творения. Прославляли – и анализировали.

Стихотворение Елены Аксельрод «Душевная боль – озаренья итог...» (1983) обращено к некоему «ты», но это мог бы быть и Ты с заглавной буквы.

Что лекари, если без кожи душа

И Арля¹ оранжев огонь!

*Бесчинствуют краски, взорваться спеша,
А к ночи немеет ладонь...*

*Рубашкой смирительной вас не смирить –
Души все целительней боль...*

*Ты знаешь, как жжет негасимая нить –
Коснуться, обжечься позволь!*

Здесь есть и общее, и особенное. Общее – целительная боль души и желание коснуться Божьей тайны – идеи мироздания. Хоть коснуться, – для художника этого достаточно, чтобы обжечься. Особенное – индивидуальный способ распорядиться дарованным сокровищем. У Ван-Гога «бесчинствуют краски, взорваться спеша». Для другого главный импульс к творчеству носит конструктивный характер: «Как скомпоновать / Разбросанные домики на склонах?» («После выставки», 1997).

Само собой разумеется, все это имеет столь же прямое отношение к поэзии. В русской поэзии была Цветаева, у которой «без кожи душа», и которую было не сморить никакой смирительной рубашкой. Но была и «тишайшая» Ахматова. И обе истово и смиренно выполняли свое предназначение: быть органом Бога, небесным посланцем в земном человечестве. Так же поступает и Елена Аксельрод. В полной мере понимая, сколь труден принятый обет, иной раз мечтая «скинуть долю груза». Но в самой постановке вопроса «Разве я не вправо?» – звучит нерушимый запрет.

*И снова я с настырностью мышьиной
Скребу пер а шелестит.*

Словарь («мышьиной», «скребу», «бумага шелестит») свидетельствует о скромности. Действие – об «ангажированности» (не партиями – Богом). Все вместе – о верности поэта своему Дару, конечно же, не напрасному, не случайному. Я уже цитировал здесь концовку написанного еще в России стихотворения «Художник» («Ты бросить кисть не мог...» и т.д.). Замечу, что все-таки не только Бог знает, какова «начинка» художника. Знает это – в принципе – и сам художник. Но иначе. В конечном счете. Это – знаменитое библейское «наасэ вз-нишма» (сначала делаем, потом услышим, пойдем).

А в другом тексте – «Русским поэтам», – созданном уже в Израиле, о предназначении поэта сказано веско и недвусмысленно: *Невольник слова – не на что пенять – Нет воли продохнуть иль протрезвиться.*

Невольник. А в то же время тот, кто дает легитимацию самим небесам.

*Что небеса? Лишь клочковатый пух,
Покуда нет словесного покрова.*

Есть скромность перед лицом небес. Но эта скромность не исключает, а может быть, даже и обуславливает «непонятную лирическую дерзость» – ту самую, за которую так ценил тишайшего, казалось бы, Фета Лев Николаевич Толстой.

¹ Арль, разумеется, ван-гоговский. Местоимение «вас» в следующей строфе относится и к Ван-Гогу, и к Эль-Греко, упомянутым ранее.

Григорий ОСТРОВСКИЙ

ДЕД И ВНУК – ДВА ХУДОЖНИКА В ЕДИНОМ МИРЕ: МЕИР АКСЕЛЬРОД И МИХАИЛ ЯХИЛЕВИЧ*

Мне кажется, что если бы во время сражения вдруг с силой, превосходящей гром пальбы, прозвучал траурный марш Шопена, обе стороны замолчали бы. Разве только продолжали бы палить те, кому медведь на ухо наступил. Кроме всего прочего, искусство есть сила мира – мирности. И каждый художник носит ее в себе.

В. Стерлигов.

Меир Аксельрод. Автопортрет

Сто лет назад, а если совсем точно, – 18 июля (по тогдашнему стилю) 1902 года случилось не отмеченное громко событие: в местечке Молодечно (ныне – город с тем же названием в Белоруссии) родился мальчик, которому суждено было стать еврейским художником Меиром (Марком) Аксельродом.

Сегодня сам характер творчества мастеров, родившихся в начале теперь уже

прошлого века и начавших работать в двадцатых-тридцатых годах того же века, отделился и отдалился от современных художественных проблем ощутимой дистанцией. Однако историчность этого искусства делает его именно теперь по-новому интересным и актуальным.

Когда малолетний Меир еще и не помышлял о поприще художника, в России (на Украине, в Белоруссии, а также в их «парижском филиале») складывалась самостоятельная национальная школа нового еврейского искусства. Ее представляли М. Шагал, Н. Альтман, Х. Сутин, Л. Лисицкий, Д. Штеренберг, О. Цадкин, Й.Б. Рыбак, Й. Чайков, Х. Орлова и другие. По большому счету, это было первое поколение еврейских художников, освободившихся от жестких помочей российского, равно как и иного, искусства, принявших безусловно свою национальную идентификацию. Основная идея «еврейского Возрождения» была столь же простой, сколь и сложносоставной: соединить древние и фольклорные традиции национальной культуры с новациями авангарда. Не совсем и не в полной мере такая задача оказалась по плечу названной плеяде художников, – желаемое превышало их возможности. Придет время и перед большинством художников встанет вопрос: или – или. Или не отдаляться от еврейской жизни и еврейских

Григорий ОСТРОВСКИЙ – искусствовед и публицист, Израиль.

*Репродукции работ художников представлены на вкладке и обложках журнала.

традиций, или утверждаться на позиции радикального авангарда.

В 20-х годах на арену выходит новое поколение художников еврейской диаспоры в России: М. Горшман, А. Лабас, Х. Шехтман, С. Юдовин, М. Юдовин, М. Фрадкин, Г. Кравцов, С. Шор, позднее – З. Толкачев, А. Каплан и другие. Значительное, самобытное место среди них занимал Меир Аксельрод. На смену бунтарям-ниспровергателям пришли традиционалисты, превыше всего ценившие, с одной стороны, духовный и эстетический опыт, накопленный в местечках (в широком смысле понятия), а с другой – испытанный веками профессионализм, культуру живописи, рисунка, пластики.

Меир Аксельрод в самой ранней юности почувствовал, ощутил неодолимое влечение к изобразительному творчеству. Одиннадцатилетним мальчиком он посещает рисовальную «Школу» Иегуды Пэна, затем, после перерыва возвращается к урокам И. Пэна и в 1919-1920 годах. В эти же годы Меир служит чертежником Управления связи Красной армии Западного фронта в Минске и Смоленске и посещает Изостудию Пролеткульта под руководством Штраниха. По окончании войны с белополяками в том же 1920 году становится учителем рисования в средних школах Минска. А уже в 1921 году девятнадцатилетний Меер дебютирует тридцатью шестью работами на выставке белорусских художников в Минске. По свидетельству А. Ромма, Аксельрод выставил зарисовки еврейских кварталов и кладбищ, портреты и жанры, сюжетно связанные с жизнью евреев в маленьких городках на западе России. Результатом этой выставки явилось то, что Меиру было дано направление на учебу в московский ВХУТЕМАС.

В этот период во ВХУТЕМАСе преподавали разные по своему творческому складу широко известные художники: Д. Штеренберг, П. Кончаловский, Р. Фальк, Д. Кардовский, А. Лентулов, И. Рабинович, В. Фаворский, П. Митурич... Лекции по теории литературы читал Виктор Шкловский, а лекции по теории изображения перспективы – великолепный Павел Флоренский, круп-

ный математик, физик, биолог, филолог... Обучались же мастерству вместе с Аксельродом М. Кончаловский, А. Лабас, И. Слоним, А. Дейнека, П. Вильямс, Г. Ечеистов, М. Пиков, выработавшие за время ученичества индивидуальные творческие принципы и вышедшие вскоре решительно и уверенно на арену изобразительного искусства.

Меир Аксельрод закончил ВХУТЕМАС в качестве графика. Алексей Сидоров, преподаватель истории искусств, назвал Меира ближайшим и самым верным наследником Фаворского в гравюре, продолжателем его дела. «ВХУТЕМАС дал уже несколько готовых мастеров резца. И. Шпинель и М. Аксельрод доказали себя такими в совершенно изумительной линогравюре плаката памяти 1905 года», – писал А. Сидоров в 1925 году. Он же – о гравюрном минском пейзаже Аксельрода: «Здесь унаследован не технический прием и формальный язык, а целесознательная воля к построению своего мира, убедительного по-новому».

В то же время не покидала Меира его страсть к рисунку, рисованию, живописи. И он отдавался ей. Почти украдкой. «Рисунки того времени совершенно замечательные. Марк почему-то стеснялся их показывать много лет... И когда я участвовал в разборе работ Марка Аксельрода, мы были поражены, что десятки работ старого периода были впоследствии записаны другими, с обратной стороны», – вспоминал в 1972 году однокашник Аксельрода по ВХУТЕМАСу Б. Берендгоф. А А. Зыков в свою очередь объясняет это так: «Мне думается, что этот момент работы с двух сторон листа, этот момент «орла и решки» можно считать определяющим в творчестве Аксельрода. В самом деле, что же это, как не выражение примата работы в жизни художника: не стричь купоны с собственного произведения, а просто работать, трудиться...».

В 1926 году, в возрасте двадцати четырех лет Меир Аксельрод становится членом общества художников «4 искусства» и на равных участвует в трех подряд выставках Общества вместе с Фаль-

ком, Петровым-Водкиным, Сарьяном, П. Кузнецовым, Митуричем, Матвеевым – плеядой блестящих мастеров, теперь ставших классиками. Меир сразу занял свое особое место, был замечен и отмечен как первоклассный талант. Помимо уже названных в Общество входили Малевич и Фаворский, Тырса и Эль-Лисицкий, Гудиашвили, Н. Купреянов и Остроумова-Лебедева.

В этот период Аксельрод отходит от гравюры и целиком отдается власти свободного рисования. «Я больше не гравирую. Гравюра мешает мне непосредственно выражать то, что я чувствую при виде модели. Между нами становится доска, резец, печать. Это все требует расчета, рационального использования и в конечном счете охлаждает». На рисунках Аксельрода в этот период изображены простые люди, отец и мать, старики и старухи, детвора с улицы, редко – незатейливые пейзажи.... Но какая завораживающая магия изображенного! Лиричные, поэтичные образы населяют листы Меира.

В работах Аксельрода появляется новое – цвет. Критик Вильям Мейланд уже в 80-е годы отмечает: «Я бы не стал отделять у него графику от живописи, так как его графика (и это не парадокс) живописна, а живопись графична... Графическое начало в его работах выражается в том, что художник не только пишет, но и рисует кистью. Цвет строит форму наравне со штрихом, будучи вплавленным в каждую линию, и тут же рядом с ней он может существовать мягким, не имеющим строгих очертаний пятном, являя то «колдовство» живописи, которое делает ее бесконечно привлекательной и неисчерпаемой для нашего глаза».

К концу 20-х в рисунках Аксельрода не только острые типажные черты еврейской бедноты, но и все более глубоко проникновение в самую сущность еврейского национального характера.

И в то же время, когда мы говорим о традиционности М. Аксельрода, то ни в малой степени не имеем в виду ни позднеремонтированную среду, а по сути псевдорелигиозную традицию, имевшую широкое хождение в советском искусстве

в той поре, ни узколобое, догматическое понимание принципа жизнеспособности в искусстве. Свою «традиционность» художник выстраивал на основе творческого освоения наследия и современности – отечественного и мирового искусства. Отойдя на историческую дистанцию от эпохи авангарда, М. Аксельрод при этом многое унаследовал от своих предшественников, и, прежде всего, – истинно художественную открытость ко всему лучшему в мировом искусстве – от раннего Возрождения до современных ему новаций. Его ругали и третировали за «французистость», но во все эпохи и при любых обстоятельствах он не изменял своей глубокой, я бы сказал, неброской, застенчивой любви к своим кумирам – от Джотто до Матисса. Дочь художника – поэт Елена Аксельрод вспоминает:

*... Хромая этажерка
Рогами в потолок.
За стенкой пляшет Верка,
На стенке – мой Ван-Гог.
Ах, «Красный виноградник»
И голубой Дега,
В каморе нашей праздник,
Хоть в пол-окна снега.
За стенкой пляс разлапый,
Дом ходит ходуном,
А мы листаем с папой
Любимый наш альбом...*

Времена были тяжелые, жестокие: жернова тоталитарной машины перемалывали судьбы художников, осмеливавшихся хотя бы на шаг отступить от каноников соцреализма. Еврейским художникам было трудно вдвойне: еврейского национального искусства в государстве «интернационалистов» просто не существовало. Вернее, оно было, но как бы и нет, потому что его не должно было быть. В 1931 году по указанию властей создается РАПХ (Российская Ассоциация пролетарских художников), которая и разделила всех художников на три категории – попутчиков, классово чуждых пролетариату и истинно пролетарских художников. М. Аксельрод вместе с Лабасом, Тышлером, Гончаровым, Штеренбергом и другими был отнесен к категории «скатывающихся на позиции буржуазного искусства». «Скатывающихся» партийная и новая «художественная» власти для

начала посчитали не совсем безнадежными и – в порядке «мобилизации для нужд социалистического строительства» – «для полноценного отображения трудовых подвигов» стали командировать поближе к местам «каждодневного» совершения этих самых подвигов.

Меир Аксельрод вместе с несколькими сотоварищами был направлен в еврейскую сельскохозяйственную коммуну в Крыму «Войо-Ново» («Новый путь»). Для Аксельрода эта командировка оказалась как нельзя более кстати. Евреи-земледельцы – эта тема волновала его еще в 20-е годы. Аксельрод обладал счастливым даром поэтического переживания обыденности. Простые сценки молотьбы, силосования, разгрузки телеги, ничего не теряя в своей достоверности, преображаются романтическим восприятием художника. И рождается серия «В степи», сложившаяся из многочисленных картин, эскизов, акварелей, рисунков, многие из которых возникли по законам поэтического реализма, а лучшие – это образцы еврейской лирики, светлой, радостной, утверждающей идеалы добра, любви, красоты.

Нарастала и крепла борьба с «формализмом». Елена Меировна Аксельрод так пишет об тех годах: «Пуще всего в то время боролись с «формализмом», хотя по моему никто толком не знал, что это за штука – скорее всего, выдуманный кем-то ругательный ярлык для любого явления в искусстве, носящего печать индивидуальности. Аксельрод тоже был уличен в формализме, так же, как К. Истомин, Б. Волков, П. Митурич, которые надолго оказались вычеркнутыми из истории советского искусства». Придворные же, «карманные», науськанные критики изрекали: «Необходимо подчеркнуть, что Аксельрод еще не преодолел до конца формальное отношение к изображаемому.... Таковы элементы деформации в «Портрете колхозника», «Еврее-колхознике» и др.»; «...От схематизма и формализма постепенно отходят М. Горшман, М. Аксельрод. Однако этим художникам еще много нужно поработать и над преодолением субъективного произвола»...

К счастью (его и нашему!), Меир Аксельрод не предавался унынию, не опускал руки – он работал, творил. Большое место в творческом наследии М. Аксельрода занимает и книжная графика, и декоративное оформление театральных постановок и костюмов к ним, и обширная портретная галерея.

Еще в юности Аксельрод иллюстрировал прозу И. Бабеля, впоследствии оформил несколько книг еврейских поэтов, затем – рассказы Шолом-Алейхема и И.-Л. Переца. В резких контрастах свободных по манере исполнения мастерских рисунков – отзвук драматического мироощущения еврейского народа. «Читать Шолом-Алейхема с иллюстрациями Аксельрода – очень здорово.... Все завязано в едином движении, что бывает чрезвычайно редко в иллюстрациях, часто они отрываются от текста...», – отмечает график В. Колтунов. В 50-е годы Аксельрод оформляет книги М. Горького, Я. Коласа, Э. Ожешко, З. Бядули, Г. Келлера, С. Маршака, С. Серафимовича и других. Говоря об этой стороне творчества художника, Елена Аксельрод отмечает: «В последнее десятилетие жизни отец откровенно тяготился работой над иллюстрациями. Брался только за те книги, авторы которых были ему особенно близки. Это книги Р. Рубиной, З. Аксельрода, а также С. Галкина, З. Вендрова, Нояха Лурье...».

Меир Аксельрод. Портрет внука Миши

Много лет Меир Аксельрод плодотворно сотрудничал с еврейскими театрами Москвы, Минска, Киева. Его декорации и костюмы к «Мере строгости» Д. Бергельсона, «Жакерии» П. Мериме, «Разбойнику Бойтре» Кульбака, инсценировкам произведений Шолом-Алейхема – «Тевье-молочник», «Заколдованный портной», «Менахем-Мендл» и другие – стали частицей истории еврейского театра и театрально-декоративного искусства. В Московский Госет для оформления пьесы «Меры строгости» М. Аксельрод был приглашен Михоэлсом. Несколько отзывов театральных гурманов того времени на работу Аксельрода в театрах:

«...Аксельрод и в театре оставался прежде всего живописцем, ищущим не детали, а колорит спектакля, его настроение... Уроженец еврейского местечка, он чувствовал еврейский быт изнутри, но никогда не стремился к однозначному его воспроизведению. ... быт этот проступал у Аксельрода изнутри сказкой, трансформировался в легенду... А рядом со сказочными, фантастическими декорациями – столь же колористически сочные, но при этом очень конкретные эскизы костюмов...»;

«...Сразу же, с того момента, когда ты видишь поразительный занавес художника М. Аксельрода, хочется аплодировать...»;

«...Художественное оформление организует действие, утверждает идею спектакля. Запоминается одинокая коза на фоне старого местечка...».

На протяжении всей творческой жизни, а по существу – всю сознательную жизнь Аксельрод писал портреты. Им создана галерея прекрасных портретов еврейских писателей – Р. Рубиной, Ш. Горшмана, Б. Слуцкого, О. Дриза, А. Бруштейн, Р. Фраермана и других. Неповторимы портреты безымянных натурщиков, глубоко психологичны групповые портреты. «...Портреты – то полные нежной влюбленности («Портрет дочери», «Портрет жены в белой шляпе», «Лена и маленький Миша»), то необыкновенно острые, обнажающие глубины характера (Шкловский, Рабин, Слуцкий)...», – это пишет поэт и художник Н. Горская под впечатлением от выставки работ Аксель-

рода в 1982 году в Москве. А вот маленький фрагмент из статьи В. Чайковской, написанной ею по следам посещения юбилейной выставки М. Аксельрода уже теперь, в нынешнем году, в Москве, в галерее на Солянке: «...В рисунках карандашом тоже нет никаких гротесковых «усилений», нажимов, штриховых акцентов. Очень просто, каким-то совсем тусклым карандашом нарисованы лица. Но странно – проступает характер, запечатлена живая модель!...».

В первые дни Отечественной войны Меира Аксельрода призвали в армию. Но служить ему пришлось недолго, – он был приглашен Эйзенштейном участвовать в работе над фильмом «Иван Грозный». Киностудия «Мосфильм» была эвакуирована в Алма-Ату. Туда же отправился и Аксельрод с семьей. Меир не был бы сам собой, если бы не воспользовался возможностью отразить в своих работах то для него новое, во что окунула его судьба. Незнакомый быт, иные жизненные ритмы, непривычная цветовая среда способствовали обострению живописного восприятия. Лирические, несколько созерцательные настроения характерны для среднеазиатского цикла акварелей и гуашей Аксельрода.

Но к этим же годам относятся и выразительные зарисовки раненых солдат в госпиталях, образы которых мужественны и естественны, полностью лишены какой-либо позы. Серия Аксельрода «В военном госпитале» (1942 г.), созданная в Алма-Ате и Яны-Кургане, не велика по объему, но это подлинный художественный документ времени.

Трагические переживания военных лет и позднее продолжают волновать художника. Два десятилетия спустя, в середине 60-х годов, Аксельрод напишет цикл больших композиционных работ «Гетто». Отдаленные временем от изображаемых событий, эти картины меньше всего кажутся историческими – настолько они наполнены живой болью современника.

В 1966 году, после долгих проволочек состоялась, наконец, выставка на Кузнецком мосту в Москве. Групповая выставка, в которой работы Аксельрода

были представлены достойно. Несколько фрагментов отзывов почитателей и знатоков творчества художника, которым посчастливилось побывать на той выставке:

«...Экспонировано 250 работ Аксельрода. Это малая, даже не десятая, даже не двадцатая часть сотворенного и творимого талантливым художником...»;

«...Во всех жизненных ситуациях, всегда Марк Моисеевич жил как художник... Искренность – это то, что создает художника... Чистота, искренность, единство художника и человека – есть самое главное в художнике»;

«...Поражает разносторонность таланта Аксельрода. Особенно большое впечатление производит серия «Гетто»... Судьба уберегла его от лагерей и душегубок, но он взмолился на эту Голгофу как художник...»;

«...Среди женщин в бункерах и лагерях он показал лица, в которых нетрудно узнать черты его жены и дочери... Это была трагическая идентификация, это было причастностью к аду, который в душе своей прошел каждый оставшийся в живых еврей...»;

«...Портреты глубоки, пейзажи нежны и печальны. «Портрет дочери» – как икона. А Шкловский – старичок-полевичок. И так везде: угадает, разгадает – и нам доверится, расскажет разгадку... И цвет чистый, и задумчивый колорит»;

«...В своих лучших работах Аксельрод – мастер в самом высоком смысле слова, глубоко национальный, но ведь и всечеловеческий!».

Война окончилась. «Отликовали, оплакали погибших, встретились с вернувшимися в Москву друзьями – и потянулись скучные, безбытные, послевоенные будни», – вспоминает Елена Аксельрод. Она же – еще об этом времени: «О погромах забывать не давали – сначала постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», потом борьба с «безродными космополитами»... Близилась времена «окончательного решения еврейского вопроса» в советской литературе и культуре... Работы на выставки не принимали, газеты уличали пейзажи Аксельрода в формализме и унынии, а однажды даже

обозвали «унылотрактованными».

Безнадежность, подавленность, затхлый воздух первого послевоенного десятилетия не могли не поработать художников, гасили краски. Многие мастера, блестяще работавшие в 10-х – 30-х годах, так и не оправались. Но Аксельрод, то ли неосознанно предчувствуя скорый конец, то ли от того, что дышать все-таки стало чуть свободнее, ощутил, как в молодости, счастливый прилив энергии. Работает много, плодотворно и, казалось, без усталости. 1947-1958 годы – поездки по Центральной России, в бесконечно любимый им Крым, на Кавказ, – пишет пейзажи, работает над иллюстрациями... 1959-1964 – в Прибалтике и Закарпатье, – пейзажи Вильнюса, Риги, Таллинна, сельские пейзажи, портреты, композиции... 1964-1969 – Подмосковье и снова Крым, – пейзажи, портреты писателей, художников, актеров, продолжение работы над серией «Гетто»...

В 1968 году состоялась персональная выставка творчества Меира Аксельрода в художественном музее в Ростове-на-Дону. В том же 1968-м Аксельрод «запойно», по выражению дочери Елены, работает в своей мастерской в Москве над пейзажами, составившими серию «Воспоминания о старом Минске». Толчком послужили случайно обнаруженные в старых папках карандашные и акварельные наброски, к которым художник, похоже, собирался вернуться, – на них кое-где были сделаны пометки и надписи, в которых указывалось, какого цвета должно быть то или иное пятно.

Последние три года жизни Меира Аксельрода были периодом дивного всплеска его творчества, его лебединой песней. В разнообразных и многочисленных работах этих лет, в последней большой серии «Воспоминания» нет формальных новшеств, но поэтическое ощущение жизни выражено с такой силой душевной проникновенности, с такой тонкостью и сердечностью лирического созерцания мира, которые и есть прикосновение к вечности.

10 января 1970 года Меира Аксельрода не стало. Умер он в результате болезни сердца и медицинской ошибки, – диагноз

«острый холецистит», тогда как был инфаркт. Аксельроду было разрешено сидеть, а значит, и рисовать...

Гражданская панихида – в выставочном зале Московского Союза художников на Беговой. Под сводами зала звучит печальная и торжественная, божественная музыка, которую извлекают душа и руки Марии Вениаминовны Юдиной, великой пианистки.

Арсений Тарковский – о жизни, творчестве, судьбе Меира Аксельрода: «Это прекрасный пример того, как выгодно быть честным и чистым человеком. Это просто выгодно! Вы видите совершенно наглядно, какие прекрасные плоды это приносит, как дорого то, что делается людьми такого рода, которые с подлинно святым упрямством, с железной волей пробиваются сквозь все преграды».

После кончины художника музеи будто спохватились и бросились покупать его работы, за ними стали охотиться коллекционеры, российские и иностранные. Многие работы Аксельрода приобретены музеями, в том числе крупнейшими собраниями изобразительного искусства – Государственной Третьяковской галереей, Государственным Русским музеем, Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственным центральным музеем имени А. А. Бахрушина. Событием в художественной жизни Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Смоленска и других стали выставки произведений М. Аксельрода. Между тем наше знакомство с творчеством художника остается и по сей день еще не полным, выборочным. Он был очень продуктивен, неутомим, и количество оставленных им произведений далеко превосходит возможности единовременного показа даже на самой обширной выставке.

Сколько существует еврейское искусство, столько делятся споры вокруг него: что это такое, кто его представляет, чем отличается от других, да и есть ли оно вообще? Начались разногласия не вчера и кончатся не завтра, если, конечно, вообще кончатся. Пока теоретики и оппоненты ломали копыя, бросаясь из крайности в крайность, Меир Аксельрод сотоварищи, невзирая ни на что, не благодаря, а

вопреки всему создавали еврейское искусство, давая тем самым четкий ответ на сакраментальный вопрос: кто есть кто.

И от начала и до конца дней своих был Аксельрод еврейским художником. Он не декларировал свою «программу», не провозглашал лозунги и манифесты, просто его творческая судьба сложилась таким образом, что в каждой области – живописи, рисунке и гравюре, сценографии и книжной графике он был не «художником еврейской национальности», но деятелем еврейского искусства, национальной художественной культуры. Александр Ромм утверждает: «Еврейская психика не есть для Аксельрода неизведанная область или повод для фантазий. В этом убеждают и его портретные гуаши, изображающие уже не людей земли, но искусства. В его серии портретов еврейских писателей – Пинчевского, Гершензона, Рубиной, Яновича и особенно Геллера четко выражен лейтмотив духовной напряженности. Этот мотив не заглушает индивидуальных черт, это портреты иногда даже несколько иронические. Но ироническая раздвоенность образа – не есть ли это одна из специфических черт еврейского мышления и художественного творчества».

Есть нечто общее, присущее всему столь многоликтому творчеству Меира Аксельрода и определяемое не жанром, сюжетами и персонажами, и даже не средствами выражения, но качеством личности самого художника. Это – внутренняя раскрепощенность, духовная свобода, поднявшие его творчество и его самого над житейскими и историческими обстоятельствами, – ведь художник всей своей жизнью доказал, что такое возможно даже в условиях тоталитарного режима.

*... Спокоен и незрим
Неукротимый дух.
Ты именем своим
Не будоражишь слух.
Где поношенья свист?
Где счесть на торгу?
Ты прошлогодний лист,
Затерянный в снегу.
Ты бросить кисть не смог,
Перед холстом уснул.
И знает только Бог,
Что он в тебя вдохнул.*

Елена Аксельрод.

Михаил Яхилевич. Художник и внук художника. Кто-то верит, что гены таланта передаются по наследству. Может и так, но в конечном счете все решает не степень родства, а потенциал самого конкретного художника, самостоятельность его творческого волеизъявления, мужество оставаться самим собой в любых, во всех ситуациях.

Михаил Яхилевич – внук Меира Аксельрода. Но от уроков, полученных от деда, он унаследовал не те или иные приемы и даже не тематику, а прежде всего «этический интеграл», нравственную составляющую профессии и призвания художника, общую и живописную культуру. Да и только ли от деда? Если согласиться с «генной» теорией наследования художественного, поэтического восприятия мира, то гены Михаила, воспринятые «извне», весьма и весьма богаты – дед известный, великолепный художник, бабушка Ривка Рубина – не менее известный и глубокий писатель, а мама Елена, к моменту явления Миши на свет, – серьезно заявивший о себе поэт. Интересны свидетельства самых близких Михаилу людей о его детстве: «Отец мечтал, чтобы я стала художником, а я сдуру не поддавалась, ленилась. Он очень огорчился, сердился, покрикивал на меня, когда я упрячилась, не желая доводить рисунок. Смирился он с моей нерадивостью (да, пожалуй, и неспособностью) только потому, что обнаружили мои литературные наклонности и появилась надежда сделать из меня человека... А внук, с которым его связывала нежная дружба, стал еще и его учеником, компенсируя неудачу со мной», – это, конечно же, Елена Аксельрод, мама;

«Два дня у нас был Мишенька. В зоопарке очень важное было событие – верблюд съел кусок булки с бумагой...», – восторгается в письме друзьям дед «поэтическим глазом» малолетнего внука;

«Нет, я его не учил. Я даю ему бумагу, кисти и говорю: пиши, что хочешь! Смотри кругом и пиши... Правда, он раньше рисовал женщин вот так – туловище прямо, но я объяснил, что у женщин есть талия. После этого он стал рисовать женщин с талией», – прячет за нежной иронией гордость успехами внука дед;

«...Тут все время идут дожди и холодно. Поэтому я еще на улице не рисовал ни разу. Я нарисовал несколько портретов и пейзажей из окна, у нас в окне пейзаж такой – синие горы, белые домики и красно-сиреневые ветки на деревьях, некоторые уже с маленькими светло-желтыми листочками...», – присылает из Крыма дед восьмилетнему Мише письмо с «иллюстрациями»...

Ученичество в прямом смысле Михаил Яхилевич прошел в Школе-студии МХАТа, по окончании которой работал театральным художником. В послужном списке Михаила сценография не менее полусотни спектаклей столичных и периферийных театров.

С приездом «навсегда» в Израиль пришлось многое кардинально изменить. Но это не тот случай, когда говорят: начал с нуля. Иное, новое здесь приращивалось к фундаменту, заложенному «там». Никуда не делся обретенный профессионализм, способность слушать и слышать «место и время действия», врожденная и благоприобретенная интеллигентность, явно от деда воспринятая способность много, самозабвенно работать... И плоды не заставили себя долго ждать: персональные выставки в Иерусалиме, Тель-Авив-Яффо, в Германии, России.

На тягостное «расставание с прошлым» Михаил Яхилевич не стал тратить времени и сил, и его добротный, крепкий профессионализм, ставший основой дальнейших исканий, творческая самостоятельность и своеобычность удачно и выгодно выделили Михаила из среды живописцев последней по времени творческой алии.

После встречи с землей праотцев, с Вечным городом наступил душевный и творческий подъем, близкий эйфории. И это не замедлило быть отраженным, отображенным в картинах Михаила той начальной здесь для него поры. Погруженность в стихию еврейского быта и бытия, иерусалимских реалий, в атмосферу израильских пространств, в неисчерпаемый духовный пласт национальных обычаев, обрядов, миропредставлений имела следствием всплеск и выплеск творческой активности. Многочисленные иерусалимские пейзажи Яхилевича, живописный цикл «Еврейские праздники», серия фигуративных композиций

о судьбах художника в современном мире принесли успех и стабильное признание.

Но... все проходит. На смену праздникам приходит череда будней, в которые художник всматривается трезвым, взыскующим взглядом. Казалось, ничего не изменилось: во всех внешних, визуальных проявлениях мир не исчез, не растворился, не опрокинулся – все те же улочки и тупички старого Иерусалима, щедро залитые ярким солнечным светом, все те же занятые повседневными заботами его обыватели... Мир не исчез, но ощутимо изменился, – с солнечным светом вступили в противоречие трагические тени – война, хоть и не объявленная, не названная своим именем, но со всеми ей присущими ужасами.

Так и возникла у Михаила Яхилевича потребность по-своему откликнуться на трагедию сегодняшних дней. Когда возвели стену, хотя бы отчасти защищающую известный теперь во всем мире иерусалимский район Гило от обстрелов палестинских террористов, Михаил в группе иерусалимских художников занялся росписью этой стены.

Исчезло в творчестве М. Яхилевича яркое, праздничное многоцветие, на смену ему пришла строгая и сдержанная палитра: колорит – не иллюзия световоздушной среды, но индикатор состояния души, камертон содержательного, психологического, эмоционального регистра его картин. Не гипноз натурного видения владеет художником, но сосредоточенность на жестком, волевом, отсекающем все лишнее отборе мотивов, персонажей, подробностей. Четко и конструктивно выстраивает художник картинное пространство, добываясь его трехмерности и сохраняя при этом нерушимую плоскость холста. В движении от природы к лаконичным изобразительным формулам Михаил приближается к стилистике художественного примитива с его знаковостью и мудрой простотой. И в этом видится вектор творческого процесса художника, устремленный к рафинированной простоте.

Работы Михаила Яхилевича последних лет существенно отличаются от предшествующих. И это естественно – художник в поиске, в движении, в процессе. Исчезла повествовательность и иллюстративность развернутых сюжетов, Михаил тяготеет к немногословной афористичности образной мысли, предельной лаконичности кар-

тинного образа, освобожденного от всего случайного, преходящего. Город на его картинах предстает в сопоставлениях каменных и бетонных стен, идеальная и в то же время враждебная поверхность которых изредка нарушается балконом.

*Взлетали в небеса балконы –
Отростки чудищ вертикальных –
Близняшки, каменные клоны,
Подставки для машин стиральных.*

Елена Аксельрод.

Город враждебен, в «лучшем» случае равнодушен к человеку, и луч солнца редко заглядывает во дворы, в которые, к тому же, нет входа и из которых нет выхода. В авторской речи художника все отчетливее слышатся драматические интонации свидетеля, очевидца, соучастника нашего такого тяжелого и трагического времени.

Но самое удивительное заключается в том, что этот драматизм мироощущения не окрашен беспросветным отчаянием, а, напротив, таит в себе просветленную грусть одиночества и несбывшихся (еще!) надежд. Катарсис эмоционального напряжения разряжается эстетичностью серо-голубой гаммы, построенной на аскетичной гармонии контрастов и нюансов, в мужественных, порой суровых интонациях слышится нота потаенной скорби, подавленной, но не уничтоженной веры в конечное торжество света и добра. Очевидно, раскодирование столь усложненной структуры картинного образа может привести к весьма разным выводам, но среди них, хочется думать, не последнее место будет и у такого: ощущается оставленное «за кадром» безмолвное обращение художника к своему зрителю с просьбой преодолеть одиночество, чреватое душевным оскудением, отчуждением человека от окружающего мира.

Михаил Яхилевич живет и работает неслучайно, раздумчиво, прислушиваясь не столько к злободневности, сколько к своим духовным и эстетическим критериям, своего рода «кодексу чести» художника, который «вдохнул» в него, конечно же, дед – Меир Аксельрод. Пришла пора творческой зрелости, но нет и намека на застылость, успокоенность, эксплуатацию ранее найденного и апробированного. Какими будут его картины завтра – не знает никто. И быть может, в этом и состоит увлекательная интрига продолжения творческой биографии.

ГЕОПОЛИТИКА. СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВ

«СУДНЫЙ ДЕНЬ» БИБЛЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ОБРАЩАЯСЬ К ТОЙНБИ И ХАНТИНГТОНУ

Михаил СИДОРОВ

Годовщину американской трагедии в минувшем сентябре отмечали во всем мире, но по-разному. Далекое не все в день поминовения жертв злодейства были охвачены скорбью и сочувствием. Кое-где акцию мусульманских геростратов превозносили как подвиг во имя веры, и выражали твердую уверенность в том, что их дело будет продолжено. И это не осталось просто зловещей риторикой: события на индонезийском острове Бали, в Москве и в Кении подтвердили, что террористы слов на ветер не бросают.

Не успела закончиться холодная война, как человечество опять оказалось перед лицом серьезных испытаний, способных не только помешать установлению нового мирового порядка, но и разрушить старый. Получается, что решение одних проблем открывает двери другим.

До сих пор нас пытаются успокоить, убедив в том, что нет никакого столкновения цивилизаций, а есть нечто вроде антиглобалистского террористического похода, возглавляемого темными силами «исламского фундаментализма»; разговоры же о межцивилизированном конфликте – вода на мельницу фанатичных варваров. Дошло до того, что книгу Сэмюэла Хантингтона о столкновении цивилизаций, вышедшую в 1997 году, называли безнравственным пособием для вооруженных циников.¹ Прекраснодушный прогрессизм ищет самоуспокоения в исторических аналогиях: дескать, и у Запада в прошлом были грешки (крестовые походы, святая инквизиция, колонизация); «молодой» мусульманский мир переживает якобы всплеск «пассионарности», так это не страшно – повзрослеет; ваххабизм – это еще не весь ислам...

Однако противостояние мусульманского Востока и Запада, их «великий спор» давно не является откровением. Исламский мир, как отмечал в позапрошлом веке Владимир Соловьев, на протяжении двенадцати столетий «...не сделал ни одного шага на пути внутреннего развития»; поэтому мусульманский Восток завершил «свой круг» и уже явно не способен «ни к какой исторической будущности» («Три силы»). Более того, в конце XX столетия, как и предвидел русский религиозный философ, исламский мир стал ускоренно «развиваться» назад в мусульманский экстремизм, проявившийся в «исламских революциях» в целом ряде стран и международном терроризме, и несет уже глобальную угрозу человечеству.

Не следует обольщаться и перспективой возобладания в магометанстве умеренных тенденций – в силу особенностей этой религии, на которые указывал

Михаил СИДОРОВ – историк, публицист. Живет в Израиле.

¹ Все примечания в конце статьи.

тот же Вл. Соловьев: «... Если человек считает себя только безразличным орудием в руках слепого, по бессмысленному произволу действующего божества, – говорил он, – то понятно, что из такого человека... выйдет только помешанный фанатик, каковы по сути самые лучшие представители мусульманства».

Отрицать наличие конфликта цивилизаций – значит вольно или невольно (т.е. из лукавства или по недомыслию) занижать ранг опасности, а это не самый лучший способ ее преодоления. С таких этических позиций и планируемая Соединенными Штатами антисаддамовская военная операция выглядит не иначе как действия «мирового жандарма», способного подорвать основы международного права.

Между тем, в самом столкновении цивилизаций нет ничего противостественного, тогда как их бесконфликтное существование на Земле – еще одна, крайне вредная, утопия. При этом формы их столкновения могут быть разными – от «взаимодействия» до «войны миров». И даже самая могущественная держава планеты не может свободно, исходя исключительно из собственной доброй (или «злой») воли, эти формы выбирать: они диктуются обстоятельствами и той небывалой ответственностью, которая по воле истории легла на Америку. И хорошо, что американский президент от ответственности пока не уходит, несмотря на громкие «крики беотийцев»², раздающиеся со всех сторон. Проблема конфликта цивилизаций, помимо прочего, имеет большой нравственный аспект, и не стоит эту проблему опошлять, низводя ее к одной лишь возне вокруг нефтяных вышек.

Можно не соглашаться с предложенной С. Хантингтоном нео-тойбианской классификацией цивилизаций – пафос его концепции в другом. Одна из главных гипотез американского ученого о том, что «в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско – конфуцианских стран» – подтвердилась.

Жизнь конкретизировала и уточнила прогноз. Взорванные талибами исполинские изваяния Будды и рухнувшие от тарана пилотов-камикадзе небоскребы стали предвестниками замышляемой воинами Аллаха нивелировки всего, что вышашается над неким средним уровнем, установленным по личному разумению и вкусу каким-нибудь шейхом или муллой, а желтые повязки, которые должны были носить афганские индуисты – зловещей реминисценцией.

«Границы исламского мира везде и всюду залиты кровью», – писал С. Хантингтон почти десять лет назад. После дерзкой массивированной террористической атаки, которой подверглись США, стала очевидной неопределенность и опасная прозрачность самих границ. Пока противники «мирового правительства», антиглобалисты беснуются на улицах городов, где собираются лидеры «большой восьмерки» или проходят саммиты НАТО, ислам без особого шума осуществляет глобализацию на свой лад. Он превращает практически любую страну, в которой живут мусульмане, во «внутренне расколотую», и теперь от террора не спрятаться ни за океаном, ни за строящейся «великой израильской стеной».

Отсутствие «линии фронта» и есть самый верный признак межцивилизационного столкновения, основными участниками которого, в данный момент выступают два мира – исламский и западный.

Бросается в глаза несоразмерность названий. Исламская цивилизация – это понятно, но вот «Западная» – какая-то цивилизация «без отчества», оторвавшаяся (и только ли номинально?) от своих исторических, иудео-христианских корней. Есть в таком наименовании что-то от высокомерной стыдливости дворянина в первом поколении, предпочитающего не вспоминать о своих бедных и незнатных предках.

Критерии выделения цивилизаций, по Хантингтону, – язык, история, религия, обычаи, институты, самоидентификация; причем гарвардский профессор, как и его выдающийся предтеча Арнольд Тойнби, считает несхожесть между цивилизациями по религии самым важным элементом различий. Тогда почему не обозначено отличие «Западного» мира от исламского по данному пункту?

Надо сказать, что еще сам Тойнби – христианский историк! – разделил человечество на Запад и Остальной мир («the West and the World»), т.е. он не удержался в методологических рамках собственной историософской схемы (теории локальных цивилизаций), согласно которой противоречие между цивилизациями порождается чисто духовными факторами – специфическими чертами культуры. При характеристике Запада в своих последних работах Тойнби акцентировал внимание уже не столько на духовных, сколько на социально-политических чертах «западной» (бывшей западно-христианской) цивилизации, утверждая, что правильнее было бы назвать ее «Западной цивилизацией среднего класса» («middle-class West civilization»).

Правильнее ли – можем мы усомниться сегодня, в критический для этой цивилизации момент, когда самое время вспомнить об ее нравственных и культурных истоках? В том числе и о религиозных.

Поль Рикер в своих очерках о герменевтике («Конфликт интерпретаций») писал: «В ходе изучения великих символов древнееврейской веры... и таких мифов, как миф о творении и падении... меня поразила одна вещь: эти символы и эти мифы не черпают свои смыслы из гомологически упорядоченного социального устройства... Их смысл есть резерв смысла, готового к употреблению в других структурах... Употребление библейских символов в нашей культурной ауре... основывается на семантическом богатстве, на избыточности означенного, дающей начало новым интерпретациям».

Так не торопимся ли мы в угаре «прогрессивных» и «революционных» идей, в неумном желании любым способом и любой ценой объединить все человечество в безрелигиозную, безнациональную, бесполоую и безликую массу, не умея и не желая отделить «историческое и условное от вечного и абсолютного», – сдать веру и ее символы, вместе с Книгой книг, в архивы и музеи – недочитав, недодумав, недоосмыслив? И не правильнее ли, не справедливее ли называть западный мир «библейской цивилизацией»?

В столкновении с исламским миром Запад применяет как свою военную мощь, так и экономический нажим, подкуп, политическое давление, маневры и интриги. Это немало, но достаточно ли этого для ответа на вызов?

Ключевой вопрос противостояния – адекватность ответных действий. Ясно, что борьба со вспышкой бешенства среди зверей – не дело общества защиты животных, для этого имеются другие службы. Однако роль военной силы в разрешении этого межцивилизированного конфликта не следует как преуменьшать, так и преувеличивать, ведь терроризм – лишь вершина айсберга.

Надо также иметь в виду, что эффективность принимаемых мер будет заведомо ниже расчетной вследствие того, что мусульманская цивилизация в своей борьбе с Западом широко и небезуспешно использует достижения и институты западного же мира: оружие, финансовую систему, коммуникации и пр.; законодательство, суды, правозащитные организации, масс-медиа и т.п. А вот западный мир не всегда может позволить себе «роскошь» бороться с противником его методами.

В то же время каждый бесчеловечный акт фанатиков резко уменьшает чувство безопасности граждан в демократических странах, а ведь еще Монтескье заметил, что безопасность – первая форма свободы. Следова-

но, терроризм без особых усилий подрывает красугольный камень западной системы ценностей, и именно шахиды наиболее ярко олицетворяют суть конфликта двух миров. Тупиковый характер исламской цивилизации не оставляет ей шансов на победу в «великом споре» с Западом. Зато, уходя с исторической арены, она вполне может «замкнуть контакт» и утянуть за собой в хаос и небытие ненавистного врага. Вот почему со времен битвы при Пуатье (732 г.) и сражения под Веной (1683 г.) мусульманский вызов не представлял такой угрозы самому существованию западного мира, как в наши дни.

С другой стороны, по тойнбианской теории, ответ на вызов должен стимулировать духовное развитие цивилизации; ответы же политического или военного порядка, по сути, ответами не являются, ибо они не в состоянии остановить ее упадка, если он уже наметился.

Ситуация драматичная, но все же не безвыходная: по известному выражению, «где опасность, там вырастает и спасительное». Не успели остыть руины манхэттенских башен-близнецов, как отдельные журналисты и политики уже поспешили объявить о том, что после трагедии, постигшей Америку, мир стал другим. Разумеется, это было преувеличение, но оно симптоматично. Мир пока остается прежним, однако западная цивилизация подошла к осознанию жизненной необходимости изменений. И перемены должны произойти, в первую очередь, в духовной сфере.

Думается, в переломный исторический момент Запад выстоит и победит, если сумеет подтвердить не только свое интеллектуальное, экономическое, технологическое и военное преимущество, но и нравственное превосходство. Рассмотрим же внимательнее этическую сторону конфликта библейской и исламской цивилизаций, который длится уже много столетий.

Известный российский историк-востоковед И.М. Дьяконов в своей книге «Путь истории» обратил внимание на то, что, «в отличие от обличений библейских пророков и Павловых посланий в христианстве, Муххамед почти не давал указаний на этическое содержание понятий «добро» и «зло» и сосредоточивался на самой вере». Профессор Дьяконов полагает, что «боговдохновенность» шариата делает его жестким и со временем все более и более архаичным», а также указывает на ту «легкость, с которой мусульмане прибегают к джихаду... против всякого, кого они считают своим противником...».

Приведенные замечания авторитетного ученого, как видим, вскрывают определенную этическую ущербность и генетическую предрасположенность магOMETанства к той моральной перверсии, на которую его обрекает исламский экстремизм. Но служит ли это надежной гарантией нравственного преимущества Запада над мусульманским миром?

Освальд Шпенглер в «Закате Европы» предупреждал: «Общечеловеческой этики не существует... Моралей столько же, сколько и культур...». Между тем слабость Запада заключается как раз в том, что он принося в жертву весьма широко трактуемому глобалистскому – (общечеловеческому!) – идеалу внутренне присущую европейской цивилизации иудео-христианскую мораль, проявляет чрезмерную толерантность к чуждым нравственным системам – агрессивным и отнюдь не склонным к компромиссу³.

Почти сто двадцать лет назад А.П. Чехов в одном из рассказов иронизировал: «Наш век тем и хорош, что никак не разберешь, кто прав, кто виноват. Даже присяжные, судящие какого-нибудь человечка за кражу, не знают, кто виноват: человек ли, деньги ли, что плохо лежали, сами ли они, присяжные, виноваты, что родились на свет. Ничего не разберешь на этой земле!».

В минувшем веке положение усугубилось. Возникла реальная опасность разучиться называть вещи своими именами и давать поступкам людей моральную и правовую оценку. В повседневную жизнь прочно внедрились разного рода эвфемизмы. Принято называть продажных женщин либеральными девушками, главарей бандитских групп – полевыми командирами, а сами банды – незаконными вооруженными формированиями; кровавых террористов величают теперь борцами за национальное самоопределение и ведут с ними переговоры на равных; агрессивность именуется пассионарностью, антисемиты превратились в антиссионистов, гомосексуалисты – в представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, и т.д. и т.п.

Все эти лингвистические находки вроде бы призваны подчеркнуть терпимость современного цивилизованного общества, уважение им прав меньшинств. (Меньшинства же, в свою очередь, крайне редко отвечают большинству взаимным уважением). На деле, исподволь, бытовым и социальным явлениям сомнительного, а то и откровенно негативного свойства придается определенная защитная идеологическая и политическая окраска, делающая их неуязвимыми: «девушки» – либеральные, а не какие-то там консервативные; сексуальная ориентация – нетрадиционная, т.е. не традиционная, а связанная, что ли, с модернизацией, выходит – прогрессивная (бедные маркиз де Кондорсе и Макс Вебер!).⁴ Что же касается бандитов, то они особенно позаботились о себе: нет, пожалуй, ни одной террористической организации, в названии которой не было бы волшебных слов, гипнотизирующих западного обывателя, – «народная», «демократическая» или «освободительная».

Так под видом политкорректности в сознание людей проталкивается этический релятивизм, развенчивается абсолютная мораль, а «права человека» – рафинированные, без малейшей примеси ответственности – возвышаются над нравственными ценностями. Короче, как писал Альбер Камю («Миф о Сизифе»): «Все хорошо, все дозволено, и нет ничего ненавидимого: таковы постулаты абсурда».

Подлинным апофеозом абсурда стали выступления леволиберальных интеллектуалов США и Западной Европы против «американского империализма»... в связи с терактами в Нью-Йорке и Вашингтоне. Сей демарш показал полнейшую неспособность современных левых выполнить функцию творческого меньшинства, могущего организовать ответ западного общества на брошенный ему вызов, на которую они по недоразумению все еще претендуют.

Вспору задуматься, а не завезли ли хваленые «локомотивы истории» западную цивилизацию в нравственный тупик? Ведь как часто атеистический бунт направлялся во времена социальных потрясений не столько против клерикализма, церковного абскуратизма и мракобесия, сколько против освящаемой религии морали! И если среди выдающихся гуманистов и идеологов Просвящения были искренние и самозабвенные борцы за освобождение человеческого разума от «оков», то миллионы простых людей видели в падении авторитета религии лишь одно – санкцию вседозволенности. Не потому ли великие богоборческие революции – французская и русская – сопровождались бесовством, разнузданностью нравов и кровавой вакханалией?

«Совсем не доказано, что цивилизация – нравственная вещь», – такую мысль в конце XIX века высказал Эмиль Дюркгейм. В наше время это деликатное утверждение философа можно было бы усилить. Либертарианство просто «ложило» добро и зло, получив в итоге этический ноль, который в качестве морального критерия многим пришлось по душе.

В этом нехитром арифметическом действии проявилась гордыня, присутствующая «гуманизму»: человек смело взялся господствовать над противопоставленностью добра и зла, не обладая на это способностью. «Таким господством

обладает только Творец», – отмечал Мартин Бубер. Человек же, по его мнению, «растворяется» в этой противопоставленности («Образы добра и зла»).

Учитывая все это, нельзя исключить, что исламский мир может сегодня оказаться морально сильнее Запада, если брать нравственный потенциал конфликтующих цивилизаций, так сказать, по модулю, то есть зло – в его абсолютной величине. Поэтому не пристало библеической цивилизации уповать ныне на былые этические достижения: время пророков и апостолов давно прошло. Как беспощадно констатировал Эрих Фромм, «у нас нет совести в гуманистическом ее понимании, посему мы не осмеливаемся доверять нашим оценкам» («Человек для себя»).

По старой привычке многие все еще твердят о том, что это Запад, как и прежде, бросает вызов остальному миру, в том числе и мусульманскому. Такой «оптимизм» смешон: Западу просто незачем бросать вызовы, так как их теперь уже некому принять – слишком велик отрыв. Но западный мир пытается соблазнить другие цивилизации – любой ценой, вплоть до отречения от присущих ему базовых ценностей и утраты самоидентификации – исключительно ради того, чтобы его все любили!

С этой целью в качестве универсальной модели мирового устройства всему миру предложен сильно облегченный, «адаптированный» вариант западнохристианской цивилизации – секуляризованной, с неограниченными правами и свободами граждан, гедонистской этикой, масс-культурой и пр.

И эту жертву Запада, по-своему героическую (несомненно, не капитуляцию, как думают некоторые, а именно жертву, ибо она берет начало не в слабости, а в самоуверенности), мусульманский мир ложно воспринял и совершенно не оценил. По иронии судьбы, он действительно принял ее за вызов и ответил на нее презрением, ненавистью и террором. Обидой на эту «черную неблагодарность» ислама, а вовсе не тревогой за судьбу родной цивилизации, и объясняется вспышка на Западе страха и праведного гнева в адрес «исламского фундаментализма».

Надо ли доказывать, что борьба с терроризмом, если она не будет повсеместной, последовательной и бескомпромиссной, превратится в фарс, как до этого некоторые международные миротворческие операции? Прежде всего, в этой борьбе не должно быть двойных стандартов – таково неперемutable требование этики. Жертвы террора не могут делиться на категории. В противном случае, «второсортные», потеряв жизнь, окажутся еще и преданными. К сожалению, пока просматривается порочная практика: государства, наказывающие «плохих» террористов, сдают другим террористам – лжестрадалцам в качестве компенсации (чтобы не прогневить мусульманский мир!) те страны, которым уготована роль агнца.

Громогласно осуждая террор, Запад, и в первую очередь, Европа лихорадочно ищут путей задабривания и умиротворения мусульманского экстремизма. При буспринципности политиканов и нравственном нигилизме, пропитавшем западный мир, задача эта не представляется такой уж неразрешимой. Тем более, что и платформа для достижения «межцивилизированного консенсуса» выбрана соответствующая.

Долгие годы государственный антисемитизм был неперемutable элементом политики СССР и его союзников. «Империю зла» не стало, и до появления на ее месте царства добра и справедливости, по-видимому, еще далеко. Но изумляет то, с каким проворством «свободный мир» подхватил достойные забвения бывшие советские идеологические приоритеты, в том числе внешнеполитические, и среди них – антиизраэлизм.

Британский историк Хаим Маккоби в 80-е годы опубликовал статью «Истоки антисемитизма». В ней, в частности, указывая на качественную разни-

цу между христианской и мусульманской враждебностью к евреям, он подчеркивал, что в традиционном исламском мышлении евреи не подвергались дьяволизации, хотя они не приняли ни Иисуса, ни Мухаммеда. «Впрочем, – продолжал Х. Маккоби, – в самое последнее время дьяволизация евреев – по политическим причинам – произошла и в исламе; однако достойно внимания, что материалы для этого, например, кровавый навет и «Протоколы сионских мудрецов», заимствовались из христианского мира. В исламской традиции таких материалов просто нет».

Итак, налицо «культурный обмен» между цивилизациями! Вот почему нынешний мусульманский антисемитизм – антиизраэлизм вызывает в Европе не отвращение, а напротив, резонанс «взаимопонимания»: ведь юдофобия преподносится в европейской упаковке. Вот почему Европа, вопреки здравому смыслу и демократическим традициям, несмотря на собственный печальный опыт, столь последовательно и методично третирует Израиль, в то время как над обоими навис ятаган исламского экстремизма.

Осуждение европейскими политиками Израиля за «чрезмерные акции» в ответ на растущее террористическое давление на еврейское государство сейчас тождественно поощрению терроризма. Куда же деваются пламенные и непреклонные защитники прав меньшинств, как только речь заходит о самом существовании на Ближнем Востоке островка демократии?

Аморальная подоплека юдофобии видна здесь особенно отчетливо. Антисемитские аффекты – это выражение негативной реакции коллективно-бессознательного на нравственные запреты, своеобразная месть избранному народу. Вот если бы евреи предложили в качестве этической основы библейской цивилизации не Декалог, состоящий сплошь из одних запретов, а наоборот, – «антизаповеди»: убивай, кради, спи со всеми, на кого глаз положил, лжесвидетельствуй и т.п., – тогда наверняка не было бы никакого антисемитизма.

Стоит ли удивляться росту юдофобии в современной Европе, где категорически отвергаются уже почти все моральные ограничения и запреты? Недаром завсегда и гей-клубов выходят на шумные демонстрации в поддержку «палестинского народа». Весьма символично и совпадение по времени «канонизации» некоторыми шейхами «мученических» суицидов с легализацией в Голландии и Бельгии.

Как безнравственен антисемитизм, так аморальна и политика, ведущая, фактически, к уничтожению еврейского государства, какими бы благими намерениями и красивыми словами она не прикрывалась. Не начать ли Западу «нравственный ренессанс» с отказа от сформулированной еще Николло Макиавелли аксиомы о несовместимости политики и морали?⁵

Не будем забывать, что борьба с Западом не исчерпывает конфликта, в который вступила исламская цивилизация. Экстремисты смело втягивают мусульманский мир в борьбу на два фронта, бросая вызов Индии с ее миллиардным населением и более чем миллионной армией, имеющей ядерное оружие. Китай – этот колосс отнюдь не на глиняных ногах – пока в стороне от схватки, но и его тревожат вылазки мусульманских сепаратистов.

Похоже, исламские религиозно-тоталитарные диктатуры задумали повторить в ином масштабе один эксперимент, дважды в минувшем веке проделанный германским воинством. Сомневаться в его результатах не приходится. Вопрос лишь в том, каким образом будут поделены плоды будущей победы между новой «большой тройкой» – библейской, индийской и конфуцианской цивилизациями.

«Судный день» – ключевой сюжет библейской эсхатологии – может оказаться не чем иным, как радикальным изменением картины мира, перераспределением ролей между цивилизациями, о чем, кстати, предупреждал и Шпенглер.

Решающий вклад мусульманских экстремистов в организацию «террористического интернационала» не подлежит сомнению, но определять террор как проявление «исламского фундаментализма» вряд ли правомерно. Фундаментализм в широком смысле означает неизменность догматики, строжайшее выполнение всех традиционных религиозных предписаний. Поэтому те шейхи-изуверы, которые выдают свои «новаторские» человеконенавистнические проповеди за божественное откровение, – никакие не фундаменталисты, а преступные шарлатаны, эксплуатирующие психопатов-самоубийц с целью удовлетворения собственных людоедских страстей.

Таким образом, терминологический комплимент террористам на самом деле лишь дискредитирует религиозный фундаментализм вообще. Кому это сейчас выгодно, нетрудно догадаться, если вспомнить о позиции американских протестантов-фундаменталистов в их отношении к евреям и к Израилю. Например, один из представителей этого религиозного направления, Джереми Фолуэлл, видел политическую общность «иудео-христианских, свободолобивых, демократических» Соединенных Штатов и еврейского «свободолюбивого, демократического» государства Израиль. Оба народа, считал Дж. Фолуэлл, имеют одни и те же религиозные и культурные ценности, оба противостоят миру зла – «коммунистам и арабам». И многие американцы, находящиеся под влиянием протестантов-фундаменталистов, рассматривают возрождение еврейского государства и его борьбу за свое существование как исполнение библейских пророчеств.

Исламские религиозные экстремисты и арабские террористы понимают, какое значение для западной цивилизации имеет Эрец-Исраэль – родина народа-патриарха, вдохнувшего в европейскую культуру нравственный Закон. Поэтому, чтобы изолировать Израиль от остального библейского мира, они с такой изощренностью и цинизмом – но в полном соответствии с их собственной моралью – эксплуатируют глубоко презираемые ими самими, чуждые их культуре достижения Запада в области прав человека, его приверженность идеалам свободы и гуманизма. Они умело спекулируют на том, что современное еврейское государство, как в библейские времена, оказалось осажденным филистимлянами. И сегодня Израиль вынужден решать те же задачи, что и три тысячелетия назад. Антисемитизм же – это трещина в фундаменте западного мира, которую исламисты всеми силами стараются расширить, чтобы рухнуло все здание.

Холокост был тяжелым испытанием для библейской цивилизации. Предательство ею Израиля, если только оно состоится, станет моральным самоубийством Запада, и приведет последний к краху в конфликте с мусульманским миром. Судьбы евреев и других библейских народов неразрывно связаны. Иерусалим – столица еврейского государства – это святая святых в храме западной цивилизации, здесь – душа и совесть библейского мира. Выдержит Израиль – устоит и Запад.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ... для вооруженных циников

Эта книга, написанная знаменитым политологом, бывшим заведующим отдела планирования Госдепартамента США, развивает идеи, высказанные им в известной статье «Столкновение цивилизаций?» («The clash of civilizations?»), которая вышла в свет в 1993 г. Указанная статья явилась своеобразной консервативной академичес-

кой реакцией на появившуюся за четыре года до этого либеральную благую весть Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?». Достоинство уважения, что манифесты обоих ученых содержат в заголовках знак вопроса.

«Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире», – утверждал Хантингтон в статье. На наш взгляд, историко-политологический анализ, приведенный в его работе, весьма солиден; «моральная» же их цензура – по меньшей мере, неуместна. В то же время критика концепции Хантингтона «по делу», появившаяся сразу же после выхода его статьи, заслуживает внимания. Высказывалось, например, сомнение в правомерности выделения им латиноамериканской и православно-славянской цивилизаций, которые должны быть включены в состав западного мира. Уместно напомнить в связи с этим, что А. Тойнби относил коммунизм к числу религиозных движений и называл его «постхристианской ересью западного происхождения», в которую Россия впала в 1917 г. Кстати, и Ф. Фукуяма, с учетом новых реалий, в конце прошлого года несколько уточнил свою позицию в статье «Началась ли история опять?» Он, правда, настаивает на том, что «сегодняшний конфликт – это не просто борьба с терроризмом и не борьба с исламом как религией или цивилизацией, а, скорее, борьба с исламо-фашизмом...». Не возражая в целом с такой характеристикой исламского экстремизма, от себя добавим, что Нюрнбергский военный трибунал, который профашистским журналистом Дугласом Ридом был окрещен как «месть талмудистов», действительно допустил в своей работе серьезную оплошность: им не были привлечены к ответственности за тесное сотрудничество с нацистами лидеры Ближнего Востока. Как знать, окажись в свое время на скамье подсудимых рядом с Альфредом Розенбергом Амин аль-Хусейни, – и сегодня, возможно, никто не слышал бы ни о бин-Ладене, ни об Арафате и им подобных «героях».

2. ... «крики беотийцев», раздающиеся со всех сторон

Президенту Соединенных Штатов сегодня намного труднее, чем было полтора века тому назад «королю математиков» К.Ф. Гауссу, который, опасаясь этого самого «крика беотийцев», так и не решился опубликовать свои соображения о возможности построения неевклидовой геометрии. Слава ее открытия досталась другим. Но кто, кроме США, имеет сейчас силу и волю (третируемую нынешними «беотийцами» как гегемонизм и имперское мышление), способные помешать «недовооруженному цинику» С. Хусейну подготовиться как следует?

Примерно через десять лет после Первой мировой войны русский философ Лев Шестов писал: «Даже и события последнего времени – достаточно потрясающие, чтобы разбудить и мертвеца, ни на кого не действуют... Доколе еще бить людей?!» Неужели же вся мудрость человечества сводится к тому, чтобы громогласно говорить об уроках истории, оставляя в резерве, для своего оправдания, ссылки на неумолимость «объективных законов»?

3. Освальд Шпенглер... не склонным к компромиссу

Пренебрежение историческим опытом, облеченным в религиозную форму, может только извратить и дискредитировать даже самую привлекательную и благотворную идею. Предостережение против этого мы находим опять-таки у Владимира Соловьева. «Русский Платон», как его называли, показал, что пророческое сознание и есть сознание общечеловеческое («Чтения о богочеловечестве»): Иона проповедовал волю Бога язычникам Ниневии, а Исаия и Иеремия возвестили грядущее откровение как знамя языков, к которому придут все народы.

«... Пример еврейских пророков, величайших патриотов и, вместе с тем, величайших представителей универсализма, – говорил Вл. Соловьев, – в высшей степени поучителен для нас, указывая на то, что если истинный патриотизм необходимо свободен от народной исключительности и эгоизма, то вместе с тем... истинное общечеловеческое воззрение, истинный универсализм для того, чтобы... иметь действитель-

ную силу и положительное содержание, необходимо должен быть расширением или универсализацией положительной народной идеи, а не пустым и безразличным космополитизмом». Отсюда неизбежно следует, что главными препятствиями на пути к подлинному общечеловеческому были и остаются антииудаизм, юдофобия и антисемитизм. Посмотрите на антиеврейские лозунги «антиглобалистов», на то, как на «антисионистской» основе братаются в Госдуме России нацисты Терехов и Илюхин с исламистами Джамалем и Раджабовым – и все станет ясно.

4. ... бедные маркиз де Кондорсе и Макс Вебер!

Именно Кондорсе, сотрудничавший с энциклопедистами Д. Дидро и Ж. Д'Аламбером, впервые четко сформулировал концепцию исторического прогресса, в соответствии с которой каждый последующий этап истории должен быть более совершенным, чем предыдущий, благодаря последовательному развитию человеческого разума (см. «Эскиз исторической картины прогресса человеческого духа», 1794 г.).

М. Вебер в работе «Протестанская этика и дух капитализма», (1904 г.) показал, что существует два стереотипа восприятия и поведения – традиционный и рациональный, – определяющие основные типы общества: традиционное (аграрное) и индустриальное. Переход от первого типа ко второму получил название «современной революции» или модернизации. В формировании рационализма, по Веберу, решающую роль сыграла протестанская этика – этика частной инициативы, индивидуального труда и личной ответственности.

«Популяризация» научных терминов, их редукция и прямое искажение – не так безобидны, как это может показаться. Конфуций говорил: если слова теряют свое значение, люди теряют свою свободу.

5. ... о несовместимости политики и морали?

В любом случае, как не раз подчеркивал Хосе Ортега-и-Гассет, либеральная демократия – это высшая из донныне известных форм общественной жизни. «... Вероятно, это не лучшая форма, – признавал он, – но лучшие возникнут на ее основе и сохранят ее суть...». Возвращение же к «низшим» формам – «самоубийственно» («Восстание масс»).

Возможно, нравственная победа библейской цивилизации будет достигнута тогда, когда по словам Ортеги, на смену «старому либерализму» придет «новый либерализм, не столь наивный и порядком искушенный в ратном деле» (написано в конце 1920-х годов!). Быть может, этот «новый либерализм» выдвинет общеприемлемый нравственный императив цивилизации, для которой главной ценностью останется индивидуальность человека, обязанного исключительно своим человеческим благородством (*nobless oblige*). Например, живи так, словно от каждого поступка совершенного тобой, зависит судьба всего мира...

СПОСОБЕН ЛИ РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ ПРИВЕСТИ К ПОЗИТИВНЫМ ПЕРЕМЕНАМ?

Фрэнсис ФУКУЯМА и Надав САМИН

Что происходит в мусульманском мире? Почему он производит на свет, с одной стороны, угонщиков-самоубийц, а с другой стороны, вялые и организованные самым хаотическим образом капиталистические общества, которые не могут обеспечить ни экономического процветания, ни демократии? Правильный, хотя и частичный ответ на эти вопросы – частичный потому, что он относится только к арабскому сектору мира – может быть найден в выпущенном ООН в июле 2002 года «отчете о развитии». На основе проведенного анализа отчет делает вывод, что «развитие арабского сектора, со всем его нефтяным богатством, не соответствует его потенциалу». Экономика составляющих его стран находится в состоянии застоя, широко распространена безграмотность, политические свободы не отыскать днем с огнем, а его обитатели, и в особенности женщины, лишены основных возможностей и перспектив приложения своих способностей, характерных для современного мира.

Отчет ООН – составленный, что небезынтересно, группой арабских интеллектуалов – был завершен задолго до 11 сентября. Но его определенная связь с нападением на США представляется комментаторам достаточно очевидной. Ведущий обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Томас Фридман назвал его ключевым для понимания «окружения, которое произвело на свет бин-ладенизм и будет воспроизводить его, если ничего не изменится». В редакционной статье «Уолл-Стрит Джорнел» говорится, что «нет ничего удивительного» в том факте, что «подобного рода изолированная культура стала плодотворной почвой для исламского фундаментализма, который породил 11 сентября».

Исламизм Осамы бин-Ладена и его последователей и в самом деле неотделим от неудачи в развитии арабских обществ. Однако, при всем этом, было бы ошибкой представить движение исламистов только лишь как результат этих неудач. Феномен радикального ислама намного сложнее, и его долгосрочное влияние на развитие всего исламского общества может самыми неожиданными путями оказаться еще сложнее.

Нападение на Соединенные Штаты в сентябре прошлого года было осуществлено группой мусульман, ведомых худощавым бородатым аскетом, восседавшим в пещере в Афганистане и излагающим свои непостижимые максимы. Ненависть террористов к Америке была столь всепожирающей, что они оказались готовы взорвать самих себя – что отличало их от предыдущих поколений террористов. Откуда появился этот безудержный фанатизм, столь чуждый современному демократическому темпераменту?

Фрэнсис ФУКУЯМА – профессор международной политической экономики в Школе международных исследований при университете Джона Хопкинса.

Надав САМИН – выпускник этой Школы, специалист по проблемам Ближнего Востока.

Для многих политических обозревателей первым импульсом было отнести это на счет глубоких культурных факторов, и в особенности, вероучений фундаменталистского ислама. И нельзя не признать, что эта точка зрения имела и все еще имеет полное право на существование. В частности, неоспорим тот факт, что даже осуждая бин-Ладена, мусульмане и люди Запада явно были склонны занять противоположные позиции в их интерпретации событий 11 сентября, подтверждая тем самым парадигму Сэмюэля Хантингтона, ученого-политолога из Гарварда, который много лет назад предсказал, что в мире после окончания холодной войны возникнет «столкновение цивилизаций».

И все же, как бы ни было глупо принижать роль религии или «цивилизационных» факторов, было бы слишком просто свести максимы Осамы бин-Ладена только лишь к исламскому фундаментализму. Ибо исламизм, символом которого он является и от имени которого он выступает, не является движением, цель которого – возрождение архаической или чистой формы исламской практики. Как утверждают некоторые обозреватели, включая и высказавшихся совсем недавно в «Джорнел оф демокраси» иранских ученых Ладана и Ройю Бороуманда, это движение может быть лучше понято, если рассматривать его не как традиционное, но как вполне современное.

По словам Бороуманда, группы, подобные Аль-Каеде, явно обязаны своими идеями европейским доктринам крайне правых и крайне левых, получившим распространение в 20-м веке. Один источник влияния может быть прослежен к Хасану аль-Банна, школьному учителю, основавшему в 1928 году в Египте организацию «Мусульманское братство». От итальянских фашистов аль-Банна воспринял идею безусловного подчинения харизматическому лидеру, скопировав лозунг своей полувосенной организации – «действие, подчинение, молчание» – с девиза Муссолини – «верить, подчиняться, сражаться». Взяв в качестве образца нацистов, он уделял большое внимание молодежному крылу «мусульманского братства», а также соединению физического и духовного, ислама и активной деятельности. Неудивительно, что аль-Банна предупреждал своих последователей, что им следует ожидать от традиционных исламских руководящих кругов не поощрения, а репрессий.

Вторым европейским источником исламизма можно назвать Маулана Модуди, который основал в начале 1940-х годов в Пакистане движение «Джамаат-и-ислами». Журналист, досконально ознакомившийся с марксистскими идеями, Модуди выступал за борьбу исламского «революционного авангарда» против как Запада, так и традиционного ислама. Как отмечает Бороуманд, он был первым, кто присоединил «определение «исламский» к таким явно западным терминам, как «революция», «государство» и «идеология».

Эти ветви радикальных левых и правых сошлись, в конце концов, в лице Саида Кутба, египтянина, который после Второй мировой войны стал главным идеологом «Мусульманского братства». В своем главном труде «Указатели на дороге» Кутб выдвигал идею монолитного государства, руководимого исламской партией, оправдывая использование любых форм насилия для достижения этой цели. Общество, которое он представлял себе, должно было быть бесклассовым обществом, в котором «эгоистический индивидуализм» либерального общества будет искоренен и прекратится «эксплуатация человека человеком». Это, как указывает Бороуманд, представляло собой «ленинизм в исламском одеянии», и именно это кредо характеризует большинство сегодняшних исламистов.

Хотя эта взрывоопасная смесь зародилась в среде суннитов, она нашла себе сторонников и среди шиитов, в особенности благодаря влиянию, которая она оказала на аятоллу Хомейни. Иранская революция 1979 года принесла исламу такую степень религиозной респектабельности, которой он никогда не обладал. Но тот факт, что это движение с такой легкостью преодолело острые противоречия между суннитами и шиитами, говорит о том, насколько далеко оно отошло от истории и обычаев ислама. Как заключает Бороуманд, базовые атрибуты исламизма – «эстетизация смерти, прославление вооруженной борьбы, культ мученичества и вера в пропаганду действия» – имеют мало прецедентов в исламе, но весьма характерны для современного тоталитаризма. Кажущаяся жесткость теологии Осамы бин-Ладена дает искаженное представление о реальной сути его в высшей степени неортодоксальных верований.

Вот так ситуация выглядит с идеологической точки зрения. Что касается ее социологической грани, то и здесь можно провести еще одну тесную параллель между исламизмом и подъемом европейского фашизма. Хотя Гитлер был великим специалистом по части идей, корни его движения, как они описаны в классических трудах, например, в книге Фрица Штерна «Политика культурного отчаяния» (Fritz Stern, «The Politics of Cultural Despair», 1974), лежат в быстрой индустриализации Центральной Европы. В течение одного поколения миллионы крестьян переместились из замкнутых деревенских общин в большие обезличивающие города, теряя в этом процессе привычные культурные нормы и ориентиры.

Этот быстрый переход – точно охарактеризованный в знаменитом определении Фердинанда Тённиса (Ferdinand Tönnies, 1855-1936, немецкий социолог и политолог – прим. перев.), говорящем о разнице между *Gemeinschaft* (общиной) и *Gezellschaft* (обществом) – был, по-видимому, самым мощным импульсом, приведшим к возникновению современного национализма. В отсутствие местных источников самоидентификации, перемещенные крестьяне нашли новые социальные связи в языке, этнической близости и – в конце концов – в мифо-поэтической пропаганде европейских крайне правых. Хотя разные правые партии пытались изобразить, что они возрождают древние традиции – до-христианские германские в случае нацистов и древне-римские в случае итальянских фашистов – на самом деле их доктрины представляли собой синкретическую мешанину, старые символы и новые идеи, объединяемые с помощью самой современной коммуникационной технологии.

Исламизм, как одним из первых заметил покойный Эрнст Геллнер (Ernest Gellner, 1925-1995, известный английский философ, антрополог и социолог – прим. перев.), шел подобным путем. В течение нескольких последних десятилетий большинство мусульманских обществ прошли через ряд социальных преобразований, во многом похожих на подобные процессы в Европе конца 19 века. Огромные массы крестьян и членов племенных кланов перебрались в обширные кварталы трущоб Каира, Алжира и Аммана, оставив позади себя разномастный, часто долитературный ислам деревенского жителя. Исламизм заполнил образовавшийся вакуум, предложив новую идентификацию, основывающуюся на пуританском, однородном кредо. Синкретический подобно фашизму, он объединил традиционные религиозные символы и риторику с революционным действием.

Некоторые наблюдатели, и в особенности после 11 сентября, выдвинули предположение, что подлинной движущей силой роста исламизма является нищета – но это не тот случай. Согласно недавнему отчету ООН, например, когда перед ООН возникает необходимость помочь странам, дошедшим до крайней степени нищеты, положение в арабском мире оценивается как более благоприятное, чем в других развивающихся районах. Скорее всего исламизм, как европейский фашизм до него, взошел на почве быстрых социальных изменений. В большинстве случаев лидерами и пропагандистами исламизма являются люди, не так давно обосновавшиеся в средних и высших слоях общества. Идеи исламизма открыли этим образованным, но часто одиноким и отчужденным людям дорогу к большим уммам (общинам) правоверных от Танжера до Джакарты и Лондона. С помощью магии магнитофонной кассеты (как это было с Хомейни) или видеокассеты (бин-Ладен) они стали членами полного энтерпрена, хотя и опасного и разрушительного международного сообщества.

Стремление понять, что есть исламизм на самом деле, выводит нас за рамки строгой систематизации. Оно также побуждает нас задать вопрос, который может показаться, по-меньшей мере, странным: может ли исламизм, подобно коммунизму и фашизму до него, послужить, пусть и невольно, модернизирующим фактором, подготавливающим мусульманские общества к тому, чтобы ответить на вызов Запада конструктивно, а не деструктивно?

Вопрос этот не столь абсурден, как он может показаться на первый взгляд. Разумеется, любое сравнение хромает, и в особенности в этой сфере, но большевикам удалось преобразовать Россию в индустриальную урбанизированную страну, а Гитлер сумел избавиться от юнкерства и большей части классового расслоения, характерного для довоенной Германии. Пойдя весьма извилистым путем и заплатив за это огромную цену, оба эти «изма» сумели расчистить некие до-современные заросли, которые препятствовали росту либеральной демократии. Существуют, конечно, намного более безопасные и мирные пути к модернизации общества, как, например, избранные Корсией, Британией или Соединенными Штатами, и менее дорогостоящие пути в современность были доступны и России, и Германии. Но нам приходится иметь дело с тем, что есть, и в исламских культурах существует, по-видимому, намного больше этих, препятствующих модернизации зарослей. Если исламизм направлен против традиционного ислама в той же мере, в какой он направлен против Запада, может ли и он оказаться источником такого творящего современность разрушения?

Существуют мириады способов, по которым не только практика ислама, но и жесткая юридическая структура, заключенная в нем, препятствуют каким бы-то ни было изменениям. Историк экономики Тимур Куран тщательнейшим образом зафиксировал многочисленные традиционные исламские установления, чья жесткость и юридический характер являются трудно преодолимыми барьерами на пути развития. Процентная ставка определяется религиозными властями, образование сфокусировано на механическом заучивании религиозных текстов и не поощряет критическое мышление, женщины не допускаются к политической и экономической деятельности, и так далее. Даже такие институты, как вакф, или традиционная исламская благотворительность, которая могла бы послужить оплотом гражданского общества в преобразованном исламском государстве, устанавливает вечное право наследования для

богатых людей, не предусматривая никаких возможностей приспособления к изменяющимся обстоятельствам.

Многие из подобных ограничений существовали и на иудео-христианском Западе и были отменены или смягчены лишь после длительной борьбы. Все они продолжают присутствовать в исламском настоящем и могут быть удалены только волей политической власти. Исламизм уже продемонстрировал свою способность сделать это и даже приспособить для своих нужд западные нормы, если в этом возникает необходимость: хотя Хомейни и вернул женщинам Ирана чадру, он – правда, с неохотой – разрешил женщинам участвовать в выборах – практика (введенная при шахе), которую он однажды приравнял к проституции.

В Египте «Мусульманское братство», а также другие, даже более радикальные исламистские организации создали целый слой добровольных ассоциаций, стоящих между семьей и государством. Среди них можно назвать, например, исламистские благотворительные общества, которые во время Каирского землетрясения 1992 года заполнили вакуум, предоставляя необходимую социальную помощь, которую не могло обеспечить неумелое и коррумпированное египетское государство. Исламисты надеются, несомненно, объединить когда-нибудь религию и политическую власть, что было бы катастрофой. Но они приобретают – и насаждают – обычаи объединения и независимых действий, которые, если их каким-то образом отделить от их радикальной идеологии, все еще могут составить основу подлинного гражданского общества.

Есть еще одна сфера, в которой реакционные идеи исламизма могут сыграть потенциально прогрессивную роль; речь идет об фундаментальных источниках власти и законности в исламском мире.

Традиционная система исламской юриспруденции – с ее жесткими правилами и иерархией – подвергалась, в той или иной форме, жесткой критике, по крайней мере, с 19 века. Самыми заметными из ранних критиков были такие «модернизаторы», как иранец Джамаль аль-дин аль-Афгани (1839-1897) и его ученик, египетский реформатор Мухаммад Абдух (1849-1905). Абдух был среди первых, кто решился отступить от жесткой текстуальной интерпретации, которая была характерна для суннитов со времен ранних халифатов. С его точки зрения, человеческий разум был единственным подходящим инструментом для толкования фундаментальных истин Корана и Сунны (традиций Пророка). Назначенный в конце жизни муфтием Египта, Абдух издавал постановления, отражающие, по словам одного ученого, его желание «сделать религию ислама способной полностью соответствовать требованиям современной цивилизации».

Последствия этого шага были весьма серьезными. Хотя установленные принципы ортодоксального суннитского ислама остались неприкосновенными, давно запечатанные врата доктринерских толкований были сняты с петель. Как мусульманский Лютер, Абдух потряс религиозный истеблишмент, вдохнув жизнь, под влиянием своего учителя аль-Афгани, в допустимость независимой юридической интерпретации. Его пример дал возможность проявить беспрецедентную широту взглядов всем последующим толкователям исламской традиции, как святым, так и демагогам – к последним можно отнести таких анти-западных радикалов, как Саид Кутб из «Мусульманских братьев» и, наконец, Осамы бин-Ладена.

И совсем не случайно, что в борьбе за право интерпертации благоприятная почва для взрастания исламизма нашлась в таких хрупких олигархиях, как Саудовская Аравия и Египет. Оба режима объединились с традиционными клерикалами, загнав популистское течение ислама в трущобы и превратив его в идеологическое партизанское движение. Отлученные от якорей традиции, исламисты стали экспертами в деле манипуляции символами веры и использования их для своих революционных целей.

Знаменитая фетва Осамы бин-Ладена 1998 года, в которой он объявил своим последователям, что джихад против Соединенных Штатов и любого американца – это «разрешенная охота», является характерным примером. Хотя само по себе содержание декларации противоречит традиционной исламской морали – как отметил выдающийся ученый, знаток Ближнего Востока Бернард Льюис, «нигде в основополагающих текстах ислама его последователям не предписывается совершать террористические убийства» – самым важным моментом в этом утверждении является личность его автора. У Осамы бин-Ладена не имеется полномочий религиозного авторитета и он не имеет права, в соответствии с традиционной практикой ислама, издавать фетву. Это выглядит точно так же, как если бы Гитлер издал папскую энциклику, а Ленин – постановление от имени русской православной церкви. Сам факт того, что бин-Ладен с легкостью перешагнул через эту линию, говорит о том, насколько далеко зашел исламизм в подрыве традиционной исламской юридической власти. Но эта самая линия, пересеченная во имя тотальной войны против Запада, может быть пересечена и во имя другой, более здоровой цели.

Впрочем, нам не стоит обманывать самих себя. Осовременивание ислама вряд ли можно считать неизбежным, и оно не произойдет без жестокой и долгой борьбы. В исламском обществе есть несколько глубоко укоренившихся черт, препятствующих модернизации, в частности, отсутствие традиции секулярной политики. Для многих мусульман самым «естественным» может выглядеть тоталитарная идеология, которая пытается объединить общество и государство в некое единое революционное целое. Точно так же ни в коей мере не ясно, несмотря на недавний отчет ООН, способен ли мусульманский мир на реалистическую самооценку, совершенно необходимую для того, чтобы сделать шаг в направлении современности.

Многие незападные общества, в конце концов, пытались пойти по дороге насильственного сопротивления громадной военной, экономической и культурной мощи Запада. И только после того, как они оказались перед угрозой поражения и подчинения, эти страны, подобно Китаю и Японии, решили заняться серьезным изучением того, что, по выражению Льюиса, «пошло не так». Присоединившись к Западу после того, как они убедились, что не могут победить его, они восприняли много западных институций, сохраняя при этом сердцевину своей собственной культуры. Этот процесс социального обучения в мусульманских обществах оказался намного более медленным; в частности, для арабов оказалось более удобным обвинять Израиль и США за недостаток прогресса в их собственных странах.

Если ожидание модернизации мусульманского общества может оказаться долгим, как Запад должен вести себя в краткосрочном плане, столкнувшись с перспективой все продолжающегося терроризма, террористов-самоубийц и возможности применения ими оружия массового уничтожения? Решительное использование военной силы является, несомненно, частью ответа. Ев-

ропейский фашизм пал не вследствие врожденных пороков его воплощенных в жизнь идей; принесли опустошение тем обществам, которые восприняли его доктрины, он лишился законной силы, будучи побежденным на полях сражений. Точно так же, как Осам бин-Ладен и его дело приобрели некий статус и даже поддержку после удачной акции 11 сентября, изгнание Аль-Каеды из Афганистана и продолжающиеся операции США против радикального исламского терроризма являются совершенно необходимыми для подавления исламского пыла.

Но самая важная борьба должна быть объявлена внутри самого исламского мира. Слишком долго подлинные сторонники модернизации мусульманства стояли в стороне, в то время как традиционалисты и исламисты сражались друг с другом на главной сцене. Существует настоятельная необходимость в появлении ориентированных на Запад мусульман, чтобы использовать созданный после 11 сентября момент для продвижения действительно либеральной формы их религии.

Есть основания считать, что возможность такого рода существует. Хотя многие мусульмане все еще продолжают оказывать предпочтение исламизму в абстрактном смысле, движение это привело к катастрофическим последствиям везде, где оно пришло к власти. Саудовская Аравия, родина экстремистского ваххабистского течения фундаментального ислама, является одним из самых коррумпированных режимов в современном мире. При всем необъятном нефтяном богатстве страны реальный доход на душу населения в ней снизился с 11500 долларов в 1980 году до 6700 долларов в 1999 году. Если же взять для примера Афганистан, находившийся под властью талибов, то нельзя не отметить, что рядовые афганцы были несказанно рады освободиться от их ига и с удовольствием вернулись к таким простым современным удовольствиям, как созерцание дешевых индийских мелодрам на своих видео, извлеченных из хорошо укрытых тайников.

Представляется, что иранцы, которые живут под властью исламистов вот уже целое поколение, будут теми, кто выведет исламский мир из его теперешнего тупика. Хотя надежды Запада на казавшегося склонным к прогрессивным реформам президента Хатами не оправдались, существует серьезный демографический фактор, который действует в пользу грядущей либерализации: 70 процентов населения – люди в возрасте до 30 лет, и, согласно имеющимся данным, эти молодые люди питают отвращение к исламской теократии. Будучи первой страной, приведшей исламистский режим к власти, Иран может подать мощный пример всему Ближнему Востоку – и странам за его пределами – если он сам, по своей инициативе, двинется по пути либерализации.

В заключение следует подчеркнуть, что насколько важно не преувеличивать силу исламизма, настолько фатальным может оказаться его недооценка. У него есть мало что предложить арабам, и еще меньше – остальному мусульманскому миру. Его проповедь насилия уже привела к решительным ответным действиям, и – при условии, если он будет побежден – его «успехи» еще могут проложить путь давно уже запаздывающим реформам. И в этом случае мы можем стать свидетелями того, как не впервые коварство истории привело к удивительным результатам.

«Commentary».

Перевод Э. Маркова.

НЕ ВСЕ МУСУЛЬМАНЕ УЧАСТВУЮТ В ТЕРРОРЕ! НУ, И ЧТО ИЗ ТОГО?

Деннис ПРАЙГЕР

Несомненно, подавляющее большинство мусульман – миролюбивые люди – но что из этого следует? Каждый раз, когда возникает тема, связанная с исламом и с проявлениями насилия, и, в особенности, с террором, нам неизменно возражают, что «подавляющее большинство мусульман – мирные люди», не принимающие никакого участия в терроре. И это совершенно верно.

Но абсолютно нерелевантно.

Огромное большинство немцев, живших в Германии во времена нацизма, тоже были миролюбивыми людьми; не так уж много из них имели хоть какое-то отношение к тому, что произошло с евреями. Точно так же подавляющее большинство русских не участвовали в уничтожении от 20 до 40 миллионов своих сограждан, которые были убиты их коммунистическим режимом во времена Сталина. Суть дела заключается в том, что угроза цивилизации, исходящая от ислама, ни в коей мере не отменяется тем фактом, что подавляющее большинство мусульман не исповедует насилие – точно так же, как угроза, исходившая от нацизма, не нейтрализовалась мирным поведением большинства немцев, а угроза, исходившая от советского коммунизма, не сводилась к нулю тем, что насилие не было свойственно громадному большинству русских.

Германия того времени представляла собой угрозу цивилизации, поскольку нацисты и их идеология овладели германским обществом, в то время как большинство немцев («хороших немцев») либо поддержало нацистские идеалы, либо молчало. И Россия угрожала цивилизации, потому что коммунисты захватили власть в стране, и громадное большинство русских либо поддерживало папу Сталина, либо молчало. Некоторые исламские общества становятся сегодня угрозой цивилизации, так как исламские террористы фактически берут верх в этих обществах, а большинство мусульман либо поддерживает их, либо молчит.

Именно поэтому в лучшем случае бессмысленно, а в худшем – бесчестно отрицать угрозу цивилизации, исходящую от различных мусульманских стран, ссылаясь на то, что большинство мусульман непричастны к насилию. Всего лишь горстка саудовцев участвовала в террористическом нападении на США 11 сентября, но большинство саудовцев поддерживает Осаму бин-Ладена. Не так уж много палестинцев надевают на своих детей пояса со взрывчаткой, но большинство их одобряет такого рода злодеяния и никто ни разу не выступил публично с осуждением их с позиций морали.

Деннис ПРАЙГЕР – известный публицист и общественный деятель, США.

В настоящий момент доминантная ветвь идеологии ислама является тоталитаристской, то есть требующей, чтобы при первой же возможности правительство страны стало бы правительством исламским (религиозным) и чтобы оно руководило страной на основе строгой интерпретации шариата (мусульманского религиозного закона). Кроме того, исламисты убеждены, что, когда это необходимо и возможно, религиозные законы должны насаждаться силой – так, как это было в Судане, Нигерии, Афганистане и других местах. Вдобавок к этому, доминантное идеологическое направление во многих исламских обществах насковзь пропитано ненавистью. То, что ежедневно говорится о евреях в мечетях Ближнего Востока, ничуть не уступает нацистской риторике. И не только в мечетях. Во время праздника Рамадан этого года египетское телевидение показывает сериал из 41 части, основанный на антисемитской фальшивке «Протоколы сионских мудрецов».

Учитывая все это, моральное суждение о том, что происходит в мусульманском мире, не должно принимать во внимание тот факт, что большинство мусульман – миролюбивые люди. Их стремление к мирной жизни не оказывает никакого влияния на агрессивные тенденции в их религии.

Таким образом, главной и наиболее пугающей проблемой является не то, что существуют мусульманские террористы, а то, насколько маргинальна критика исламского террора, исходящая от нормативных исламских групп. В то время, как некоторые мусульманские группы осудили отдельные акты исламского террора – например, нападение на США 11 сентября, ни одна значительная мусульманская группа в мире, включая и наши, американские, не выступили с осуждением исламского террора в целом. А руководители университета Аль-Азхар, наиболее престижного института исламской мысли, фактически поддержали как с моральной, так и с религиозной точки зрения исламский террор самоубийц против Израиля.

Поэтому тот факт, что большинство населения исламских стран – хорошие люди, ни в кося мере не оказывает влияния на ситуацию. Если они, эти хорошие люди, не предпримут усилий к тому, чтобы осудить и изолировать мусульманских тоталитаристов и террористов в своей собственной среде, история будет судить их так же, как она судила всех хороших немцев, живших во время Катастрофы.

«Jewish World Review».

Перевод Э. Маркова.

ОБЩЕСТВО, МИРОВОЗРЕНИЕ, КУЛЬТУРА

ПОСЛЕДНЯЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Леон АРОН

*Письмена природы можно разобрать, это правда;
но они не настолько понятны, чтобы их можно было
прочесть на бегу.*

Эдмунд Бурке, «О вкусе».

Десятилетний эксперимент пост-коммунистической России в сферах демократии, гражданских и политических свобод и свободного рынка немногим отличается от движения длинного, плохо организованного каравана по обширной болотистой равнине, который, то и дело останавливаясь, увязая и чуть не утопая в засасывающей жиже, тем не менее, упрямо продвигается вперед. За караваном следует, безуспешно пытаясь догнать его, толпа журналистов и экспертов. Их головы опущены. Они не оглядываются назад, чтобы оценить уже пройденный путь, не смотрят по сторонам, чтобы сравнить продвижение каравана с прогрессом соседних кочевников, не заглядывают и вперед, чтобы понять, куда ведет дорога. Вместо этого их взоры неизменно прикованы к грязи, налипшей на колеса, к рытвинам на дороге и к болотной живности, пирующей на кучах отбросов, оставленных позади телег.

Людам, живущим в зрелой либеральной демократии, многое в сегодняшней России кажется, и в самом деле, порочным и уродливым. Можно упомянуть, для примера, о безудержной коррупции, проявлениях жестокости в Чечне, издевательствах над солдатами-первогодками, попытках ограничить независимость национального телевидения. А могло ли быть иначе? Даже не беря в расчет невежество и продажность, неизменно сопутствующие любого рода начинаниям, нельзя забывать о том, что пост-советская Россия – продукт существовавшей семьдесят лет и четыре поколения системы, в которой массовые убийства, страх и ложь были повседневной рутинной. «История», – говорит Александр Яковлев, характеризуя советский коммунизм, – «никогда не знала столь концентрированной ненависти к человеческому существу».

Другой частью советского наследия была автократическая, устаревшая, хронически отстававшая, угольно-стальная экономика, которая, если не считать ее военного сектора, плелась на десятилетия позади Запада, ввозя все, если требовалось высокое качество, и обеспечивая большую часть своих прибылей за счет двух основных статей дохода – продажи нефти за рубеж и водки дома. Согласно секретному исследованию, проведенному по указанию Михаила Горбачева в 1989 году, прекращение государственного субсидирования привело бы к немедленному лишению работы 40 миллионов человек.

Леон АРОН – историк и руководитель отдела изучения России в институте American Enterprise, автор книги о Ельцине «Революционная жизнь» (2000 г.)

Коррупция и воровство были повсеместным явлением. Нищета была просто подавляющей – в 1988 году 43 миллиона человек, примерно один человек из шести, жили в семьях с месячным доходом на душу населения не более 75 рублей (семь с половиной долларов по обменному курсу черного рынка), лишь на пять рублей выше официально признанного уровня, разделяющего тех, кому было и кому не было чего есть. Жилищный кризис достиг гигантских пропорций; многие больницы и школы не имели водопровода и не были оборудованы внутренними уборными; детская смертность была выше, чем на Барбадосе и в Арабских эмиратах. К осени 1991 года государство фактически оказалось на грани банкротства, и стране угрожал голод.

А сегодня?

Единственным здравым, не говоря уже о справедливости, способом оценки прогресса этой страны будет анализ, продсланный в контексте ее собственной истории и сравнивающий ее с другими странами, находящимися примерно в том же положении, а не с позиций теоретических возможностей или опыта других, более отдаленных и более удачливых стран. В случае с Россией такая оценка настоятельно необходима в свете того явного недоверия, которое преобладает в реакции как многих экспертов, так и масс-медиа Соединенных Штатов на замечательное проявление Россией солидарности с Соединенными Штатами после 11 сентября 2001 года.

Поведение Москвы почти единодушно объяснялось краткосрочными тактическими соображениями в расчете на некую взаимную услугу. Если даже это и так, Москве еще надо дожидаться ее материализации. В прошлом году Соединенные Штаты уведомили Россию, что они намерены выйти из Договора о противоракетной обороне (ПРО). Распространение НАТО на восток стало фактом. Парижский клуб государств-кредиторов не хочет даже разговаривать о реструктуризации российских долгов. Не были представлены России и никакие поблажки для вступления во Всемирную торговую организацию. И после короткого перерыва, наступившего вслед за 11 сентября, Госдепартамент возобновил бичевание поведения России в Чечне.

Если российская про-американская и про-западная позиция была избрана с целью получить что-то взамен, создается впечатление, что такой выбор оказался ошибочным. Но вместо того, чтобы изменить курс на обратный, президент Путин решил посетить штаб-квартиру НАТО – первый такой визит советского или российского лидера, – где он декларировал о «готовности» страны «сотрудничать и взаимодействовать» с Атлантическим альянсом и объявил о смягчении оппозиции России расширению НАТО. Через несколько недель его встреча с президентом Бушем в Кроуфорде, штат Техас, стала первой в своем роде вехой в американско-советских и американско-российских отношениях: два лидера не пришли к соглашению по кардинальным вопросам контроля за вооружениями, не нанеся ущерба – а, на самом деле, укрепив их – общим отношениям между двумя странами. Вопреки неудовольствию Европы и демократического большинства в сенате США Россия согласилась с выходом Вашингтона из ПРО и выразила готовность подписать договор, согласно которому она должна будет сократить свой ядерный арсенал на две трети, отойдя таким образом от принципа «равновесия устрашения», который определял отношения между двумя сверхдержавами в течение многих десятилетий.

Правда заключается в том, что политика России после 11 сентября вовсе не свидетельствует о резкой смене курса, вызванной либо краткосрочными

тактическими соображениями, либо капризом ее лидера. Она, скорее всего, представляет собой логическую кульминацию давно уже происходящих изменений. Эти изменения можно без особой натяжки назвать революционными. Если не считать восьми месяцев между февралем и ноябрем 1917 года, никогда Россия за все ее четыре с половиной века современной истории не была более свободной, более открытой внешнему миру, менее милитаристской и меньше угрожающей своим соседям и остальному миру, чем за прошедшее десятилетие.

Каким образом Россия оказалась в той точке ее пути, где она находится сейчас? Продолжит ли она идти по этому пути? Это история, о которой следует рассказывать, не торопясь, по частям.

II

Первым отчетливым компонентом революционных изменений в России является демилитаризация. Ее масштабы, возможно, могут считаться беспрецедентными в анналах истории стран, не потерпевших поражения в войне и не подвергшихся оккупации победителями.

После колоссального сокращения военных расходов, предпринятого правительством Бориса Ельцина и Егора Гайдара в начале 1992 года, доля национального валового продукта России, выделяемая на оборону, упала с 30 процентов до 5. В прошлом году Путин с гордостью отметил, что впервые за всю ее историю Россия потратила на образование больше, чем на оборону. Военно-промышленный комплекс страны, который когда-то был стеновым хребтом экономики, содержал и давал работу от четверти до трети населения и был всемогущим и вездесущим повелителем, превратился во всеми пренебрегаемого и часто унижаемого нищего.

Унаследованный от Советского Союза ядерный арсенал был уменьшен с 10 тысяч стратегических боеголовок до 6 тысяч и, как я уже отметил, продолжает уменьшаться до 2 тысяч и даже менее. Вооруженные силы, в советские времена насчитывавшие четыре миллиона человек, были сокращены более, чем наполовину, до 1,7 миллиона человек в конце 1996 года. Сегодняшняя регулярная армия в один миллион человек действительной службы будет сокращена к 2003 году еще на 350 тысяч человек; среди увольняемых числятся 240 тысяч офицеров и более, чем 380 генералов. План, подготовленный двумя либеральными партиями, Союзом Правых Сил и «Яблоко», и одобренный в целом президентом и Советом национальной безопасности, предусматривает отмену существовавшего 300 лет обязательного призыва к 2010 году и переход на добровольную профессиональную армию. Не являясь более священным институтом страны и неоспоримым хозяином ее ресурсов, российская армия скоро, может быть, перестанет владеть и молодыми парнями страны.

Демилитаризация России явилась результатом двух взаимосвязанных решений, впервые обрисованных в «новом политическом мышлении» Михаила Горбачева и воплощенных в жизнь в пост-коммунистическую эру: отход от мессианистской внешней политики и самороспуск империй собственно СССР, а также Центральной Европы. Из поведения пост-советской России были изгнаны не только «борьба против империализма» (что означало неустанную оппозицию Соединенным Штатам и подрыв ориентированных на Запад режимов по всему миру), «солидарность с анти-империалистическими силами во всем мире» (то есть, водворение по всему миру режимов советского типа) и «пролетарский интернационализм» (поддержка таких режимов любой ценой),

но и до-советское наследие пан-славянизма, выражающееся в формуле «Москва – третий Рим». Отход от названной последней идеологии ознаменовался поддержкой Россией действий США и их союзников в Боснии в 1992-1995 годах; голосованием в 1998 году за экономические санкции против Югославии и за резолюцию ООН, требовавшую отвода югославских войск из Косово; отказом в предоставлении военной и экономической помощи славянской и православной Сербии; увольнением Ельциным Евгения Примакова, его неизменно анти-американского и про-югославского премьер-министра; присоединением к предъявленному в 1999 году ультиматуму Слободану Милошевичу, результатом чего явился вывод сербских войск из Косово.

В 1992-95 годах Россия вернула домой из Восточной Европы 800 тысяч военнослужащих, 400 тысяч вольнонаемных и 500 тысяч членов их семей. С уходом в сентябре 1995 года из тренировочной базы подводных лодок в Палдиски, Эстония, последнего российского солдата Россия добровольно вернулась к границам 17-го века. Из всех стран, затронутых этим процессом, самым болезненным и самым потенциально опасным было отделение Украины. Стоит напомнить, каким ужасным кровопролитием сопровождалось разделение находившейся под Британским владычеством Индии на собственно Индию и Пакистан, или распад Югославии, чтобы по достоинству оценить чудесное ненасильственное рождение независимой Украины. Договор о дружбе между Россией и Украиной 1997 года был, по своему, таким же основополагающим событием для мира и стабильности в Европе после окончания холодной войны, каким было организованное Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром сближение Франции и Германии почти четырем десятками лет ранее.

III

Вторым компонентом трансформации России явился тотальный переход национального богатства от государства в частные руки. В 1991 году примерно 5 процентов национального валового продукта производилось в секторе, не принадлежавшем государству; сегодня его доля составляет, по-меньшей мере, 70 процентов. Возникли свыше 900 тысяч частных бизнесов, при том, что фактическое их число процентов, вероятно, на 30-40 выше за счет незарегистрированных предприятий. Если говорить о крупных компаниях, то большинство новых магнатов, или «олигархов», поднялись наверх за счет интриг, подкупа или фальсифицированных распродаж; но подавляющее число малых и среднего размера фирм было создано фактически с нуля. За последние два года Россия ввела 13-процентный подоходный налог (который Путин называет самым «низким в Европе») и 24-процентный налог на прибыли корпораций.

Государственная монополия на владение землей, введенная большевиками в первый же день после захвата ими власти в 1917 году – и последний оставшийся бастион социализма – прекратила свое существование после закона 2001 года, открывшего для продажи около 15 миллионов гектаров принадлежавшей государству земли в городах и промышленных районах, вслед за чем летом этого года были приватизированы свыше 220 миллионов гектаров сельскохозяйственной земли (территория, в четыре раза превышающая территорию Франции). Даже иностранцы могут сейчас взять землю в аренду на срок до 49 лет (или купить ее через российских граждан), и нет сомнений, что со временем они получают право покупать ее прямо на свое имя. На следующем этапе намечено приватизировать такие государственные монополии, как добыча и транспортировка газа, производство электроэнергии, желез-

ные дороги, а также государственные пенсионные фонды.

В заявлении, которое вызвало немало насмешливых замечаний, Путин сказал, что он хочет поднять российский уровень жизни до португальского. Но это тоже, само по себе, является признаком эпохального изменения: мы видим российского лидера, который говорит своему народу правду о его фактическом положении, сделав улучшение этого положения целью своего правительства. Разумеется, даже эта цель представляется сегодня достаточно далекой: ядовитое наследие, оставленное коррупцией и насилием, сопровождавшими приватизацию некоторых ключевых видов государственной собственности, будет еще годы, если не десятилетия сдерживать появление того, что русские называют «цивилизованным» капитализмом.

Новое процветание сосредоточено в крупнейших городах, и особенно в Москве, в которой в прошлом году оборот розничной торговли составил 30 процентов от оборота по всей стране. Улучшение в существенно меньшей степени коснулось небольших городов и совсем обошло стороной совершенно обнищавшую деревню, разрушенную пятьюдесятью годами колхозного рабства, погрязшую в пьянстве и покинутую молодежью. Что касается тех, кто занят во влачащих жалкое существование государственных секторах экономики, включая учителей и врачей, то они во многих случаях стали беднее, чем они были при советской власти. И, наконец, при переходе от убогого, но гарантированного «горшка шей», предоставляемого коммунизмом, к негарантированным благам свободного рынка молодые оказались способнее и удачливее стариков: больше всех пострадали от отсутствия средств и инфляции 1990-х годов пенсионеры, ведущие полуголодное существование.

Несомненно, у этих трагедий есть долгая история. В Советском Союзе конца 1980-х годов сотни тысяч пожилых женщин, живущих в сельской местности, в основном вдов Второй мировой войны, питались хлебом, солью да картошкой, которую они выращивали на своих крохотных участках. И такое положение было характерным не только для деревни. Моя бабушка, проработав 50 лет врачом, получала пенсию в 60 рублей в месяц, которой едва-едва хватало на оплату квартиры, одежду и еду – и это было в 1960-х.

Но тот факт, что проблемы эти существуют уже давно, не делает их менее реальными, и неспособность России существенно облегчить судьбу своих стариков является так и не смытым до сих пор пятном на репутации изменяющегося общества. То же самое можно сказать о кризисе здравоохранения, который новая Россия унаследовала с советских времен. До совсем недавнего времени продолжительность жизни поколения мужчин, отравляемых повальным пьянством от неумеренного потребления выпускаемой государством водки, неуклонно снижалась до уровня самых неблагополучных стран третьего мира. Вдобавок к этому всплеск наркомании, усугубляемый дефицитом одноразовых шприцев и устаревшими методами переливания крови, послужил причиной набирающей силу эпидемии СПИДа.

И все же, несмотря на все эти проблемы, переориентация национальной экономики, благодаря высвобождению колоссальной предпринимательской энергии, уже принесла потрясающие результаты. Среди них самым важным, по крайней мере, с точки зрения Соединенных Штатов, следует назвать успешную приватизацию и дерегуляцию нефтяной промышленности. В отличие от принадлежащей государству газовой монополии «Газпром», которая может обанкротиться, после чего ее ожидает расформирование и продажа,

«большая шестерка» частных нефтяных компаний сумела развернуть на 180 градусов процесс упадка нефтяной промышленности Советского Союза: за последние два года добыча нефти в России выросла на 15 процентов, а в этом году ожидается прирост добычи на 11 процентов.

В феврале 2002 года, впервые после развала Советского Союза, Россия добыла больше нефти (7,28 миллионов баррелей в день), чем Саудовская Аравия, и с этого момента она продолжала опережать пустынное королевство. Вследствие более высокой себестоимости добычи и намного меньших установленных резервов Россия вряд ли сумеет сменить Саудовскую Аравию в качестве самого крупного в мире экспортера нефти. Но если и когда российская нефть начнет поступать в США, это существенно снизит их зависимость от поставок с Ближнего Востока и придаст существенный запас прочности международной политике США.

Для рядового русского человека одним из наиболее видимых положительных результатов приватизации оказалась простая и, в то же время, существенная для чувства нормального человеческого достоинства вещь – наличие и доступность почти повсюду свежей и вкусной пищи. Даже до того, как земля была официально приватизирована, высокоэффективные «частные» фермы, которые появились повсюду, где губернаторам или другим местным органам власти не хватило терпения ждать указаний из Москвы, уже производили 40 процентов от производства сельскохозяйственной продукции по всей стране, получая ее всего лишь на 6 процентах от общей площади сельскохозяйственных угодий. С того момента, как полностью приватизированная оптовая торговля продуктами потребления предложила фермерам рыночную цену за их продукцию, половина урожая уже не сгнивала на полях или в элеваторах. В прошлом году, впервые с начала 1960-х, Россия не только ухитрилась накормить свое население и домашний скот без помощи импорта, но и смогла экспортировать свыше 5 миллионов тонн зерна.

В конце 1980-х русские проводили в очередях, в среднем, 54 часа в месяц. За пределами Москвы мясо появлялось в магазинах дважды в год; во все остальное время человек мог купить – раз в месяц и только при наличии соответствующего талона – т.н. «мясопродукты», которые, в случае, например, большого промышленного города (Киров) сводились к 250 граммам «вареной колбасы» и 300 граммам «копченой колбасы». Согласно данным одного из ведущих советских экономистов, из перечня в 221 наименование важнейших продуктов питания только 23 были в постоянной продаже в государственных магазинах. Сегодня дефицит продуктов питания, рационирование масла и мяса и многочасовое стояние в очередях за молоком и яйцами уходят в туманное прошлое. Исчезло также одно из самых возмутительных проявлений неравенства: распределение продуктов питания в зависимости от политической лояльности и полезности для государства. Деликатесы, которые раньше доставались только номенклатуре, сейчас уступают по всем параметрам продуктам, которые можно купить в обычном супермаркете.

Русские города, и особенно крупные, преобразились: ярко освещенные улицы, чистые тротуары, отремонтированные и покрашенные здания, новое строительство, зазывающие витрины магазинов. Частное предпринимательство превратило 850-летнюю Москву в молодой, полный жизни, расцветающий метрополис и в один из лучших в Европе центров гастрономического

изыска. Жизнь русских женщин, и особенно молодых и хорошо образованных, изменилась до неузнаваемости. Женщины владеют 40 процентами зарегистрированных частных предприятий и ворвались в сферы деятельности, которых ранее не существовало или которые были им недоступны: ведущие газетных рубрик, лидеры партий, банкиры, политические обозреватели. Если говорить о моде, диете, физическом состоянии, отдыхе, доступности противозачаточных средств, среднем возрасте, в котором выходят замуж и заводят детей, возможности сделать карьеру, изменения, которые произошли за десять лет, просто поражают.

Я не назвал других примет существенно повысившегося уровня жизни. В 1990 году на 100 семейств приходилось 18 автомобилей; в 2001 году их было уже 42, а в этом году их число вырастет, по-видимому, до 52. В 2001 году свыше 2,5 миллионов москвичей владели мобильными телефонами – в городе, в котором живет 9 миллионов жителей. За прошедшие два года число пользователей Интернета выросло на 40 процентов.

Благодаря изобилию частных учреждений высшего образования, в 2000 году было на 75 процентов больше институтов и на 50 процентов больше студентов, чем в 1992 году. Число частных благотворительных фондов выросло с нуля в 1988 году до 70 тысяч в 2001. В 1991 году из 290 миллионов советских граждан около полумиллиона выезжали за границу; в прошлом году из 145 миллионов жителей России число выезжавших достигло примерно 5,25 миллионов. Восемьдесят процентов книг, публикуемых сегодня в России, выпускаются частными издательствами; после того, как цензура и государственная монополия стали достоянием прошлого, российская книжная торговля не признает никакой другой «политики», кроме как продать как можно больше товара. В крупнейшем московском книжном магазине тома Солженицина и Пастернака, Набокова и Сахарова, Гаска и Кейнса стоят рядом с биографиями Билла Гейтса и Моники Левински.

От четверти до трети населения России составляет постоянно растущий средний класс. Он потребляет половину доступных товаров и обслуживания и производит, главным образом, в частном секторе, по меньшей мере 30 процентов валового национального продукта. Появление этого слоя населения – от нуля – является одним из самых значительных результатов приватизации. Его ценности, его позицию можно отнести к самым обнадеживающим факторам современной России, к убедительной демонстрации той истины, что экономическая политика России – только одно из проявлений фундаментальной смены общенациональных целей. Решительный отказ от милитаризма и имперских устремлений сопровождался отказом от расширения функций государства и его контроля над обществом. Впервые благополучие индивидуума, а не слава и мощь государства было провозглашено целью России.

Один новый предприниматель, 38-летний владелец оптовой компании по торговле медицинскими препаратами в Воронеже, сказал в интервью американскому корреспонденту накануне парламентских выборов в декабре 1999 года: «Я не знаю, кто будет стоять во главе России через год. Но я знаю, что мы будем делать здесь, в этой нашей маленькой части России. Мы будем стараться улучшить обслуживание населения. Такие у нас планы, и большинство из них вполне реальны. Мы будем делать в нашем собственном доме то, что мы в состоянии сделать».

IV

Третьим и последним компонентом на пути России к либеральной демократии является ее де-большевизация, которая означает меньше, чем демократизация – но в то же время существенно больше. Она не дотягивает до демократизации, потому что не служит синонимом созданию свободных институтов и наделению их цельностью, прочностью и независимостью, характерными для либерально-демократических государств. Но она также указывает на беспрецедентное изменение политической ментальности и является необходимым, хотя и недостаточным условием полной демократизации.

Но я хочу еще раз подчеркнуть, что лес на должен мешать видеть отдельные деревья. Даже в Москве, самом либеральном городе России, большевизм еще живет, и даже неплохо живет, если судить по периодическим набегам мэра Лужкова на «смуглых лиц кавказской национальности» или по его ужаснувшему всех предложению вернуть на Лубянскую площадь статую Дзержинского – человека, возглавлявшего печально известную советскую секретную полицию. Мумифицированный труп Ленина все еще остается в своем мавзолее на Красной площади и будет продолжать там находиться до тех пор, пока те 20-25 процентов населения, которые голосуют за коммунистов, уменьшатся хотя бы наполовину – на что может уйти еще десять лет.

Большевизм живет в ужасающей жестокости чеченской войны. «Запретить» и «испугать» – инстинкты советского прошлого – периодически сказываются на том, как Путин реагирует на своих критиков в масс-медиа. Даже в то время, как в России продолжает шествовать религиозное возрождение, местные власти, подстрекаемые православной ортодоксальной церковью, преследуют недавно основанное в стране протестантское вероисповедание, а в сентябре 2002 года священнику римской католической церкви, у которого есть приход в Ростове-на-Дону, было отказано в праве на возвращение в Россию после заграничной поездки. Тем не менее, невозможно отрицать то, что несколько характерных для большевизма признаков были отброшены. Среди них можно назвать, прежде всего, безжалостность расправы с противником. В борьбе коммунистов с реформаторами потерпевшие поражение коммунисты не были лишены не только жизни, но и политического будущего. Ни один из лидеров коммунистического путча 1991 года, когда штаб-квартира Ельцина была взята в кольцо танками, не был отдан под суд, а двое из них были впоследствии избраны в Думу от коммунистов.

То же самое произошло и с 638 членами взбунтовавшегося Совета народных депутатов, которые с оружием в руках пытались в 1993 году воспрепятствовать выполнению декрета Ельцина о роспуске парламента. Никогда еще в пропитанной кровью истории советского или российского государства не было такого – полной амнистии участникам подавленного вооруженного мятежа и сочувствующим им. (Если бы Ельцин и его сторонники проиграли, их судьбой, которая была записана в уголовном кодексе, ратифицированном взбунтовавшимся Советом, была бы смертная казнь). Через месяц оппозиционные коммунистические газеты, включая «Правду», «Советскую Россию» и особенно ядовитую и подстрекательскую газету «День», сменившую название на «Завтра», вновь появились в продаже, ничуть не снизив своего воинственного тона.

В пост-советской России гарантом свободы и частной собственности является конституция 1993 года, которая тогда подверглась серьезной критике. Но в течение девяти лет, включая и период тяжелого финансового кризи-

са и девальвации рубля в 1998 году, не говоря уже о «холодной гражданской войне» 1998-99 годов, когда сцепились поддерживавший реформы Кремль и находившийся под влиянием коммунистов парламент, она оказалась удивительно гибким инструментом управления страной. Ее перечень «базовых элементов, определяющих конституционную систему», начинается с декларации, что высшей ценностью является «человек, его права и его свобода», которые государство обязано признавать и защищать. Среди других «базовых элементов» называются частная собственность, идеологическое разнообразие и многопартийная система. Государство не может объявить какую-то идеологию или религию официальной. Отдельные статьи гарантируют свободу религии, свободу слова, свободу собраний и свободу печати. Цензура запрещена. Ни одна из перечисленных свобод не была воплощена полностью и последовательно; но все они существуют, в основном, соблюдаются, развиваются и становятся привычными.

Сделанная по образцу разработанной Шарлем де Голлем конституции Пятой республики 1958 года, российская конституция точно так же создавалась в обстановке серьезного кризиса и точно так же была призвана совладать с электоратом, глубоко и страстно разделенным между левыми и правыми, а также с горластым и хаотическим парламентом, в котором ни одна партия не обладала большинством. По словам великого французского политического аналитика Реймонда Арона: «Когда народ разделен настолько глубоко, невозможно говорить об общей воле. Вероятно, конституция Пятой республики не приведет к появлению общей воли, но появится хотя бы воля». Эта цель была достигнута в России, так же, как и во Франции, за счет смещения баланса власти от парламента к исполнительной власти, избираемой всем населением. Арон назвал результат этой системы «выборной монархией» и «авторитарной республикой»; в ее российском варианте эта система находится еще дальше от либеральной парламентской демократии – но для России это явилось огромным достижением.

Впрочем, следует отдать должное российской конституции в том, что она, в отличие от своего французского прототипа, не передала в руки президента некоторые довольно сильные инструменты власти. Так, Федеральный Совет России может отменить президентское вето, а российскому президенту гораздо сложнее распустить парламент. Государственная Дума, далеко не столь бессильная, как ее часто изображают, располагает некоторыми весьма сильными рычагами влияния – которыми, на пользу или во вред, она без колебаний пользовалась в течение последних лет, включая блокирование приватизации земли и государственных предприятий.

Одним из центральных элементов де-большевизации, наряду с отказом от насилия и жестокости в политике; свободой слова, прессы и протеста; свободой выбора и оппозиции являлся полный пересмотр юридической системы. Наследие России в этой сфере было практически безнадежным: 70 лет абсолютно политизированной судебной системы, неотъемлемыми признаками которой были страх, закрытость, произвол и коррупция; суды без власти и без возможности высказать независимое суждение; плохо образованные судьи, зарабатывающие меньше, чем водители грузовиков; государственные прокуроры, облеченные неограниченной властью; меньше одного процента оправдательных приговоров.

Конституция 1993 года в сжатых и властных выражениях заложила основы российской юридической системы, и в последующие годы мы были свидетелями мучительно медленного, но неуклонного продвижения к воплощению системы в жизнь. И снова впервые в российской истории обычные граждане стали предъявлять иски властям – и даже выигрывать их. Между 1993 и 1998 годами количество таких исков выросло в десять раз, и более чем в трех случаях из каждых четырех суды выносили решения в пользу истцов. Федеральное правительство и даже президент более не освобождаются от ответственности перед законом. Свыше 200 тысяч пенсионеров, впервые в истории России подав представительский иск, выиграли его и заставили правительство сделать перерасчет пенсионных выплат в свою пользу.

В 1995 году была драматически расширена юрисдикция районных и областных судов, которые получили право отменять решения местных и федеральных властей. В одном типичном примере суды отменили реакционный закон о свободе совести, одобренный вопреки вето Ельцина и дающий местным властям право отказывать в регистрации (и тем самым в легальности) религиозным организациям – в основном, католического и активно действующего протестантского вероисповедания – которые, по мнению властей, «разжигают ненависть» и демонстрируют «нетерпимое поведение». Среди религиозных общин, которые обязаны судам возможностью открыто исповедовать свою религию в России, можно назвать свидетелей Иеговы в Орле, пятидесятников в Магадане и сайентологическую церковь в Москве.

Самым эффективным инструментом в пост-советской юридической революции оказался конституционный суд, деятельность которого беспрецедентно направлена на то, чтобы заставить российское правительство соблюдать свои собственные законы. Вырывая с корнем остатки советского тоталитаризма, конституционный суд отменил некоторые ключевые аспекты разрешения на проживание в данной местности (знаменитая прописка), которые были условием получения заграничного паспорта; запретил вынесение смертных приговоров до тех пор, пока граждане всех районов будут обеспечены правом на суд присяжных; закрепил права собственности на городскую недвижимость.

Совсем недавно, после нескольких лет затянувшегося обсуждения в Думе, был принят и подписан президентом первый пост-советский Кодекс уголовного судопроизводства. С января 2003 года судебные дела по тяжким преступлениям (убийство, изнасилование, терроризм) будут заслушиваться только судом присяжных; человек, арестованный полицией, должен быть освобожден без всяких условий через 48 часов при отсутствии решения суда о продлении задержания; судьи получают право не рассматривать свидетельства, добытые с нарушением закона; будет предусмотрена возможность заключения соглашения между обвинением и защитой, а также освобождение под залог; выдача разрешений на арест, обыск и конфискацию будет передана от прокуратуры суду. Как выразилась одна из ведущих российских газет, с принятием нового кодекса «мы окончательно избавимся от атавистической советской юридической машины».

V

Ни один анализ ситуации в России не может обойтись без оценки положения российского еврейства, как вследствие значения этой проблемы самой по себе, так и в связи с тем, что она может сказать о здоровье общества в целом. Ибо, так же, как и во всем остальном мире, но только в большей степени, отношение к евреям может рассказать очень много о состоянии русского народа.

После двух столетий поддерживаемого и поощряемого государством антисемитизма трудно удивляться тому, что пост-советская Россия может «похвастаться» своей долей анти-еврейских инцидентов. От самодельных антисемитских плакатов до вандализма на еврейских кладбищах, поджогов синагог и происходящих время от времени нападений на религиозных и общественных деятелей, ситуация мало чем отличается от того, что происходило в Восточной Европе, в целом (или, в последнее время, от ставшего нормой в некоторых странах Западной Европы). Еще большее беспокойство вызывает то, что ультра-националистическая партия Русское национальное единство (РНЕ) начала распространять свое влияние за пределами традиционно антисемитских районов южной России, организуя марши, отправляя отдельным евреям письма с угрозами, оскверняя могилы и устраивая общественные празднества по случаю дня рождения Гитлера.

Но основные резервы антисемитизма в сегодняшней России находятся не в маргинальной РНЕ, а (как почти повсюду) в левой части политического спектра, и особенно в коммунистической партии, все еще самой крупной политической организации страны. В противостоянии Борису Ельцину на президентских выборах 1996 года антисемитизм был ключевым элементом предвыборной стратегии председателя партии Геннадия Зюганова. (В своих статьях Зюганов называл «транснациональные космополитические силы», «международную финансовую олигархию» и «иудейскую диаспору» передовым отрядом всемирного анти-русского заговора, а распространявшиеся им во время кампании анти-ельцинские карикатуры были насыщены антисемитскими образами). В октябре 1998 году на встрече коммунистов и «народных патриотов» член парламента от коммунистов генерал Альберт Макашов, командовавший «защитниками» Думы в ее противостоянии Ельцину в 1993 году, призывал, глядя прямо в телевизионные камеры: «Всех жидов – в могилу!» Ельцин потребовал провести по этому поводу расследование, но партия отказалась осудить Макашова.

Но даже и тут следует сохранять некоторую перспективу. В соответствии с новой конституцией в российском внутреннем паспорте нет злополучного «пятого» пункта (национальность), который в советские времена был основным инструментом, посредством которого осуществлялась дискриминация евреев в сферах занятости и образования; все квоты на еврейских студентов в институтах и университетах были отменены. Что же касается высших эшелонов власти, которые были юденрайн (очищены от евреев) со времен Хрущева, то в 1990 годах они стали заметно перенаселены евреями и полу-евреями, и особенно среди ведущих реформаторов. Еврейство не помешало возвышению Григория Явлинского, лидера либеральной партии «Яблоко» (сейчас теряющей свои былые позиции), или Владимира Жириновского, популистского прото-фашиста.

Российские евреи, составляющие от 1 до 2 процентов населения страны, были среди первых, кто выиграл от введения экономической свободы. Среди 12 ведущих российских «олигархов» – владельцев или крупных держателей акций самых больших промышленных и финансовых групп – пятеро евреев, а высший эшелон руководителей российской нефтяной промышленности также плотно населен евреями. Несмотря на определенные опасения, царившие в конце 80-х и начале 90-х годов, и несмотря на изолированные антисемитские инциденты, не возникло никакого массового народного движения, которое могло бы угрожать их позициям или положению российских евреев в целом. Все проводившиеся опросы общественного мнения показали, что заметное число евреев в экономике не вызывает у рядовых русских отрицательного от-

ношения, а сделанное впервые исследование московских еврейских молодежных организаций показало, что большинство еврейских молодежных активистов не считают антисемитизм фактором, влияющим на их жизнь.

Между 1990 и 2002 годами российские еврейские общины открыли 75 детских садов и 64 начальных школы. В сегодняшней Москве есть семь еврейских дневных школ, три еврейских института высшего образования и две раввинских школы. С января 2001 года Федерация еврейских общин начала выдавать сертификаты на производство кошерной пищи, и сейчас каждую неделю с центральной бойни в Москве в города по всей России отправляется три тонны кошерного мяса. В 1993 году в Москве открылся первый еврейский летний лагерь, в котором отдохали 600 детей. В том же году городские власти предоставили отдельное здание организованной Любавическим ребе частной школе, в которую записались 200 мальчиков и девочек. Когда Натан Щаранский впервые вернулся в Москву в качестве израильского министра промышленности и торговли – через двадцать лет после ареста и одиннадцать лет после освобождения и выдворения из Советского Союза – он, по его словам, испытал «самое острое ощущение перемены» на встрече с учителями в еврейской школе. «Там были люди из тысячи разных школ» – рассказывал пораженный Щаранский журналисту. – «Только представить себе – двадцать лет назад подпольные курсы по изучению иврита с 40 учениками казались громадным достижением!»

Не следует также забывать, что свыше одного миллиона людей, говорящих на русском языке, живут сегодня в Израиле. Каждый вечер десятки миллионов телезрителей по всей стране слышат, как десантники, командиры танков, спасатели, а также родственники тех, кто погиб в терактах, рассказывают на чистом русском языке о своей жизни в еврейской стране. Это не только помогает освещать израильско-палестинский конфликт без проарабского уклона – сами размеры иммиграции в Израиль привели к образованию связей с еврейской страной в самых неожиданных местах. В октябре 2001 года шальной украинской ракетой был сбит самолет «Сибирские авиалинии», на котором летели в Новосибирск недавние иммигранты, чтобы провести со своими родными и друзьями Суккот, а также туристы, евреи и не-евреи, возвращавшиеся домой из туристской поездке. Как мы узнали из последующих сообщений, новосибирская еврейская община может похвастаться, среди прочего, школой, синагогой и общинным центром. В день, когда произошла трагедия, мэр этого большого города с населением в полтора миллиона человек, в котором живут всего 15 тысяч евреев, прибыл в аэропорт, чтобы поддержать родственников погибших.

В России как народ, так и работники государственных органов равняются на главу государства; в своем отношении к еврейскому «вопросу» оба российских президента дали весьма показательный пример. В январе 1996 года, на старте своей кампании против Зюганова, поддерживаемого антисемитскими «народными патриотическими силами», Борис Ельцин сделал многозначительный жест, направив своего личного представителя на заседание Российского еврейского конгресса. А в разгар финансового кризиса 1998 года, когда левые демонстранты сжигали фотографии президента с намалеванной поверх его лица звездой Давида, Ельцин выступил с речью на открытии синагоги и мемориала Катастрофы в Москве. В этом «храме памяти», как он назвал мемориал, он подчеркнуто громким голосом сказал, что это «ужасно

– стать свидетелем появления доморощенного фашизма, расовой и этнической нетерпимости. ... Это недопустимо».

Что касается Путина, то в сентябре 2000 года он присутствовал на открытии новой московской синагоги и общинного центра, где он выступил с речью, сказав о необходимости этнической и религиозной терпимости, а после этого обедал в Кремле с Натаном Щаранским. Три месяца спустя, в присутствии бывшего израильского премьер-министра Биньямина Нетаниягу Путин под бурные аплодисменты зажег ханукальную свечу в московской любовической синагоге; приняв преподнесенную ему в качестве подарка менору, он сказал участникам встречи, что «свет и тепло, исходящие от нее, будут освещать Кремль». В январе 2001 года Путин дал в честь президента Израиля Моше Кацава обед – первый кошерный обед, когда-либо приготовленный на кремлевской кухне.

В июле 2002 года Путин вручил орден Мужества двадцативосьмилетней Татьяне Сапуновой, молодой русской женщине, которая была ранена при попытке сорвать заминированный плакат на обочине подмосковного шоссе. На плакате было написано «Смерть жидам». «Если мы позволим распространяться бацилле шовинизма», – сказал по этому поводу Путин, – «мы погубим страну. ... Слава Богу, что здесь, в России, есть люди, которые понимают суть проблемы и готовы бороться за ее решение». «Вы правы», – тихо ответила ему молодая женщина. – «Есть очень много людей, которые на моем месте сделали бы то же самое».

VI

Можно ли сделать вывод, что Россия уверенно движется по пути к тому, чтобы стать «нормальной страной»? Сегодня еще не пришло время для того, чтобы дать уверенный ответ. В конце концов, по словам историка Егора Яковенко, не следует забывать, что конец Советского Союза и конец средневековой России произошел в один и тот же день – 21 августа 1991 года, когда Борис Ельцин взял власть в свои руки и начал процесс превращения России в секулярную, неидеологизированную страну, лишённую имперских амбиций. Но можно быть совершенно уверенным в том, что все важнейшие решения были приняты русским народом самостоятельно, мирно и свободно. И это является признаком если не нормальности, то нормализации.

Со дня августовской революции 1991 года в России прошло два всенародных референдума; пять последовательных выборов в Думу и президента; и, по крайней мере, три цикла выборов губернаторов и законодательных органов в 89 регионах страны. Только в одном случае общенациональных выборов явка на избирательные участки была ниже 61 процента от имеющих право голоса. В двух президентских выборах на избирательные участки явилось 69 процентов имеющих право голоса. Зрелище 60 миллионов человек, направляющихся в темноте и холоде русской зимы на разбросанные по одиннадцати временным зонам избирательные участки, было бы, несомненно, одним из самых сильных впечатлений для любого человека, изучающего еще только становящуюся на ноги демократию.

Еще более важным было то, что на референдуме 1993 года народ продемонстрировал свое доверие Ельцину и поддержку экономических реформ. На президентских выборах 1996 года избиратели предпочли Ельцина коммунисту Геннадию Зюганову. В декабре 1999 года они отобрали большин-

ство в Думе у коммунистов и их союзников и передали его выступающим за реформы центристским и правым партиям.

То, что происходит сейчас в России, совершенно очевидно знаменует собой решительный разрыв с советским тоталитаризмом во всех его проявлениях. Но оно одновременно означает не менее драматический отход от многовековой, пропитанной кровью и бескомпромиссной политической культуры России, когда победитель получает все, а побежденный – ничего. Свыше ста лет назад, еще до того, как на российской сцене появились большевики, Антон Чехов писал о «тяжкой, леденящей истории России, варварстве, бюрократии, нищете и невежестве... российская жизнь расплющивает русского человека, как тысячетонная скала». И Чехов говорит о том, что нужно сделать, чтобы изменить это – «выдавливает раба», каплю за каплей, из русской души.

Именно это «выдавливание» является, возможно, самым главным результатом прошедших пятнадцати лет. По словам Григория Чхартишвили, одного из популярных писателей России: «Нам удалось выдавить из себя много чего. За прошедшие пятнадцать лет люди, живущие в этой стране, распрямили спины». «Самым ценным продуктом этой эволюции», продолжил Чхартишвили, является чувство человеческого достоинства, качество, которого «катастрофически не хватало» на протяжении всей российской истории; но оно, это чувство, по-видимому, уже стало неотъемлемой чертой постсоветского поколения.

Голос этого поколения, первого в истории России, выросшего не под гнетом диктатуры или монархии и не доведенного до звероподобного состояния гражданской войной, был впервые услышан во время президентских выборов 1996 года, когда, согласно предвыборным опросам, среди избирателей в возрасте от восемнадцати до двадцати девяти лет 71 процент поддержал Ельцина против 23 процентов, предпочитавших Зюганова. В ответ на просьбу указать на основные элементы, присущие достойному обществу, три четверти из тех, кто собирался голосовать за Ельцина, назвали равенство возможностей; и только 22 процента назвали равенство доходов или уровня жизни.

Если учесть тот путь, который еще предстоит пройти России, сегодня можно констатировать, что мы имеем дело лишь с обещанием превратиться в подлинную либеральную демократию – обещанием, на реализацию которого могут уйти десятилетия. Но если оглянуться на путь, уже пройденный за поразительно короткое время, это обещание выглядит полностью заслуживающим доверия и стоящим того, чтобы рассчитывать на поддержку приверженцев свободы по всему миру.

«Commentary».

Перевод Э. Маркова.

ЧУДО СПАСЕНИЯ НАРОДА: БОЖЬЕ ИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ?

Среди еврейских религиозных праздников есть два, называемые днями благодарности – ямей-ха-ходаа. Оба праздника – выражение благодарности еврейского народа Богу за спасение от физического истребления (Пурим) и насильственной духовной ассимиляции (Ханука). Праздники связаны с конкретными историческими событиями: Ханука – с героической борьбой еврейского народа против попытки эллинистической монархии Селевкидов ликвидировать иудаизм (2 в. до н.э.), а Пурим – со спасением от попытки истребить еврейский народ в Персидской империи, простиравшейся от Индии до Эфиопии (5 в. до н.э.).

В оба этих праздника к ежедневной молитве, читаемой трижды в день, добавляются дополнительные благодарения Богу, начинающиеся одинаково: «И за знамения, и за чудесное избавление, и за победу в войнах, и за могущество Твое, которое Ты явил отцам нашим в их времена, в эти же дни года....».

Работа в праздники не запрещена и оба праздника очень любимы детьми: Ханука – за специальные подарки, а Пурим – за карнавал и за возможность вволю пошуметь в синагоге.

Ханука продолжается 8 дней, в течение которых зажигаются ханукальные светильники в память как чудес, проявившихся в том, что Бог «отдал сильных в руки слабых, и многочисленных в руки немногих, и нечистых в руки чистых, и злодеев в руки праведников, и злоумышленников в руки тех, кто изучает Тору ...», так и чудо восьмидневного горения в храмовом светильнике оливкового масла достаточного лишь для однодневного горения. Несмотря на явное чудо, книги Хашмонаим (в православной Библии «Книги Маккавейские», описывающие это чудо и вообще борьбу евреев против Селевкидов, не включены в священный канон иудаизма – ТАНАХ (тройной свод еврейского библейского Канона: Пятикнижие, Пророки, Писания).

Современные трактовки Хануки составляют широкий диапазон мнений и теорий: победа монотеистического благочестия над аморальным языческим эллинизмом; победа принципа свободного выбора религии над религиозным принуждением; победа еврейского партикуляризма над эллинистическим универсализмом; победа света над тьмой и т.д., не говоря уже о том, что в США существует сугубо бытовое мнение, что Ханука – нечто вроде компенсации бедным еврейским детям, лишённым праздника Рождества – тем более, что по времени эти праздники достаточно близки друг к другу.

Книга Эстер, описывающая события, предшествовавшие установлению праздника Пурим, входит в ТАНАХ, и чтение Мегилат Эстер (свитка Эстер) – важная религиозная обязанность. Однако, еврейская традиция рассказывает о том, как трудно было Эстер убедить еврейских законоучителей своего времени включить эту книгу в канон, и как она блестяще справилась с этой задачей, проявив и в этом себя как истинный духовный руководитель своего народа.

О разных трактовках Хануки и о странностях и загадках Пурима рассказывают статьи, приведённые ниже.

МЕЖДУ АФИНАМИ И ИЕРУСАЛИМОМ.

ЭЛЛИНИЗМ И ИУДАИЗМ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЧЕЛОВЕКУ И БОГУ

Мордехай ГАФНИ

В прославленной книге «Культура и анархия» Мэтью Арнольд высказывает мнение, что иудаизм и эллинизм – две важнейшие жизненные философии, между которыми всякий цивилизованный человек должен сделать выбор. Для Арнольда иудаизм заключается прежде всего в подчинении внешнему фактору (Моисееву закону), в то время как для эллинизма главное – самосовершенствование (как делали греки) посредством развития культурного сознания. В дни, когда наступает праздник Ханука, я вновь пытаюсь осмыслить этот древний идеологический конфликт, задаваясь вопросом: не приближаюсь ли я к эллинизму, не стал ли я своеобразным «перевернутым мараном»¹, внешне приверженным Библии, а по сути – эллинистом?

Ханука – это рассказ о борьбе приверженцев иудаизма, ведомых Маккавеями с греко-сирийскими эллинистами, корень которой в столкновении двух идеологий, двух видений мира. Отмечая Хануку, мы пытаемся наметить наш путь между иудаизмом и эллинизмом, между Афинами и Иерусалимом.

Последнее время я много размышляю об уравновешенности, другими словами, о бесстрастном спокойствии. Многие из нас, возможно, в какие-то моменты жизни хотели бы изменить ее направление, но не решались из опасения, что их сочтут неуравновешенными людьми. Несомненно, что эти качества – уравновешенность, стабильность очень ценятся и уместно заметить, что источник их высокой оценки в истории западной интеллектуальности находится в древних Афинах, а не в Иерусалиме. Гармоничная и уравновешенная личность является идеалом эллиниста, но эллинистическая гармония происходит от отрешенности. Согласно платоническому мифу, идеал состоит в том, чтобы «стать беспристрастным наблюдателем всего времени и всего сущего». Это определенно не библейская идея. В основе отношения иудаизма к миру лежит страстная вовлеченность в реальную жизнь (действие, а не умозрение, как сказал бы Арнольд).

Эллинист стремится к вечности. Он не может найти ее в мире частных, которые сегодня здесь, а завтра исчезли. Поэтому он обращает свои поиски в область сущностей, универсалий и основ логики. В их неизменном мире он чувствует дыхание вечности. Для эллиниста теория всегда важнее, чем ее применение, мысль выше и чище, чем действие.

Для еврея нет большего греха, чем грех отрешенности. Он требует полной вовлеченности к конкретности бытия. Бог для него – в частности, Бог – в основе жизни. Авторы библейской мудрости редко делают всеобъемлющие универсальные заявления о сущности жизни. Их сравнительно мало интересуют

Мордехай ГАФНИ – раввин, декан института еврейского образования в Иерусалиме.

¹ Марраны – евреи, которые в эпоху испанской инквизиции вынужденно принимали христианство, в то же время тайно исповедывали иудаизм.

грандиозные системы и элегантные построения логики. Их видение почти всегда сосредоточено на отдельной личности и ее выборе. Для еврея вечность заключается в столкновении человека с каждым моментом времени.

Еврейское видение мира (в других своих выступлениях я назвал это библейским мифом) определяет наше понимание жизни и наш жизненный путь, по крайней мере, в трех важнейших аспектах. Размышление об этих аспектах библейского мировоззрения помогает понять духовное содержание Хануки.

Во-первых, библейский Бог, в отличие от эллинистического – личный Бог, он заботится о всех своих созданиях. Библейский пророк Исайя, как и мудрецы Талмуда, описывает Бога, глубоко вовлеченного в жизнь созданий и сочувствующего их радостям и горестям. Еврей верит в Бога и ощущает Его заботу. Наш Бог знает наше имя. Даже само наименование Бога у евреев – Хашем, означает «имя».

Когда человек умирает, мы произносим зауспокойную молитву Кадиш, в которой прославляется имя Бога. Молитва эта начинается словами: «Да возвеличится и осветится великое Имя Его», т.е. мы славим Бога в момент боли и замешательства перед открытой могилой. Это не может не вызвать удивления: разве не более уместно осудить утешителей Иова за то, что те в минуту великой скорби своего друга предлагают ему вместо утешения философствовать на Божественную тему.

Внимательное чтение текста *Зогара*¹ позволяет совершенно по-иному понять Кадиш. Смерть, согласно учению толкователей кабаллы, – это уменьшение Божественности. Каждое человеческое существо является выражением бесконечно уникального Лика Божия. В самом деле, Имя Бога состоит из имен каждого существа, которое жило, живет и будет жить на этой планете. Имя человека и Имя Бога одно, именно поэтому, когда человек умирает, мы хвалим Бога. Основная цель – сохранить отпечаток души умершего, отпечаток, который, мы не всегда могли получить во время его жизни. По библейскому мифу основным символом отпечатка души является имя. Поэтому имена так важны для библейского текста, особенно его мистических разделов, таких как книга Бытия или книга Самуила.²

Когда человек умирает и Божественность уменьшается, поскольку происходит потеря в уникальности проявления Его имени, мы произносим Кадиш: «Да возвеличится и осветится великое Имя Его», при этом имеется в виду не абстрактное обозначение Божества, но имя умершего, которое в глубинном смысле есть Имя Бога.

Задача еврея – быть подобным Богу. И это означает, в частности, всегда знать имя человека, с которым находишься в тех или иных отношениях. Быть подобным Богу означает моральное обязательство участвовать в улучшении нашего мира и проявлять участие к каждому страждущему. Быть подобным Богу означает иметь и проявлять в жизни страстное социальное видение, обращенное ко всему человечеству. Это означает быть заинтересованным в происходящем, быть вовлеченным в него и преданным людям.

Во-вторых, для эллиниста и еврея понятие любовь имеет совершенно различные значения. Для эллиниста любовь – это желание знать суть вещи. Конечный объект любви – Бог. Но этот Бог – не личностная сила и даже не сила для излечения и преображения в мире. Это, скорее неподвижный двигатель, а любовь, которая движет миром, – созерцательная любовь философа, желаю-

¹ Зогар (ивр. - Сияние) – Главная книга Каббалы, мистического учения иудаизма о связях между небесным Богом – неиссякаемом источнике небесной силы и мудрости, не ограниченным ни временем ни пространством и земным человеком.

² Книга Самуила – в традиционном русском переводе – Первая Книга Царств.

щего постичь природу Божества. Любовь – это интеллектуальная категория, таящаяся в глубине сердца и ума человека. Она не относится ни к какому другому личностному существу, она чиста и упорядочена, сосредоточена на вечных мыслях. Так для грека свобода – в смысле личной автономии – основная цель. Величайшее желание для него – быть свободным от всех поработавших сил, будь то тело человека, государство угнетателей, или страсти, которые могут нарушить моральную или интеллектуальную стабильность человека.

Для еврея основная категория бытия – столкновение, встреча. По библейскому мифу взаимоотношения – это испытание, в котором достигается человеческое совершенство. Любовь – это личностная любовь к Ближнему, истоки которой – в глубоких связях, эта любовь также и к себе, поэтому она включает собственное имя. Библейский миф побуждает перейти от одиночества к любви, являющейся фундаментальной основой всего сущего и всякого становления.

Таким образом, в библейском понимании любящий готов отказаться от независимости и автономии. Протестанский теолог Шлайрмахер был недалек от истины, когда описал суть религиозного опыта как состояние безграничной зависимости. И все же он был не совсем прав. Лучше было бы назвать идеалом библейского мифа взаимозависимость. Люди зависят друг от друга, а Бог зависит от людей. Каббалисты понимали, как пишет философ XVI века Ибн Габай, что готовность и способность к постижению, восприятию других – это добродетель совершенства. Тогда Бог – высшее совершенство – в определенном смысле должен вмещать готовность и способность воспринимать нас.

В понимании эллиниста человек любит неподвижного движителя мира. В понимании еврея человек любит совершенного и одновременно парадоксально личностного и зависимого Бога. Более того (и это глубоко шокирует эллиниста) Бог отвечает человеку страстной любовью.

После моей лекции в Кембриджском университете на тему «Спасти рыдающего Бога», глава философского факультета, замечательный ученый, последователь Аристотеля, в неподдельном замешательстве спросил меня: «Как вы можете верить в Бога, который плачет?» Я ответил, наверное, не очень логично, но основываясь на интуиции преподавателя библейского мифа: «Как – в двадцатом веке – могу я верить в Бога, который не плачет?»

Представление о Боге, который плачет, кощунственно для эллиниста. Для еврея кощунственно представление о Боге, который не плачет.

Это различие выражается также в разнице способов восприятия у грека и еврея. Основной способ восприятия с помощью органов чувств был для грека зрительный, через глаза, в то время как для еврея основной способ восприятия – посредством слуха, через уши. Зрительное восприятие связано с созерцанием, но не подразумевает общения. «Смотри, но не трогай» – это не только современный оборот, это сама суть и ощущение реальности как для последователя Платона, так и для стоика.

Окружающие нас предметы являются видимыми в силу своей природы. Отражая свет, они поддаются мгновенному зрительному восприятию. Человек не может воспринимать их посредством слышания, он должен ждать, пока его позовут. Слышание подразумевает общение. Призыв библейского мифа звучит как «внимание», или как библейское «слушай, Израиль».

Эллинист хочет доказать посредством наглядных рациональных представлений, символами которых являются созерцание и размышление, что неподвижный движитель, Бог, существует. Еврей отчаянно, иступленно желаю-

щий единения, стремится к близости и полному слиянию с Богом.

В третьих, именно из-за этой близости, еврей, в противоположность эллинисту, даже идет на вызов Богу.

Авраам стал первым евреем, когда подверг сомнению справедливость намерения Бога разрушить Содом и Гомору. Еврей, – восклицает хасидский мудрец Леви из Бердичева (восклицание, повторенное Эли Визелем), – еврей может рассердиться и даже кричать на Бога, но он не может игнорировать Бога. Такова природа близости. Эллинист представляет своего Бога, свободного от какой бы то ни было ответственности за мир. Для эллиниста восприятие Бога означает созерцание. Для еврея восприятие Бога означает борьбу.

Весь набор идей проявляется всевозможными способами на практике. Один небольшой пример. Евреи обязаны спасать. Это может относиться к утерянному имуществу или к тонущему другу. Не вмешаться – значит преступить закон Бога. Для эллиниста и многих из его духовных последователей «не вмешивайся, ибо это может разрушить твою личную гармонию» является невысказанным советом.

Для эллиниста либеральное западное образование, способствующее лучшему пониманию действительности, является признаком истинной культуры. Для еврея *тикун олам*¹ является категорическим императивом.

Я не возражаю против уравновешенного и стабильного поведения, однако для еврея эти качества подчинены таким как нравственная страстность, реалистичность и сопереживание другому. Они не могут стать ключевыми понятиями, позволяющими нам жить в гармонии с доставшимися в наследие правдами, неспособными к честной борьбе с собой и с миром.

Для еврея понять Божественное в себе значит всегда быть готовым встать и начать. А это, в свою очередь, таит опасность падения, провала или потерь. Перемены, по определению, порождают нестабильность. Следует отказаться от любой уравновешенности, если она служит как обоснование страха перед переменами и развитием.

В ханукальные дни принято делать подарки. Попробуем и мы сделать себе подарок к Хануке, взять на себя риск обновления. Попытаемся вырвать из наших душ следы эллинизма, то, что содержит момент уравновешенного самоутешения – все гармонично, жизнь никогда по настоящему не задевает меня, мне не приходится расплачиваться за развитие и перемены. Возможно, настало время взять на себя обязательства там, где мы решительно провозгласили отделенность, может быть нам следует отказаться от исчерпавшего себя представления о том, что наша жизнь есть то, чем она является. Идеи Хануки призывают нас стать любящими и страстными, преодолеть нерешительность, поверить, что наши возможности не исчерпываются тем, что уже достигнуто, питают наше стремление к небу.

Афины был великим городом, но мы дети Иерусалима. Еврейское стремление к вечности выражается в бесконечной ценности и святости нашей личной истории и потенциалу для перемен к лучшему. Давайте по хасидской традиции благословим друг друга, чтобы эта Ханука осветила для нас весь год и пусть пламя ханукальных свечей в наших душах разгонит мрак наших страхов, даруя нам смелость дерзать, быть, заботится и любить. Пусть Маккавей снова победят.

«Tikkun».

¹ Тикун олам (ивр. – исправление, улучшение мира) – одно из мистических учений иудаизма. Возникло в XVI веке.

ВОЗМОЖНА ЛИ ГАРМОНИЯ ИУДАИЗМА И ЭЛЛИНИЗМА¹

Шломо РИЗКИН

Спросите любого школьника о том, что произошло на Хануку, и вы услышите рассказ о том, как эллинизированные сирийцы решили подорвать основы еврейской религии и уничтожить ее; они даже осквернили священное масло светильника, установленного в Храме. Чудесным образом они были разгромлены Маккавеями, героическими еврейскими борцами за свободу. В приведенном в Талмуде рассказе об этом подчеркивается, что «греко-сирийцы ворвались в святая святых» (Вавилонский Талмуд, Шаббат, 21б), а текст благодарности за чудеса (ханисим), который читают в главной молитве амида (восемнадцать благословений) на протяжении всех восьми дней Хануки повествует о том, как «нечестивое греческое царство вознамерилось сделать так, чтобы наша Тора была забыта».

Однако внимательное чтение апокрифических книг Маккавеев и трудов Иосифа Флавия, историка периода Второго Храма, раскрывает перед нами совершенно другую реальность: конфликт, связанный с Ханукой, разворачивался сначала как гражданская война, война евреев против евреев, эллинистов против пиетистов.

Верхушка еврейских священнослужителей в начальный период Второго Храма становилась все более и более ассимилированной под влиянием эстетически привлекательной, философски заманчивой и материалистически притягательной культуры, исходящей из эллинизированной Сирии. Даже имена последних трех первосвященников перед восстанием Маккавеев отразили это изменение в самоидентификации: Хонийа (буквальное значение – Бог дарует милость), за которым следовал Иегошуа (сменивший на пике своей карьеры первосвященника имя на Ясон) и, наконец, Менелай (широко распространенное греческое имя, часто встречающееся в эпических произведениях Гомера и Вергилия).

Последний первосвященник хотел превратить Иудею в греческий город-государство и ввести в обиход Олимпийские игры со всеми их экономическими преимуществами, а также возлияниями в честь мифологических богов, совершаемыми во время открытия игр. Именно в этот момент религиозно и националистически настроенные Маккавеи подняли мятеж; и только после того, как эллинисты почувствовали, что они проигрывают, они позвали на помощь греко-сирийцев.

Почему наши талмудические тексты, а также литургические молитвы пытаются скрыть междоусобный характер конфликта и превращают его в войну греков против евреев, греческих эллинистов против еврейских националистов?

Почему надо прятать историческую правду?

Шломо РИЗКИН – Раввин в Эфрате (Израиль), комментатор недельной главы Торы в газете «Джерузалем Пост».

¹ Комментарий на недельную главу Торы в дни Хануки Гл. «Вайешев» (Бытие, 37:1- 40:23).

Более того, наши мудрецы провозглашают в качестве постскриптума к истории Хануки: «Пусть будет проклят тот, кто учит своего ребенка греческой премудрости» (Вавилонский Талмуд, Бава Кама, 82б). Такого рода запрет, особенно после той опасности, которую представляла «греческая премудрость» существованию возрождающегося государства Иудея, казался в высшей степени разумным. Почему же наши главные источники галахических установлений – за очень небольшим исключением – никогда не ставили греческую философию и науку на одну доску с чизбургером как религиозное «нет-нет!».¹ В самом деле, Маймонид, возможно, наш величайший пост-талмудический законоучитель и философ (цитировавший произведения Аристотеля), определяет «греческую премудрость» как лингвистический код, который устарел (толкование «Мишны», конец «Мишны Сота»), и в связи с этим талмудическое «проклятие» утеряло силу.

Почему?

Мне кажется, что ответ на вопрос может быть найден в лейтмотиве, неоднократно повторяющемся в книге Бытия и достигающим апогея в истории Иосифа и его братьев – которая всегда читается в шабат Хануки. Мы видим, что с самого начала истории человека существовала вражда между братьями: Каин против Авеля, Эсав против Иакова. Ранее мы уже пытались объяснить соперничество кровных братьев как борьбу цивилизации против культуры, технологии против этики, науки против Торы, секулярной философии против богооткровенной религии. В начальных библейских историях одна из двух противоборствующих сил либо уничтожалась, либо изгонялась: Каин, более «технологически» продвинутый фермер, убивает склонного к созерцанию и поэзии пастуха Авеля, а Ицхак и Иаков делают так, чтобы Ишмаэль и Эсав не получили свою долю наследства Авраама.

Однако Ривка всегда понимала, что идеальный синтез всегда должен был рождаться из сочетания цивилизации и культуры – руки Эсава служили голосу Иакова, научная и философская красота Яфета жила в шатре Шема.

Но для того, чтобы это произошло, святая и полная этики Тора должна приветствовать и даже включать в себя науку и философию; экономические, политические, военные и технологические достижения должны согласиться с тем, чтобы служить инфраструктурой, которая позволит высшим моральным ценностям этического монотеизма оказывать влияние на мир.

Конфликт приходит к апогею – и к потенциальному разрешению – в истории Иосифа и его братьев. Иосиф – космополитический универсалист, мечтающий о том, чтобы оставить Израиль ради Египта, стремящийся сменить пастушескую жизнь своей семьи на более развитую египетскую сельскохозяйственную культуру. Он политик и лингвист, экономический гений и блестящий государственный деятель. Его более ограниченные, наивные и даже религиозные братья с большой подозрительностью относятся к этому отцовскому любимчику, который осмеливается мечтать о космическом господстве. Подобно своим предшественникам, они сначала пытаются убить его, но потом удовлетворяются тем, что продают его в рабство чужеземцам.

Но это библейское повествование – так же, как и книга Бытия – завершается крещендо примирения братьев. В финальном завершающем благословении праотца Израиля своим сыновьям именно религиозный, являющийся но-

¹ Речь идет о религиозном запрете одновременного употребления в пищу мясного и молочного (прим. пер.).

сителем культуры Иуда получает скипетр безусловного лидера народа, а прекрасный, мудрый, предельно цивилизованный Иосиф, служащий ему благословенной поддержкой, принимает благословение материальной плодотворности и двойную долю наследия (Бытие, 49:10, 25-26). Братья пришли к гармонии – наука, действующая как уважаемая служанка Торы.

Теперь становится ясно, почему наши мудрецы уделяют больше внимания завершению борьбы Хануки, а не ее началу; цель иудаизма – преодолеть вражду братьев, а не делать ее вечной. И, кроме того, иудаизм готов принять в свое лоно науку, философию и эстетику, освятить и облагородить их вместо того, чтобы отвергать и отрицать значение их потенциальной ценности.

Наша мечта – привести позитивные аспекты греческой цивилизации под шатры Торы в Иерусалим.

«The Jerusalem Post».

ЭТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ ПРАЗДНИК – ПУРИМ

КТО СПАС ЕВРЕЕВ ОТ АМАНА?

Лев УТЕВСКИЙ

После прихода Мессии будут отменены все книги пророков и все писания, за исключением Мегилат Эстер. Она останется навеки, так же как Пятикнижие и устная Тора, которые не перестанут существовать никогда.

Вавилонский Талмуд, трактат Мегила.

Я чувствую такую враждебность к Эстер, что я предпочёл бы, чтобы она не существовала вообще, так как в Эстер и в Маккавеях иудаизация столь велика и содержит столь много языческих неприличий.

Мартин Лютер, «Застольные беседы».

На первый взгляд, с праздником Пурим – все просто. Это, согласно библейской книге Эстер (9:20-32), «...праздник, учреждённый Мордехаем и Эстер в память о чудесном избавлении евреев Персии от гибели, которую им уготовил царский сановник Аман». История Пурима, как она изложена в книге Эстер, напоминает остросюжетный боевик.

Персидский царь Ахашверош, оскорблённый отказом главной жены Вашти явиться перед гостями, устраняет её и женится на красавице Эстер (Эсфирь), скрывшей своё еврейство от него и от всего двора. Далее царь повелевает, чтобы «... все служители царские... становились на колени и падали ниц...» перед его первым министром Аманом (Гаманом), но привратник Мордехай, дядя Эстер отказывается делать это. «... И преисполнился Аман ярости. И счёл презренным для себя наложить руку на одного Мордехая, ... И задумал Аман истребить народ Мордехая, всех иудеев во всём царстве Ахашвероша» (Эстер 3:2-7). Он предлагает царю большую сумму денег за указ, позволяющий уничтожить «один народ, рассеянный среди народов и обособленный от них», не называя этот народ по имени. Царь денег не принимает; но даёт Аману свой перстень,

Рисунок автора

Лев УТЕВСКИЙ (1935), специалист-химик. С 1960-х годов начал интересоваться вопросам иудаизма. Читал лекции на эти темы в Ленинграде и в Иерусалиме. Живёт в Иерусалиме.

тем самым предоставляя ему право делать всё что угодно от имени царя. Аман рассылает по всему царству написанные от имени царя и скреплённые печатью царского перстня указы «каждому народу на языке его ... чтобы истребить, убить и погубить всех иудеев: от отрока до старца, и детей, и женщин – в один день, в тринадцатый день двенадцатого месяца, а имущество их разграбить» (Эстер 3 :12-13).

И вдруг (в книге Эстер многое происходит как бы «вдруг») царь, мучимый бессонницей, вспоминает, что Мордехай спас его от «стражей входа», замышлявших убить, и велит первому министру Амону вести коня с восседающим в седле Мордехаем через всю столицу, возглашая: «вот, что делают для того человека, которому царь желает оказать почёт» (Эстер 6 :11). Тем временем Эстер, усыпив бдительность Амана демонстрацией своего расположения к нему, вдруг открывает царю своё происхождение, сообщая, что именно её народ Аман собирается уничтожить. Результатом всего этого оказывается возвышение Мордехая, унижение и гибель Амана и других врагов евреев.

Пурим – малый праздник, т.е. в этот день разрешено работать, а главная часть празднования – публичное чтение кн. Эстер. Это весёлый праздник, в который принято пить вино, причем, как учит вавилонский Талмуд, нужно пить до тех пор, пока человек «не перестанет различать, произносит ли он проклятия Амону или благословения Мордехая». Особенности традиции Пурима также являются мишлахот – посылки с яствами и цдака – раздача милости нуждающимся (Эстер, 9:22). Принято печь пирожки со сладкой начинкой, называемые «уши Амана» и устраивать карнавалы и – пуримские спектакли, представлявшие собой пародию на религиозные и светские аспекты жизни. Известно, что существует более ста «малых Пуримов», когда отмечают дату спасения общины или семьи чтением соответствующих молитв и ритуалом, напоминающим пуримский.

Однако, весёлый «малый праздник» Пурим порождает серьезные вопросы:

1. Почему и зачем Господь, Милосердный, Справедливый и любящий еврейс-

кий народ, допустил, чтобы этому народу угрожала гибель и почему Имя Его ни разу не упоминается в Книге Эстер?

2. Почему Господь избрал Амана в качестве угрозы гибели всех евреев, а Эстер и Мордехая для их избавления и какова роль самих евреев в этом избавлении?

3. В чём чудо избавления евреев, по случаю которого учреждён Пурим?

4. Почему чудесное избавление евреев от гибели следует отмечать безудержным весельем, включающим глубокое опьянение?

Почему и зачем?

«... в чужом пиру похмелье...».

Русская поговорка.

Исходя из того, что угроза гибели евреев всегда является следствием их грехов, необходимо рассмотреть ситуацию, сложившуюся для евреев, рассеянных по всей Вавилонской империи, впоследствии завоеванной персами. Завоевание вавилонской империи персидским царём Киросом (Корэшем) оказалось благоприятным для евреев.

«Так сказал Корэш, царь Параса: Все царства земли дал мне Господь Бог небесный и повелел Он мне построить Ему дом в Йерушалаиме, что в Иудее. Кто из вас, из всего народа Его, который поднимется в Йерушалаиме, что в Иудее, и отстроит дом Господа Бога Израйлева, того Бога, что в Йерушалаиме – да будет Бог его с ним» (Эзра 1:1-4).

Таким образом царь Корэш разрешает еврейским изгнанникам вернуться в Иерусалим и восстановить там Храм, о разрушении которого евреи сокрушались, и происходит это предположительно в 539 г. до н.э.

Добровольцы отправились строить Храм; но дело это оказалось трудным и тяжёлым по многим причинам, главные из которых – недостаток добровольцев и интриги соседей. «И стали люди той страны подрывать силы народа Йеѓуды и отпугивать их от строительства. И во все дни Корэша, царя Параса, вплоть до царствования Дарэйваша, царя Параса, подкупали они против них советников, чтобы расстроить замысел их. А по воцарении Ахашвероша, в начале царствования его написали они наветы на жителей Йеѓуды и Йерушалаима» (Эзра 4 : 4-6). Если принять, что Ахашверош воцарился в 485 г. до н.э., то, види-

мо, целью навета было помешать строительству стен вокруг Йерушалаима, без которых Храм был незащищен и которые были завершены к 444 г до н.э. Таким образом, воцарение Ахашвероша – это время, когда восстановление Храма уже началось; но обеспечение его надёжной защиты – дело будущего и когда большая часть еврейского народа живет не в той части Персидской империи, которая называется Земля Израиля и личного участия в восстановлении еврейского Йерушалаима не принимает. Значительная часть евреев живёт в столице империи – в Шушане, где и начинается действие книги Эстер с роскошного пира, устроенного Ахашверошем.

В книге Эстер не указывается по поводу чего пир, еврейская же традиция даёт два повода: подавление мятежей и тайную радость Ахашвероша, что Йерушалаим по-прежнему в развалинах, хотя 70 лет, предсказанные пророком Йермиягу уже прошли. Как бы то ни было, «...устроил царь для всего народа, что был в крепости Шушан, от мала до велика, семидневный пир...» (Эстер 1: 5). На пир приглашены и евреи, которым не полагается по их религии пить нееврейское вино, смотреть как царь пьёт из кубков, предназначенных для служения в Храме, и есть некошерную пищу, да и само участие в семидневном пире чревато нарушением святости субботнего дня.

Достаточно ли все эти нарушения для того, чтобы Господь стал угрожать Своему народу гибелью? Евреи Шушана вряд ли могли уклониться от участия в царском пире – тем более, что царь Ахашверош, уважающий религиозные обычаи своих поданных, предоставил евреям возможность сидеть отдельно и не есть некошерную пищу¹. Книга Эстер просто показывает, что они оказались не там, где могли и должны были быть, т.е. в Земле Израиля, а там, где им было хорошо: «Традиционный раввинистический комментарий к Книге Эстер даёт портрет еврейской общины Персии. Он изображает преуспевающее, ассимилированное еврейское меньшинство. Стоит обратить внимание, что имена Эс-

тер и Мордехай – нееврейские². Евреи рассеяния достигли большего, чем бедная, борющаяся община, вернувшаяся в разорённую Святую Землю»³.

Всё остальное – следствие.

Не случайно Мидраш Эстер Рабба (комментарий на Книгу Эстер) начинается разбором фразы не из книги Эстер, а из книги Деварим (Второзаконие), предупреждающей о тяготах рассеяния: «...и не будешь уверен в жизни твоей» (Деварим 28:66). И в той же Книге Деварим указывается, что Господь не наказывает Свой народ – Он просто отворачивается от него: «... и сокрою лицо Мое от них, и будет он истреблен, и постигнут его многие бедствия и невзгоды; и скажет он в тот день: «не потому ли, что нет Бога моего среди меня, постигли меня бедствия эти?» (Деварим 31:17).

Первая попытка полного уничтожения евреев

«Замышляет нечестивый злое против праведника и скрежещет на него зубами своими. Господь смеется над ним, ибо видит, что придёт день его».

Псалом 37:12-13.

Соккрытие Лица Божьего – неполное и временное – для того, чтобы привести еврейский народ к раскаянию, одновременно и идеальное время для вмешательства сил зла. В книге Эстер эти силы представлены в лице Амана, одержимого яростью против Мордехая, отказавшегося преклониться перед ним. Действия и чувства Амана окрашены всепоглощающей иррациональной ненавистью. Хвастаясь своим богатством и высоким положением, он говорит: «Но всё это ничего не значит для меня, пока вижу я Мордехая иудея, сидящим в воротах царских» (Эстер 5:13).

Элиас Бикерман утверждает, что Аман просто одержим слепой яростью. «Аман хочет убить Мордехая и «весь народ Мордехая» (Эстер 3:6), будь они евреи или курды, чтобы смыть в море крови пятно публичного оскорбления»⁴. В качестве несколько неожиданного аргумента слепой ярости как доминанты поведения Амана Бикерман приводит «Божественную Ко-

¹Все примечания см. в конце статьи.

медию», в которой Данте помещает Амана в чистилище вместе с другими «жертвами слепой ярости: Прокне, наказавшей мужа, изнасиловавшего её сестру тем, что сервирует ему на обед мясо их сына, и Амай, убившей себя из-за того, что её дочь вышла замуж против её планов».

Принять эту точку зрения мешают постоянные напоминания книги Эстер, что Аман – амалекитянин, т.е. потомок того самого Амалека, который во время Исхода из Египта напал на евреев без всякого повода и без всякой причины, и память которого Бог обещал стереть «из под неба» (Шемот 17:14). Раввинистическая традиция исходит из того, что «ни трон Бога, ни Его Святое Имя... не раскрыты полностью, пока в мире существуют дети Амалека. Подобно тому, как Израиль – носитель Имени Божьего, так и Амалек – представляет идолопоклонство и всё низкое антагонистичное Богу...»⁵ а Мидраш Эстер Рабба дает такое объяснение: «Амалекитянин Аман, представляющий всю еврейскую историю как демонстрацию могущества, коварства и неблагодарности евреев, организует пир Ахашвероша с их участием в надежде, что поведение евреев на пиру, когда они...ели и пили и вели себя недостойно... «станет достаточным основанием, чтобы их Бог лишил их своей защиты».

Один из крупнейших еврейских мыслителей 20 века рав Йосеф Соловейчик пишет: «Для евреев Персии было грубым пробуждением обнаружить, что главной заботой нового премьер-министра было их уничтожение. ... Внезапно персидский еврей обнаружил, что его ненавидят. Никто не питает ненависти к США или к Франции, хотя какие-то элементы в их политике могут подвергаться неистовой критике. Сам факт существования евреев раздражает Амалека, и его ненависть может прорваться внезапно и яростно и найти выражение в массовом убийстве»⁶.

Намерению Амана уничтожить евреев противостоят Мордехай и Эстер. Для того, чтобы понять это противостояние, важно понять специфику Персидской Империи, представленной в книге Эстер. Специфика выражается словом «дат». Это персидское слово, вошедшее в иврит, переводится как «указ», «закон», «обычай»,

«обхождение»; но при этом оговаривается, что воля царя – закон. Слово применяется к широкому диапазону ситуаций: от правил питья на царском пиру и порядка притирания благовониями кандидаток для царской постели и до царского указа, становящегося законом для персов и мидийцев (Эстер 1:8; 2:12; 1:19).

Пожалуй, наиболее полно отражает смысл слова «дат» русское выражение «как положено».

Это «как положено» требует от Амана изыскать наиболее благоприятный день для выполнения плана уничтожения евреев и такой день положено определять бросанием жребия, который должен выразить волю богов Амана. «В первый месяц, то есть в месяц Нисан, в двенадцатый год царя Ахашвероша, бросали перед Аманом пур, то есть жребий, изо дня в день и из месяца в месяц до двенадцатого месяца, он же месяц Адар» (Эстер 3:7). Далее все жители Персидской Империи получают указ, что евреев намечено уничтожить «в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяца Адар», что все народы должны быть готовы к этому дню и «список с этого указа следует передать в каждую область как закон» («дат») (Эстер 3:13-14).

Указ царя вызвал смятение в столичном городе Шушан, ибо это был не совсем обычный способ борьбы с врагами Империи: вместо того, чтобы дать приказ царским войскам уничтожить врагов, указ повелевает сделать это «всем народам», обещая за работу имущество уничтоженных. Такой подход не только избавляет правительство от расходов, но и позволяет связать народы Империи кровавой поручкой.

Еврейская традиция рассказывает, что происходило во время между объявлением указа и намеченным днём уничтожения евреев. «Если израильтянин приходил на рынок купить фунт мяса и пучок зелени, перс насмеялся над ним и говорил: «Завтра я собираюсь убить тебя и разграбить твоё имущество». Многие, начиная от Вольтера (не отличавшегося симпатией к евреям) и до современных авторов спрашивают: что же мешало евреям в этой ситуации в течении 70 дней восстать и сражаться с врагами? Для других это был достой-

ный пример законопослушания евреев, которые были бы столь лояльны, что даже под угрозой уничтожения ничего не предприняли против законного суверена.

Таким образом, даже в дни, когда всё идёт не «как положено» персидские евреи пытаются вести себя «как положено»: они не борются против царского указа; но предаются скорби: «И в каждой области, на месте, куда доходило слово царское и указ его, – скорбь великая у иудеев, и пост, и плач, и причитание; и были вретиче и пепел постелью для многих» (Эстер 4:3). В Вавилонском Талмуде приводится мнение: передача перстня царем Ахашверошем злодею Аману (как знак полного царского доверия) достигла больше в обращении евреев к рассказанию чем 48 пророков и 7 пророчиц во времена Первого Храма. Т.е. пророки не успели обратить евреев от зла к добру, а передача перстня – обратила.

Всенародные пост и скорбь – эффективные средства в обращении к Богу. В книге Ионы эти средства оказались достаточными для того, чтобы Бог сменил гнев на милость и пощадил город Ниневию. Однако в данном случае это необходимо, но недостаточно. Должны появиться люди, которые достойны стать орудием спасения евреев в руках Бога.

Орудия спасения евреев

«... да скажет слабый: силён я».

Книга пророка Йоэля 4:10.

Эти люди – Мордехай и Эстер. Их первая реакция – такая же, как и у всех евреев: «... и разорвал Мордехай одежды свои, и возложил на себя вретиче и пепел; и вышел он на середину города, и закричал криком великим и горестным. И дошёл до царских ворот, так как нельзя было войти в царские ворота во вретиче...» (Эстер 4:1). Есть некая грустная ирония, что даже в минуты крайней скорби Мордехай остается законопослушным поданным царя. Вообще Мордехай – не политик. Он – религиозный лидер, член Санхедрина, потерпевший неудачу в попытке убедить евреев не идти на пир Ахашвероша, да ещё вынужденный оправдываться в нарушении царского указа, обязывающего всех поклониться перед Аманом.

Эстер ещё менее Мордехай готова к предстоящей борьбе: «И пришли служанки Эстер и евнухи её, и рассказали ей, и царица очень испугалась» (Эстер 4:4). Эстер вообще находится в весьма сложной и зыбкой ситуации, к которой её не готовили. Она – воспитанница Мордехай, по мнению некоторых из комментаторов предназначавшаяся ему в жёны, вдруг обнаруживает себя в заведомо запрещённом еврейскими законами браке с неевреем – царём, не так давно устранившим свою первую жену за неповиновение. Как царица, она более чем другие, связана принципом «как положено», и неуверенность в будущем ещё усугубляется тем, что она «не была звана к царю вот уже тридцать дней» (Эстер 4:11). Когда Мордехай передаёт ей, что она должна пойти к царю «просить о народе своём», она объясняет, «что для каждого мужчины или женщины, которые придут незванными во внутренний двор к царю, один закон («дат») для них – смертная кара; только тот, кому протянет царь свой золотой скипетр, тот останется в живых» (Эстер, 4:9-11). Ответ Мордехай суров: «не полагай в душе своей, что спасёшься в доме царском одна из всех иудеев. Ибо если ты промолчишь в такое время, спасение и избавление придут к иудеям из другого места, а ты и дом отца твоего погибнете; и кто знает, не для такой ли поры и достигла ты достоинства царского» (Эстер 4:13).

И тут происходит удивительное: испуганная женщина превращается в Эстер-царицу, не просто жену царя, а защитницу и представительницу своего народа. Теперь уже она повелевает Мордехайю: «Иди, собери всех иудеев, находящихся в Шушане, и поститесь ради меня: не ешьте и не пейте три дня – ни ночью, ни днём; и я со служанками моими буду так же поститься, а потом пойду к царю, хотя это и не по закону, и если уж погибать мне, то погибну». И Мордехай делает «всё так, как велела ему Эстер» (Эстер 4:16-17).

Пост Эстер отражает двойственный характер праздника Пурим. «Обычно в наших представлениях Пурим связан со вседозволенностью и весельем в такой мере, когда забываешь всё и перестаёшь

воспринимать окружающее. Но вместе с тем Пурим есть день самосозерцания, наполненный молитвой и размышлением. Поскольку совместить два противоположных по духу настроения в один день невозможно, духовные учителя иврита установили накануне праздника пост Эстер. В этот день читается «Отец наш, наш Царь, мы согрешили перед Тобой» и другие молитвы такого рода и преобладает настроение торжественного покаяния. Именно пост Эстер есть самый настоящий день Пурима: в нём отражены страшные предчувствия, которые выражаются в молитвах в 13-й день месяца Адар, день битвы с врагами. Сам же день Пурима знаменует последовавшую за этим победу, неожиданное чудесное спасение народа»⁷.

В чём же чудо Пурима? Для того, чтобы ответить на этот вопрос следует обратить внимание на двойственный характер понятия чуда в иудаизме. С одной стороны евреи воспринимают повседневную жизнь как чудо и трижды в день благодарят Бога: «за каждодневные чудеса Твои, за Твои знамения и чудеса, которые Ты творишь всегда, вечером, утром и днём».

С другой стороны, в Пурим добавляется специальная благодарность – «...за знамения, и за чудесное избавление, и за победу в войнах, и за могущество Твоё, которые Ты явил отцам нашим в их времена, в эти же дни года – в дни Мордехая и Эстер». Это двуединство будничного и сверхестественного чуда, пожалуй, наиболее полно отражает следующая история из израильского фольклора 20-го века: «Както праведников из Цфата спросили, каким образом удалось спасти город от арабских погромов в ходе Войны за Независимость. А надо сказать, что арабы планировали устроить в Цфате такую же резню, как в своё время в Хевроне. Город был окружён со всех сторон, и надежды на спасение практически не было. Но в последний момент до Цфата добралась рота ПАЛЬМАХ⁸. Так вот праведники ответили, что спасение Цфата произошло двумя путями. Естественным, поскольку праведники молились о спасении города и их молитвы были услышаны. И чудотворным, так как ПАЛЬМАХ успел прийти на помощь жителям»⁹.

В тексте книги Эстер нет прямого указания на чудесное вмешательство Бога. Но, в многочисленных комментариях говорится о скрытых чудесах: о чудесном вешем сне Эстер, о посланной Богом бессоннице Ахашвероша, приведшей к чтению летописи, упоминавшей о спасении царской жизни Мордехаем, об ангелах посланных поддержать ослабевшую от поста Эстер.

Зато есть явные чудеса: противостояние Мордехая всесильному царскому фавориту Аману; объединение рассеянного и ассимилированного еврейского народа в минуту смертельной опасности; превращение испуганной женщины Эстер в царицу-защитницу своего народа, дающее ей заслуженное право, чтобы книга, излагающая всю эту историю носила её имя; чудо царской благодарности (вещь крайне редкая!) Мордехая...

Осуждённые на смерть убивают палачей

«Как ужасны чудеса Твои, ибо обречённые на убийство убивают своих убийц...».

«Мидраш Эстер Рабба», 10:15.

«Это животное очень свирепое – когда на него нападают, оно защищается».

Из средневекового bestiaria .

Особого рассмотрения заслуживает чудо победы евреев над теми, кто готовился их убивать и грабить.

После того, как царь узнаёт, что жена принадлежит к народу, который его первый министр собирается истребить, участь первого министра решена; но остаётся царский указ, призывающий все народы империи убивать евреев. Отменять царские указы – не положено, однако есть выход – написать новый указ «о том, что царь разрешил иудеям каждого города собраться и встать на защиту жизни своей: истреблять, убивать и губить всех вооружившихся из народа и из области, тех, кто готов напасть на них, – с детьми и жёнами, и разграбить имущество их в один день...» (Эстер 8: 11).

Этот один день – тот же день, на который намечен был еврейский погром. Неожиданное падение Амана и возвышение Мордехая напугали врагов евреев и

«многие из народов страны стали иудеями, потому что охватил их страх перед иудеями» (Эстер 8:17). Для таких людей, ставшими евреями со страха, в Талмуде используется специальный термин – «прозелиты Мордехая и Эстер».

В результате евреи убили более 75 тысяч из своих врагов; «а на грабёж не простёрли руки своей» (Эстер 9: 1-17). Чудо их победы объясняется просто: «... никто не устоял против них, ибо страх пред ними охватил все народы» (Эстер 9:2).

Этот пример весьма необычного поведения евреев, которые предпочли убивать, а не быть беззащитными жертвами, вызвало суровую критику даже со стороны просвещенных христианских теологов¹⁰. Если в отношении Лютера к книге Эстер просто проявилась его зоологическая юдофобия, а его современник Конрад Пелиеанус возмущался книгой Эстер, описывающей триумф «вероломных» и «вонючих» евреев, то блестящий немецкий ориенталист и библиист 18-го века Михаэлис осуждает книгу Эстер с позиций своего времени. Оценивая с точки зрения гуманистического универсализма «высокомерие Мордехая» и «ненасытную мстительность» Эстер, он утверждает, что самые худшие враги евреев не могли бы изобрести чего-либо более вредного для осуществления еврейских надежд на улучшение отношения к ним. Ключом к пониманию подхода Михаэлиса служит его удивительный по откровенности комментарий к сообщению книги Эстер (Эстер 8: 15) о радости всего города Шушан возвышению Мордехая: «Среди нас наверняка не было бы радости, если бы еврей был назначен премьер-министром»¹¹.

Особого внимания заслуживает обстоятельство, что евреи не воспользовались предоставленным им указом грабить. Крупнейший средневековый комментатор Библии (1040-1105) РАШИ даёт два объяснения: во-первых, евреи Персидской империи не хотели, чтобы их заподозрили в убийствах из корысти, а во-вторых, евреи столицы не хотели вызвать зависть царя обретенным ими через грабёж богатством. Эти объяснения предполагают большую, чем у их духовного вождя Мордехая, мудрость и ответственность евреев Персидской империи, что представляется маловероятным.

Э. Бикерман считает, что они следовали запрету на какое бы то ни было использование имущества Амалека (1 Книга Царей 15:21). Это смелое предположение в свою очередь требует разъяснений, тем более, что с 8 века до н.э. амалекитяне, как видно, окончательно прекращают своё существование¹².

Более правомерным представляется предположение, что евреи времён Эстер воспринимали термин «амалекитянин» не как этническую, а как некую религиозно-психологическую характеристику: заклятый враг евреев, одержимый всепоглощающей ненавистью к ним, которую значительно позже будут называть юдофобия. В пользу предположения можно привести два аргумента: отмена раввинами ограничений на переход в иудаизм амонитян и моавитян, поскольку нашествие ассирийского завоевателя Санхэрива в 7 веке до н.э. перемешало все народы и упоминание потомков Амана, изучащих Тору в Бней Браке, т.е. не только перешедших в иудаизм, но и ставших благочестивыми иудеями¹³. Такой подход согласуется с тем, что в книге Эстер Мордехай из племени Биньямина постоянно именуется Мордехай – иудей – так же как и остальные евреи, т.е. решающим становится не этнический, а религиозный критерий.

Веселья радости и веселье протеста

«Возрадуются Израиль Создателю своему, Ташуя, восхвалят имя Его Имя, будут играть Пред Ним на бубне и на арфе».

Псалом 149:2-3.

«...они – юмористы на психической почве...».

А. и Б. Стругацкие,

«Отель «У погибшего альпиниста».

Экстатическое служение Богу песней и танцем появилось в иудаизме раньше упорядоченного Богослужения – например песни Моше и Мирьям после перехода через море. Однако и значительно позже оно имело место. Яркий пример – пляска царя Давида перед ковчегом: «И Давид плясал изо всех сил пред Господом; а опоясан был Давид льняным эфодом» (II Книга Шмуэля 6:14). Жена Давида Михаль осуждает его за неподобающее царю поведение, за что Бог карает её бездетностью.

Таким образом, искреннее и безудержное веселье, проявляющееся в песне и танце можно рассматривать как угодное Богу. В Пурим евреи обращаются к Богу со словами: «Превратил Ты скорбь мою в танец...» (Псалом 30:12). Эти слова отражают парадоксальность и неожиданность событий, изложенных в книге Эстер, когда страх и ужас переходят в ликование... Пурим воплощает в себе идею неустойчивости и уязвимости, свойственные человеческой жизни вообще, а для судьбы евреев в особенности.

Резкий переход от ужаса к ликованию – нелёгкое испытание для психики – тем более, что, как говорит Талмуд: «... мы всё ещё остаёмся рабами Ахашвероша...». Все это приводит к желанию радоваться сегодняшней победе, понимая, конечно, что будущее скрыто – подобно тому как маски пуримского карнавала скрывают лица. Но страх остается, его нельзя вытравить полностью. Для преодоления страха перед скрытым будущим Пурим предлагает несколько способов.

Первый – помощь бедным и подарки ближним, т.е. то, что способствует Милосердию Бога.

Второй – веселиться так, включая и обильное возлияние, чтобы радость Пурима оказалась сильнее страха перед завтрашней опасностью. В полном соответствии с традицией, которая предлагает выпить так, чтобы не различать благословение Мордехая от проклятия Аману: «Если ты не сможешь отличить Мордехая от Амана, тебя не будет удручать мысль, что благородный Мордехай часто терпит поражение от злобного Амана».¹⁴

И наконец – проверенное еврейское оружие – смех: если зло нельзя победить окончательно – его можно высмеять. Кроме того, «юмор несёт религиозное послание. Юмор выражает наше ощущение трансцендентности неисправимой реальности и наше принятие её святости со всеми её ограничениями... Принимая святость слишком серьёзно, мы подменяем бесконечного Бога, которому мы стремимся служить, нашими религиозными представлениями – относительными и ограниченными. Смеясь над нашими формами религиозного служения и над окружающей нас реальностью, мы признаём,

что можем ошибаться в наших религиозных надеждах; но, тем самым, мы подтверждаем их – как бы живя в реальности избавления, находящейся за пределами нашего бытия».¹⁵

Насмешка над реальностью, над собой, над своими надеждами на незаслуженное спасение – это веселье протеста против того, над чем не властен, и выражение требовательной еврейской любви к Богу – зеркальное отражение Его любви к еврейскому народу.

Примечания

¹ Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews. Bible Times and Characters From Joshua to Esther*. «The Jewish Publication Society of America», Philadelphia, 1947. v. 4, p. 370, (Далее «LJ») Л.У.).

² Мордехай – производное от имени вавилонского бога Мардук, эквивалент современных имён хороших еврейских мальчиков типа Кристофер или Марк(!). С именем Эстер ситуация более сложная: с одной стороны, оно явно ассоциируется с именем вавилонской богини Иштар (Астарты), которая в еврейской традиции один из главных символов язычества; а с другой, имя переводится как «скрывающаяся». Имеется в виду и то, что она 4 года пряталась от сыщиков Ахашвероша и объявилась только после указа, угрожающего смертью всякому, кто скрывает красавицу от царя, и то, что она является скрытым свестом для Израиля во тьме рассеяния.

³ Irving Greenberg, *Guide to Purim*, p. 2, «National Jewish Conference Center», NY City.

⁴ Elias Bickerman «Four Strange Books of the Bible», p. 188, Schocken Books, New York.

⁵ Solomon Schechter «Aspects of Rabbinic Theology», p. 99. Schocken Books. New York. 1972.

⁶ Irving Greenberg, *Guide to Purim*. p. 3 (см. стр. 3. прим. 3.).

⁷ Рабби Соловейчик, Катарсис», «Амана-Маханаим», Иерусалим, стр.71.

⁸ Еврейские вооруженные формирования во время Войны за Независимость.

⁹ Владимир Поляк «Прямой взгляд», газета «МИГ», ТА, 14.11.2002, с. 12.

¹⁰ Elias Bickerman «Four Strange Books of the Bible», pp. 215-218 (см. стр. 4, прим. 1).

¹¹ Там же.

¹² Краткая Еврейская Энциклопедия, т.1, с. 106, «Кетер», Иерусалим, 1976.

¹³ Вавилонский Талмуд, трактат Санхедрин 92б, трактат Гиттин 57а.

¹⁴ Irving Greenberg, *Guide to Purim*. p. 3 (см. стр. 3. прим. 3.).

¹⁵ Там же.

**ЕВРЕИ И ДВОРЯНЕ:
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ
И СХОДСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ**

Александр СИНЕЛЬНИКОВ

Название статьи может вызвать недоумение. Правомерно ли вообще сравнивать евреев с дворянами, когда принадлежность к еврейству определяется по этнорелигиозному критерию, а к дворянству – по социальному? Никогда не было «дворянской» религии, национальности или языка. В отличие от евреев, дворяне не имели, да и не пытались создать свое государство, где жили бы лишь они сами. Там утратили бы смысл все их привилегии.

Тем не менее, обе группы – «избранные», хотя и по-разному. Конечно, имеется в виду концепция избранности дворян в то время, когда они были господствующим сословием. Еврейская концепция избранности означает не привилегии в отношениях с неевреями, а право на прямой диалог с Богом и возможность повлиять на приход Машиаха. Дворяне же не претендовали на особые отношения с Богом. В России они редко становились священниками.

Однако неевреи приписывают евреям свою, т.е. светскую дворянскую концепцию избранности, как права властвовать над другими людьми. Доказательством считается существование богатых и влиятельных евреев – «олигархов», роль евреев в СМИ и т.п. Эта точка зрения характерна и для ассимилянтов, черпающих представления о своем народе из юдофобских источников. Они считают еврейскую концепцию избранности подобием дворянской, что вызывает у них антипатию к иудаизму, сионизму и Израилю.

Но у двух концепций действительно есть что-то общее. Как евреи, так и дворяне всегда считали, что имеющие особые права должны нести и дополнительные обязанности. Согласно устной Торе, евреи должны соблюдать 613 заповедей (неевреи – только семь). Дворяне считали кодексы чести, правила этикета и многие другие порядки обязательными лишь для себя. Конечно, законы кашрута и правила поведения дворян за столом и в обществе – это не одно и то же. Но и для тех, и для других особый образ жизни – признак избранности.

Как евреи, так и дворяне считали своим долгом своим детям более высокое образование, чем это принято у остального населения. Испокон веков все еврейские мальчики изучали Тору в хедерах, а многие – и в иешивах, учили иврит, чтобы молиться на нем, хотя в быту говорили на идише и других языках.

Русское дворянство в XIX веке владело французским языком как родным. Дворянские семьи приглашали домашних учителей, посылали детей в гимназии и в университеты. В еврейской же среде почтение к образованным людям в прошлом касалось главным образом знатоков письменной Торы и Талмуда. Но в XIX веке светское высшее образование давало освобождение от воинской повинности и право жительства вне черты оседлости. Поэтому люди с университетскими дипломами стали пользоваться в еврейской среде тем же уважением, которым прежде были окружены талмудисты.

Александр СИНЕЛЬНИКОВ – историк, преподает в Еврейском университете в Москве.

Часть еврейской молодежи, которая из-за правовых ограничений не могла занять в обществе место, соответствующее своему образовательному уровню, усвоила революционные настроения от русских интеллигентов-нигилистов, многие из которых были дворянами. Среди марксистов и социал-демократов, привлеченных к ответственности в 1892-1902 гг., евреев было 23%. Это в 6 раз больше доли евреев в населении империи (по переписи 1897 г. – 4%)¹. Но можно ли считать их выразителями интересов еврейства?

Среди революционеров было немало и дворян. Но разве они боролись за интересы дворянства? Едва ли не все декабристы были дворянами, хотя в населении дворяне составляли менее 1% и были самой привилегированной, отнюдь не дискриминируемой (как евреи) группой населения. Декабристы выступали против интересов своего сословия: они требовали отмены самого сословного деления общества. Дворянство, по их замыслам, должно было исчезнуть как обособленная группа и раствориться во всей массе простонародья. Положение же бывших дворян, как людей, должно было резко ухудшиться из-за отмены их привилегий, на чем настаивали декабристы.

Немало дворян оказалось среди революционеров и в более поздние времена. Вспомним хотя бы знаменитых анархистов Бакунина и Кропоткина. Софья Перовская происходила из очень знатной семьи и при этом возглавила группу народолюбцев, убивших Александра II. Не менее высокого происхождения была сподвижница Ленина Александра Коллонтай, которая выступала за отмену семьи и коллективное воспитание детей. Виднейший из меньшевиков Плеханов родился в помещичьей семье. Народный комиссар (министр) иностранных дел в ленинском правительстве Чичерин принадлежал к древнему роду, состоявшему в родстве с Петром I. Сам Ленин и его старший брат, казненный за подготовку покушения на царя, тоже были дворянами.

Этот список можно продолжить. Он будет не столь длинным, как такой же перечень для евреев. Но ведь и численность самих дворян была, по данным переписи 1897 г., в 10 раз меньше численности евреев. Доля же дворян среди руководителей революционного движения многократно превосходила те 0,4 процента, которые они составляли в населении России.

Революционеры-дворяне выступали за упразднение сословий, т.е. за ликвидацию дворянства, а революционеры-евреи – за полный интернационализм, т.е. за растворение еврейства в окружающем населении. Еврейские большевики, получив власть, закрывали синагоги, преследовали раввинов и сионистов, запрещали «клерикальный» язык иврит. Они не могли не знать, что их революционная активность провоцирует погромы, жертвами которых становились простые люди, но они боролись не за интересы еврейства, а за интересы рабочих и крестьян, т.е. тех социальных групп, из которых рекрутировалась основная масса погромщиков. В еврейской среде преобладали не рабочие или крестьяне, а мелкие торговцы. Несмотря на свою бедность, они рассматривались большевиками как «нетрудовые элементы». В годы Гражданской войны многие евреи – банкиры, фабриканты, коммерсанты и просто мелкие лавочники были ограблены или убиты красноармейцами, либо расстреляны или посажены в лагеря ЧК как «буржуи», а их имущество конфисковано. Немало евреев пострадало от репрессий против нэпманов. Советские законы 20-х годов лишили «нетрудовые элементы» избирательных и многих других прав.

Революционность как у евреев, так и у дворян отчасти объясняется неверным пониманием ими избранности. Согласно традиции иудаизма от евреев зависит приход Машиаха, который установит на земле царство всеобщей справедливости. Но евреи-революционеры, будучи атеистами, хотели создать его сами, без Машиаха. Дворяне, в свою очередь, исходили из кодексов чести, обязывающих людей благородного происхождения защищать униженных и оскорбленных. Ни те, ни другие не знали, что на смену разрушенной ими системы придет другая, еще менее справедливая. Но

¹ Рассчитано Н.Д. Ерофеевым по: «Обзоры важнейших донесений, дознаний, производившихся жандармским управлением империи по делам о государственных преступлениях». 1892-1902. СПб., 1905. Т. 1-26, цит. по: Степанов С.А. «Черная сотня в России (1905-1914 гг.)». М., 1992. стр. 27, 47.

никто не ставил в вину дворянскому сословию то, что из него вышло так много революционеров. Никто не винит поляков за Дзержинского или грузин за Сталина и Берию. Лишь евреям не прощают того, что прощают всем другим.

Если дворянин брал жену из другого сословия, то она становилась дворянкой, и рожала дворян. Если дворянка выходила замуж за «худородного», то она сохраняла свой статус, но не передавала его ни мужу, ни детям. Дворянство наследовалось по мужской линии и только в законном браке. Если холопка рожала от «блуда» с баринном, дети тоже были холопы.

У евреев есть свое «дворянство» – колено Леви, которое в древности состояло из священнослужителей Храма. Внутри него выделяются «титулованная аристократия» – коэны (в другом произношении – коганим) – потомки первосвященника Аарона. Они обычно носят фамилии Кон, Коэн, Коган. У некоторых коэнов фамилии иного типа, но община знает их родословную. Традиция считается с древней иерархией, и в синагоге к чтению Торы сперва вызываются Коэним, т.е. «аристократы», затем – Левиим – прочие представители колена Леви, т.е. «дворяне без титулов», и, наконец – Исраэль – люди из остальных 11 колен Израиля, т.е. «простой народ».

Еврейский закон запрещает браки евреев с неевреями, но допускает браки между представителями трех еврейских «сословий», хотя переход из одной группы в другую невозможен. Принадлежность детей при этом определяется по отцу. Почему же принадлежность к еврейству в целом определяется по матери?

Согласно еврейской традиции, брак коэна с простой «исраэлиткой» законен, так как оба они – евреи. Их дети наследуют отцовский статус и будут коэнами. Но если эта «исраэлитка» – в разводе с бывшим мужем, то ее новый брак с коэном незаконен. Тора запрещает коэнам жениться на разведенных. Следовательно, дети от этого нелегитимного союза не наследуют отцовский статус и не считаются коэнами. Некоторые люди по фамилии Коэн не являются коэнами из-за того, что кто-то из их предков женился на разведенной. Браки с неевреями, согласно Торе, тоже незаконны. Дети, рожденные от них, наследуют статус матери, а не отца и не считаются евреями, если она – не еврейка.

Если строго следовать еврейскому закону – Галахе, то все дети от браков с нееврейками признаются чужими, т.е. неевреями, если только они будут согласны пройти долгий (обычно не менее года) и сложный путь обращения в иудаизм – гиюр. За 10 последних лет XX века в Израиль прибыло около миллиона выходцев из СНГ, из которых четверть миллиона – неевреи по Галахе. Из них прошли гиюр за те же 10 лет лишь 10 тысяч человек¹.

Поскольку евреи чаще женятся на нееврейках, чем неевреи – на еврейках, то и детей отцов-евреев от смешанных браков больше, чем детей еврейских мам. Многие из последних сами выбирают национальность отцов. А дети отцов-евреев из-за своих фамилий рассматриваются неевреями как евреи, но не признаются ими в еврейской религиозной среде. Поэтому еврейский народ теряет огромную часть новых поколений, стареет и уменьшается численно.

Израильский закон о возвращении и поправки к нему дают право на репатриацию нееврейским членам семьи еврея. К ним относятся супруги, дети (включая детей нееврейских супругов от других браков), зятья, невестки, внуки, внучки, жены внуков и мужья внучек. У них есть право на репатриацию независимо от того, едут ли с ними их еврейские родичи и живы ли они вообще. В наши дни в страну прибывает масса семей, в которых нет ни одного еврея. Их еврейские родственники умерли, либо живут вне Израиля... Это вызывает большую критику со стороны традиционно настроенной части израильского общества, которая требует изменить закон о возвращении.

По мнению доктора Зеева Ханина из университета Бар-Илан, «неверно рассматривать всех таких приехавших неевреев как принадлежащих к еврейской части общества. Часть из них (десятки тысяч) относят себя к еврейскому народу». Это «неевреи, у которых еврейские имена или фамилии. У них может быть типично еврей-

¹ См.: Ася Энтова. Ученые о проблеме неевреев в Израиле. (Хроники Иерусалима..) <http://rjews.net/gazeta/asya21.shtml>.

ская внешность, но они не являются евреями по Галахе. У них может быть еврейское прошлое, т.е. они могли считать себя евреями в России, и могли испытывать на себе из-за этого проявления антисемитизма. Это, главным образом, сыновья и внуки евреев, у которых нееврейские матери, а также жены евреев»¹. По оценке Ханина, «каждый пятый из группы неевреев, относится к этой подгруппе, т.е. их насчитывается примерно 50 тысяч человек. Их характеризует симпатия по отношению к государству Израиль, они соотносят себя с еврейским народом. Они хотят стать частью еврейско-израильского общества и они согласны с еврейским характером государства. В этой подгруппе вы найдете людей с типично еврейскими фамилиями: Рабинович, Фридман и т.п. Они страдали от антисемитизма в России, и только приехав в Израиль, уяснили для себя истинное положение дел».

Однако д-р Ханин отмечает, что другие репатрианты-неевреи, которых около 100 тысяч, «настаивают на своей русской, украинской и другой принадлежности, не хотят входить в израильское общество, а предпочитают жить в «русском гетто» или вообще рассматривают страну как временное место жительства. Проблема все более обостряется, так как среди вновь приезжих растет и число неевреев (алия 1989-95 гг. – 17%, 1995-98 – 40 %, 1998-2001 – более 75%), и процент людей, не идентифицирующих себя с еврейским народом. Так, в СНГ по данным опроса учащихся ульпанов для изучения иврита в 2001 году, 30% среди них имели одного из родителей еврея и в большинстве относили себя к евреям; 55% не имели ни одного родителя-еврея и, как правило, не чувствовали в себе желания присоединиться к еврейскому народу, а 15% и вовсе не имели еврейского родства, достаточного для приезда по Закону о Возвращении.

Евреи, наряду с греками и римлянами, – один из трех древних народов, заложивший основы европейской цивилизации. Человечество потеряло очень много, когда древние греки и римляне сошли со сцены. Потребовалось целое тысячелетие, чтобы наступило Возрождение. Не меньшей потерей будет исчезновение еврейского народа, внесшего совершенно несоизмеримый с его численностью вклад в мировую цивилизацию. После того как евреи потеряли от геноцида в последней Мировой войне шесть миллионов человек, их численность практически не растет из-за потерь от ассимиляции.

Мир много потерял и от исчезновения дворянства. В России почти вся культурная дворянско-интеллигентская элита была либо уничтожена, либо эмигрировала. Без этих потерь положение российской науки и культуры на мировом фоне было бы более благоприятным. Дворянские привилегии давно отменены. Многие из потомков дворян еще помнят о своем происхождении. Они имеют (как и евреи) свои общества и организации. Но для основной массы населения – дворянство (в отличие от еврейства) – анахронизм. Однако у дворян есть немалые преимущества перед евреями. Во-первых, у дворянства сейчас нет врагов, а у еврейства их всегда хватает. Во-вторых, сколько бы поколений мужчин в одной семье не женились на недворянках, их потомки по мужской линии будут дворянами. Они имеют дворянскую фамилию. Еврейство формально тоже передается по женской линии «до бесконечности», но даже дети евреек от смешанных браков, носящие фамилии отцов, не так уж часто желают быть евреями, а внуки – очень редко. Отцовский критерий у дворян соответствует законам и обычаям стран, где они живут, а материнский принцип у евреев им противоречит.

Поскольку в судьбе дворян и евреев так много общего, и в некоторых аспектах даже дворяне, потерявшие свои привилегии, имеют преимущества перед евреями, то кое-что из их исторического опыта могло бы пригодиться еврейству.

Аналогию между еврейством и дворянством рассматривал также известный раввин Адин Штейнзальц. Эта аналогия основана на том, что евреем, как и дворянином можно не только родиться, но и стать, т.е. «выслужить» себе еврейство.² Граница

¹ См.: Арье Даян. Не хотим быть евреями, не хотим еврейского государства, «Хаарец», 11.06.2002.

² Еврейская Газета (Москва), № 46-47, 1999 г.

между дворянами и другими сословиями была проницаемой, но не исчезла полностью. Иначе исчезло бы и само дворянство. Уже низший обер-офицерский чин в армии, а также чин титулярного советника – (9-й класс из 14 классов по «Табели о рангах») на гражданской службе давали личное дворянство. В конце XIX века в России личных дворян было примерно столько же, сколько потомственных. Но лишь чины полковника (6-й класс по военной службе) и действительного статского советника (4-й класс по гражданской) давали дворянство не только тем, кто до них дослужился, но и их детям. Нередко евреи крестились именно для того, чтобы стать дворянами. В царской армии для производства еврея в обер-офицеры требовалось крещение. Оно давало и чин, и дворянство.

Даже в те времена, когда гиюр не сулил никаких выгод, а, напротив, грозил новообращенным судом инквизиции, евреи неохотно принимали тех немногих неевреев, которые желали перейти в иудаизм. И не только потому, что за гиюр изгонялись или уничтожались целые общины. Правила гиюра сформулированы в Талмуде (трактат Иевамот), а комментарии к ним написаны Рамбамом (Маймонидом). Желаящий принять иудаизм должен доказать, что у него нет корыстных мотивов для этого, и что он соблюдает еврейские законы. Нееврею было не легче стать евреем, чем простолюдину стать дворянином. Считающие себя избранными редко принимают чужих в свой круг.

Однако ни еврейство, ни дворянство не были абсолютно замкнутыми группами. Русское дворянство, которое постоянно пополнялось выходцами из низов, просуществовало как особая привилегированная группа населения на 125 лет дольше, чем более замкнутое французское дворянство, уничтоженное революцией в конце XVIII века. Живучесть дворянского сословия в России во многом объясняется возможностью получения личного дворянства и перехода из личных дворян в потомственные. Этот опыт мог бы быть полезен нашему народу.

Знатное дворянство понимало разницу между собой и личными дворянами, но не приравнивало их к обычным простолюдинам. Увы, в еврейском государстве дело обстоит иначе. Как отмечает д-р Ханин: «В МВД [Израиля] не в состоянии понять различие между Рабиновичем, у которого еврейский отец, и который всю свою жизнь считал себя евреем, и Петровым, который потерял свою связь с еврейством еще четыре поколения тому назад». Чтобы не приравнивать «евреев по отцу» к людям, не имеющим никакой еврейской родни, и не отталкивать их от еврейства, можно дать им статус «личных евреев», не передающийся их детям от нееврейских жен. Еврейство по отцу не должно превращаться в еврейство по деду. Рюриковичи – русские люди, хотя и происходят от викингов. Лермонтов – тоже русский, хотя его предок шотландец.

Если личному еврею, важно чтобы его дети тоже были евреями, он может либо жениться на еврейке, либо склонить жену-нееврейку к гиюру, либо пройти тшуву, т.е. путь приобщения нерелигиозного еврея к иудаизму. Это не тождественно гиюру, который означает прием нееврея в еврейский народ. Однако в процессе тшувы, так же, как и в процессе гиюра, люди приобщаются к еврейскому образу жизни. Они изучают Тору, учатся читать молитвы, отмечать праздники, соблюдать Шаббат и кашрут.

Сын еврея, которого в России дразнили «жидом», может возмутиться тем, что в Израиле его считают «гоем», и откатиться из-за этого от гиюра. Но когда ему скажут, что он просто еврей, не получивший еврейское религиозное воспитание, с этим он спорить не будет и сделает тшуву, если захочет, чтобы его дети тоже были евреями. Если он затем женится на нееврейке, которая не пройдет гиюра, их дети должны считаться личными евреями.

Если личный еврей пожелает стать потомственным, уже будучи женатым на нееврейке, жене придется проходить гиюр, поскольку невозможно, чтобы лишь один из супругов вел еврейский образ жизни. Если она захочет пройти гиюр, ему по той же причине придется сделать тшуву, чтобы изменить свой статус личного еврея на потомственного. Этот статус получают также и дети. Но если он так и останется личным

евреем, а она не примет гиюра, дети станут евреями только тогда, когда пройдут гиюр сами. Если оба супруга – личные евреи, дети получают тот же статус. Если один из супругов – личный еврей, а другой – потомственный, дети получают второе звание.

Если нееврейка родит внебрачного ребенка от еврея – личного или потомственного, причем отец не признает этого ребенка и он будет воспитан одной матерью, ребенок должен считаться неевреем. Если мать – личная еврейка, а отец – не еврей, ребенок будет «личным евреем». Ребенок принадлежит матери, если брак не оформлен ни по еврейским религиозным законам, ни по законам страны, откуда приехала она, ни на Кипре, где многие израильтяне регистрируют смешанные браки. Еврейское государство признает законными смешанные браки, заключенные за границей. Нееврейские жены имеют права законных супругов, а их дети – права рожденных в законном браке. Поэтому к ним можно применять отцовский критерий. Если государство рассматривает их как неевреев, то это связано уже не с юридическими, а с политическими моментами, т.е. с влиянием религиозных партий в Кнессете.

Личный или потомственный статус еврея не должен фиксироваться в удостоверении личности, в анкетах или каких-либо других документах, которые приходится часто предъявлять в разных учреждениях. Спрашивать кого-либо о том, какой он еврей – личный или потомственный – уже проявление дискриминации. Справки, подтверждающие тот или иной статус, могут потребоваться только для определения статуса его детей и получения права на репатриацию в Израиль. Во всех других случаях как личных, так и потомственных евреев следует называть просто евреями без уточнений.

Сами выражения «потомственный еврей» и «личный еврей» следует заменить терминами, более соответствующими еврейской традиции. В Талмуде детей евреев от неевреек называют «зера Исраэль» – «семья Израиля». Но дело не в названии, а в том, чтобы дети евреев не исключались из нашего народа. Никто не предлагает отменить принцип «еврейства по матери», однако надо дополнить его принципом «также и по отцу».

Ведь в конце концов далекие предки современных евреев приняли Галаху, а их отцы и деды – «Закон о возвращении» и поправки к нему, не для того, чтобы сделать Израиль нееврейским государством? Пользуясь этими правовыми нормами, в страну приезжают десятки тысяч людей, которых даже нацисты сочли бы «арийцами». Это внуки евреев, причем без дедов и бабушек, которые либо умерли, либо остались дома. Часто предлагается принимать внуков лишь вместе с дедами. Это закрыло бы ворота для тех неевреев, чьих дедов уже нет в живых. Но государство Израиль и так платит пособия по старости многим десяткам тысяч пенсионеров-репатриантов, которые не работали в еврейском государстве ни одного дня. А среди прибывающих из СНГ детей и молодежи около 80% – не евреи по Галахе.

Один из доводов против признания еврейства по отцу состоит в опасении, что это сократит число принимающих иудаизм, поскольку отпадет стимул для гиюра. Однако эффект отталкивания здесь сильнее эффекта притяжения. На одного сына еврея, прошедшего гиюр, даже в Израиле приходится не менее десяти лиц такого же происхождения, оставшихся нерелигиозными или принявших христианство. Усилия прошедших гиюр детей отцов-евреев окажутся не напрасными – ведь они будут иметь статус потомственных евреев и передавать его своим детям. А их братья и сестры, не прошедшие гиюра, получают лишь статус личных евреев: для приобретения потомственного статуса им потребуются тшува (возвращение), т.е. то же самое приобщение к еврейскому образу жизни, которое прошли их братья и сестры путем гиюра.

В Израиле, как и в любом демократическом государстве, признается свобода вероисповедания. Граждане всех конфессий имеют равные права. Если еврей крестится уже в Израиле, то из страны его не вышлют, и гражданства не лишат. Но многие другие евреи, включая и атеистов, станут смотреть на него так же, как обычно смотрят русские, в том числе и неверующие, на представителей своего народа, принявших иудаизм.

Рожденный от смешанного брака имеет право выбрать религию того народа, к которому принадлежит его нееврейский родитель. Такой выбор означает, что данный народ ему

ближе еврейского. Это касается не только еврея по отцу, которого сам еврейский закон толкает к такому выбору, но и еврея по матери. Кто может заставить его следовать Галахе, если ему дороже вера, законы и обычаи народа, к которому принадлежит его отец, и которые причисляют его самого к национальности отца? Любой человек имеет право выбирать для себя и женщину, и религию, и дорогу. Но ни евреи, ни их дети от смешанных браков, после обращения в другую веру не могут считаться частью нашего народа.

В книге «Евреи и христианство» Пинхас Полонский пишет, что: «В древности Бог выбрал еврейский народ своим собеседником в этом диалоге (и, если угодно, своим посредником по отношению ко всему человечеству) и дал ему Откровение – Тору и всю еврейскую Библию, которую христиане называют «Ветхим Заветом». Но затем, по мнению христиан, Бог отказался от диалога со Своими избранниками и передал людям новое послание, которое, в отличие от «Ветхого Завета», было обращено напрямую уже не только к евреям, но ко всему человечеству. С тех пор, как считают христиане, условия Завета (т.е. «Договора», который Бог заключил с миром) изменились: если раньше непосредственным собеседником Всевышнего был народ Израиля, то теперь его место заняла интернациональная община христиан. И потому христиане называют себя «Новым Израилем», т.е. «истинным» и «современным» Израилем, само существование которого в значительной степени уничтожает смысл отдельного существования еврейского народа».¹

Для христиан это естественная точка зрения и если еврей крестится, то он обязан согласиться с ней. Следовательно, для него утрачивает смысл существование уже не чужого, а собственного народа. Потомки 200 тысяч евреев, крестившихся в XIX веке, в наше время принадлежат ко многим народам, но только не к еврейскому. Возникновение сионистского движения в конце XIX века было реакцией с одной стороны на появившийся в ту же эпоху расовый антисемитизм, с другой – на массовые крещения, угрожающие существованию народа. Сионисты решили возродить еврейское государство для того, чтобы у евреев больше не было соблазна принять веру господствующего нееврейского большинства и раствориться в нем. Крещение – более «необратимый» вид ассимиляции, чем смешанные браки. Дети от браков с нееврейками часто ощущают свою связь с нашим народом и вступают в брак с евреями, а иногда проходят гиюр. Но выкресты, как правило, навсегда потеряны для еврейства.

Разумеется, еврей-христиане и их крещеные дети от смешанных браков имеют право приезжать в Израиль в гости к родным, или как туристы, или как паломники, поклоняющиеся святым местам своей религии. Но зачем давать им гражданство государства, созданного для того, чтобы евреи не крестились?

Антипатия к выкрестам часто сочетается у евреев с симпатией к христианам нееврейского происхождения. Иудаизм считает неевреев, признающих единобожие, т.е. христиан и мусульман, соблюдающих семь заповедей «сынов Ноя», праведными людьми, угодными Богу. Евреи никогда не стремились обратить весь мир в свою веру и всегда признавали, что каждый народ вправе идти к единому для всех Богу своим путем. Христиане и мусульмане, которые не проявляют враждебности к евреям, не пытаются обратить их в свою религию и сами не являются евреями-вероотступниками, духовно могут быть даже ближе к религиозным евреям, чем последние – к евреям-атеистам.

Закон о еврействе по матери подобен старому дому, закрытому для будущего народа – детей от браков евреев с нееврейками. Обычно их даже не принимают в еврейские школы. Большинство из них не желают входить в этот дом через узкую дверь гиюра, так как считают себя евреями по праву рождения. Так же смотрят на них и неевреи. Фундамент здания – запрет смешанных браков – настолько расшатан, что оно вот-вот рухнет. Никто не требует его сноса, но уже пора строить рядом с ним новый большой открытый дом. Если его двери будут широко распахнуты для всех наших детей, то еврейский народ продолжит свой путь среди других наций и еще очень много даст всему человечеству.

¹ П. Полонский, Евреи и христианство, «Маханаим», Иерусалим, 1995, с. 7.

ИЗРАИЛЬ И РОССИЯ: ОДНА БЕДА НА ВСЕХ - ТЕРРОРИЗМ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ. ХЕЛЬСИНКИ vs ОСЛО

Натан ЩАРАНСКИЙ

Хотя столицы Финляндии и Норвегии разделяет лишь несколько сот километров, соглашения, достигнутые в Хельсинки и Осло, олицетворяют существенно различные подходы к вопросу международных отношений. В обоих случаях стороны декларировали стремления к урегулированию конфликта, длившегося десятилетиями, и вступили в переговоры, кульминацией которых стали исторические соглашения, названные по именам столиц. Но в то время как Хельсинские соглашения, принятые в период «холодной войны», выявили прямую связь между правами человека и отношениями стран Востока и Запада, договоренности, достигнутые в Осло, не смогли установить подобную связь в палестино-израильском мирном процессе. Хуже того, обе стороны, заседавшие в Осло, сошлись на том, что акцентирование проблемы прав человека повредит интересам договаривающихся сторон. В свете серьезных нарушений арабскими режимами прав своих народов, очевидным является стремление представителей ООП избежать какого-либо упоминания о правах человека в этих странах. Тот факт, что израильские участники переговоров заставили себя поверить в то, что подобный пробел будет служить нашим собственным интересам, является печальным свидетельством того, как мало уроков мы черпаем из истории.

Демократия и обеспечение мира

Демократические режимы не воюют друг против друга. То, что историкам удается иногда найти редкие исключения, лишь подтверждает правило. Тем не менее, выяснение логичности данного постулата является крайне важным, если мы хотим понять, почему защита прав человека так необходима для международной безопасности.

Демократии по своей сути неагрессивны, так как представляют интересы большинства народов, которые – будь то американцы или русские, азиаты или арабы – предпочитают мир войне и процветание нищете. Поставленные перед выбором: принять ли ненасильственный компромисс между безопасным существованием и экономическим благосостоянием или вступить в ожесточенную борьбу, в ходе которой человеческие жизни ставятся под угрозу, а собственность может быть уничтожена, большинство людей выберут первое.

В демократическом обществе, где правительство зависит от людей, которых оно представляет, личные интересы политической верхушки неотдели-

Натан ЩАРАНСКИЙ – депутат Кнессета и министр строительства в правительстве Израиля, лидер партии, новых репатриантов. В прошлом один из наиболее известных правозащитников и узников Сиона в СССР.

¹ ООП – Организация Освобождения Палестины, во главе которой стоит Ясир Арафат.

мо связаны с целью улучшения уровня жизни избирателей. Лидеры, успешно справившиеся с задачей обеспечения мира и процветания, скорее всего, будут переизбраны на следующий срок, тогда как те, кому это не удалось, обычно снимаются с поста. Таким образом, демократические лидеры, даже из чисто эгоистических побуждений, имеют сильный стимул избегать войны.

В противоположность этому, в недемократических государствах, где люди зависят от своих руководителей, стимул для поддержания благополучия граждан отсутствует. Не нужно быть экспертом в международных отношениях, чтобы понять, что ни правление Саддама, ни власть Арафата не зависят от успеха в улучшении жизни людей. Известно, что Фидель Кастро оставался у власти в течение десятилетий, несмотря на полное обнищание Кубы.

Как может показать любое серьезное исследование деятельности этих лидеров, их власть основана на жестком контроле мыслей и поступков ее подданных... Тотальный контроль над личностью неизбежно влечет за собой репрессии, которые народ не станет терпеть, если режим не изобретет внутренних или внешних врагов, служащих оправданием подобных мер.

Неудивительно, что лидеры недемократических государств считают, что для утверждения собственной силы необходим конфликт, народ готов терпеть материальные лишения и ограничения личной свободы во времена кризиса, и это делает войну чрезвычайно привлекательной альтернативой для деспотов. Антидемократический режим рассматривает принятие решения вести войну или заключать мир не с той точки зрения, какое влияние окажет данное решение на подданных, а, скорее, с позиции удержания и укрепления контроля господствующей власти.

По этой причине правительства стран с совершенно разными культурами, таких как бывший Советский Союз, Куба, Северная Корея, Иран и Ирак, видят в насаждении ненависти неотъемлемую часть существования их режимов. Антидемократические режимы весьма воинственны, что требует от демократий быть с ними настороже.

Страны с режимом, защищающим права своих граждан – выборное правительство, наличие влиятельных оппозиционных партий, суда, свободу печати и т.д. – будут также уважать права соседних демократических государств. И наоборот, режимы, подавляющие права собственных народов, всегда будут представлять угрозу для соседей.

Соблюдение прав человека

Хотя принцип, утверждающий, что демократические режимы не воюют друг с другом, является догматом веры для многих демократических лидеров, он, тем не менее, не всегда входил в формулировку курса внешней политики. Список демократических режимов, породивших диктаторов и тиранов в процессе решения краткосрочных политических и экономических задач, разумеется, не мал. Причина этого, по моему мнению, заключается в том, что в то время как большинство демократов понимает, что соблюдение прав человека их соседями могло бы в значительной степени усилить безопасность государства, и хотели бы видеть недемократические режимы более открытыми и прозрачными, но лишь немногие уверены в том, что реально возможно сделать что-либо для того, чтобы на деле обеспечить этот процесс, особенно, если речь идет о коротком периоде времени.

Во время «холодной войны» мы слышали подобные высказывания как со стороны левых, так и со стороны правых. Советский Союз, по логике вещей, был своеобразным черным ящиком, который было невозможно изменить. Запад был вынужден прийти к соглашению с равной сверхдержавой и закрыть глаза на тиранию ради международного спокойствия.

Советский Союз был большим специалистом в использовании этого укоренившегося заблуждения. Он воспользовался желанием Запада к примирению и ослаблению напряжения для получения ряда уступок в сферах высокой технологии, соглашений о контроле над вооружениями и торгового статуса. В то же самое время, он продолжал насаждать ненависть к Западу повсюду, где это только было возможно, поддерживая «мировую революцию» от Кубы до Анголы.

К счастью, когда руководители многих государств оставались глухи к призывам диссидентов из-за Железного занавеса, убежденных в том, что непреклонный Запад мог бы повлиять на Советский Союз, такие люди, как сенатор Генри Джексон и президент Рейган, понимали истинную силу демократических идеалов в деле изменения мира. Они решили создать связь между внешней политикой Соединенных Штатов и соблюдением советским режимом прав его граждан. Более того, они действовали таким образом не ради абстрактных моральных ценностей, а вследствие того, что осознавали, что подобная взаимосвязь была в интересах их собственной нации.

Сенатор Генри Джексон

Генри Джексон, сенатор из Вашингтона, был первым, кто выступил за политику «увязок». Он пренебрег попытками никсоновской администрации сделать детант (ослабление международной напряженности) безусловным принципом американской политики в отношениях с СССР и внес через Сенат поправку, связавшую выгоды американской внешней торговли с правом свободы эмиграции – важнейшим из прав человека, провозглашенном в статье 13 Всемирной Декларации прав человека. В этом праве было отказано всем советским гражданам, включая и сотни тысяч евреев, живших за Железным занавесом. Когда сенатор Джексон предложил свою поправку, советское правительство и американские бизнесмены, получавшие огромные прибыли от неограниченной торговли, были разъярены и начали с ней отчаянную борьбу. Администрация Никсона присоединилась к ним, исходя из убеждения, что Джексон намеренно срывает ее попытки разделить геополитический пирог между двумя сверхдержавами.

Кое-кто на Западе советовал нам не вводить самих себя в заблуждение о возможности глобальных перемен в Советском Союзе, способных коренным образом изменить сущность нашего общества. Ошибочность таких оценок стала очевидной несколько лет спустя, когда народы бывшего социалистического блока от Восточной Германии до Монголии вдохнули первые глотки свободы и впечатляюще продемонстрировали миру всю глубину их стремления к независимости.

Важно, что Джексон выдвинул свой законопроект не только потому, что «так делать хорошо»; он был также убежден в том, что соблюдение прав человека входит в стратегические интересы Соединенных Штатов. Как заметит позднее один из ближайших помощников Джексона: «Обращение правительства со своими гражданами, особенно правительства могущественной нации, является показателем его намерений по отношению к остальному миру.

Таким образом, с точки зрения сенатора, права человека и международное право – рассматриваемые обычно в гуманистическом или, в лучшем случае, политическом аспектах – являются стратегически важными. В этом он и Андрей Сахаров пришли к единодушию».

Любивший цитировать одно из высказываний Сахарова – высказывание, которое я в те годы перевел и переслал на Запад и которое впоследствии советские власти использовали против меня на судебном процессе 1978 года по обвинению в государственной измене – Джексон сказал: «Я убежден, что существуют определенные гарантии политических и гражданских прав человека, которые не могут быть отделены от основных задач, стоящих перед человечеством. Свобода совести, свобода информации, свобода передвижения и выбора места жительства неотделимы от стремления к обеспечению международной безопасности, содействию экономическому и социальному прогрессу и к охране окружающей среды».

Хельсинские соглашения

Идея, что поведение государства в международном сообществе связано с нравственностью внутренней политики, была, в конечном счете, подвергнута испытанию на переговорах Востока и Запада в Хельсинки. То, что многие в то время с насмешкой рассматривали как незначительную уступку с советской стороны в признании прав человека, стало одним из судьбоносных решений, принятых в ходе «холодной войны». По прошествии приблизительно пятнадцати лет после подписания хельсинских соглашений пала Берлинская стена, Восточная Европа обрела свободу, Советский Союз потерпел крах и окончилась «холодная война». Несомненно, что окончательному распаду СССР способствовали многие факторы. Однако тем, что цепь имевших место событий произошла в столь короткие сроки, мы в немалой степени обязаны положению о правах человека, содержащемуся в хельсинском соглашении, а также оказанному вследствие этого колоссальному международному давлению.

При помощи увязки прав советских людей с международным статусом СССР Запад нашел ахиллесову пяту тоталитарного режима. Он требовал от Советского Союза и его марионеточных правительств по всей Восточной Европе соблюдать основные права человека в своих странах. Оказавшись перед необходимостью международного признания законности геополитического положения и увеличения масштабов экономических связей с Западом, представители советской стороны согласились с этим условием. Советские лидеры, безусловно, полагали, что они одурачили Запад пустыми обещаниями. Но как выяснилось впоследствии, они собственноручно подписали свой смертный приговор.

Вследствие хельсинских событий, несколько диссидентов, включая меня, решили создать Хельсинскую группу – организацию, которую возглавил Юрий Орлов, для наблюдения за соблюдением прав человека. Мы верили, что если нам удастся уберечь мир от забвения обязательств, данных Советским Союзом, последний не сможет их просто проигнорировать. То, что империя может испугаться такой, казалось бы, незначительной группы лиц, должно быть, сильно удивило политических деятелей, которые неправильно понимали природу тоталитарных режимов. Однако советская власть отдавала себе отчет в той опасности, которую мы представляем. Все мы были в итоге арестованы и подвергнуты либо тюремному заключению, либо депортации.

Но удар уже был нанесен. После хельсинских соглашений СССР не мог сделать и шага без того, чтобы внимание мировой общественности не было привлечено к соблюдению им прав человека и тому, как в СССР относятся к политическому инакомыслию.

Рональд Рейган

В то время как хельсинские соглашения метили свои стрелы в уязвимое место Советского Союза с дипломатической осторожностью, Рональд Рейган повел прямую борьбу против советского режима. Логика президента была очевидна: Соединенные Штаты не будут доверять государству, которое не доверяет собственному народу. Оспаривая право СССР на присоединение к свободному миру, одновременно с решением построить грандиозную систему защиты Америки от советских стратегических ракет с целью обуздания стремления врагов демократии к агрессии, Рейган воплощал на практике ту идею, которую за несколько лет до этого я слышал от А. Сахарова: «Государство, не уважающее права своих собственных граждан, никогда не будет уважать права своих соседей».

Инициатива Рейгана относительно «звездных войн» подверглась критике, кое-кто видел в ней лишь безрассудное расточительство и опасное размахивание саблями. Но эффект ее был очевиден: советские лидеры были напуганы. Спустя годы даже близкие советники Горбачева признавали, что эта политика американской стороны заставила осознать, что они не могут с ней соперничать – понимание, которое привело их к необходимости проведения внутренних реформ.

Оказавшись под давлением с двух сторон: изнутри – диссидентами, требующими от режима предоставления народу прав, соответствующих международным обязательствам, а снаружи – лидерами других государств, строившими свою внешнюю и оборонную политику с учетом внутренних перемен в Советском Союзе, кремлевские руководители в конечном итоге отступили под общим натиском. Вынужденные ослабить гайки тирании, они высекли искру свободы, распространившуюся в мгновение ока и спалившую дотла всю империю.

Уроки для Ближнего Востока

К сожалению, уроки, преподнесенные «холодной войной», практически не оказали влияния на ближневосточных политиков. Для них окончание «холодной войны» представляло интерес лишь тем, что потерпел крах советский спонсор арабских стран, что создало предпосылки для стремительных геополитических перемен. Эти обстоятельства одурманили умы тех, кто ждет чудесного завершения арабско-израильского конфликта и создания в очень короткие сроки «Нового Ближнего Востока».

Но они забыли – или никогда не понимали – настоящий урок «холодной войны». Обстоятельства, ускорившие исторический коллапс коммунизма, были сформированы духовными лидерами диссидентов, такими как Андрей Сахаров и Юрий Орлов, выступившими с требованиями к советскому режиму освободить их собственный народ, и бескомпромиссными западными лидерами, такими как Генри Джексон и Рональд Рейган, которые сделали внутреннюю либерализацию и реформы в советской империи важными элементами в отношениях сверхдержав.

Арабский голос в арабских государствах в поддержку прав человека был весьма и весьма приглушенным, ни один арабский Сахаров не появился и глубин ближневосточного деспотизма. Но и Израиль и правительства других демократических государств не подняли эту ношу. Когда начался мирный процесс, эти народы имели замечательную возможность использовать свое влияние для того, чтобы обеспечить превращение отсталого палестинского общества в либеральное демократическое государство, которое стало бы опорой подлинного арабо-израильского мира. Вместо этого они около десяти лет помогали созданию и утверждению диктатуры.

Окруженный агрессивными авторитарными странами Израиль, единственное демократическое государство в регионе, отказался верить – и до сих пор отказывается верить – в универсальную силу своих идеалов. Скептически относясь к способности содействовать переменам в арабских странах, устав от дипломатического тупика, израильские политические стратеги приступили к процессу установления мирных отношений в Осло, оставив истинный ключ к «Новому Ближнему Востоку» – прямую связь либерализации арабского режима с мирным процессом – пылиться в Хельсинки.

Провалы Осло

В 1993 году весь мир и народ Израиля – более того, израильский парламент и фактически все правительство – были шокированы тем обстоятельством, что секретные переговоры между Израилем и ООП, проходившие в Осло, привели к появлению Декларации Принципов обеих сторон. Равным образом удивленный поспешной оперативностью американской администрации в подготовке церемонии подписания в Белом Доме, народ Израиля раскололся на два лагеря: за и против Осло.

Тогда я не участвовал в политической борьбе и пришел к выводу, что большинство израильтян приняли судьбоносное решение в отношении соглашений не ознакомившись внимательно с их содержанием, а исходя из разделяемых ими убеждений. К «левым» примкнули те, кто был готов поддерживать любые соглашения до тех пор, пока «процесс» движется вперед. На стороне «правых» встали противники любых территориальных уступок палестинцам, независимо от того, где, когда и на каких условиях.

В итоге Осло, к сожалению, стало синонимом мира, в то время как высказывание критических замечаний по поводу процесса расценивалось как попытка отвергнуть мир как таковой. Такая классификация демонстрировала предельную ограниченность. Будучи убежден, что еврейское демократическое государство должно стараться обеспечить свою безопасность без того, чтобы контролировать жизнь другого народа, я причислял себя к тем, кто был готов пойти на территориальный компромисс с палестинцами. В то же время оставались серьезные сомнения, приведут ли ошибочные принципы, заложенные в процессе Осло, к историческому примирению.

Во-первых, основной предпосылкой процесса в Осло, как часто заявлял Шимон Перес, являлось то, что бездну между нами и палестинцами необходимо пересечь одним гигантским скачком, основанном на доверии. Согласно этому мнению, взаимное признание, к которому призывает соглашение, инициирует необратимую политическую и экономическую цепную реакцию, способную стремительно изменить наши отношения с палестинцами и быстро привести к «Новому Ближнему Востоку».

Во-вторых, администрация Рабина-Переса вопиющим образом игнорировала необходимость уступок со стороны палестинцев. В известном смысле, это логически вытекало из первого утверждения: если скачок, в основе которого лежит доверие, – это все, что необходимо для того, чтобы преодолеть барьер, разделяющий наши народы, то нет фактически никакой нужды в уступках по мелочам. Выполнение палестинцами длинного списка их обещаний, начиная с выдачи террористов и уменьшения численности полиции и заканчивая разоружением боевиков, стало несущественным в грандиозном контексте установления «мира».

В-третьих, организаторы процесса в Осло, казалось, совершенно не принимали в расчет важности достижения общенационального согласия внутри Израиля. Не важно, насколько велика или насколько громогласна оппозиция, ее участие пренебрежительно игнорировалось как администрацией Рабина-Переса, так и администрацией Барака. Несмотря на беспрецедентный уровень терроризма, эти администрации слепо двигались вперед по пути мирного процесса, тогда как нация трещала по швам. Это вопиющее безразличие к обретению внутреннего общественного согласия дошло до абсурда во время последних месяцев нахождения на посту Эхуда Барака, когда поддерживаемый менее чем четвертью своего парламента, он продолжил попытки достичь подписания соглашения, которое бы утвердило постоянные границы Израиля и повлияло на сознание еврейского народа на многие поколения вперед.

Больше всего настораживало то, что инициаторы процесса в Осло основывались на предпосылке, что антидемократическая природа арафатовского режима может служить интересам Израиля. Полагаясь на Арафата как на соратника в борьбе против терроризма, израильское правительство совершало большую ошибку. Наша вера, что, чем меньше давления оказывает Израиль в своей политике, тем лучше будет нам, было верхом безумия. А ведь тогдашние лидеры полагали, что Арафат не только сделает нашу работу за нас, но – рассуждали они – он сделает ее лучше.

Премьер-министр Рабин хладнокровно сформулировал итог такого подхода: Арафат заключит сделку с террористами, сказал он, «без Верховного Суда, без беЦелем (организации по защите прав человека), без всех этих «сердобольных либералов». Предполагалось, что антидемократическая природа арафатовского режима не будет препятствием для будущего мира и внесет решающий вклад в борьбу против террора.

Осознавая последствия этой политики для будущей безопасности Израиля, я пытался предостеречь премьер-министра Рабина от проведения политики достижения мира с помощью такого режима: «общество, которое будет в результате создано – общество без Верховного Суда, организаций по правам человека и без сердобольных либералов – будет жидиться на страхе и неограниченной власти». В многочисленных критических статьях я подчеркивал, что такой режим неизбежно потребует внешних врагов для оправдания внутренних репрессий и утверждения своей силы. Хотя не было ничего, что могло бы повысить безопасность Израиля лучше, чем создание палестинского общества, основанного на демократических принципах и институтах, Израиль начал «мирный» процесс, поддерживающий тиранию.

Игра с тиранией

Мнение, что сильные диктаторы являются выгодными союзниками, не ново и принадлежит не только израильским политикам. Служило ли оно интересам вчерашних советских генсеков или потворствует сегодняшним арабским деспотам, стремление увидеть достоинства подобной власти железного кулака на десятилетия определило западное стратегическое мышление.

Те, кто видит в палестинских метателях камней только «давидов», а в израильской армии «голиафов», введены в заблуждение махинациями жестокого диктатора, посылающего детей на линию фронта, чтобы этой бесчеловечностью достигнуть того, чего он не может добиться дипломатией. А те, кого не так легко одурачить, предпочитают завязывать себе глаза вместо того, чтобы смотреть неугодной правде в лицо. Вместо того чтобы принудить арабских тиранов освободить свои собственные народы от гнета и бесправия, Запад предпочитает называть их тиранию «стабилизирующей» силой, убеждая себя, что без нее регион быстро погрузится в состояние хаоса. И в то время как Америка и Запад из комфортабельного отдаления спонсируют тиранов, Израиль, напрягая все силы, должен полагаться лишь на свои ресурсы.

С самого начала мирного процесса ставилась цель упрочить Арафата и ООП как силу для урегулирования и достижения компромисса. После трех десятилетий борьбы соседних государств за то, чтобы изгнать их, Израиль теперь вел переговоры об их торжественном возвращении. Со своей сорокатысячной вооруженной «полицией» Арафат должен был начать неустанную кампанию по борьбе с террором. Хотя израильские власти и отдавали себе отчет в том, что никто не может надеяться на достижение результата в борьбе против террора на все сто процентов, они утверждали, что предполагают стопроцентный успех. Как-никак, Арафат сам принял историческое решение отказаться от насилия.

Но, несмотря на обещания Рабина прервать мирный процесс, если оружие, поставляемое палестинцам, когда-либо будет нацелено на Израиль, и, несмотря на возрастающее количество свидетельств того, что власти Палестины причастны к атакам против нас – или, по меньшей мере, давали зеленый свет террору – процесс Осло продолжался. Израиль загнал себя в ловушку, поверив в отсутствие альтернативы авторитарной арафатовской власти. Многократные предостережения о том, что такой режим по самой своей природе неизбежно угрожает Израилю, были пропущены мимо ушей. Ничто и никто не имели право остановить поезд ословского мира.

Правительство считало, что требовать от Арафата активного содействия в установлении мира было бы слишком, ему предназначалась роль «сильного лидера», в котором мы так нуждались. Результат был предсказуем. Диктатор настраивает свой народ против Израиля, финансирует терроризм и насилие, а следующему поколению палестинцев прививает глубокую ненависть к евреям и еврейскому государству.

Израильские политические стратеги так никогда и не осознали, как много подводных камней было скрыто в политике «усиления Арафата». Даже временные соглашения, которые могли бы служить для продвижения мирного процесса в нужном направлении, были саботированы страхом «ослабления» лидера палестинцев.

Умело используя этот страх, Арафат старался добиться максимального преимущества за столом переговоров. Я мог убедиться в этом воочию во время переговоров, связанных с соглашением в Уайт Плантейшн, в которых я принимал участие в качестве члена узкого кабинета премьер-министра Б. Нетаньягу. На этих переговорах израильское правительство пыталось восстановить паритет в мирном процессе. Отныне, сказали мы, не будет одностороннего процесса уступок, и свои обязательства придется выполнять обеим сторонам.

На трехсторонних переговорах в Уайт Плантейшн я был уверен, что чрезвычайно важно связать наши уступки палестинским лидерам с выполнением ими тех обязательств, которые бы помогли создать более демократическое, открытое и честное общество. В результате ословских соглашений израильская политика отказалась от одной из своих самых древних и самых оберегаемых идеологий – веры в Великий Израиль. Реальности мирного процесса и признание национальных прав палестинцев были несовместимы с мечтой о заселении всей территории от Средиземноморья до Иордана.

Премьер-министр Нетаньягу не только не препятствовал этим переменам, но активно им содействовал. Критический момент наступил, когда он, кого называли «премьер-министром от правого крыла», склонил подавляющее большинство членов Кнессета к принятию решения передать под контроль ПА те части Хеврона, в которых проживала наибольшая часть палестинского населения. Передача палестинцам большей части города, который был национальной столицей еще до Иерусалима, и где находятся могилы патриархов Авраама, Ицхака и Яакова, отметила радикальную перемену, произошедшую в позиции Израиля на протяжении всего лишь трех лет.

В ответ на это Арафат произносил пустые слова в поддержку мира в англоязычной прессе, вплетая в свои арабские речи призывы к священной войне за освобождение Палестины и Иерусалима. Соглашения, принятые в Осло, не связали мирный процесс с демократической реформой палестинского общества, и это дало возможность Арафату продолжать провоцировать свой народ против еврейского государства и после подписания мирного соглашения и получения Нобелевской премии за мир. Арафат просто следовал в духе времени традиции диктаторов, удерживая власть созданием внешних врагов.

Израиль должен был использовать свое право и потребовать изменить Устав ООП и потребовать от палестинского руководства вступить на путь истинного примирения. Но, когда пришло время, чтобы Арафат выполнил это, Соединенные Штаты сделали все возможное, чтобы облегчить его работу. Мало того, что президент решил вознаградить Арафата посещением Сектора Газа – первый визит руководителя государства на контролируемую Палестинской Автономией территорию – но и администрация всеми силами способствовала палестинцам. Официальные заявления повлекли за собой опасную нравственную равнозначность тех, кто совершали террор, и тех, кто был его жертвами.

Новая волна насилия

В сентябре 2000 г., когда разразилась последняя волна насилия, многие в Израиле были потрясены глубиной ненависти к нам, проявленной палестинцами. Хотя почти все, что палестинцы требовали от Израиля – Палестинское государство, занимающее фактически весь Западный Берег и Сектор Газа,

со столицей в Иерусалиме – было предложено им Эхудом Бараком в Кэмп Дэвиде, их встречным предложением было не альтернативное предложение мира, а град ракет, пуль и бомб.

Зверское линчевание наших солдат и призывы «Смерть евреям!», которые пронесли эхом по арабскому миру, шокировали даже ярых сторонников мирного компромисса. Но большинство ошеломленных насилием обратили свое внимание скорее на симптомы, нежели на болезнь.

Болезнь же кроется не в палестинцах как таковых, а в антидемократическом режиме, представляющем величайшую угрозу миру и безопасности наших народов. Такому режиму, как и любой другой диктатуре, для сохранения власти необходим внешний враг, а Израиль превосходно подходит на эту привычную роль. За семь лет, прошедших после переговоров в Осло, палестинская деспотическая власть подняла уровень ненависти к Израилю до беспрецедентной отметки.

Даже комиссия по мирному урегулированию из Вашингтона была шокирована повсеместным насилием. Но, они сами ввели себя в заблуждение, думая, что ресурсы, которые они поставляют Арафату, будут использованы для улучшения уровня жизни его народа, а не на усиление коррумпированной деспотической власти.

Если быть кратким

Осло перевернуло Хельсинки с ног на голову. Предоставляя Советскому Союзу легитимацию как сверхдержаве, Запад получил от него обязательство соблюдать основные права человека. В противоположность этому, процесс в Осло признал ООП и передал землю в ее распоряжение, не требуя той единственной уступки, которая могла бы привести к реальному примирению наших народов и окончанию нашего конфликта, – либерализации создаваемого палестинского государства.

Путь вперед

Первое, что должен сделать Израиль – восстановить свои ослабленные силы устрашения и таким образом предотвратить перерастание современного насилия в региональную войну. Необходимо понять, что Ясир Арафат, как и Саддам Хусейн, Фидель Кастро и другие бесчисленные «революционные» лидеры, совершенно не заботится о благополучии своего народа. Он, как и все они, будет использовать любые доступные средства для того, чтобы укрепить свою власть.

Будучи министром промышленности и торговли при администрации Биньямина Нетаньягу, я видел, как Арафат отклонял бесчисленные проекты, которые улучшили бы жизнь многим палестинцам только из-за того, что они также снизили бы напряжение в отношениях с израильтянами. Прячась за демагогией о сопротивлении оккупации, Арафат просто боится развития палестинского общества, которое перестанет быть у него под каблуком. Он хочет, чтобы деньги находились под его непосредственным контролем. В действительности 20% поступлений от НДС в Палестине переводится на его частный банковский счет и сотни миллионов долларов западных денег находятся в его личном распоряжении – деньги, которые идут не на помощь палестинскому народу, а на поддержку коррумпированной хунты, подавляющей его.

Только тогда, когда Израиль и его союзники осознают, что антидемократическое палестинское общество представляет серьезную угрозу безопасности на

Ближнем Востоке, и только после того как восстановится спокойствие на Западном Берегу и в Секторе Газа, мы сможем обновить мирный процесс. Однако на этот раз мы должны отказаться от логики Осло и принять логику Хельсинки.

Новый мирный процесс

Израилю следует напрямую связать экономические выгоды, получаемые палестинцами, с либерализацией палестинского общества и убедить своих союзников сделать то же самое. Связывая экономическую поддержку с реальными шагами по направлению к развитию демократического общества, мы должны помочь палестинскому народу создать общество, которое будет служить примером всему арабскому миру.

Все средства, которые в настоящее время идут не поддающимся контролю людям или организациям, должны быть перенаправлены на инвестиции и совместные проекты, которые напрямую окажут помощь палестинскому народу и которые будут подчинены международному контролю.

Трагическая ошибка Осло состояла в том, что властям Палестины были предоставлены политические и экономические привилегии без принуждения ее руководителей к защите прав человека. За это оба народа платят теперь тяжелую цену. Любой будущий мирный процесс должен обеспечить связь между политическими и экономическими уступками и развитием общества такого типа, который предусматривает соблюдение прав человека.

Я не сомневаюсь в том, что силы, стремительно распространяющиеся по всему миру, рано или поздно проникнут в арабский мир и сметут властвующую над народом диктатуру. А если демократические государства изберут правильную линию поведения, то процесс, на который в противном случае ушло бы два или три поколения, может произойти менее чем за десятилетие. Мы должны показать палестинцам, что если они сделают свое общество либеральным и примут мир, то это будет на пользу обоим народам. В равной степени, мы также должны доказать, что если они продолжают свою насильственную борьбу против нас, то мы станем сильнее, а они только ослабнут.

С момента основания государства Израиль основными сигналами, которые лучше других доносили данную идею арабским народам в целом и палестинскому в частности, были объединение еврейского народа, заселение всей земли Израиля и развитие израильского общества: израильские руководители понимали, что лучший способ заставить арабский мир, в конце концов, принять государство Израиль – это убедить его в том, что еврейское государство здесь есть и будет. Они осознавали, что приезд миллионов евреев в Израиль, их расселение в возникшей стране и успехи в государственной экономике и социальном развитии были ключом к нашему выживанию.

Вот почему, вопреки войне и террору, евреи ответили аией, поселением и развитием, а не согласием и смирением. Сегодня мы должны вернуться к этой простой формуле.

Возвращение евреев в Сион снова должно стать национальным приоритетом. Для их привлечения мы должны изменить традиционную идею алии. Вместо того чтобы считать Израиль убежищем для угнетенных евреев, мы должны работать над созданием общества, которое обеспечивало бы евреям со всего мира возможность жить в государстве, имеющем глубокую связь с общим прошлым нашего народа и одновременно предоставляющем каждой личности свободу в осуществлении ее стремлений.

Израиль также должен отказаться от имеющей хождение идеи о том, что

время взяться за решение серьезных экономических и социальных проблем государства придет только после того, как мы достигнем мира с нашими соседями. Слишком многие израильские правительства приносили в жертву социальное и экономическое развитие нации на алтарь мира. Вместо этого, мы должны понять, что не будет лучшего способа убедить наших противников в постоянстве еврейского государства, чем удвоить наши попытки излечить разногласия в нашем обществе и стремительно развивать нашу экономику.

Израильский политический курс, направленный на создание сильного государства и сильного общества, – отнюдь не блеф. Мы должны продолжать проводить его, невзирая на то, что наши антагонисты решат сделать. Доказывая, что мы стремимся сделать больше, чем просто отвергнуть агрессию, и показывая им, что Израиль с течением времени будет становиться только сильнее, мы можем помочь палестинцам понять, что необходимо достигнуть компромисса. Помимо этого, мы должны быть готовы осуществлять мирный процесс, который приведет к появлению свободного и демократического палестинского государства.

Заключение

Уверенность в том, что «сильные лидеры» обеспечат мир, оказалась опасной иллюзией. Единственный способ достичь реального палестино-израильского примирения заключается в содействии палестинцам создать либеральное, демократическое государство, которое будет соблюдать права человека внутри страны и вместе с тем жить в мире со своими соседями.

Таким образом, Израиль должен связать свои уступки со степенью открытости, честности и либерализации возникающего палестинского государства и убедить палестинцев, что время не на их стороне в их борьбе за уничтожение еврейского государства. Со своей стороны, западные лидеры должны понять, как осознали Сахаров, Джексон и Рейган поколение назад, что страны, не уважающие права своего народа, всегда будут представлять угрозу международной безопасности.

Каким бы ни был народ, будь это немцы, итальянцы, японцы, русские или арабы, которые все еще не в состоянии создать свободное общество, все демократические народы мира, в числе которых и наша страна, единственное государство, несущее факел свободы на Ближнем Востоке, могут оказать содействие в создании подлинного мира. Того мира, о котором мы так долго мечтали и надежда достижения которого не оставляет нас.

«Journal of International Security Affairs».

ТРАГЕДИЯ НА «ДУБРОВКЕ» И ТЕРРОР В ИЗРАИЛЕ

(СОПОСТАВЛЕНИЯ И УРОКИ)

Шломо ГРОМАН

Произошедшая в конце октября кровавая драма в московском Театральном центре на Дубровке приковывала неослабевающее внимание миллионов жителей Израиля. Тому много причин. Во-первых, значительное число граждан Израиля и России имеют между собой родственные, дружеские и приятельские связи. Во-вторых, непрекращающийся террор много лет является, увы, устрашающей реальностью израильской жизни, всего израильского общества, и эта тема, особенно последние два года, является ведущей темой первых полос израильской прессы. Вполне естественно поэтому, что израильтяне остро реагируют на ситуацию в Москве и анализируют ее с точки зрения сходств и различий со своей собственной.

Сходство состоит в том, что и израильтянам, и россиянам угрожают мусульманские террористы, не признающие никаких гуманных ценностей и готовые под флагом «борьбы за свободу», «войны с неверными», «изгнание сионистов» и т.п. отдать свою жизнь во имя джихада – идеологии, нацеленной на установление господства ислама над всей планетой. И прихватить при этом с собой как можно больше иноверцев.

Почерк чеченских и палестинских террористов один и тот же: на телах боевиков находятся пояса со взрывчаткой. Похожа и реакция рядовых граждан: в день теракта как в Иерусалиме, так и в Москве собираются стихийные демонстрации с требованием уничтожить боевиков и ликвидировать питающую их почву. В Израиле скандируют «Смерть арабам!» (что не совсем, конечно, справедливо, но в такой ситуации вполне понятно). О происшедшем в России повествует характерное сообщение РИА «Новости»:

«Москвичи требуют уничтожить террористов всех до единого ...».

«Толпа людей вокруг Театрального центра, где в среду вечером произошел захват заложников, требует уничтожить террористов».

«Многие жители домов, расположенных в непосредственной близости от места ЧП, возмущены случившимся и, не выбирая выражений, призывают действовать решительно, «не жалея ни одного из тех, кто захватил заложников».

И там, и здесь вмняемая часть населения понимает, что даже тактическая уступка террористам в одном эпизоде неизбежно повлечет за собой стратегическую капитуляцию перед ними. Потеря Восточного Иерусалима для Израиля станет предвестником потери Иерусалима Западного, утрата Иудеи и Самарии (территорий, называемых в СМИ Европы и США Западным берегом реки Иордан) сегодня – это утрата Тель-Авива и Хайфы (Восточного берега Средиземного моря, т.е. всей территории страны) завтра. А потеря Чечни для России в перс-

Шломо ГРОМАН – израильский журналист.

пективе приведет к потере всего Северного Кавказа, а затем и большей части Сибири, Дальнего Востока, да и других регионов. Цепная реакция неизбежна, стоит лишь выпустить исламского джинна из бутылки. Переходим к различиям. Можно ли себе представить, чтобы в разгар «дубровского» конфликта Владимир Путин или Игорь Иванов заявили (беря пример с Ицхака Рабина, Эхуда Барака или Шимона Переса), что они «настаивают на мирном решении конфликта», что «силой ничего не решить»? И что «Восточную Москву с Кремлем и Западный берег Волги надо отдать Чечне – и тогда будет мир»?

К нашему общему счастью – нельзя.

Заложники и их родственники, конечно, подавали голос в пользу переговоров по Чечне, но это были не политические заявления, а понятное и вряд ли заслуживающее порицание, проявление инстинкта самосохранения.

Можно ли себе представить, чтобы московские средства массовой информации открыто интервьюировали боевиков и их лидеров? При всех претензиях к российским СМИ, ответ на этот вопрос – отрицательный. Вот лишь один пример.

Татьяна Солнышкина по мобильному телефону говорила из захваченного зала: мол, не штурмуйте, скажите, чтобы не штурмовали, мы все погибнем, на них много взрывчатки...

Ее спросили:

- Из террористов есть кто-то рядом?

- Да.

- Дайте трубочку.... здесь НТВ, прямой эфир, хотите поговорить?

Через 2 секунды, на фоне гортанного голоса террориста, который спрашивал, кто говорит, прозвучали слова редактора передачи: «ой, связь прерывается... всё, связи нет».

Нет сомнения, что редактор убоился дать несанкционированный прямой эфир террористу...

А в Израиле по радио и телевидению только и слышно, а вот как считает Дахлан, а вот что сказал шейх Насралла, а вот что произнес Арафат. И это занимает большой процент времени выпусков новостей!

Вернемся к политикам. Не давая спуска «своим» террористам, глава МИДа РФ относится к «чужим» куда мягче.

«Посмотрите, они идут на смерть, на самоубийство, не может быть, чтобы они были неправы», – сказал он как-то раз об арабах, борющихся против израильтян, и призвал официальный Иерусалим возобновить с ними мирные переговоры.

Премьер-министр Израиля Ариэль Шарон в «момент истины» подчеркнул, что Израиль полностью и безоговорочно поддерживает войну с террором, которую ведёт Российская Федерация.

В свою очередь, Российская Федерация поддерживает... «справедливую борьбу палестинского народа».

Повторит ли российский министр слова после событий в Театральном центре? Сразу – нет. По прошествии некоторого времени – наверняка. Страсти улягутся, и все вернется на круги своя. До следующей трагедии.

Вот еще один пример: цивилизованная Дания в самый разгар «дубровского» противостояния отказалась отменить проведение на своей территории Всемирного чеченского конгресса. В интервью каналу ОРТ помощник президента РФ Сергей Ястржембский был вынужден обвинить власти Дании в пособничестве терроризму, сделав одно немаловажное для израильтян по-

яснение: главным организатором и спонсором чеченского конгресса является Центр по изучению Холокоста и геноцида, который является государственной организацией (!).

С одобрением и пониманием отнеслись в Израиле и к операции по освобождению заложников. В данном случае работники российских СМИ явно превзошли израильских коллег по части критики властей, замешанной на «абстрактном человеколюбии».

По мнению экс-премьера, бывшего бойца спецназа Биньямина Нетаниягу, акция «Альфы», «несмотря на большое число жертв, была оправданной и успешной».

«Я не обладаю всей полнотой информации, находясь за тысячи километров от Москвы, но по тому, что я знаю, можно сделать вывод о том, что количество жертв было бы неизмеримо больше, если бы операция не была проведена», – заявил Нетаниягу в телефонном интервью агентству «Интерфакс».

Основатель ЯМАМ (спецподразделение полиции по борьбе с террором) Асаф Хефец в беседе с израильским корреспондентом газеты «Время МН» К. Капитоновым также высказал подобную оценку. По его словам, при проведении подобных операций человеческие жертвы неизбежны.

Биньямин Нетаниягу считает очень важным то, что российское руководство не пошло на уступки террористам. «В Москве террористам однозначно было сказано, что им не удастся поставить на колени свободный демократический мир и у них нет шансов добиться своей цели. Это главное послание, которое положительно скажется на борьбе с терроризмом во всем мире, и в Израиле в частности», – подчеркнул бывший израильский премьер.

Он также отметил, что после теракта, произошедшего 11 сентября 2001 года в США, трагедия на Дубровке – «это второй, а может, и последний «звонок», который должен заставить человечество пробудиться и наконец осознать, что террор носит не локальный, а глобальный характер, и бороться с ним нужно глобально».

«Когда я посещал Москву, я всегда сравнивал борьбу Израиля с палестинскими террористами и борьбу России – с чеченскими, – сказал бывший глава израильского правительства. – Россиянам казалось, что Чечня очень далеко. Но то, что произошло в театральном центре Москвы, показывает, что чеченские террористы уже даже не на границе, а в самой российской столице», – отметил экс-премьер. Он полагает, что «подобные теракты могут еще повториться, если у России не будет налажено сотрудничество в борьбе с терроризмом с Израилем, США и странами Европы».

Будет ли услышан этот призыв?

Пока Ивановы, Пересы и им подобные французские, немецкие, шведские, датские «пацифисты» шадят (а порой и поддерживают) исламистов, заседаая в ООН, ЕС, Нобелевском комитете и других подобных фондах, террор будет гордо шагать по планете.

Тот, кто пресмыкается перед воинствующим исламом, рано или поздно получит от мусульман соответствующую «благодарность».

Тот, кто в погоне за прибылью продает оружие Ирану и КНДР, выгораживает Ирак – рискует стать их жертвой.

Тот, кто делит террор на настоящий (который у них самих) и на «сопротивление оккупации» (которое у других), «получит своё» – как говорят в России – по полной программе.

РУССКИЕ ЕВРЕИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

РУССКИЕ ЕВРЕИ И ИЗРАИЛЬ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ. ВЗАИМНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

1

В знаменитом рассказе Рэя Брэдбери «И грянул гром» из-за того, что во время путешествия в прошлое один из путешественников «сошел с Тропы» и при этом случайно раздавил бабочку, радикальным образом изменилось настоящее: состав воздуха, цвет неба, орфография и результаты президентских выборов – к власти пришел «железный человек» (надо полагать, реакционер и автократ), тогда как до путешествия в прошлое решенным делом считалась победа «хлюпика», т.е. либерала и гуманиста. О происшедшем, виновник всех этих перемен не перестает изумляться: «Из-за такой малости! Из-за бабочки! <...>

Экельс застонал. Он упал на колени. Дрожащие пальцы протянулись к золотистой бабочке.

- Неужели нельзя, – молил он весь мир, себя <...>, – вернуть ее туда, оживить ее? Неужели нельзя начать все сначала?

... Я в Израиле уже тринадцатый год, и, хотя не я «раздавил бабочку» и вообще все, что случилось со страной на моих глазах, было, по-видимому, неизбежным следствием многих «сходов с Тропы» многих людей, не перестаю задаваться вопросом Экельса: «Неужели нельзя вернуть ее туда, оживить ее?» «Ее» – конечно, страну, а не какую-то там бабочку...

2

Но по порядку. Сперва о волнах репатриации (или, как ее называют в Израиле, алии) советских (российских) евреев. Принято считать, что их было две. А по-моему, три. Первая – алия 1970-х. Ее составляли идейные борцы, приверженцы сионизма. Вторая приходится на конец 80-х, когда стали выпускать многолетних отказников. Их, впрочем, как и первых, было сравнительно немного. И наконец, Большая алия 90-х (фактически начиная с 1989-го). Это уже не борцы и не отказники. Это – в основной массе – беженцы, независимо от того, были ли у них и национальные мотивации. Моя семья (я, жена и сын, которому на момент отъезда шел 22-й год) репатрировалась в середине 1990 года и, стало быть, принадлежит к третьей волне алии, беженской. Понятно, что проблема взаимного узнавания репатриантов и страны, их породнения перед представителями разных волн стояла по-разному.

Михаил КОПЕЛИОВИЧ – израильский журналист.

Собственно говоря, первая и вторая волны образовались искусственно – по той, в известной степени случайной, причине, что в 1980 году советская власть снова опустила железный занавес. Успевшим уехать раньше повезло. Остальные угодили в долгий отказ. (Я тут не рассматриваю отдельные, хотя нередкие, случаи отказа до 1980-го – по реальным или надуманным причинам. После же власть не смущалась выставить, например, такую, уже вовсе смехотворную причину отказа: «Вследствие нецелесообразности!»).

По своим мотивациям представители первых двух волн совпадали. В Израиль они ехали к себе, возвращались домой. Это значило, что они с самого начала хотели интегрироваться в израильский социум, со всеми вытекающими последствиями: профессиональными, культурными, национальными. Большинство репатриантов ехало с ивритом, кое-кто на готовое профессиональное место работы. Очень и очень многие готовы были оставить на «доисторической» родине все, что там накопили: не только в смысле материальном, но и культурном.

«Хватит обогащать чужую культуру! – говорили они, – Пора отдать долг своему народу». Если у таких людей были дети, их следовало высвободить из «пут» русского языка и культа русской литературы, переориентировать с Пушкина и Толстого на Библию, Бялика, Агнона и т.д. и т.п. А уж коли дети рождались в Израиле, их, в большинстве случаев, как могли, старались ограждать от влияний со старой родины. Таков был один путь национальной идентификации. Но нельзя сказать, что он доминировал даже в среде бывших отказников. Во-первых, они сами, за редкими исключениями, все-таки русский знали лучше, чем иврит. Во-вторых, со многими (или через некоторое время ко многим) приезжали их старики, которым иврит давался с трудом. С внуками они разговаривали только по-русски, и тем пришлось поневоле вспоминать (или не забывать, если еще не успели забыть) русские слова и простейший разговорный язык.

В-третьих, часть отказников все-таки не хотела отказываться от накопленного духовного багажа.

Когда же хлынула Большая алия, русский язык заполонил улицы Израиля. (Я тому свидетель). Да так вернулся, что кое-кто из «непримиримых» семидесятников поднял крик:

- Прощай, Израиль! Прощай, иврит! Эти советские беженцы, эти нахлебники и захребетники наводнят страну и пропитают ее бациллами паразитизма, иждивенчества («мы приехали, чтобы давать, а они – только брать»), разяят отрывками тоталитаризма (неумение считаться с чужим мнением, ненависть к инакомыслящим, привычка к запретам и фискальству).

Что касается динамики тех или иных процессов обретения себя на новой почве, то парадоксально, но факт (отмеченный и в ряде демографических и социологических исследований): со временем, когда, казалось бы, процесс абсорбции (или интеграции в израильские институции) должен был пересиливать процесс отторжения от национально-еврейского и окостенения в своем российском «коконе», все происходило ровно наоборот. Это наглядно видно на политическом поле: сперва большинство «русских» евреев было против создания «русских» партий (или безразлично к такому), но чем дальше, тем больше они (люди, а не партии) приходили к выводу, что «чужие» не станут защищать их интересы. В результате сегодня в Кнессете представлены три «русских» партии, хотя совсем недавно там было едва ли три «русских» депутата.

Таким образом, в наши дни «русский Израиль» – уже не бедный родственник, ведущий себя тише воды, ниже травы, как в первое время моего пребывания на Земле Обетованной, а влиятельный «туз», не дающий себя в обиду, порой готовый даже «намекать» на другие секторы израильского общественно-политического континуума. (Как это было на выборах 1999 года, когда партия Щаранского – «Израэль ба-алия» (Израиль за алию) – выставила лозунг: «ШАС-контроль? НАШ контроль!»). Имелся в виду контроль над министерством внутренних дел. (ШАС – секторальная партия сефардских ультраортодоксов.)

Не хуже (или, если угодно, не лучше) обстоит и с культурой. Поначалу «аборигены» пытались прибрать нас, «русских», к рукам. Как ни странно, существовала тенденция отнять даже то, что уже имело в наличии, как, например, Культурный центр в Иерусалиме. Там устраивались вечера поэзии, демонстрировались кинофильмы (российские и зарубежные, с русским переводом). При центре был книжный магазин (я уже в первые дни купил там парижский сборник стихов Ольги Седаковой), кафе. Центр предоставлял свои помещения для различных курсов, рассчитанных на «русских». (Я год проучился на курсах «гуманистического иудаизма», где слушателям читались лекции по истории еврейства и еврейской традиции). Словом, центр процветал, а через несколько лет его закрыли. Правда, в 2000 году открылся новый (в другом помещении), но его возможности гораздо скромнее.

Аналогичным образом предпринимались многочисленные попытки закрыть иерусалимскую русскую библиотеку. Борьба шла с переменным успехом, и, хотя она по-прежнему функционирует, стопроцентной уверенности в том, что ее удастся отстоять, нет по сию пору.

3

Теперь следует сказать и о том, что сама страна, в которую прибывали «русские» евреи, не была неким застывшим пространством, реагировавшим лишь на новые заботы и неудобства, приносимые очередными пополнениями ее населения.

Начать с того, что алия 70-х очутилась в военном лагере, каковым Израиль был перманентно с первых дней своего существования как еврейское государство, (это не привело страну к стагнации, как то произошло с Советским Союзом в те же самые годы. Может быть, еще и потому, что Израиль искренне хотел жить в мире со своими враждебно настроенными арабскими соседями; хотел, но не мог. Это заставило страну жить, выражаясь фигурально, с мастерком в одной руке и автоматом в другой. Тогда как СССР был тем самым Тит Титычем из пьесы А.Н. Островского, который кричал, что всяк норовит его обидеть, а на самом деле сам обижал всех, кто подворачивался под его тяжелую руку).

Кто-то из репатриантов 70-х поспел на Войну Судного дня (октябрь 1973), а кто несколько «припозднился», уж точно совпал по фазе с войной Ливанской (июнь-август 1982). Многим «русским» евреям довелось повариться в специфически израильском «бульоне», т.е. на фронтах навязанных стране войн. Тем самым польза оказалась взаимной: 150 тысяч репатриантов (беру цифру Э. Фельдмана; см. сноску 1) дали новой родине определенное количество защитников (и они хорошо воевали, потому что ясно представляли себе, что участвуют в событиях, в которых решается вопрос – быть или не быть еврейскому государству) и сами, в свою очередь, попали, что называется, в эпицентр абсорбции по-израильски.

Далее: несмотря на то, что Война Судного дня застала страну врасплох, она еще раз показала и своим врагам, и всему миру, тоже, в сущности, настроенному по отношению к Израилю далеко не дружелюбно, что евреи никому не позволят распоряжаться своей судьбой и в случае нужды готовы дать достойный отпор любому супостату, коему вздумается в очередной раз прощупать нашу решимость себя защищать. Такое настроение израильского общества усиливало и без того неслабое чувство гордости репатриантов за свою историческую родину, умножало их и без того немалое желание служить ей верой и правдой.

Но... Хотя на поверхности событий – по крайней мере до начала Ливанской войны – позитивные общенациональные мотивации явно преобладали, подспудно в израильском обществе вызревали совсем иные тенденции – дезинтеграционные, разрушительные, вносящие в умонастроение граждан страны элементы скепсиса, разочарования и (в конечном итоге) капитулянтства. Грозным симптомом соответствующих сдвигов в общественном сознании явилось возникновение в конце 70-х годов массового движения «Шалом ахшав» («Мир сейчас»), в основе программы которого лежит постулат о зависимости перспектив достижения мира с арабами от готовности Израиля пойти на ряд серьезнейших территориальных уступок противной стороне. С их точки Израиль, как более сильный, должен сделать первые шаги в направлении к миру, а когда палестинцы создадут свое государство на всех территориях, занятых Израилем в ходе Шестидневной войны (июнь 1967), мир будет обеспечен. При этом «шаломашавники» не хотят ничего слышать о непримиримости арабской позиции, состоящей в том, что еврейскому государству не место на «священной земле Палестины».

Мне неизвестно, нашлись ли среди репатриантов из СССР (и впоследствии СНГ) люди, разделившие взгляды «Шалом ахшав». Вероятно, такие имеются, но, вне всяких сомнений, их совсем немного. Как бы там ни было, агитация сторонников «мира любой ценой» была, увы, результативной, постепенно деформируя здравые представления о происходящем многих граждан страны, разлагая базирующиеся на наличных реалиях мотивации израильской молодежи, лишая людей веры в правоту сионистского дела.

Мы – алия 90-х – прибыли в страну, которая уже успела растерять многие из ранее накопленных ценностей, в страну, склонившуюся перед якобы неизбежными территориальными уступками врагу, готовую идти с ним на компромиссы, выгодные другой стороне и губительные для нас самих.

4

Само собой разумеется, мы, новые репатрианты, ничего этого не видели и видеть не могли. До 1992 года у власти в Израиле находилось правое правительство во главе с Ицхаком Шамиром, «маленьким, да удаленьким», «господином Нет», вынужденным, конечно, под давлением так называемого мирового сообщества согласиться на Мадридскую конференцию (октябрь-ноябрь 1991), но настоявшим на том, чтобы на эту конференцию не были допущены жители Восточного Иерусалима и члены возглавляемой Арафатом ООП (Организации освобождения Палестины; самим же палестинским арабам был предоставлен статус членов иорданской делегации). Однако, вскоре, в июне 1992 года, на выборах победили левые партии (Авода и блок Мерц), и правительство премьер-министра Ицхака Рабина открыло новую страницу в истории Государства Израиль – страницу «мирного» отступления с

завоеванных в войнах, ценой немалых жертв, позиций (как политических, так и, что особенно прискорбно, территориальных). Читатели понимают, что я имею в виду эпоху Норвежских соглашений (соглашения Осло).

Здесь мне приходится сделать отступление сугубо личного характера. Когда летом 1990 года моя семья репатрировалась в Израиль, я не имел сколько-нибудь оформившегося, подкрепленного солидной аргументацией мнения по вопросу арабо-израильского конфликта. Я, конечно, еще в бытность свою советским (хоть и антисоветским) подданным однозначно держал сторону израильскую, но ни там, ни в первое время здесь не видел выхода из сложившейся ситуации и считал (исключительно «про себя»), что постоянно говорить «нет» – тоже не выход. Поэтому, когда начались (в том числе и на «русской улице») публичные обсуждения будущих мирных соглашений, и тем более когда первое из них было подписано (13 сентября 1993), я с некоторым опасением, но и не без надежды следил за происходящим (насколько это было возможно с «точки» зрения нового репатрианта). Дабы кому-то не показалось (по мере чтения этих заметок), будто я пытаюсь свое сегодняшнее понимание опрокинуть в прошлое и приписать себе некий дар провидения, честно сошлюсь на одну из самых ранних своих публикаций, посвященных данной теме. Она называлась «Я не принимаю эту логику... Размышления репатрианта из России» и открывалась следующей декларацией:

«Все, что происходит в нашей стране в последние дни, накануне осуществления соглашения «Газа и Йерихона вначале», заставляет меня еще раз продумать мою позицию относительно соглашения.

Скажу сразу, что я – не воинствующий противник соглашения и не одобряю те действия, в первую очередь, крайне правых поселенцев, которые представители правительства называют то хулиганством, то вооруженным покушением на общественный порядок и спокойствие.

Но меня очень смущают некоторые вещи. Я в стране уже свыше трех лет и не помню, чтобы в этот период здесь длительное время наблюдались относительно спокойные времена. Евреев убивают чуть ли не каждый день (я пишу эти строки 7 декабря, на следующее утро после убийства жителей Кирьят-Арбы, выходцев из России Мордехая и Шалома Лапидов), и, если честно, мы, во всяком случае многие из нас, уже к этому привыкли.

Вы понимаете, что происходит? Вольно или невольно (хочу все-таки думать, что невольно) нас приучают к мысли о рутинности того образа жизни, который с некоторых пор характеризует «израильскую действительность».

Я бы не стал касаться сугубо политических материй, если бы не был совершенно уверен (а уверенность моя покоится на точном знании) в том, что они оказали большое, иногда определяющее, влияние на и без того нелегкий процесс адаптации бывших советских («русских») евреев в израильском социуме. Я еще покажу на ряде примеров, в какую сторону поворачивал многих из нас раскручивавшийся все с большим ускорением «мирный процесс», число жертв которого (т.е. палестинского террора, о котором я упоминал в своих «Размышлениях репатрианта из России») становилось все более соизмеримым с количеством павших на полях сражений.

Впрочем, нам пришлось столкнуться и с другими негативными явлениями – уже чисто социального порядка, о которых тоже скажу несколько слов. Во-первых, конкуренция на профессиональной почве. После первых приступов эйфории, встретившей чудесный феномен Большой алии (многие коренные

израильтяне и старожилы из «русских» так и восприняли его – как некое чудо) пришло трезвое понимание того мало вдохновляющего факта, что приехали конкуренты. Во-вторых, с течением времени все яснее становилось, что приезжие евреи, в большинстве своем, в чудовищной степени ассимилированы (в отличие от репатриантов 70-х): ничего не знают о еврейской традиции, без зазрения совести лопают свинину и, вместо того чтобы стремительно «рассасываться» среди местных жителей, норовят во всех сферах существования (в науке, искусстве, торговле, чуть позже в политике) обзаводиться собственной инфраструктурой. В-третьих, у приезжих из России наблюдается тенденция противопоставить израильской культуре привезенную с географической родины, как лучшее худшему, что, конечно, не могло не задевать ревнивую приверженность израильтян своему культурному ареалу.

Правда, в 90-е годы набирал силу и некоторый обратный процесс: из среды «традиционалистов» (назову их так, потому что среди них имелись люди как религиозной, так и секулярной ориентации) выделялись апологеты «нового», «нееврейского», «израэлитского» Израиля, а в репатриантской русскоязычной среде происходило расслоение на «настоящих» израильтян (тех, кто владел ивритом и успешно встроился в местные профессиональные и социальные структуры) и на упорствующих в сохранении «вывезенного» из России менталитета, проявляющегося, в частности, в странном, на первый взгляд, желании отстоять еврейский характер Израиля. Всем известно, что именно «русские партии» (особенно либермановский «Наш дом – Израиль» и за исключением бронфмановского «Демократического выбора») в последнее время не устают бороться («благо» есть с кем) за сохранение территориальной целостности нашей страны и за то, чтобы Израиль не глотал химерическую наживку «братства» народов на «Новом Ближнем Востоке» (включая – в первую очередь – арабский), таящую в себе убийственную угрозу существования Израиля.

Переходя от общих случаев к частным, приведу конкретные примеры идентификации и адаптации «русских» евреев в Израиле. Примеры эти я беру в основном из личного опыта, причем, помимо неформального общения с многими русскоязычными израильтянами, выходцами из бывшей «родины социализма», с которыми довелось познакомиться и сблизиться на основе общих литературных интересов, в моей жизни был еще эпизод с участием в некоем опросе новых репатриантов (на заре пребывания в стране, в 1991 году), в ходе которого я имел счастье-несчастье соприкоснуться с судьбами многих героев (и «антигероев») Большой алии. Некоторые случаи из приводимых здесь я узнал понаслышке, но ручаюсь за их достоверность.

Как известно, начинать полагается с себя. Я нахожусь в возрастной группе 60 лет и старше (прибыл в страну в возрасте 53 лет). Ивритом как следует не овладел. Мой языковой потолок – умение объясниться в банке, магазине, поликлинике. К ивритской культуре, понятное дело, не приобщился. А если еще учесть, что я литератор с сорокалетним стажем, то неудивительно, что для меня русский язык – не только и не столько основное средство общения, сколько «рабочий инструмент» (а может быть, если вспомнить нобелевскую лекцию И. Бродского, я его, языка, инструмент).

Кем же я в таком разе себя ощущаю? Ответ не будет однозначным. Я ощущаю себя:

1. Русским литератором в Израиле. Я – литературный критик и публицист, и сегодня русская литература израильского извода – главная сфера моих

интересов. Замечу, кстати, что у нас работает несколько очень сильных, на уровне культурной «метрополии», т.е. России, поэтов и прозаиков, пишущих по-русски.

2. Евреем – патриотом Израиля. Те, кто читает мои политические статьи в «Новом русском слове» (Нью-Йорк), не говоря уже об израильской русскоязычной прессе, знает, что дело обстоит именно так. А недавно в журнале «Континент» (Москва, 2002, №1 (111)) появилась моя большая программная статья под заголовком «Ближневосточный гордиев узел», главный посыл которой сводится к следующему: «Прекрасная штука мир. Но мир должен был миром для обеих сторон, а не продолжением войны, только другими средствами (террором). Это воистину худой мир, и та сторона – а это наш Израиль, – которая проявляет лишь одно миролюбие, в таком «мире» не устоит. А нам – евреям всего мира, и в первую очередь, конечно, израильтянам – незыблемость Израиля нужна как воздух. Падет Израиль – падем и мы, где бы мы ни жили и каким бы богам ни молились».

Мне хотелось бы сочувственно процитировать здесь также слова моей коллеги, журналистки израильской газеты «Вести» Софьи Рон, написанные ею в один из самых драматических моментов существования нашей страны – после очередных тяжелых уступок, сделанных премьер-министром Израиля Биньямином Нетаниягу в октябре 1998 года на переговорах с Арафатом, которые проходили в США под эгидой тогдашнего американского президента Билла Клинтона.

«Мы превратились в протекторат нового Рима (США. - М.К.). В воскресенье (25 октября.- М.К.) вечером самолет (главы правительства. - М.К.) приземляется в аэропорту Бен-Гурион. У трапа министры, военный оркестр. <....> В других государствах встречают с триумфом главу правительства, вернувшегося с победой. У нас звуками фанфар приветствуют премьер-министра, который привез соглашение о капитуляции.

Нетаниягу отправляется в Иерусалим на вертолете, чтобы не видеть демонстраций протеста вдоль шоссе. Я сажусь в машину, и вскоре остается позади равнина в окрестностях Лода, и темнеют за стеклами Иудейские горы. Judea carpa – Иудея пала. Но у нас нет другой страны. Я вернулась домой». (Еженедельник «Окна», Тель-Авив, 29 октября 1998).

3. Русским евреям в Израиле, болеющим за кровные интересы «русской» общины, заинтересованным в развитии русской культуры, русской системы образования (к которой несколько лет имел самое прямое отношение мой сын), в росте политического влияния нашей общины, что, по моему убеждению, не просто выгодно, но и, учитывая нынешние реалии, спасительно для Израиля. Потому спасительно, что, как я отмечал выше, девятилетнее существование страны под дамокловым мечом (время от времени, с частотой часового маятника, опускающимся на наши головы) «мирного процесса» привело к размыванию многих национальных целеполаганий, к дезориентации молодого поколения и поставило под вопрос самое волю нашего народа к выживанию.

Кому как не «русским», с их незамыленным взором, с их опытом жизни, в котором издевательств и стеснений скопилось много больше, чем радостей свободной самореализации, должна быть видна незавидная перспектива превращения Израиля в новый – на сей раз средиземноморский – галут? Сказанное не означает, конечно, что все «русские» евреи разделяют подобный взгляд

на вещи, но тут уместно добавить, что сам ход событий вынудил по крайней мере часть упертых «мирников» российского извода совершить поворот вправо, в сторону своих более трезвых бывших соотечественников.

4. Гражданином мира, сочувствующим не только своим соплеменникам и бывшим соотечественникам (знакомым и незнакомым), но и всем братьям по виду, т.е. людям, страдающим, подчас лишенным элементарных благ и удобств, но, несмотря ни на что, сохраняющим свой статус homo sapiens.

Оговорка важная, ибо встречаются (и немало) среди людей и такие, что, по существу, пренебрегли этим высоким статусом и сделали своей основной целью не улучшение собственной участи достойным путем учебы и труда (и, как следствие, накопления материальных и духовных богатств), а посягательство на богатство чужое. Кто-то, потеряв глаз, просит Всевышнего вернуть оный, а кто-то – отобрать оба глаза у ненавистного соседа. Пусть у каждого останутся оба глаза, дарованные ему Творцом, но пусть глаза эти не зарятся на благополучие соседа, а обратятся внутрь.

5. Приверженцем западной цивилизации, трезво (как мне кажется) оценивающим ее достижения и просчеты, обеспокоенным ее грядущей судьбой и желающим ей выбраться из болота безудержного потребления, понять грозный вызов времени и адекватно на него ответить, не поступаясь фундаментальными гуманистическими ценностями, но и не позволяя варварам, будь то коммунисты, неонацисты или исламисты, разрушить самые основы нашей цивилизации.

Здесь необходимо сказать, что в связи с кровавыми конфликтами в нашем регионе, Запад, прежде и больше всего Европа, заняли весьма одностороннюю позицию. Европейцам давно уже надоел комплекс вины перед «своими» евреями (а, стало быть, и перед всем мировым еврейством) за ту кровавую баню, которую они устроили (немцы) или в которой приняли участие (большинство народов континентальной Европы) в годы Второй мировой войны. Нужен был повод для выхода накопленной и сдерживаемой долгое время (по соображениям политкорректности) неприязни к евреям как следствия, в немалой мере, навязанного комплекса национальной вины, и этот повод нашелся! Тем кругам в Европе, которые сегодня поносят последними словами Израиль (а заодно и своих граждан еврейского происхождения; уж этих-то за что? А вот за то!), на самом деле глубоко безразлична судьба защищаемых ими арабов Палестины. Но у арабов – нефть, а что у евреев?

Что ж, и это лишний раз подтверждает мнение о неспособности сегодняшних европейцев (да что там! – западной, или, что то же, христианской, цивилизации в целом) адекватно воспринять грозные симптомы приближающихся цивилизационных катаклизмов.

6

Другие примеры идентификации здешних «русских» евреев.

Мой сын, 33 лет, по приезде в Израиль ивритом владел довольно слабо. С тех пор он стал специалистом в области танахического иврита, преподает его в школе, а также Танах – в одном из университетов (специальный курс для русскоговорящих студентов), совмещая это с работой над докторской диссертацией. В отличие от меня, не примкнувшего ни к какой религиозной конфессии, он религиозный сионист (их еще называют здесь «вязаными кипами» по типу специальной шапочки, которую носит здесь каждый религи-

озный еврей). Сын, как и я, патриот Израиля и противник «мирного процесса». Мы оба уверены, что этот процесс ведет не к миру, а к войне. Да, в сущности, разве эта война уже не идет?

Поэт Сара Погреб, также прибывшая в Израиль в начале 90-х, пишет по-русски (с ивритом у нее проблемы, как у всех пожилых репатриантов), но пишет о любви к Израилю. И поскольку поэт она подлинный, любовь эта выражена не декларативно, а органично; любовь к стране – не только тема ее поэзии, но и сам строй ее, интонация, «строчечная походка». Сара говорила мне, что сразу, с первого взгляда, влюбилась в Израиль, поняла, что это – ее Дом. В нынешнее беспокойное время она страшно тревожится за наш Дом – Израиль и даже, что вообще-то не очень свойственно ее поэтической манере, создала несколько стихотворений-инвектив по адресу тех, кто довел страну до ее нынешнего состояния. Она в шутку называет свои весьма выразительные тексты прокламациями.

Прозаик Яков Шехтер (возрастная группа 40 плюс) свободно владеет ивритом, но пишет по-русски. Его проза представляется мне наиболее ярким и плодотворным примером полного овладения местным менталитетом (что, вероятно, во многом обусловлено его религиозной ориентацией на ультраортодоксию; но при этом он не ультраортодоксальный писатель, а пишущий ультраортодокс) при сохранении всего богатства того языка, который по воле рока с детства ему родной. Отношение к «мирному процессу» – негативное.

Поэт Наум Басовский (возрастная группа 60 плюс), также репатриант-90, успевший выпустить одну книжку стихов в Москве (1989), автор очень русских (в духе прозы Юрия Казакова) по мотивно-композиционной структуре стихов, в Израиле активно и успешно занялся поэтическими переложениями на русский библейских текстов, а также написал поэму «Пророк» – по книгам пророка Нахума, – на мой взгляд, в высшей степени новаторскую. При этом он остается человеком секулярным. Политически стоит на правых позициях (никакого компромисса с убийцами наших детей!).

Я мог бы множить примеры вживания в израильскую реальность профессиональных русскоязычных литераторов, но хочу украсить заметки персонажами и из других сфер нашей жизни (правда, уже без указания имен). Так, некая молодая женщина, бывшая москвичка, из интеллигентной семьи, овладела ивритом в такой степени, что, не будучи знаком с нею лично, принимаешь ее за сабру (т.е. местную уроженку). Она боготворит этот язык, пишет на нем стихи и прозу, ее главный литературный кумир – Ш.Й. Агнон, прочитанный, разумеется, в подлиннике. По профессии она лингвист.

Есть еще один бывший москвич, врач по профессии (возрастная группа 50 плюс), не веривший в стране исхода ни в Бога, ни в черта; репатриировавшись, он буквально с первого дня начал интересоваться иудаизмом, надел кипу, стал посещать синагогу и спустя короткое время сделался очень религиозным человеком.

С другой стороны, некоторые люди, с которыми мне пришлось столкнуться, страдают как раз от того, что они называют засильем религиозных. Один мой знакомый, умный и рассудительный человек (60 плюс), искренне считая Израиль своей новой родиной, не менее искренне переживает то, что, как ему кажется, изнутри разъедает ее, как ржа.

(Замечу в скобках, что сам я не разделяю этот довольно распространенный среди репатриантов из СССР-СНГ взгляд. В свое время, рассмотрев эту

проблему в рамках отпущенных мне возможностей, я пришел к заключению, что на самом деле говорить о засилье религиозных в нашей стране некорректно, – максимум, в чем можно упрекнуть политиков от религии – это непрекращающиеся попытки навязать стране свои ценности. По-моему, до сих пор попытки эти не увенчались успехом, и во всяком случае я полагаю, что не с этой стороны грозит нам сегодня главная опасность.)

Это все – случаи более или менее благополучной, несмотря на все оговорки, адаптации нашего брата – репатрианта. Чтобы быть объективным, приведу примеры и противоположного свойства – примеры драматической «невстречи» бывших советских (российских) евреев со своим еврейским государством. (Вот в том-то и ужас ситуации, что эти люди так и не признали Израиль своим. Кое-кто из них уехал, другие остались, но и камень на душе у них тоже остался).

Бывший главный инженер одного из киевских заводов, ныне (уже много лет) сторож при одной из иерусалимских контор, при мне поносил Израиль едва ли не матерно. За что? А за то, что здесь злонамеренно не используются его огромные знания, опыт, неистощимый изобретательский потенциал и проч. и проч. «Мы им не нужны!» – чувствуете, какой антагонизм выявляется здесь между «мы» (репатрианты) и «они» (местные старожилы)?

А вот случай еще более вопиющий. Многолетний, несмотря на свою относительную молодость (30 плюс), московский отказник, несколько лет свято соблюдавший все предписания и запреты Моисеева Закона, первые месяцы жизни в Израиле деливший свое время между учебой (работой) и молитвой, внезапно снял кипу и резко отшатнулся в сторону секулярной части израильтян.

Еще один знакомый признавался мне, что поехал по известному принципу: все сбежались, и я сбежался. Совершенно не представлял себе, что его здесь ждет. Набравшись опыта, пришел к выводу, что ехать не следовало, что «Израиль хуже Советского Союза», что «нас» обманули... и будь «они» прокляты! (Сейчас он, слава Богу, вполне устроен и, кажется, повернулся лицом к сионизму.).

И, пожалуй, довольно примеров.

Основной мой вывод из вышеизложенного таков: сегодня «русский» еврей в Израиле живет (кроме погибших в терактах) и более или менее здоровствует. Как сложится в обозримом будущем – тайна сия велика есть. Впрочем, мне это будущее – и репатриантов, и всего еврейского народа Израиля – видится не слишком обнадеживающим. Потому что нельзя вернуть страну к тому состоянию, в котором она существовала еще каких-нибудь двадцать (и даже десять) лет назад. «Сойти с Тропы» легко, вернуться на нее как ни в чем не бывало, – трудно. Мы, израильтяне, евреи, старые и новые, «русские» и все иные, не просто сошли с Тропы – мы ее самое деформировали, и нет нам за это прощения. Смягчающие обстоятельства, конечно, есть. Надеюсь, они будут учтены. Но меня не перестает мучить вопрос недотепы Экельса из антиутопии Брэдбери: «Неужели нельзя вернуть ее туда, оживить ее? Неужели нельзя начать все сначала?».

2002, октябрь.

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И ЕВРЕИ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ДИАЛОГУ

Вячеслав ЛИХАЧЕВ

Евреи для русского православия всегда представляли собой определенную проблему, причем проблему отнюдь не маргинальную. Со времен «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона православные книжники пытались, как бы мы сейчас это определили, позиционировать русское национальное мессианство, принимавшее порой чрезвычайно экзальтированные формы, относительно мессианства еврейского. Сложно сказать, насколько удачным ответом на вызов «богоизбранности» явилась идея «богоносности», однако очевидно, что русские национально-религиозные идеологи в своих построениях отталкивались в том числе и от еврейства.

При этом, к сожалению, не станет преувеличением утверждение, что пристальное внимание со стороны православных авторов к еврейскому вопросу как правило, за редчайшими исключениями, выливалось в махровый антисемитизм. Даже сегодня робкие ростки иудео-христианского диалога не могут заслонить вековые дубы взаимных предубеждений. В наши дни вокруг утверждения о церковном антисемитизме роится множество формально сопутствующих (но на практике – острых и болезненных) проблем. В данном эссе, без претензий на полноту освещения темы, затронуты три вопроса.

Прежде всего, рассматриваются причины столь широкого распространения юдофобии в православных кругах современной России. Следует заметить, что ситуация внутри Русской православной церкви неоднородна и это представляет специальный интерес для ее рассмотрения в рамках выбранной темы. Хотя статья носит теоретический характер, при рассмотрении такой острой и злободневной темы, как антисемитизм, нельзя полностью отгородиться от вопроса, чего же можно ожидать от сложившейся ситуации? Насколько это возможно, в статье кратко освещен и этот вопрос.

Религиозное сознание и нетерпимость

Мы – современные люди западной гуманистической цивилизации, важная концепция которой включает идею о правах человека и в частности – право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Мы сроднились с постмодернистской концепцией многовариантности истины. Естественным идеалом межчеловеческих отношений в этой цивилизации является модель взаимотерпимого сосуществования самых разных групп. Поэтому, пожалуй, нелишне будет сказать пару слов о традиционном религиозном сознании, радикально отличном от нашего.

Вячеслав ЛИХАЧЕВ – политолог, журналист. Научный сотрудник Информационно-исследовательского центра «Панорама» (Москва).

Возьмем на себя смелость утверждать – религиозному сознанию свойственна претензия на монополию на истину. Убежденность в исключительности своей веры, ее превосходстве по сравнению с другими является неотъемлемой частью почти всякой религиозной системы, и уж тем более – монотеистических религий авраамического корня. Согласно известному образному выражению, «единый Бог – тоталитарен». Проблемы, которые лежат в основе религиозного видения мира, не терпят двусмысленности и компромиссных решений. Если последователь религии верит, что она истинна и тем самым обеспечивает ему Спасение, это практически неизбежно означает, что остальные религии для него всегда будут чем-то не вполне полноценным, плодом ошибок, заблуждений или искажений Истины. Предположение о «равноценности», «равноспасительности» различных вероучений противоречит традиционному религиозному сознанию и возможно только в контексте современного секулярного общества.

Однако степень «религиозной нетерпимости» не является неизменной константой. Степень «нетерпимости» варьируется в зависимости от догматов конкретной конфессии, особенностей эпохи и культурного ареала, и т.п. Понятно, что в рамках многообразных религиозно-вероучительных доктрин существуют различные модели восприятия иноверцев, выстраивающиеся в сложные иерархические системы, от безразличия или даже некоторой симпатии до агрессивной неприязни. Однако в качестве общего правила можно с некоторой долей упрощения констатировать нетерпимость религиозного сознания.

Эти предварительные замечания не являются излишними трюизмами, поскольку существует довольно распространенная точка зрения, согласно которой все религии (вариант – все т.н. «традиционные религии») учат любви, добрососедству и терпимости. Такая позиция весьма далека от действительности. Нетерпимость религиозного сознания – явление совершенно нормальное и естественное в традиционных религиях, хотя и вступающее в противоречие с ценностями современной западной модернистской и постмодернистской цивилизации, претендующей в настоящее время на доминирование во всем мире.

И последнее терминологическое уточнение. Несомненно, следует осознавать, что употреблять термин «антисемитизм» по отношению к религиозному мировоззрению не вполне корректно. В строгом смысле «антисемитизм» – это светская идеология, сформировавшаяся во второй половине XIX века, и ставить знак равенства между традиционной религиозной нетерпимостью и ксенофобской политической доктриной вряд ли уместно. Однако в данном случае для простоты употребляется термин «антисемитизм» в самом широком смысле, под ним подразумевается любая нетерпимость по отношению к евреям, в том числе и религиозная.

Православие и антисемитизм

Христианство, в силу претензий на легитимное наследование одной и той же («ветхозаветной») традиции, имеет целый ряд радикальных претензий к иудаизму. Распространена даже точка зрения, согласно которой именно христианство (или шире – христианско-мусульманская цивилизация) ответственно за появление антисемитизма как уникального феномена. Это, конечно, не так: достаточно вспомнить об антииудейских сочинениях дохристианской эллинистической книжности.

Оставляя за скобками антисемитизм российских мусульман (хотя эта тема заслуживает самого пристального рассмотрения), сосредоточимся на русском православии. В России христианство не просто количественно доминирующая в силу многочисленности последователей конфессия. Фактически православие является полугосударственной религией, несмотря на провозглашенный Конституцией Российской Федерации тезис об отделении церкви от государства.

Особенностями догматики и общей ментальности восточной христианской церкви являются консерватизм, строгая приверженность однажды определенным позициям и сопротивление инновациям, особенно тем, которые затрагивают основы вероучения. Во многом именно благодаря этим особенностям менталитета в рамках православия весьма затруднена ревизия официальной доктрины относительно евреев, наподобие той, которая была осуществлена в католической и в большинстве протестантских Церквей. Напомним, что после Холокоста западные деноминации признали ответственность христианства за антисемитизм и официально сняли основное традиционное обвинение против евреев – в богоубийстве. Подобная ревизия не произошла в русском православии. Целый ряд причин как объективного (например, изначальная ориентированность восточного христианства на «охранение»), так и субъективного (банальные психологические особенности иерархов современной РПЦ, многие из которых стали таковыми еще в годы Советской власти) характера указывает на то, что в ближайшем будущем такой ревизии не произойдет. Есть, правда, и вселяющие надежду факторы – но об этом чуть ниже. Пока же все традиционные средневековые обвинения против иудеев, высказанные в довольно резких выражениях еще Отцами Церкви, актуальны и действительны в православии по сей день и периодически повторяются на страницах церковных изданий. Кроме того, сильны антииудейские мотивы и в православной литургии, в отличие от протестантской и католической после Второго Ватиканского собора.

На организационном уровне ведущей, хотя и не единственной христианской структурой в стране является Русская православная церковь Московского Патриарха (РПЦ МП). Следует подчеркнуть, что в лоне Церкви существуют противоположные векторы развития и противоборствующие силы и Московская Патриархия отнюдь не однородна.

Внутри РПЦ МП отчетливо выделяются три основных идеологических направления, условно назовем их «церковные либералы», «православные фундаменталисты» и «номенклатурно-клерикальный центр».

«Церковные либералы»: Теология-после-Освенцима на православной почве

«Церковные либералы» наиболее склонны к инновациям и ревизии устаревших на их взгляд, доктрин. Они считают себя (и, пожалуй, заслуженно) легитимными продолжателями передовой богословской мысли русских философов начала XX века, например, Николая Бердяева и Владимира Соловьева. Современные свободомыслящие православные подвергают серьезной критике пассивно-консервативную позицию церковных иерархов и настаивают на более полноценном, творческом переосмыслении различных спорных пластов вероучения и практической деятельности, учитывая опыт западного христианства. Речь идет о довольно широком круге больных для РПЦ

вопросов, что включает и «еврейский вопрос». Касательно последнего можно упомянуть знаковый сборник «Русская идея и евреи», вышедший в 1994 году, содержащий две весьма актуальные статьи – составителя Зои Крахмальниковой и исследователя христианского богословия Сергея Лёзова – представляют собой два примера юдофильских подходов к ревизии традиционно принятого в РПЦ отношения к евреям и иудаизму.

С. Лёзов констатирует, что христианство во многом ответственно за антисемитизм Нового времени и, соответственно, за Холокост. В связи с этим он решает личную экзистенциальную проблему – как можно быть христианином, и при этом не быть причастным уничтожению евреев. Он пытается адаптировать для России подход западных теологов, в первую очередь протестантских, в центре которого парадигма Теологии-после-Освенцима, который включает три этапа проникновения в проблематику: 1) рассмотрение «многовекового церковного антииудаизма» как одного из «источников современного расистского антисемитизма»; 2) «признание морально-политической ответственности церквей за Холокост» и 3) переоценка глубинных основ христианского вероучения («после Освенцима и смысловой центр христианской догматики должен выглядеть по-иному»).

Для Крахмальниковой подобной экзистенциальной проблемы не существует. С ее точки зрения есть только несовместимое с антисемитизмом Подлинное Христианство, которое искажено отдельными недобросовестными служителями Церкви. Для нее все утверждения, что Россию погубили евреи – человеконенавистничество и дьявольская клевета на Христианство.

Скажем сразу и категорично – попытки привить на российскую почву идеи, заимствованные из Теологии-после-Освенцима, провалились. От них вскоре после написания цитированного выше текста отказался и сам С. Лёзов. По его собственным словам, после того, как в ходе научных изысканий в области истории раннего христианства он пришел к парадоксальному выводу о «непроисхождении» христианства из иудаизма (другими словами, согласно Лёзову соотношение «эллинского» и «иудейского» составляющих в христианстве настолько неравномерно в пользу первого, что вторым можно просто пренебречь), «христианский диалог с евреями потерял свою неизъяснимую и волнующую прелесть».

В силу совершенно иной богословской традиции православия и особенностей ментального контекста постсоветского религиозного возрождения идеи Теологии-после-Освенцима оказались в России совершенно чуждым и не востребованным. Дело в том, что восточное христианство в принципе относится к инновациям куда более подозрительно (чтобы не сказать «нетерпимо»), чем западное, особенно если речь идет о необходимости пересмотра основ собственной веры. Для католической традиции богословское творчество каждого последующего поколения вполне нормативно и легитимно, ведь авторитет Папы равен авторитету Отцов Церкви и всего Священного Предания, а протестанты и к самому Преданию относятся с куда меньшим пиететом. Менталитет Восточной церкви принципиально иной. Согласно православному подходу, заложенные в основу вероучения концепции пересмотру не подлежат ни при каких обстоятельствах. Задача поколений – максимально точное соблюдение традиции, инновации воспринимаются как отход от чистоты исповедания. Апелляции «церковных либералов» к «не-

ортодоксальному» русскому православному богословию начала XX века или новаторским решениям незавершенного Поместного собора 1917-1918 гг. не имеют силы: «реформистское» движение в РПЦ долго еще будет ассоциироваться с «обновленцами» 1920-1930-х годов, а это однозначно дискредитирует любые инновации в глазах широких масс верующих.

С подходом к «еврейскому вопросу», сформулированному З. Крахмальниковой, все еще проще. Во-первых, хотя Крахмальникова – фигура в церковно-общественной жизни довольно заметная, она является прихожанкой «карловацкого» храма (т.е. приход находится под юрисдикцией Зарубежной церкви, а не РПЦ МП), что с одной стороны, позволяет ей не стесняться в критике последней), а с другой – делает ее слова менее весомыми для основной массы прихожан. Ее подход хотя и имеет определенную поддержку со стороны «юдофильского» меньшинства внутри РПЦ, довольно уязвим с точки зрения церковного вероучения. Опираясь на средневековое церковное сознание, учение РПЦ формально и по существу приемлет высказывания даже самых ярых антисемитов из православных, поэтому часто один из наиболее почитаемых Отцов Церкви – Иоанн Златоуст – называл евреев «нечистыми и мерзкими», а синагогу «убежищем демонов».

В любом случае, внутри церкви либеральное (условно «левое», если применение политологической терминологии уместно относительно религиозной организации) крыло находится в меньшинстве. Оно достаточно заметно, в основном, благодаря сотрудничеству с нерелигиозными структурами (правозащитными, политическими либерального толка) и тесному взаимодействию со средствами массовой информации.

Православные фундаменталисты: борцы с «христоненавистниками»

Куда более многочисленны в лоне РПЦ «правые», «фундаменталистские» элементы, которые отвергают как «предательство Веры» все попытки внести какие-либо изменения в доктрину Церкви «слева», в том числе и в том, что касается отношения к евреям.

Подобно другим религиозным конфессиям, православный фундаментализм оформился в полноценную религиозно-экстремистскую идеологию со своей всеобъемлющей идеологически-религиозной системой ответов на вызовы модерна.

Пока был жив Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (умер осенью 1995), известный ортодоксальностью взглядов, он считался общепринятым авторитетом для всех правых радикалов внутри РПЦ. С его смертью среди епископата РПЦ высшего уровня для фундаменталистов подобного харизматического покровителя не осталось. Не имея поддержки со стороны высших церковных иерархов, фундаменталисты опираются на церковную общественность и многочисленные национал-радикальные и антисемитские политические организации.

Собственно, фундаменталисты не провозглашают никаких новых идей. В сфере антисемитизма они даже не особенно пытаются адаптировать классический христианский антииудаизм к современным условиям. Их особенность заключается именно в акцентировании тех тезисов Писания и Предания, которые игнорируются или прямо нарушаются священноначалием РПЦ. Круг этих проблем достаточно широк – начиная от рутинного несоблюдения Соборных Правил о запрете на торговлю в пределах церковной ограды или на

взимание священником денег за требы, и заканчивая сомнительной с точки зрения нетерпимой к иноверцам и «еретикам» православной традиции экуменической активностью Московской Патриархии. К этому же ряду относится и «еврейский вопрос».

Согласно представлениям церковных ортодоксов, иудеи – сознательные богоборцы, которые ненавидят христианство.

Им был дан завет нести слово о Боге окружающим народам, но не выполнив своей части завета, они приняли вторичную идею об их национальной избранности за основную. Поэтому благословение Всевышнего было с них снято, и в мир пришел Сын Божий. Евреи же не признали в Иисусе Мессию, так как опьяненные идеей собственного избранничества ожидали кого-то, кто возысит их над народами, а не придет спасти все человечество. С тех пор иудеи продолжают упорствовать в своем заблуждении, а избранность перешла на христианскую общину. Евреи не приняли Христа, хотя о Его появлении им говорили пророки. В этом смысле ветхозаветная традиция является фундаментом христианства, а вовсе не талмудического иудаизма. С точки зрения христианской ортодоксии, иудаизм после Христа не легитимен. Логичным завершением этой идеологии является отождествление ожидаемого евреями Мессии с Антихристом. Иудейство рассматривается как коллективный «вечный жид», находящийся в немилости у Всевышнего по причине собственной порочности и преступлений. Таким образом, иудаизм предстает полюсом метафизического зла, богоборчества, и, следовательно, сатанизма; евреи являются не только врагами человечества, но и сознательными врагами Божиим.

Поскольку иудеи, ожидающие Антихриста-Машиаха, в некотором роде могут быть названы сатанистами, то христианство должно противостоять этим врагам Христовым. Вполне естественной в рамках этой логики представляется идея, согласно которой ненавистники Христа обратили свои эмоции в основном именно против православия, как наиболее «чистой» и последовательной христианской конфессии. В частности, эта идея была озвучена непрерываемым религиозным авторитетом фундаменталистов – вышеупомянутым митрополитом Иоанном. «Вся тяжесть ненависти народа-богоубийцы закономерно и неизбежно сосредоточилась на народе-богоносце», пишет он в своем основном и наиболее популярном сочинении «Самодержавие духа». Если исходить из этого тезиса, то легко понять побудительные мотивы евреев, неустанно плетущих заговор против России. «Ни одно из подобных [религиозных - В.Л.] столкновений ни по ожесточенности борьбы, ни по своим последствиям не может сравниться с религиозной войной, вот уже два тысячелетия упорно и непрерывно ведущейся иудаизмом против Церкви Христовой. Духовные начала двух сторон совершенно противоположны и непримиримы», утверждает Иоанн в другом месте.

Даже осторожные экуменические и либеральные тенденции последних лет внутри РПЦ весьма болезненно воспринимаются ортодоксами. Концепция «пятой колонны» внутри РПЦ является весьма популярной в их рядах. Естественно, виновные находятся в лице евреев, которые якобы массово переходят в православие не с целью спастись, а с целью «спасти» церковь от истинного учения. Конечно, этот упрек скорее направлен против «церковных либералов», нежели против всего священноначалия. «Менять порядок богослужения, «переводить» церковно-славянский язык на современный улич-

ный, опускать имена «неприемлемых» святых и даже «неудобные» части Вероучения – для них не составляет труда», пишет лидер фундаменталистского Союза «Христианское возрождение» Владимир Осипов в документе с характерным названием «Церковь в осаде». Правда, Осипов, кажется, считает (и подтверждает свой тезис примером о. Александра Меня), что опасность евреев-священнослужителей не в их сознательном деструктивном намерении, в менталитете, «в органическом неприятии всего того «исторического», т.е. канонического Православия, которое они заклеили как «черносотенное». Сходное утверждение содержится в классическом произведении христианского антисемитизма – книге дьякона Андрея Кураева «Как делают антисемитом». Согласно Кураеву, евреи в силу национального характера своей религиозности, даже воцерковленные, все равно не ставят перед собой цели спастись, примкнув к Церкви, но пытаются «спасти» саму Церковь от «ереси» (на их взгляд), справа или слева. Позиция Кураева заслуживает внимания еще и потому, что вполне может считаться почти официальной, хотя сам автор пишет, что «за все, что в ней написано, отвечаю лишь я, а не Русская Православная Церковь». Однако А. Кураев – фигура знаковая; он практически единственный человек в Церкви, озвучивающий ее позицию по злободневным вопросам, регулярно выступающий по телевидению и активно публикующий разъяснения по поводу разнообразных проблем. Внутри Церкви он воспринимается (возможно, за неимением лучшего) практически как официальный авторитет. Насколько известно, ни разу со стороны церковной иерархии не прозвучало ни осуждения, ни сомнения в верности его трудов.

Согласно другой, более радикальной точке зрения, проникновение евреев в клир является частью глобального плана по захвату власти в мире, «строится строго по схеме, предписанной великими раввинами» и преследует «цели, определенные талмудическими законами». Характерно, что эта позиция принадлежит старосте Опричного братства во имя святого Иосифа Волоцкого Анатолию Макееву, «катакомбнику» (т.е. прихожанину одной из образовавшихся в XX веке ветвей РПЦ, носящих собирательное название «истинно-православных» или «катакомбных»).

Всекие попытки со стороны иерархов РПЦ наладить доброжелательный контакт с иудеями встречают крайне настороженную и болезненную реакцию в реакционных православных кругах. В первую очередь, имется в виду известное обращение патриарха Московского и всея Руси Алексия II к американским иудеям в 1992 году («Наши пророки – ваши пророки...»), вызвавшее чуть ли не раскол в РПЦ. Резонанс от этого выступления был чрезвычайно широкий. Патриарха (sic!) называли «еретиком», напирали на его «нерусское» происхождение и фамилию Редигер, и т.п.. Образовалось даже направление «непоминающих» – т.е. часть священников исключила из Литургии упоминание Патриарха Московского и всея Руси, тем самым как бы демонстративно отстранившись от его «экуменической» линии. Следует заметить, что все последующие высказывания Патриарха, декларирующие его терпимость и благожелательное отношение к иудаизму и другим религиям вообще, были куда более осторожны.

Многие лидеры политических праворадикальных организаций являются «катакомбниками», «зарубежниками» (Русская православная церковь за рубежом) или старообрядцами. Характерно высказывание прихожанина РПЦЗ Константина Касимовского, бывшего главного редактора ныне запрещенной православно-нацистской газеты «Штурмовик» (лозунгом издания было:

«Чистота веры и чистота крови!»): «Когда Патриарх Московский и всея Руси говорит жидам: «Шалом вам, братья, мы веруем в одного Бога и у нас с вами общие пророки и Боги», то это заслуживает того, чтобы Патриарха лишить сана и вообще отлучить от церкви».

Идея примирения христианства и иудаизма воспринимается фундаменталистами как попытка компромисса, которого в вопросах веры принципиально быть не может. По мнению фундаменталистов, вопрос стоит в другой плоскости: «Или – или. Или Святое Православие, или христоненавистнический талмудизм».

Вполне вписывается в логику православного антииудаизма «освященное» традицией обвинение евреев в ритуальных убийствах. Иногда, правда, в практике ритуальных убийств обвиняется не иудаизм в целом, а лишь еврейские секты (как правило, хасиды): «Хочу успокоить простых евреев, для которых убийство ребенка – это такой же тяжелейший грех, как и для любого другого человека. Никто не обвиняет в этих злодеяниях еврейский народ. Но есть иудейские секты, которые занимаются сатанинскими ритуалами, используя при этом кровь христианских младенцев» – пишет наиболее «авторитетное» в вопросах ритуальных убийств издание – газета «Черная сотня». Зачастую в православно-монархической публицистике утверждается, что убийство Николая II также было ритуальным. Последовавшая за падением царского самодержавия политика государственного атеизма с точки зрения идеологии околоцерковных правых радикалов, была продиктована на самом деле основными движущими мотивами «богоборческих антирусских сил» (т.е. евреев) – стремлением ниспровергнуть православие. Разрушение церквей и убийство священников во время советской власти было якобы предписано иудейскими священными книгами и совершалось в точном следовании этим предписаниям.

Епископат РПЦ: умеренный консерватизм

Православный фундаментализм, несмотря на свою популярность в относительно широких кругах верующих, остается, тем не менее, внутрицерковной оппозицией справа по отношению к епископской иерархии. Консервативный номенклатурно-административный центр, который представлен большинством епископата и клира, оказывает жесткое давление на «левое» и «правое» крылья РПЦ. Известно множество случаев внутрицерковных «репрессий» (выведение за штат, запрет на публичные проповеди, запрет на публикации в церковных изданиях и т.п.) как против «либералов», так и против фундаменталистов. Не питая интереса ни к реформе, ни к строгому следованию традиционным установлениям, епископат предпочитает просто игнорировать большие вопросы, в том числе и еврейский.

Для того чтобы подчеркнуть свою умеренность и «цивилизованность», иерархи РПЦ и ее предстоятель периодически делают заявления, весьма благожелательные или, по крайней мере, нейтральные по отношению к «традиционным» религиям, в том числе и к иудаизму, и это всякий раз вызывает волну негодования со стороны православных фундаменталистов. Подобные жесты со стороны руководства РПЦ, в некотором смысле, являются, очевидно, демонстрацией лояльности светским властям и совершенно ему необходимы.

Но, это вовсе не значит, что «номенклатурный центр» принципиально толерантен и терпим по отношению к иудаизму. Церковь – институт по определению консервативный, хранящий в неприкосновенности многие предрас-

судки, отвергнутые в более мобильных, пользуясь современной терминологией, информационных структурах. Если продолжать применение политологической системы координат, «центр» РПЦ заметно сдвинут по мировоззренческой шкале вправо. Никто из церковной иерархии не взял на себя ответственности дезавуировать антииудейские концепции, и они остаются действительной, хотя и не актуализированной частью церковной идеологии. Наряду с прочими, не отменены положения Вселенских Соборов, запрещающие общение с иудеями, совместные трапезы и т.п. Правда, как и во многих других случаях, ни буква, ни дух этих положений, как правило, не соблюдаются самими иерархами РПЦ.

Отчасти точка зрения церковного «центра» может быть проиллюстрирована описанным выше случаем А. Кураева. В качестве примера, еще более отчетливо проясняющего позицию РПЦ, можно привести интересную полемику, завязавшуюся между двумя православными изданиями – фундаменталистской газетой и патриархийным официозом. Началась она статьей Константина Гордеева, опубликованной в газете «Русь православная» – издании Общества ревнителей памяти митрополита Иоанна. В заметке комментировалась фотография Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, держащего в руках крест, в орнаменте которого содержалась шестиконечная звезда. Автор, подписавшийся как «православный мирянин Гордеев», высказывал недоумение по поводу «осквернения» Святого Креста «богоборческим символом христоненавистников».

Заметка вызвала резкую отповедь на страницах официального издания Московской Патриархии «Московский церковный вестник». Основной пафос ответа на «недоумение» мирянина сводился к тому, что шестиконечная звезда традиционно используется в православной символике и не несет никакого антихристианского значения, притом, что «с появлением государства Израиль многие страны стали избегать употребления шестиконечной звезды и заменять ее звездами пятиконечными или восьмиконечными».

Такой ответ не удовлетворил фундаменталистов. В очередном номере «Руси православной» Андрей Смирнов, обвиняя оппонента в «духовной слепоте», констатирует «симптом серьезный» у «Вестника», а именно «неразличимость жидомасонской символики от православной». Шестиконечная звезда, по мнению автора, «звезда сатаны» (в тексте эти слова выделены жирным шрифтом), «жидомасонская печать антихриста». Автор делает пессимистический вывод: «проникновение сатанинской жидомасонской символики в русскую православную культуру вовсе не «смехотворно».

Сказанного достаточно, чтобы подвести предварительные итоги. Православие среди христианских конфессий занимает наиболее консервативную (ортодоксальную) позицию и не торопится реагировать на идущие с Запада «веяния времени», выражающиеся, в частности, в пересмотре традиционного христианского взгляда на иудаизм. Можно утверждать, что, несмотря на некоторые либеральные и «филосемитские» тенденции в русском православии, в целом Церковь продолжает придерживаться средневековой позиции, которая с некоторой долей утрирования может быть охарактеризована как христианский антисемитизм. Кроме того, внутри РПЦ и за ее пределами сильны ультра-реакционные элементы, которые уделяют особо пристальное внимание «еврейскому вопросу».

Насколько устойчиво сложившееся положение? Сложно утверждать наверняка, однако попробуем сделать некоторые предположения, основанные скорее на личных впечатлениях, чем на точной информации.

Представляется, что ситуация отнюдь не так стабильна, как хотелось бы церковной иерархии. Несмотря на жесткий прессинг, как «левые», так и «правые» элементы в церкви усиливаются, вырабатывают свою жизнеспособную идеологическую модель. Пока что критической массы, необходимой для нарушения сложившегося равновесия, не набрали ни «либералы», ни «фундаменталисты», однако последние явно представляют собой наиболее динамично развивающуюся внутрицерковную силу. Результатом ее дальнейшего развития может быть либо фундаменталистское перерождение всей РПЦ (что маловероятно в силу характера нынешней церковной элиты и ее взаимоотношений со светскими властями), либо, в том случае, если противодействие фундаменталистам будет нарастать пропорционально усилению последних, церковь реально встанет на грань раскола на «официальную» и «традиционалистскую».

В этих условиях «умеренно-консервативный центр» перед лицом вполне реальной угрозы раскола церкви не сможет слишком долго «консервировать» сложившееся положение дел. Это произойдет еще не скоро, но рано или поздно, не на Поместном, так на Архиерейском соборе давно насущные проблемы потребуют разрешения. И тогда, перед лицом усиливающегося фундаментализма, «центр» РПЦ скорее всего сдвинется «влево». Иерархия церкви давно уже не соблюдает ни букву, ни дух Священного Предания; легитимизировать ситуацию можно только «экспроприацией» либерального богословия. Образно говоря, в РПЦ незрело нечто аналогичное католическому Второму Ватиканскому собору. Хватит ли у церковных иерархов мудрости и смелости, чтобы осуществить напрашивающиеся реформы и не расколоть при этом паству – вопрос, ответ на который мы имеем все шансы увидеть.

В свете сказанного очень осторожно можно утверждать неизбежность дальнейшего изменения официального православного богословия в сторону его «либерализации». А относительно интересующего нас в первую очередь вопроса это означает, что сколь бы не были сегодня слабы и робки попытки иудео-христианского диалога и отказа от традиционных антииудейских стереотипов, они имеют все шансы стать в отдаленном будущем основой для «генеральной линии» церковного вероучения. По крайней мере, другого пути у РПЦ, по всей видимости, нет. Вопрос лишь в том, пойдет ли церковная иерархия по единственно возможной дороге, или будет максимально долго игнорировать необходимость движения.

Государство и Церковь: реалии и перспективы

В центре данной работы находятся в первую очередь вопросы концептуального характера. Однако в силу сложности и остроты проблематики, представляется оправданным и более того, необходимым уделить внимание и вопросу, лежащему скорее в области прикладной политологии. Обратившись к широкому контексту постсоветской эпохи, несложно заметить, что Церковь находится в почете, миллионы россиян обращаются к религии, активно заигрывает с православием и государство. С учетом вышесказанного, вполне уместно задаться вопросом: не выплеснется ли традиционная религиоз-

ная нетерпимость по отношению к иудеям в широкие массы, либо даже, в крайнем варианте, не будет ли она задействована властью как часть «духовного возрождения» и новой государственной идеологии?

На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Во-первых, феномен современного российского религиозного возрождения интересен тем, что этот процесс чрезвычайно поверхностный, не затрагивающий фундаментальных основ мировоззрения масс. Христианский же антииудаизм представляет собой довольно сложную концептуальную схему, которая может быть понята и принята только в общем контексте традиционного религиозного мировоззрения. Большинство же недавно обратившихся к христианству россиян, как правило, не склонны приобщаться к традиционной религиозности и проникать в теологические глубины – их удовлетворяет обрядовая сторона религии и аморфная, не связанная строгими конфессиональными догмами «духовность». В современной России подавляющее большинство населения «немножечко» во что-нибудь верит, но не вполне отдавая себе отчет, во что именно.

Этот умозрительный вывод подтверждается и результатами социологических опросов. Казалось бы, в религиозной сфере, в силу того, что до 94% россиян доверяют Церкви, а в последней сильны традиционные юдофобские стереотипы, общество должно демонстрировать высокий уровень антисемитизма. Однако результаты социологических опросов показывают обратное – иудаизм вызывает скорее положительное, чем отрицательное отношение респондентов (соотношение позитивных и негативных оценок в сумме дает «плюс»). Даже к представителям различных протестантских течений, не говоря уже о кришнаитах или мунистах, современные россияне относятся значительно хуже (сумма оценок лютеранства, баптизма, методизма и пятидесятничества – отрицательная). Согласно другим опросам, 72% россиян считают, что иудеям и христианам ничего не мешает жить без взаимных конфликтов в мире и согласии, и только 10% респондентов полагают, что это не так (причем не понятно, какая часть «пессимистов» считает, что так и должно быть в силу имеющихся концептуальных и исторических противоречий, а какая просто констатирует нерадостный факт).

Во-вторых, сотрудничество государства и РПЦ на концептуальном уровне настолько же поверхностно, насколько поверхностно и религиозное возрождение в России в целом. Государство использует «православный консенсус» в обществе и обращается за поддержкой Церкви тогда, когда это представляется оправданным – например, во время избирательных кампаний. РПЦ, в свою очередь, довольствуется широкими экономическими возможностями и не претендует на роль духовного лидера нации. Государство не отказывается от мысли использовать православие и Церковь в деле идеологического обеспечения, но никакой особой близости к власти, предполагающей при этой власти некую самостоятельную роль, государство Церкви предоставлять, судя по всему, не намерено.

При поверхностном подходе к использованию православной фразеологии, а со стороны власти наблюдается именно такой подход, возможностей для оперирования антииудаизмом нет. Для органичного его восприятия необходимо слишком глубоко и всерьез погрузиться в религиозное мировоззрение. Кроме того, есть еще один немаловажный фактор. Православие в рамках PR-

проекта «новая российская государственная идеология» воспринимается именно как базис для положительной самоидентификации, поэтому оно позиционируется именно как созидательное, позитивно ориентированное мировоззрение. В качестве отправной точки отрицательной самоидентификации «от противного» россиянам предлагается более наглядный «образ врага», связанный с опасностью терроризма и новой Кавказской войной.

В этих условиях антисемитизм, тем более религиозный, обречен на маргинальное существование на обочине магистральных социальных и мировоззренческих процессов современной России. Правда, это не отменяет того факта, что в русском православии антииудаизм и антисемитизм являются органичной и неотъемлемой частью мировоззрения, и в ближайшее время это положение вряд ли изменится. Однако все же нельзя забывать, что актуальна данная проблематика только для безнадежно маргинальной части социума. По меткому выражению игумена Иннокентия Павлова, с которым нельзя не согласиться, «реальная проблема состоит в том, что в условиях современного российского макросоциума маргинальна сама РПЦ, впрочем, как и всякая другая религиозная организация. Поэтому любая общественная активность под церковным знаменем, какого бы оттенка оно ни было, обрекает его носителя в нынешней России на социальную и политическую маргинальность».

Москва, 2002 г.

СЛОВО О ДИРИЖЕРЕ ЮРИИ АРОНОВИЧЕ, МАЭСТРО И ДИССИДЕНТЕ

Владимир МАК

30 октября ушел из жизни дирижер Юрий Аронович. Для меломанов это потеря большого музыканта. Для дирижеров – смерть коллеги, которого могли любить или недолюбливать (кто из дирижеров вообще любит друг друга?), но, бесспорно, уважали, как большого мастера. Для оркестрантов и солистов, в особенности для тех, кто хоть раз играл под его палочку, это уход настоящего маэстро, не просто показывавшего акценты, но умевшего заново прочесть, казалось, вдоль и поперек читанные и перечитанные симфонии Чайковского.

Аронович – не только большой музыкант. Аронович – личность, совершившая переворот в сознании целого поколения советских евреев. Сегодня многие из них, далекие от музыки, реагируют на фамилию Аронович мгновенно: «Это тот, что первым уехал...» Да, он уехал первым, но это было каких-нибудь 30 лет назад, а еще лет за 10-12 о нем, провинциальном дирижере, заговорили в Москве. Время было либеральное, шла хрущевская оттепель, старые еврейские имена всюду фигурировали на афишах и в печати, однако новые не появлялись. Вернее, появлялись в замаскированном виде – Аксенов, Башкиров, Незвестный, Власенко... Знатки знали, но народ не догадывался, народу и фамилия Ашкенази ничего не говорила – может, грузин, или грек. А такого, чтобы напрямую, в лоб – Гольдштейн, Зак, Фихтенгольд, Рахлин – нет, такого в 60-е годы власти уже не позволяли. И вдруг московские музыкальные мэтры – Шо-

стакович, Коган, Хренников, Гилельс, Хачатурян, Ойстрах – захотели перевести в столицу провинциального дирижера. Освободился пост «Главного» в оркестре радио – умер Самуил Абрамович Самосуд (тоже, между прочим, пока имени-отчества не назовут, мог за украинца сойти) – и не захотели мэтры, чтобы его занял какой-нибудь назначенец. Привезли они из Ярославля дирижера, олицетворявшего еврейство по всем показателям – невысокого роста, кудрявого, с выразительными глазами и характерным (не ошибешься!) профилем, а главное – с фамилией Аронович! И это – на пост главного дирижера симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения, то есть фамилия эта должна была в эфире звучать ежедневно, а в праздники – по несколько раз в день. С одной стороны – хорошо еще раз доказать отсутствие антисемитизма, с другой – не до такой же степени!

В 1993 году, в первом интервью автору этих строк, Юрий Михайлович со смехом рассказывал, как его утверждали на комиссии ЦК КПСС. Министр культуры Фурце-

ва спросила, не стесняясь: «Как же мы возьмем на радио человека с такой фамилией?» – и это не в 49-м, при Сталине, а в 64-м, при Хрущеве! И дипломатичный Хренников, осмелевший после 53-го года, объяснил: «От частого употребления фамилии перестают считаться еврейскими. Привыкли советские люди к Ойстраху и Когану, привыкнут и к Ароновичу». Смешно было в Иерусалиме, а тогда, в Москве, было не до смеха.

Дирижером радио Аронович стал, но к его фамилии многим привыкнуть было трудно. За границу маэстро не выпускали и, как Юра (в Израиле Аронович всегда просил, чтобы его называли по имени) сам вспоминал, иногда даже коллеги называли его «маленьким евреем». Эмиграции еще не было, точнее была, но среди людей, фамилии которых не склонялись в прессе, а если и склонялись, то как преступники, во главе с международными террористами, угонщиками самолета Дымшицем и Кузнецовым. Еще не было невозвращения другого Кузнецова, Анатолия, уехавшего в Лондон «писать книгу о Ленине», а оставшийся в 61-м в Париже Нуриев фигурой для Советов не был и о нем вообще говорить было нельзя.

Отъезд Ароновича скрыть не удалось и именно на его имени власти создали новый стиль общения с известными «изменниками родины». Их надо было публично осудить, для чего проводились собрания трудовых коллективов, в которых назначали выступающих, клеймящих позором предателей. Часто выступающих выбирали с особым цинизмом из евреев, более того, из числа бывших друзей, предлагая дилемму – осудить или поставить крест на карьере. Причем, речь шла не о карьере инженера или врача, но судьбе артиста, который не может существовать без концертов и публики. Юра так и не смог простить многим, прямо или косвенно участвовавшим в аутодафе на Гостелерадио, как не могут понять многие, покинувшие СССР в начале 70-х, что ждало тех, кто повел себя честно, но не уехал....

Кроме осуждения, уехавших надо было максимально вымарать из памяти народной – Аронович был первым, чьи записи на радио были запрещены к употреблению. Потом уже был целый список – поступавший на радио музыкальный редактор обязан был с ним ознакомиться и подписаться под обязательством не использовать записи Баршая, Маркиза, Александровича, Бейлиной и многих других (список рос не по дням, а по часам) для оформления передач, большинство пластинок ликвидировали, а на некоторых не писали имени дирижера. Аронович, повторяю, был в этом списке первым и по алфавиту, и по дате отъезда. Наконец, необходимо было создать общественное мнение об отсутствии райской жизни на Западе, для чего КГБ занималось прямой дезинформацией. Вскоре после отъезда Ароновича по Москве прошел слух о его внезапной смерти прямо за дирижерским пультом во время концерта. В наш дом слух пришел от подруги матери, работавшей звукорежиссером на телевидении и прекрасно знавшей Юру – в первую очередь информацию «запускали» по месту бывшей работы.

Потом пошли и другие подобные сведения – Лариса Мондрус повесилась в каюте на пароходе, где она пела в баре, знаменитый гинеколог Кноп голодает в Австралии и ему не на что купить таблетки от простуды и т.д. и т.п.

В уверенности в том, что Ароновича нет в живых, я пребывал до 1984 года, пока не получил из Израиля письмо с описанием концерта в честь Дня Независимости в Иерусалиме, на котором столичным оркестром дирижировал Аронович, а соли-

ровал молодой скрипач Шломо Минц. Друзей более всего удивляла «русская» программа концерта – симфония Вайнберга и концерт Чайковского, а меня привело в восторг известие об Ароновиче. Он, оказалось, не только был жив, но и был главным дирижером Кельнского и Стокгольмского оркестров!

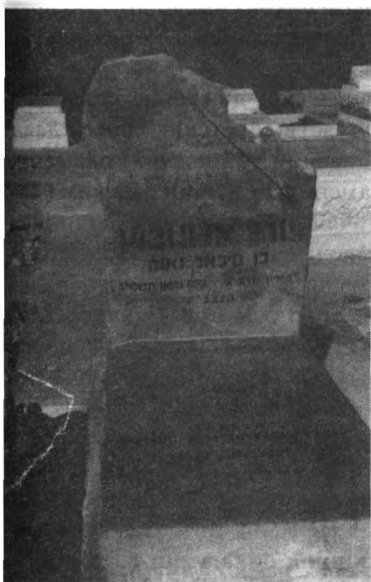
На Западе райской жизни действительно не было. Юра рассказывал мне, что после всего того, что он перенес в последние месяцы жизни в Союзе, он с нетерпением ждал приезда в Израиль. Артисты всегда ждут признания и, бесспорно, маэстро ждал почетной встречи – но его встречал только Михаил Калик, незадолго до Ароновича открывший список уехавших из СССР кинематографистов. Работу Юра получил – он стал вторым дирижером Иерусалимского симфонического оркестра. Первым был Лукас Фосс – известный американский композитор, прекрасный музыкант, но довольно слабый дирижер. Два года Аронович проводит прослушивания, принимает на работу оркестрантов (репатриация в Израиль шла полным ходом, до сих пор в оркестре работают музыканты, взятые Юрой на работу), дирижирует оркестром, эпизодически выступает с Хайфским симфоническим, дает один концерт с Израильской филармонией... «Нет кумира в своем отечестве» – эта библейская истина нигде так не актуальна, как на той земле, где она была сформулирована. Любой приезжий середняк в Израиле более востребован, чем собственный первоклассный артист. Контракт с Фоссом истек, но вместо предложения Ароновичу возглавить оркестр... заключили с Фоссом контракт новый. Первая пощечина (увы, не последняя!), полученная Юрой в Иерусалиме, совпала по времени с трагической гибелью его коллеги – приехавший на гастроли в Израиль главный дирижер Кельнского «Гюрцених-оркестра» венгерский еврей Иштван Кертеш утонул в Средиземном море. Ароновичу предложили попробовать заменить Кертеша и 41-летний дирижер с юной женой, уроженкой Израиля Тами, выезжает в Германию. Подчеркиваю – выезжает, поскольку из Иерусалима он так никогда и не переехал и, проводя в странствиях по миру большую часть года, всегда возвращался в свою квартиру, сначала в районе Рамат Эшколь, затем – против Иерусалимского театра.

В Европе карьера была более чем успешна – случайное назначение в «Гюрцених» затянулось на 11 лет (!), руководство известным оркестром влекло за собой приглашение на личные гастроли в другие оркестры – Париж, Лондон, Амстердам, Цюрих, Рим, Копенгаген. Этот список можно продолжить, исключив из него лишь города социалистического лагеря. Параллельно с симфоническим дирижированием, Аронович дебютирует в опере, и как – ставит «Бориса Годунова» в Лондонском «Ковент-гарден»! Впоследствии Юра был признан в Италии, как интерпретатор итальянских опер – большего комплимента в этом жанре трудно себе представить. С 1982 по 1987 год Аронович возглавляет Стокгольмский королевский филармонический оркестр – это его последнее постоянное место работы. Все мысли постоянно с Иерусалимом, с Израилем, хотя администрация не собирается «русского» дирижера ставить во главе оркестра. Почти ежегодно он дирижирует здесь, оркестранты его считают своим, репетиции начинаются и кончаются аплодисментами, на концертах Иерусалимского оркестра с Ароновичем счастливые лица у всех – у публики, у оркестрантов и у маэстро. Репертуар разнообразен, но преобладает романтика – Брамс, Шуберт, Мендельсон, Дворжак, русские – Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, особо – Шостакович.

Перед исполнением его 1-й симфонии Юра рассказывал мне о своем знакомстве с Дмитрием Дмитриевичем, состоявшемся также в связи с 1-й симфонией: «После нескольких репетиций в моей квартире раздался звонок. Звонил Дмитрий Дмитриевич и очень вежливо, ласково выяснив мое отчество, сказал: Юрий Михайлович, приходите ко мне домой. Посмотрим друг другу в глаза и поговорим о музыке». В первый вечер мы действительно просто разговаривали, а потом он

же говорил: «Юра, давайте поработаем». А еще через две недели он сказал, что хотел бы, чтобы я записал его первую симфонию. И тут уже я хочу похвалиться. На техническом паспорте записи Шостакович написал: «Так я хотел бы слышать мою музыку».

Вообще, благоговение перед автором было отличительной чертой Ароновича-музыканта, проявлявшееся не только в интерпретациях. Обычно партитуру поднимают вверх на поклонах, в случае концерта памяти композитора или если автор болен и не может присутствовать. Известен случай демонстративного поклона Мравинского партитуре Шостаковича в 1949 году – так Евгений Александрович демонстрировал свое несогласие с постановлением ЦК КПСС о борьбе с формализмом. Аранович поднимал вверх партитуру всегда, будь то «Стабат магер» Дворжака или симфонietta Корнгольда. Жив ли автор или умер 200 лет назад, это было безразлично, главное – поклониться ему, потом уже исполнителю. А за сценой, в комнате дирижера, с вечным наброшенным на плечи полотенцем, первые слова: «Какая музыка! Ведь Мендельсону было всего 13 лет!». Или: «Сколько трагедии! Ведь Дворжак потерял всю семью, когда писал «Стабат магер!» А уже потом – благодарности за поздравления, бесконечные поцелуи, шутки, договоры о встречах – ведь, хоть и живет в Иерусалиме, но редко в нем бывает, все дни до 2005 года расписаны.

Могила Ю. Ароновича на иерусалимском кладбище.

Последний концерт у себя дома состоялся 9 мая 2000 года, в День Независимости Израиля. 52-я годовщина Израиля совпала с 55-летием Победы и для пережившего Ленинградскую блокаду израильтянина это было символично. Австрийский еврей Рудольф Бухбиндер играл 5-й фортепианный концерт Бетховена, а после перерыва – «коронка», «Фантастическая симфония» Берлиоза, с невероятно медленным «Шествием на эшафот». Юра шутил, говоря, что на виселицу никто не торопится. После концерта я спросил, когда мы увидим его в следующий раз, и Аронович грустно улыбнувшись, сказал: «Мы – артисты. Когда нас приглашают, мы приезжаем и играем...». Его больше не приглашали в Иерусалим. Приглашали в Лиссабон, Флоренцию, Варшаву, Венецию, Вену.... В Париже, где состоялся его последний концерт, 3 и 4 октября Юрий Аронович стоял на дирижерском подиуме перед оркестром «Де Пари».

Брижит Анжерер играла «Большую фантазию на польские темы» Шопена и концерт Клары Шуман для фортепьяно с оркестром, а после антракта звучала «Божественная поэма» Скрябина. Маэстро чувствовал себя неважно, но дирижировал, как всегда, вдохновенно, отдавая себя музыке без остатка.

30 октября наступила смерть, а 5 ноября Юра вернулся в свой Иерусалим, где обрел вечный покой на кладбище Гиват Шауль. 10 декабря на его могиле был открыт памятник. На нем, рядом с дирижерской палочкой и последними нотами из «Божественной поэмы», традиционные слова на иврите: «Пусть его душа навсегда останется в жизни...».

Израиль, 2002 г.

СВЕТ ХАНУКИ В СОВЕТСКОЙ ТЮРЬМЕ

Иосиф БЕГУН

Это было более 30 лет назад в Москве. Стояла промозглая московская зима 1971 г. Именно тогда я впервые праздновал свою первую Хануку. Было мне тогда почти 40 лет. Странно, не правда ли – ведь веселый праздник Ханука, с зажиганием свечей, школьными каникулами, дарениями подарков хорошо известен всем еврейским детям... Но не так было в стране, где мы жили. В СССР, где не то чтобы существовал официальный запрет, но о Хануке, как и о других еврейских праздниках, почти ничего не знали. Об этом не рассказывали в школах, не писали в книгах... Ханука была как бы вне закона, не только дети, но и взрослые и даже очень образованные люди ничего об этом празднике не знали.

Ту, свою первую, Хануку я отмечал в... тюрьме (!?). В небольшой камере московской тюрьмы «Матросская тишина» оказалась кампания людей, для которых это был общий праздник. Сразу же оговорюсь – мои сокамерники не были уголовники и наше пребывание в тюрьме (после путча 1993 года она стала всемирно знаменитой) имело другую причину. Вопрос о том как участники ханукального празднества, оказались в тюремной камере имеет свою историю.

То было время, когда начало разворачиваться набиравшее силу движение за выезд в Израиль. Мощный толчок пробуждению национальных чувств советских евреев дала подобная чуду победа Армии обороны Израиля в Шестидневной войне 1967 года. Тот, 1971 год, о котором здесь идет речь, вошел в историю знаменитым ленинградским «самолетным делом», после которого еврейское движение начало обретать особенно широкий размах. Явно напуганные резким ростом числа заявлений на выезд, власти стали проводить политику массовых отказов. Мотивы отказов были разными, но преобладала либо пресловутое «владение секретной информацией», либо еще более универсальные «государственные соображения»... К концу того же 1971 года в Москве уже накопилась большая группа отказников, большинство из которых не желая «ждать милости» от ОВИРа включались в борьбу за право выезда на национальную родину.

Это была непростая борьба, требовавшая решимости и мужества. Общепринятые, средства общественного протеста, такие как мирная демонстрация, жестко пресекались. Важным элементом борьбы являлось привлечение внимания средств массовой информации и общественного мнения стран Запада к проблеме советских евреев и, поэтому, главным оружием в борьбе отказников были письма протеста, петиции, обращения за рубеж.

К ним же относились голодовки протеста. В конце ноября 1971 г. около 20 человек московских отказников пришли на Центральный Телеграф Москвы, где объявили, что начинают коллективную голодовку. В группе были в основном научные работники, писатели, художники, врачи, преподаватели и они заявили, что не прекратят голодовку, пока не получат разрешения на выезд в Израиль. В то время Большой зал Центрального Телеграфа был, пожалуй, единственным местом в центре Москвы, открытым для публики 24 часа в сутки, и в этом смысле идеальным местом для подобных акций протеста.

Группа голодающих, стараясь не привлекать к себе особого внимания, мирно расположилась за одним из длинных столов огромного зала, где посетители писали письма и телеграммы, явно не догадываясь о том, что рядом с ними происходит. Но, многие москвичи успели узнать новость по «вражеским голосам» и на Центральный Телеграф потянулось немало любопытствующих. Бросалось в глаза наличие в зале большого числа агентов «в штатском». Я тогда не участвовал в голодовке, но вместе с другими коллегами по отказу

ИЗ РАБОТ МЕИРА АКСЕЛЬРОДА

(к стр. 18)

И. Бабель. Иллюстрация к «Истории моей голубятни»

Из серии «Гражданская война», 1928г.

«20-е годы» Иллюстрация. 1930

«Вдогонку за телегой». Иллюстрация. 1930

И.-Л. Перец. Смерть музыканта. Иллюстрация. 1947

«Хоровод» Иллюстрация. 1931

старался быть чем-то полезным голодающим. Солидарность и взаимопомощь были не просто «красивыми словами», но составляли важное оружие в борьбе отказников. В основном, наша помощь сводилась к связи между голодающими и внешним миром, передачи информации зарубежным агентствам и местным самиздатским средствам информации.

Весьма необычная акция протеста – публичная голодовка евреев за выезд в Израиль, проходившая в нескольких сотнях метров от Кремля стала одной из главных международных новостей. Власти явно демонстрировали растерянность, беспрецедентным стал факт, что голодающих не трогали почти трое суток. В конце концов власти прибегли к силе. Глубокой ночью, когда на Телеграфе почти не было посторонних свидетелей, всех участников голодовки арестовали. Вскоре стало известно, что «нарушители общественного порядка» осуждены на 15 суток ареста за «мелкое хулиганство».

Так пришла наша очередь. Утром следующего дня я был в числе группы из шести человек, которые пришли на Центральный Телеграф, где мы отправили телеграмму на имя генсека Брежнева о начале голодовки в знак протеста против ареста наших товарищей. Мы скромно расположились в сторонке, демонстрируя, что не намерены ничем мешать нормальной работе учреждения.

Это мало помогло и уже через пару часов несколько десятков милиционеров, ведомые толстым полковником, взяли нас в плотное кольцо. Их начальник зычным голосом объявил, чтобы мы немедленно покинули помещение. Так как мы не двинулись с места, полковник дал знак, и нас вывели из зала Телеграфа во внутренний двор. Там уже поджидал автобус, который доставил нас в райотдел милиции в центральной части Москвы. Ночь мы провели в грязной каталажке, а не утро, одного за другим, нас «судили» – каждого по очереди выводили к судье, который объявлял приговор: 15 суток за мелкое хулиганство.

И вот мы уже едем в тюремном «воронке» к месту отбытия наказания. Куда – неизвестно... Когда двери «воронка» открылись, мы оказались на большом тюремном дворе. Какая это тюрьма, мы еще не знали, но когда нас вели по ее длинному мрачному коридору, встречные зеки охотно информировали: «Матроска!». Не скрою, это воспринималось с некоторым трепетом, ибо для меня, как и для всех остальных «хулиганов», это было первое посещение настоящей тюрьмы.

...Заскрежетал ключ и мы вошли в тюремную камеру. И тут случилось что-то явно нетипичное: в эту весьма мрачную минуту в жизни любого заключенного, мы вдруг – от радости – пустились в пляс (!). Оказалось, что в камере уже были два зека и это оказались наши друзья из группы голодавших, арестованных накануне. Так мы объединились с нашими товарищами, которые рассказали, что и в трех соседних камерах также наши. Мы немедленно приступили к установлению контактов с соседями, сообщая по «тюремному телеграфу», что мы тоже здесь... Всего наших в тюрьме было 23 человека. Все радовались, что предстоящие пятнадцать суток не будем одиноки.

Тюрьма есть тюрьма, а условия содержания «суточников» были особенно суровыми. В отличие от основного контингента уголовников нам не полагалось тюремных матрацев и одеял. Мы спали на голых металлических нарах (уступив нашим настойчивым требованиям, тюремщики положили на металлический каркас деревянные доски), кутаясь в свои пальто или куртки. Но все неудобства тюремного быта отступали перед главным – мы вместе! Один из нашей компании был неплохим знатоком иврита и в камере тотчас возник учебный класс-ульпан. Для некоторых из заключенных это был первый опыт познания языка своих предков и своей национальной культуры. Те, кто уже был продвинут в изучении увлеченно обсуждали системы глагольных основ, рассказывали друг другу анекдоты и истории на иврите, разучивали израильские песни.

Особо следует сказать об одном из участников нашей отсидки – инженере Валерии Крыжаке (ныне живет в Израиле), имевшего, что называется, «золотые руки», которыми он даже в камере ухитрялся делать удивительные вещи. Валера, в частности, изготовил для нас полный комплект шахматных фигур (!), материалом для которых послужил кислый черный хлеб из тюремной пайки. Он замачивал хлебную мякоть в алюминиевой тюремной миске и из образовавшейся гипсообразной массы изваял изящные шахматные фигурки... Это произведение тюремного творчества было столь высокого класса, что мы серьезно обсуждали, не отправить ли их в качестве подарка Бобби Фишеру, тогдашней шахматной знаменитости. А на деревянном столе, вцементированном в камен-

ный пол камеры, мы расчертили шахматную доску, и на протяжении всего нашего тюремного срока в камере проводился шахматный турнир.

На время нашей отсидки пришелся большой «праздник» – Пятое Декабря – день Конституции. Наш арест и заключение были особенно символичными этот день, в свете того факта, что даже в той конституции (ее первым автором был не кто иной, как тов. Сталин) были записаны многие и такие права как право на проведение демонстраций. Мы тоже решили отметить этот день, и когда к нашей камере подкатила тележка с утренней баландой, мы дружно закричали: «голодаем!», «требуем прокурора», «уважайте вашу конституцию!». В тот день каждый из нас отправил свой протест в Президиум Верховного Совета СССР против незаконного задержания и в защиту национальных прав евреев.

Приближался праздник, который мы действительно должны были отметить – Ханука, отмечаемый в честь легендарной победы еврейских воинов под руководством Маккавеев во II веке до н.э. Тогда был освобожден и очищен от «языческой скверны» Иерусалимский Храм и в честь этого был установлен обычай – на протяжении восьми дней Хануки зажигаются свечи в честь «великого чуда, которое произошло там в те дни», т.е. в Храме, где по преданию, в течение восьми дней горел свет из масла, хранившегося в священном сосуде. Мы, отказники, уже знали тогда историю праздника, знали и то, что евреи во всем мире, в Канаде, в Южной Америке или в Австралии отмечают праздник, зажигая в своих домах праздничные ханукальные свечи.

У нас таких свечей не было, а какая Ханука без света? Правда, у нас не только свечей не было, у нас и ничего другого не было, включая и молитвенника с ханукальными текстами. Но здесь мы как-то могли обойтись – некоторые из нас знали молитвы и песнопения Хануки наизусть. А наш «народный умелец» Валерий Крыжак сумел из того же материала изготовить дрейdl, ханукальный волчок, которым играют дети в праздничные дни Хануки. Как на настоящем, на его хлебного волчке, на четырех гранях были написаны ивритские буквы, образующие фразу, постоянно повторяемую в ханукальные дни – «Большое чудо случилось там». Еврейская история, трагическая и героическая, знает много «чудес», происходивших и в старину и в новое время и не кто иной, как первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион, сказал в свое время: «Тот не реалист в Израиле, кто не верит в чудеса». Чудо Хануки отмечается зажиганием свечей, но их то у нас и не было. Откуда они могли взяться в тюремной камере? Уже тогда, в свое первое пребывание в советской тюрьме, я узел самое распространенное слово в устах тюремной администрации – «не положено». Мы уже смирились с мыслью, что наша Ханука будет увя без свечей... В самом деле, тюрьма есть тюрьма.

С утра в день Хануки Валера вдруг стал жаловаться на какие-то боли. Лежал или с трудом ходил по камере постанывая, обхватив нижнюю часть живота руками. Боли не проходили и он попросил нас позвать врача. Мы стали отчаянно стучать в «кормушку» (маленькое окошко в тюремной двери) алюминиевыми кружками. Когда «вертухай» (так зовут зеки тюремных охранников) открыл ее, мы стали громко требовать, чтобы в камеру пришел врач. Через короткое время в камеру явился дежурный фельдшер. Валера уже не мог ходить, он сидел, издавая болезненные стоны. «Доктор, – жалобно обратился он к фельдшеру – помогите, плохо мне, геморрой замучил, помогите, дайте свечи». Фельдшер, удовлетворенный, что ничего серьезного похоже нет, удалился, пообещав прислать, то, что он просил. И действительно, через некоторое время «кормушка» открылась, и в камеру передали несколько небольших геморроидальных свечек. Как только «кормушка» закрылась, наш больной оживленно поднялся с места и сказал: «Ну вот, сейчас будем делать свечку для Хануки». Только теперь до всех нас дошла гениальность его придумки.

Евреи, как рассказывает предание о Маккавеех, были «сильны духом» и это позволило им одержать победу. Теперь изготовить праздничные свечи было, как говорится, делом техники. Медицинские свечи мы растопили в алюминиевых ложках, которые были у каждого в личном пользовании. В качестве нагревательного элемента использовались спички, которые также имелись в камере для курильщиков. Из наших рубашек мы надергали ниток, которые скрутили в плотный жгут, и Валера своими умелыми руками сформовал настоящую свечу с фитилем в центре. Мы укрепили эту свечу в алюминиевой миске и вечером того же дня – первый день Хануки 5731 года по еврейскому календарю (1971 г.), и в нашей камере «свеча горела на столе...». Как у всех евреев во всем мире.

С того времени прошло много лет. Я много раз отмечал Хануку в торжественной, красивой обстановке, с красивыми ханукальными подсвечниками, с вкусной праздничной трапезой... Но самой памятной для меня остается та Ханука тридцать один год тому назад, в советской тюрьме. Тогда наша свеча не горела долго – может быть полчаса... Мы, восемь евреев стояли вокруг стола в тюремной камере, преисполненные высоких чувств. Мы читали по памяти слова ханукальных благословений:

«Эти свечи мы зажигаем в память о чуде, которое Ты явил предкам нашим, в память об избавлении, которые Ты сделал для наших отцов в те дни, в это время, посредством храбрых служителей твоих – Маккавеев»,

«Благословен Господь, за то, что мы достигли, досуществовали и дожили до этих дней»,

«Благословен Господь, который сделал чудеса нашим отцам в те дни, в это время».

Мы долго не расходились по нарам в ту ночь. Мысли и разговоры перескакивали от глубокой древности к нашим дням, от Маккавеев к нашим современникам, от нас – советских евреев к евреям всего мира, к Израилю. Мы переживали высокие чувства сопричастности и солидарности как с героическими предками, так и с братьями во всем мире, со всем нашим народом. Мы знали, что не одни и что как «в те дни, в это время», и сейчас солидарность нашего народа является залогом, что враги не смогут одолеть нас...

* * *

С той памятной ханукальной ночи 1971 года прошло много лет. Многое изменилось за это время. Нет больше Железного занавеса, нет больше и той страны. За эти годы, в независимых странах, образовавшихся на месте бывшего СССР, возникли десятки еврейских общин, функционируют еврейские школы и университеты. Евреи могут отмечать национальные праздники дома или в общинах, открыто следовать обычаям еврейской жизни и традициям.

Два года назад, в вечер Хануки 2000-го года, я стал свидетелем символического события перемен. На одной из самых оживленных площадей в центре Москвы был установлен огромный ханукальный светильник. Своей высотой, метров 8-10, он почти на равных выглядел с возвышавшейся неподалеку монументальной скульптурой поэта Маяковского. Нетрудно понять мои чувства в тот вечер. Воспоминания о той первой «тюремной» Хануке перемежались памятью о многих других событиях многолетнего еврейского движения в СССР. То была трудная борьба, но все те, кто был ее участником могут быть довольными результатами и гордиться, что и в этом есть их заслуга. К слову сказать, праздник Хануки в годы еврейского движения был символом борьбы советских евреев и в других странах, где еврейские общины и очень многие люди доброй воли активно поддерживали нашу борьбу.

«Не силой, но духом» – именно так побеждали Маккавеи! Их пример, быть может, особо значим для еврейского народа сейчас, когда евреям – где бы они не жили, в еврейском государстве или странах диаспоры – объявлена подлая и безжалостная война силами мирового терроризма. Как и во времена Маккавеев вера в идеалы и ценности нашего народа, мужество и солидарность всех евреев необходима, чтобы устоять и одолеть врага.

Со специальной машины с выдвижной телескопической площадкой был произведен поджог первой газовой ханукальной свечи. По огромной площади разносились ханукальные мелодии, молодые хасиды раздавали традиционные ханукальные пончики собравшимся. На специально сооруженной сцене выступали артисты, звучали мелодии еврейской скрипки и еврейских песен... С приветственными словами к собравшимся обратились главный раввин России и мэр столицы. Последнее несомненно придало событию особую значимость, еще раз подчеркнув, что власти особо щепетильно следят за тем, чтобы еврейская община имела все условия для благополучного развития. В тот ханукальный вечер на центральной площади в морозной Москве, в отблесках огромной ханукальной лампы, все происходившее еще и еще раз напоминало: Ам Исроэль хай векаям – народ Израиля живет и существует!

ДВЕ БЕССЛАВНЫЕ ГОДОВЩИНЫ

50 ЛЕТ ПОСЛЕ СТАЛИНА

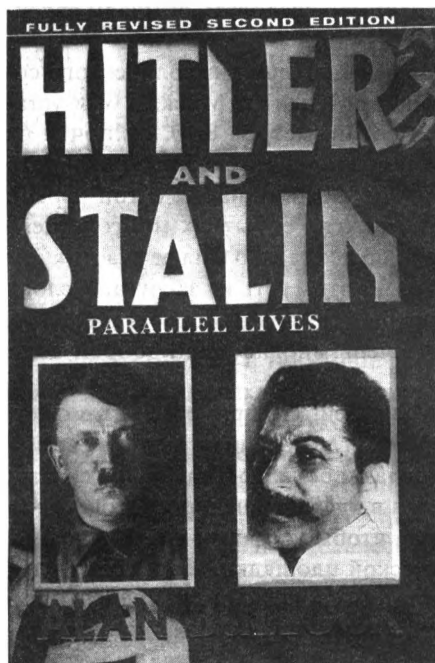
Алан БАЛЛОК

ГИТЛЕР И СТАЛИН.

ПАРАЛЛЕЛИ И УРОКИ

Был ли Сталин неизбежен?

Со времен Французской революции не было в Европе таких агрессивных идеологий, как коммунизм и нацизм. Было сломано много копий по поводу взаимосвязи между нацизмом и фашизмом. Следует ли рассматривать нацизм как германскую форму фашизма или, учитывая его упор на биологические факторы, на расизм и антисемитизм, его следует считать отдельным феноменом? Когда в оккупированной Польше была запущена расистская программа Гитлера и Гимmlера, разница между нацизмом и фашизмом стала вполне очевидной.

Нацизм и фашизм поклонялись воле, власти, силе и войне. Их существование базировалось на успехе, и только на нем одном – поэтому они не могли пережить того тотального разгрома, который постиг Гитлера и Муссолини. Тех, кто был их активным сторонником, заботило только одно – отрицать какую-либо связь с режимом и замести следы своего участия.

Коммунизм, с другой стороны, значительно выиграл от участия Советского Союза в войне. После утверждения коммунизма в Восточной Европе и впечатляющего успеха Мао в Китае (в 1949 году) новое поколение новообращенных и попутчиков – и в Третьем мире, и на Западе – провозгласили неизбежную окончательную победу коммунизма. Расставание с иллюзиями было медленным даже после того, как в мире начали циркулировать разоблачения режима Сталина, содержащиеся в тайном докладе Хрущева, и после подавления Красной армией восстания в Венгрии – и то, и другое произошло в 1956 году. После этого еще более тридцати лет понадобилось на то, чтобы телевизионные ка-

меры на площади Тяньаньминь в Пекине и Чаушеску в Бухаресте, а также развал других коммунистических режимов в Восточной Европе продемонстрировали всему миру, что коммунизм, так же, как и нацизм и фашизм – соперничавшие идеологии, боровшиеся за свое превосходство в 1930-х и 1940-х годах – оказался банкротом как морально, так и политически.

лорд Алан БАЛЛОК (Оксфорд), член Британской Академии.

Перевод из «Hitler and Stalin. Parallel Lives», Harper Collins Publishers, 1991.

Все еще продолжают споры о том, был ли сталинизм «логическим и, возможно, неизбежным этапом в органическом развитии коммунистической партии». Многие элементы, характеризующие сталинскую систему власти, могут быть найдены и у Ленина. Добавление слова «пролетариата» к слову «диктатура» не могло скрыть тот факт, что это означало неограниченное и безжалостное осуществление власти, включая терроризм и подавление всех других партий. Но существует мнение, что нет полной преемственности между ранним периодом власти Ленина и властью Сталина. После Кронштадтского мятежа Ленин круто сменил курс, провозгласив Новую экономическую политику (НЭП), но его истинные намерения так и остались неясными вплоть до его смерти. Например, Бухарин утверждал, что Ленин видел в НЭПе не тактическое отступление, а фундамент нового эволюционного похода к решению проблем, вставших перед партией.

Тщательно организованное всеобщее обожание.
Нюрнберг, сентябрь, 1933 г.

Бывший французский коммунист Борис Суварин писал об этом иначе: «То, что существовало при Ленине, было доведено Сталиным до такой крайности, что изменилась сама суть... Разница в масштабах привела к разнице в сущности». То, как далеко Сталин был готов зайти, отличало его от всех других большевистских лидеров и всегда заставляло их врасплох. «Крайность была сущностью исторического сталинизма».

Другая точка зрения проводила различие между сверх-централизованной системой власти одной партии, которая явилась результатом большевистской революции, и совсем другой политической системой, которая появилась после ее слияния с личной властью Сталина. Характер Ленина, согласно этой точке зрения, не был деспотическим, и какой бы потенциал личной диктатуры ни таила в себе эта система, он не был реализован при его жизни, когда страна управлялась олигархией партийных вождей. Сталин приложил много сил (в том числе на уничтожение многих соратников), чтобы преодолеть сопротивление партии смене коллективной власти на личную. После его смерти система вернулась к своей прежней форме.

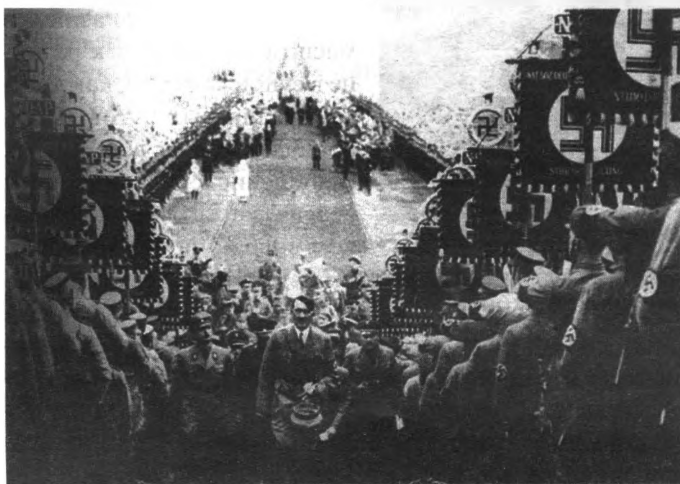
Однако, когда в 1990 году, после распада Советского Союза, историки – и первым среди них Дмитрий Волкогонов – получили доступ к 3724 документам Ленинского архива (и еще 3000 документов, только подписанных им), из которых стало ясно, насколько близка была Ленину идея безжалостной власти, которая была не исключением, а правилом. Ленин и Сталин были очень разными людьми, но когда привычную для всех икону сменил реальный образ Ленина, стало очевидно, что для Ленина, так же как и для Сталина, террор был незаменимым инструментом для утверждения и последующего удержания революционной власти. В марте 1922 года Ленин писал Каменеву: «Было бы большой ошибкой считать, что НЭП позволит нам отойти от террора. Мы вернемся к террору, в том числе и к экономическому.»

Даже после того, как элемент личной диктатуры был после смерти Сталина удален из системы, коллективное коммунистическое руководство в послесталинской России и в Восточной Европе – или после Мао в Китае – так и не смогло найти реше-

ния вопросов, оставленных Лениным без ответа: если вы навязали революцию силой, какую альтернативу можно предложить либо отступлению, которое ставит под угрозу введенные революцией изменения, либо методам, использованным Сталиным? Был ли сталинизм неизбежным исходом ленинской революции или нет, нельзя отрицать, что он явился вполне логичным ее результатом, и карьера Сталина продолжает оставаться величайшим вызовом любому, кто все еще верит в ленинскую революцию сверху «во имя» бедных и эксплуатируемых.

Но это не означает конец идеологии. Следует ожидать, что продолжающееся неравенство и несправедливость будут питать стремление к поискам более справедливого общественного устройства и надежду в возможность его создания. Точно так же ненависть к чужеземцу, страх перед наплывом беженцев и все увеличивающаяся напряженность в мультирасовых обществах не позволяют снять с повестки дня этнический антагонизм и расовые фантазии, которые подпитывают их. И вопрос о том, способны ли эти факторы привести к появлению новых «тысячелетних рейхов», основанных на классовом, расовом или религиозном фундаментализме, остается открытым.

Нацизм и сталинизм – системы государственного террора

Парад в Бюттерберге, 1934 г.

Теперь давайте взглянем на гитлеровско-сталинский период еще под одним углом – с точки зрения человеческих страданий. Без учета тех, кто был ранен или обречен на пожизненную инвалидность, приблизительная оценка числа людей, погибших преждевременно в период между 1930 и 1953 годами, дает цифру порядка шестидесяти-семидесяти миллионов мужчин, женщин и детей. Такой масштаб жертв превосходит пределы нашего понимания. Кроме

того, в отличие от Черной смерти, которая в 14 веке, по имеющимся данным, уничтожила около трети населения Европы, эти жертвы были делом рук человека, а не результатом природной катастрофы.

Миллионы погибли на полях сражений; еще большее число гражданских лиц погибло в результате военных действий, как, например, от воздушных налетов или от голода. Однако, уникальной характеристикой этого периода является тот факт, что в дополнение к жертвам войн не меньшее число людей погибло в результате действий, не имеющих ничего общего с войной. Это и насильственная депортация (кулаков советским правительством, славян

Сталин в день семидесятилетия в кругу соратников. Среди них: Мао Дзедун, Вальтер Ульбрихт, Никита Хрущев. 1952 г.

немцами), жестокое обращение, пытки и убийства (чистки в Советском Союзе, ГУЛАГ, нацистские концентрационные лагеря), массовые убийства и плановое уничтожение (Холокост). Сознание и совесть выживших и последующих поколений стран Европы оказались под тяжким гнетом этих событий, к чему добавилось осознание того факта, что сотни тысяч мужчин – и число их могло бы оказаться большим, если бы не отчаянные попытки скрыть свое прошлое – и какое-то число женщин оказались готовыми причинить жестокие страдания другим человеческим существам без различия пола и возраста. В число этих мужчин и женщин входят не только эсэсовцы и сотрудники НКВД, охранники лагерей и тюрем, заплочных дел мастера, участники расстрельных команд, но и административные работники, полицейские, которые совершали аресты, работники железных дорог, шоферы, разного рода техники, добровольные «помощники», которые убирали тела убитых и разбирали их имущество, а также следователи, члены судов и трибуналов и тайная армия осведомителей и доносчиков.

Среди этих людей есть одна группа, которая привлекает к себе особое внимание – нацистские врачи. Они играли ведущую роль в научном «оправдании» расистских воззрений, участвовали в работе лагерей смерти и проводили эксперименты на заключенных без применения анестезии, не принимая во внимание их физические мучения и неизбежную смерть. Другой группой, которая появляется почти в каждом рассказе о советских лагерях, были «доверенные» или капо (от итальянского слова саро – голова), которым предоставлялись специальные привилегии в обмен на доносительство и слежку за другими заключенными. Это были обычно профессиональные уголовники, находившие особое удовольствие в унижении и издевательствах над более образованными «политическими» заключенными.

Нет сомнений, что были такие нацисты и коммунисты, которые свято верили в то, что цель оправдывает средства, а также такие, кто стремился к власти или привилегированному положению, или руководствовался садистскими побуждениями. Существуют также многочисленные свидетельства того, до какой степени обычный человек может свыкнуться с проявлениями жестокости и стать нечувствительным к страданиям других. Для тех же, кто мог быть еще подвержен чувству беспокойства и уколам совести, существовало соучастие в преступлениях – та могучая сила, которую хорошо понимала система, опутывавшая человека паутиной вины и страха, от которой не было спасения. А насколько больше было людей, которые, не принимая сами непосредственного участия, знали о том, что происходит и хранили молчание – это вопрос, на который не может ответить никто, и уж конечно не те, кто сам не жил под пятой гитлеровского или сталинского режимов.

От тех, кто непосредственно занимался преступной деятельностью, ответственность за эту деятельность распространялась вверх по иерархической лестнице до организаторов, типичным представителем которых был Эйхман, и, наконец, доходила до Ягоды, Ежова и Берия, до Гимmlера и Гейдриха. Но ни Гитлер, ни Сталин, насколько известно, никогда не были свидетелями и уж тем более не принимали сами участия в актах террора и репрессий, которые были отнюдь не чем-то второстепенным, но составляли самую суть их политики, направленной на осуществление и сохранение их власти.

Сталин весьма предусмотрительно заставлял членов Политбюро подписывать вместе с собой расстрельные списки; ответственность же в глазах публики возлагалась на Ягodu и Ежова, которые заплатили своими жизнями за «эксцессы», которые Сталин демонстративно осуждал. Гитлер не оставил ни одного распоряжения от своего имени как фюрера, ни одной записки или указания, которое связало бы непосредственно его имя с «Окончательным решением». Впрочем, нет причины сомневаться в том, что «эксцессы» такого рода существовали, что подобные «операции» могли инициироваться «снизу» и приобретать свою собственную динамику, заходя дальше, чем это предполагалось вначале.

Тем не менее даже если принять во внимание все эти факторы, нет сомнения в том, что ответственность Гитлера и Сталина за то, что они замыслили депортации,

заклучения в тюрьмы и в лагеря, пытки и убийства такого масштаба, за то, что они отдавали соответствующие приказы и, самое главное, придавали им законность, отличается принципиально от той ответственности, которая могла быть возложена на кого бы-то ни было другого.

В «Записках из мертвого дома» Достоевский писал: «Каждый, кому довелось испытать силу власти, ничем неограниченную возможность унижить другое человеческое существо беспредельно, волей-неволей теряет власть над своими собственными чувствами. Тирания превращается в привычку, у нее есть способность развиваться – и она развивается в болезнь. Человеческое существо и гражданин умирают в тиранине навсегда; возвращение к гуманности, к раскаянию, к возрождению становится почти невозможным.»

Слова Достоевского в полной мере относятся ко всем тем, кто был вовлечен в тщательно разработанную систему террора в обеих странах – но никого они не характеризуют так точно, как этих двух людей, которые несут главную ответственность за совершенные злодеяния.

Личность как фактор истории. Гитлер и Сталин.

Не преувеличена ли роль Гитлера и Сталина?

В 1960-х и 1970-х молодое поколение историков выступило против модели монолитного тоталитарного государства (которую ее критики расценивали как продукт «ментальности времен холодной войны»), и против популярного стереотипа Гитлера как всемогущего диктатора, определяющего все события. Эта революция во взглядах соответствовала и черпала свои силы из доминирующей тенденции в послевоенных исследованиях истории, расцвете социальной и экономической истории, истории, на которую смотрят «снизу», оспаривая традиционную концентрацию на политической истории, истории, на которую смотрят «сверху».

Социальные и экономические историки, как и социальные ученые, считают естественным искать исторические объяснения с позиций таких не персонифицированных факторов, как демографические изменения, миграция населения, влияние на общество индустриализации и технологических новшеств, и рассматривают себя вкупе со всеми людьми как членов тех или иных групп, в которых персональные характеристики растворены в некоей среднестатистической личности. Такой подход оказался естественным для двадцатого столетия, в котором рост населения, масштабы экономической и социальной организации и темп изменений возрастали столь стремительно, что было очень трудно поверить в то, что личность может повлиять на ход истории.

Этот подход адекватно отображает ситуацию в таких странах, как США, Британия и Франция, чьи политические институты, несмотря на все их недостатки, являются демократическими; в таких странах существует, при всей быстроте изменений, достаточная стабильность, позволяющая сохранять нормальную основу общества и делающая маловероятной способность власти, в случае, если она нарушает демократические основы, устоять перед разоблачениями всегда скептически настроенных средств массовой информации.

Совсем другая ситуация возникает тогда, когда война, революция или любая другая форма насильственного изменения прежнего порядка разрушает нормальность и преемственность хода событий. Общество дестабилизируется, поведение масс людей становится непредсказуемым и самые экстремистские варианты развития событий могут превратиться в реальность. При таких обстоятельствах появляется возможность для отдельной личности оказать мощное, а иногда и решающее влияние на развитие ситуации и на политические решения, из нее вытекающие – как это было сделано Лениным после того, как он в 1917 году вернулся в Россию.

Такие ситуации возникают не так уж часто. Намного чаще бывает так, что когда не находится достойный лидер, кризис остается неразрешенным и удобный момент для реализации правильного решения оказывается упущенным. Подобная ситуация

сложилась, например, в России в 1905 году. Когда же лидер появляется, как это произошло – если взять две очень разные фигуры – с Ганди в Индии и Мао в Китае, он обретает возможность занять такое положение, которое позволяет его индивидуальности, его личным качествам и его взглядам оказывать влияние, превосходящее по своим пропорциям все, что говорит нам наш повседневный опыт. И когда такое положение лидера утвердится, изменить его становится очень трудным. Я убежден, что именно это произошло с Гитлером и Сталиным.

При обстоятельствах, отличающихся от тех, которые сложились в Германии в начале 30-х годов и в России в 20-х, о существовании Гитлера и Сталина, возможно, никто бы и не подозревал. Даже при тех обстоятельствах вполне возможно представить себе альтернативные сценарии для Германии и Советского Союза, в которых Гитлер и Сталин не фигурировали бы. Никто из них не был незаменимым. В Германии могла сложиться коалиция правого толка (возможно, с участием национал-социалистической партии во главе с Грегором Штрассером), которая могла бы быть заменена парламентским путем на президентское правление и, наконец, сумела бы отменить параграфы Версальского договора о репарациях и разоружении. В России, если Ленин не умер бы в свои 54 года, НЭП мог бы развиваться в направлении, которое было только намечено в его последних модификациях и за которое ратовал Бухарин.

Кроме Гитлера и Сталина, было много других, кто пытался взять контроль над ситуацией в свои руки. Удачи и ошибки других сыграли определенную роль, но именно Гитлер, а не Папен или Гугенберг, и Сталин, а не Троцкий или Зиновьев сумели обратить их в свою пользу.

Тот факт, что соперники недооценивали их, сыграл им на руку. Только потом стало ясно, как много зависит от того, кто победил. Но теперь, когда всем нам известно, что произошло, я не могу представить себе любого другого германского лидера, который смог бы добиться того, что совершил Гитлер – безоговорочной победы правой радикальной нацистской партии между 1930 и 1933 годами; успешной международной политики и военных достижений между 1936 и 1941 годами; нападение на Россию в попытке найти для Германии страну рабов на востоке; расистские массовые убийства, кульминацией которых была попытка полного уничтожения евреев Европы. Точно так же мне трудно представить себе любого другого советского вождя, кроме Сталина, который смог бы осуществить Великий Перелом насильственной коллективизации, проведенной без какой-либо оглядки на ценность человеческой жизни, разрушение партии, созданной Лениным, чистки в Красной Армии, создание империи Гулага и сочетание марксизма-ленинизма с автократией, подобной бывшему царскому режиму.

После того, как маятник качнулся от преувеличения до недооценки их роли, взгляд из исторического далека позволяет предположить, что в обоих случаях ни исторические обстоятельства, ни персональные качества не могут по отдельности дать удовлетворительное объяснение.

Немецкие националисты впоследствии пытались утверждать, что проблема Гитлера заключалась в том, что он не знал, когда остановиться. Если бы он удовлетворился тем, чего он достиг к 1938 году после аншлюсса Австрии и не начал бы войну, или если бы он остановился после захвата Польши, или, в крайнем случае, после падения Франции, и не напал бы на Россию – тогда он вошел бы в историю как один из величайших лидеров Германии, который завершил работу, начатую Бисмарком – реализовал националистическую мечту о Gross Deutschland (Великой Германии), не подвергая страну угрозе той катастрофы, которая последовала.

Но это утверждение не соответствует ни характеру Гитлера, ни его программе. Вторжение в Советский Союз вовсе не было для него новой рискованной ставкой, на которую Гитлер пошел после того, как его первоначальные результаты ставки на войну превзошли его ожидания и достались ему малой кровью. Гитлер по своему темпера-

менту был революционером, и в его намерения не входило восстановление традиционного, чопорного, классово ориентированного и обращенного в прошлое иерархического общества, о котором с такой ностальгией вздыхали многие германские националисты. Гитлер стремился довести свою революцию до конца, но вместо того, чтобы противопоставить один класс другому, как предлагали левые, он хотел объединить народ и направить его энергию вовне, чтобы создать новую и совершенно другую германскую империю на востоке, обратив в рабство коренное население.

Если здесь и была импровизация, то это была война на западе, которой Гитлер хотел избежать в принципе, заполучив, если это окажется возможным, Британию в союзники или, по крайней мере, убедив ее остаться нейтральной, пока он сконцентрирует все свои усилия на реализации своей расистской мечты о будущем Германии, которое, как он всегда считал, лежит на востоке. Если бы Гитлеру удалось осуществить свои замыслы, германское общество изменилось бы так радикально, как не снилось любой левой революции с ее лозунгами, основывающимися на классовой борьбе, при том, что основная цена за это изменение была бы уплачена не немцами, а другими народами. К счастью, этого не произошло, но парадокс заключается в том, что отказ Гитлера признать поражение и стремление продолжать войну, что привело к оккупации Германии, создали некий революционный эффект, который в итоге позволил Германии после войны восстать из руин.

Германский народ заплатил за поражение ужасную цену, но, по меньшей мере, оно спасло его – и весь мир – от нацистского режима. Победа обошлась народам России даже в большую цену, но она не освободила их. Сталину было мало того, что он мог заявить, что он победил немцев и заслужил благодарность русского народа за его руководство в победоносной Великой Отечественной войне. Ему было мало того, что Россия вышла из войны единственной, кроме Соединенных Штатов, сверхдержавой, и что он сам, со смертью Рузвельта и уходом Черчилля из политики, единолично наслаждался славой лидера всего мира. Вместо того, чтобы отпустить вожжи, он снова стал предъявлять свои требования русскому народу; вернулось прежнее недоверие и подозрительность, усугубившиеся возможностью потери власти из-за возраста и подкрадывающейся смерти. Число заключенных в лагерях в 1952 году было высоким, как никогда; в последние годы даже такие его соратники, как Молотов и Поскребышев, служившие стареющему диктатору верой и правдой, впали в немилость и фактически жили под угрозой репрессий.

Смерть Сталина освободила людей от страха перед возможными чистками по образцу 1930-х, но она, так же, как и победа в войне, не принесла им облегчения. И даже смена режима на коллективное руководство, установившееся после смерти диктатора, не освободила народ от сталинской системы, которая продолжала сковывать его энергию и лишать свободы еще более тридцати пяти лет – семьдесят лет всего после революции 1917 года. И в последнее десятилетие 20-го века положение русского и немецкого народов сменилось на противоположное. К тому моменту, когда перед Федеральной Республикой Германии встала задача германского объединения, она имела за своими плечами опыт процветания и стабильности, с которым не могло сравниться ни одно из европейских государств. К моменту распада Советского Союза народы бывшей империи оказались экономически ослабленными и политически раздробленными, и без отчетливого понимания, не говоря уже о каком-то согласии, того, что должно занять место коммунистического режима, при котором им довелось жить три четверти века.

Урок истории: судьба наследия Гитлера и Сталина

Никто не может предсказать политическое и экономическое будущее нескольких сот миллионов людей, населяющих обширные пространства от Центральной Европы до Средней Азии и русского Дальнего Востока. Мы еще не поняли до конца масштабы изменений, ставших результатом событий 1989-1991 годов, но были свидетелем

лями эйфории, охватившей людей после этих событий и сменившейся затем разочарованием и беспокойством.

Историк не может знать о будущем больше, чем любой другой человек. Но у него есть одно преимущество: он знает из опыта прошлого, каким неожиданным это будущее может оказаться снова и снова. И никакой другой период не подходит более всего под это определение, кроме как конец эры Гитлера и Сталина и последующие за ней годы. Посещение Европы после войны сталкивало вас лицом к лицу с фактами утраты жизни, физического разрушения и перемещения целых обществ в масштабах, несравнимых ни с чем другим до этого. Стоя в июле 1945 года на холме, возвышавшемся над долиной Рура, я наблюдал за казавшимися бесконечными колоннами поляков и русских, медленно продвигавшихся на восток через район, чьи шахты и заводы были когда-то синонимом германской индустриальной мощи, но теперь представляли собой безмолвные руины. В тот вечер я написал в письме, что трудно поверить в то, что Германия восстанет вновь, и по мере того, как я в течение ближайших нескольких лет побывал во Франции, Австрии и Чехословакии, у меня возникло впечатление, разделяемое и другими, что и Европа, а не только Германия, не сможет излечиться от ран, нанесенных ей в годы между приходом к власти Гитлера и Сталина и окончанием войны.

К этим факторам можно отнести их наследие, выразившееся в разделе Европы, конфликт между Россией и Западом и страхи, которые этот конфликт порождает: страх, что Европа не сможет прокормить себя и обеспечить работой свое население, страх, что господство коммунизма в Восточной Европе может распространиться на запад, страх перед третьей мировой войной, которая на этот раз может быть ядерной.

Сейчас легко сказать, что эти страхи были преувеличены, но в тот момент они выглядели достаточно реальными для мужчин и женщин, которые были свидетелями того, как случается то, во что невозможно верить, и на собственном опыте испытали, что означают война и оккупация. И их страхи отнюдь не уменьшились от сотрясшей мир серии кризисов – прихода коммунистов к власти в Чехословакии в 1948 году, блокады Берлина, войны в Корее (что выглядело как возможный сценарий того, что может произойти в разделенной Германии), советского вторжения в Венгрию в 1956 году, возведения берлинской стены и кубинского ракетного кризиса 1962 года.

Чего никто не мог осознавать в те самые 1947-1962 годы, когда страхи были наиболее остры – как много было тогда сделано. Никто не мог предвидеть жизненной силы и стремления к возрождению, которое народы Западной Европы, включая и народы Западной Германии и Австрии, проявили в 1950-х и 1960-х годах, результатом чего стал один из наиболее стабильных и плодотворных периодов их истории. Это верно, конечно, что на начальном этапе возрождения Западная Европа, и, особенно, Западная Германия получили щедрую помощь от Америки. Но не менее верно и то, что – как неоднократно показал опыт других стран – помощь сама по себе не может привести к экономическому возрождению, если только она не сочетается с подъемом созидательной энергии на местах.

Кто мог поверить в то, что после трех войн друг с другом, считая с 1870 года, между Францией и Германией установятся тесные отношения, которые приведут к созданию Европейского Сообщества и к тому, что еще одна война между ними станет исключительно маловероятной? В равной мере непредвиденным оказался успех испанского народа, который смог избавиться от наследия режима Франко и установить демократическое общество без того, чтобы снова ввязаться в гражданскую войну. И, наконец, даже те, кто пришли к убеждению, что коммунистические режимы и советская сфера влияния в Восточной Европе рано или поздно рухнут, вряд ли предполагали, что их финал наступит ненасильственным путем, что на самом деле и произошло, если не считать Румынии; еще меньше ожидалось, что сам Советский Союз в том виде, в каком он был известен

миру с 1917 года, прекратит свое существование и что угроза ядерной войны между Россией и Западом будет отведена. Много времени и ужасающее количество человеческих жизней ушло на то, чтобы победить их, но в конце концов Гитлер и Сталин были повергнуты.

Очевидно, нет гарантии в том, что Европа снова окажется способной на те усилия, которые помогли ей возродиться после 1945 года. Ее народы могут не усвоить уроки своей истории, могут упустить возможность продвинуться дальше по пути создания более объединенной Европы [Здесь следует отметить, что книга была написана в 1991 году, до создания Европейского Союза. [Прим. перев.]: Россия может снова повернуться спиной к Западу, а Восточная Европа низвергнуться в пучину этнических конфликтов. Но нельзя списывать со счетов возможные сценарии будущего: еще во время кубинского кризиса 1962 года, через семнадцать лет после окончания войны, кто мог предвидеть, что мы доживем до конца 20 века без ядерной войны? Может так случиться – и это было бы большой потерей для Европы – что Россия снова повернется спиной к Западу, а Балканы вновь погрузятся в пучину этнических конфликтов. Но было бы слишком рано списывать со счетов способность Западной и Центральной Европы примениться к новым обстоятельствам, цементировать объединение Германии и принять в Европейское Содружество хотя бы поляков, чехов и венгров.

Есть еще одна причина, но другого рода, по которой я не испытываю чрезмерной тревоги по поводу будущего Европы. Годы, о которых я рассказал в этой книге, показали, как никогда до этого, всю глубину зла, которое человек способен причинить другому. Но исторический опыт показывает, что даже в наихудших обстоятельствах, не только в бою, но и в переполненных тюрьмах и лагерях, подвергаясь пыткам, в движениях сопротивления и перед лицом неизбежной смерти, всегда находилась горстка людей – всех национальностей – которые демонстрировали, до каких высот мог подняться человек.

В Иерусалиме еврейский народ создал мемориальный музей Яд Ва-Шем, чтобы напоминать себе и остальному миру об ужасах Холокоста. Если ты обошел этот музей и видел свидетельства, которые собраны там, ты выходишь оттуда ошеломленным и раздавленным. Но когда ты выходишь из дверей музея, ты попадаешь в аллею, которая известна под именем Аллеи Праведников, каждое дерево которой посвящено человеку – не еврею – который не стоял в стороне, но рисковал своей жизнью, чтобы помочь евреям избежать их страшной участи. К 1990 году на этой алее было высажено более 2 тысяч деревьев, включая, в качестве примера, дерево в честь Оскара Шиндлера, немецкого промышленника и члена нацистской партии, который спас жизни 1300 евреев.

Я всегда помнил об этом противопоставлении – музей Холокоста и деревья в честь праведников. Это символ того, что находит себе место и в истории других народов Европы. Он остается для меня дуалистическим образом тех лет, образом невероятной жестокости и мужества, бессердечности и сострадания – способности человеческого существа творить зло, но в то же время уверенности в возможности человеческого величия. Более того, они возлагают на тех из нас, кто был достаточно везучим, чтобы выжить, обязанность не забывать и не сдаваться перед лицом трудностей.

Перевод Э. Маркова.

Леонид ШКОЛЬНИК

БИРОБИДЖАН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛИНИЗМА

ЛЮБА

Не стану скрывать: я хочу рассказать вам об очень дорогом мне человеке, с которым был знаком всего-то лет десять. Человек этот – Люба Вассерман. Еврейская поэтесса. Невысокая седая женщина. Удивительно добрая. Необъяснимо интеллигентная – по духу, по крови, по сути. Что я знал о ней к моменту знакомства в начале 60-х годов? Знал, что пишет стихи и прозу на мамэ-лоши, жила в Палестине, в начале тридцатых приехала в Биробиджан, работала на еврейском радио. Ее муж, аргентинский еврей Моисей Абрамович Бенгельсдорф был режиссером Биробиджанского еврейского народного театра. Знал, что Люба сидела в лагере где-то в Сибири. Впервые мы встретились с Любой на одном из собраний областного литобъединения. В ту пору литераторы Еврейской автономной области составляли (конечно, условно) как бы две «весовые» категории. К маститым относились Бузи Миллер, Ицик Бронфман, Григорий Рабинков, Сальвадор Боржес, Люба Вассерман, Наум Фридман (никого из них сегодня нет в живых, светлая им память; все они, за исключением Ицика, прошли сталинские лагеря). В начинающих в ту пору ходили Роман Шойхет (тоже умер), Витя Соломатов (живет в Израиле), Толя Кобенков (живет в Иркутске), Ольга Ермолаева (москвичка), Митя Фельдман (уже израильтянин), Илюша Ревич (работает в Хабаровске), автор этих строк. В прокуренных кабинетах редакции «Биробиджанер штерн» невозможно было дышать, и мы выходили на улицы ночного города, и продолжали спорить там, читали друг другу только что написанные стихи. В молодецкой нашей компании Люба была молчалива, только слушала наши громкие речи и стихи, улыбаясь чему-то одной ей известному. Мы шли на берег Виры, и Люба шла с нами, потому что любила эту холодную быструю речку, в которой отражались большие ночные звезды. Много лет спустя, работая над переводами ее стихов и составляя первую ее солидную книжку, я поразился тому, как много в ней стихов о Бире и о городе, в котором она прожила более полувека. Я был частым гостем в ее доме. Приходил со своими новыми стихами, слушал ее новые стихи. Читала их Люба на идиш, и я вслушивался в эту мягкую, негромкую речь и жалел, что недостаточно хорошо знаю идиш. Люба терпеливо объясняла все, чего я не понял, и мы вместе делали подстрочники, которые уже потом становились ее стихами на русском языке.

«Я помню многое...»

С сыном Любы Вассерман Серго Бенгельсдорфом мы дружим много лет, не раз встречались в Москве, Иерусалиме. В последний раз мы встретились с ним в Иерусалиме пару лет назад, когда он в очередной раз приехал в Израиль из Кишинева навестить дочь Асю. И разговор с ним, конечно же, повели о Любе, и вот, что я услышал от него:

- Я родился третьего марта 1937 года. Родители решили назвать меня Шамаем – в честь отца мамы. Красивое еврейское имя. Но тут маме позвонил живший в ту пору в Биробиджане молодой еврейский поэт, будущий советский «русскоязычный» писа-

Леонид ШКОЛЬНИК – гл. редактор русского издания газеты «Форвертс» (Нью-Йорк).

тель Эммануил Казакевич, поздравил Любу с рождением сына и между прочим заметил, что умер Серго Орджоникидзе. На что мама ответила ему: «Конечно, очень жаль, но я думаю, родятся новые Серго». На следующий день в «Биробиджанер штерн» появилось сообщение о том, что поэтесса Люба Вассерман родила сына и в честь «ушедшего от нас товарища Орджоникидзе» решила назвать сына его именем. Так я и стал Серго - вместо Шама. Когда умерла Любина мама (то есть моя бабушка), отец вторично женился. Кроме Любы, у него было еще трое детей - Иосиф, Лейб и Яков. Иосиф уехал в Палестину первым из всех Вассерманов - после смерти отца. Кажется, в 1926 году мама уехала в Палестину из Славатича - ей было тогда всего девятнадцать. Работала нянечкой в Иерусалиме, домработницей. Писала стихи. Даже книжечку издала в 1930 году. Впервые я узнал о ней в США, а в Израиле мне подарил ее замечательный поэт и добрейший человек Иосиф Керлер. В книжке есть стихи о ее родном Словатиче, но есть и о Иерусалиме, о Тель-Авиве. В 1931 году англичане выслали ее из страны за деятельность против мандатных властей. Так она оказалась сначала в Крыму, а потом - в Москве, училась на рабфаке университета.

Папа мой - из Аргентины, еще там он начал заниматься театральной деятельностью. По приезде на Дальний Восток работал в Волочаевке на лесоповале, был членом знаменитой коммуны «Икор», а когда в Биробиджане открыли медучилище, переехал туда и стал вести в училище театральный кружок. Примерно в то же время было принято решение о создании Биробиджанского ГОСЕТа, и отца отправили в Москву к Михозлеу «учиться на актера». Именно там, в Москве, он и познакомился с мамой.

«Она была независимой и мудрой...»

Из письма Беллы Айзенберг (Скрибовской), репатрировавшейся в Израиль 17 марта 1995 года, автору статьи: «В Биробиджане я заведовала областной детской библиотекой. Было это в 1947 году. «Чистка» в наших рядах шла полным ходом. В то время Люба Вассерман работала на еврейском радио, и ее, конечно, сразу же уволили. Директором библиотеки был Наум Корчминский, впоследствии ставший редактором газеты «Биробиджанер штерн» (кажется, в 1956 году). Так вот, Корчминский пригласил Любу на работу. Она возглавила еврейский книжный фонд нашей библиотеки. Книг на идиш было много, их присылали из США, Аргентины, Польши и других стран, но спросом они, увы, не пользовались. Даже те немногие биробиджанские евреи, знавшие идиш, боялись попросить в библиотеке книгу на мамэ-лошн.

Люба стала пропагандировать классику еврейской литературы, ходила на заводы и фабрики, на стройки, и в обеденный перерыв читала рабочим отрывки из произведений Шолом-Алейхема, Маркиша, Бергельсона, Квитко. Так в библиотеке стали появляться новые читатели. Частые беседы с ней открывали мне глаза на многие вещи. Она была независимой и мудрой. Часто печаталась в «Биробиджанер штерн» и в «Биробиджанской звезде».

Свой первый очерк Люба написала обо мне и о моей работе с детской книгой. Однажды в 1947 году нас собрали на совещание к директору библиотеки и сообщили, что из-за серьезных упущений в работе Любу Вассерман увольняют. Мы были в недоумении, а Люба сказала нам по секрету, что ее, видимо, арестуют. Так оно и случилось...

Арест

Рассказывает сын, Серго Вассерман:

- Я помню, как ее арестовывали. Мне в ту пору было 12 лет. Произошло это в ночь на четвертое июля 1949 года. Явились трое, пригласили двоих понятых и начали обыск. Одного из гебистов помню, его фамилия Гладуненко, он был чемпионом города по лыжам. Что они могли найти у мамы? Забрали много фотографий. Изъяли фотографии друзей и знакомых, какис-то ее рукописи. В общем, устроили настоящий погром в доме. Отец был буквально в шоке, все повторял: «За что? За что?»

В полночь маму увели.

Конечно, они все могли этого ожидать, потому что аресты уже всюю шли в Москве еще с сорок восьмого. Но из театра взяли почему-то только Аронеса, ну и всех писателей.

Мы остались вдвоем с отцом. Кажется, в ту же ночь побежали в областной отдел ГБ. Нам сказали, что ее увезли в Хабаровск. Городок у нас маленький был. И мы с папой сразу почувствовали на себе косые взгляды, люди стали со страхом отворачиваться от нас. Папу нельзя было узнать: буквально за ночь он поседел.

Для него то время оказалось вдвойне трагическим: во-первых, арестовали маму, во-вторых – закрыли театр. Папа остался без двух крыльев, которые держали его на плаву и давали силы жить.

- Еврейский актер, оставшийся без еврейской сцены, и муж, оставшийся без жены, еврейской поэтессы. Это действительно трагедия.

Он пошел работать на швейную фабрику. Лишь сейчас, по прошествии многих десятилетий, я могу себе представить, как это было нелегко для него. Он был сильным человеком, но представь себе его состояние, состояние человека, в одночасье лишенного любимой работы и семьи...

В то время арестовали писателей Бузи Миллера, Григория Рабинкова, Сальвадора Боржеса, взяли нашего соседа Абрама Гершкова (он работал в переселенотделе), секретаря обкома партии Бахмутского. Многих тогда взяли. Работы у гебистов было много.

Свидание нам разрешили только одно – в мае 1950 года, после того, как закончилось следствие по ее делу. Помню, в Хабаровске дело мамы вел следователь Гинзбург (после разоблачения культа личности Сталина его «сослали» на должность прокурора на Камчатку). Свидание в присутствии этого Гинзбурга было очень коротким. Мама все время плакала, а в конце успела шепнуть папе на идиш: «Сэ шмект мит цен йор, нит вейникер» («Пахнет десятью годами, не меньше»). Так вот, эта прилизанная, лысоватая сволочь по фамилии Гинзбург, услышав идиш, заорал: «Говорите по-русски!», – и прервал свидание.

«Я ни в чем не повинна»

Из следственного изолятора Люба писала в Москву, в высокие инстанции:

«Меня обвиняют в антисоветской деятельности. Я же в этом неповинна. Я родилась в небольшом польском местечке. Когда мне было семь лет, умерла мама, и я со своим стариком-отцом ходила по деревням просить милостыню. Потом петлюровцы схватили отца, облили его бензином, подожгли, и я своим телом закрыла его – до сих пор у меня остались следы ожогов на теле. Во время войны фашисты уничтожили многих моих родственников – 87 человек, и я осталась одна...».

Лагеря

Лишь в 1954 году, когда убрали Берию, нам разрешили свидание с мамой, и мы с папой поехали в Тайшет, где она отбывала свою «десятку».

Так называемая «тройка» почти всем припечатывала этот срок.

Мама за это время прислала несколько писем – она могла нам писать один или два раза в год. Сидела мама не в Тайшете, а в Озерном. В общем, из Тайшета нам надо было на перекладных 140 километров тащиться до лагеря. В то время заключенные строили железнодорожную ветку «Тайшет-Лена» – будущую Байкало-Амурскую магистраль.

Помню комнату свиданий, где мы увиделись с мамой. Нам дали два дня, и женщины-заключенные бегали к нам, чтобы узнать о новостях «с воли». Кстати, там, во время этого свидания я познакомился с сестрой Зиновьева Марией Ароновой и с Эсфирь Исаевной Гурвич – гражданской женой Бухарина.

Доктор Розенблюм из МВД СССР

Лагерь – точь-в-точь такой, какие мы видели в фильмах о войне, о нацистских лагерях: колючая проволока, по периметру – сторожевые вышки, лают овчарки. А мама? Она стала совершенно седой, но духовно не надломилась. Правда, ей помогала сидевшая вместе с ней Анна Анатольевна Розенблюм, которая до ареста была главврачом МВД СССР. В 1937 году ей дали, кажется, «двадцатку», и к моменту нашего с папой

приезда в лагерь Анна Анатольевна была его старожилом. Она спасла маму от работы на лесоповале (фактически – от смерти) и взяла ее в так называемую «прожарку»: мама дезинфицировала белье арестантов.

Сохранились не только письма к нам, но и несколько писем к Бузи Миллеру. В одном из них, датированном 31 декабря 1955 года, она писала: «С Новым годом, с новым счастьем, дорогой мой Бузеле! Что же ты замолчал, мой хороший? А может, все мои письма к тебе не доходят, хотя я каждый раз прошу цензора, чтобы он пропустил мои письма к тебе. Ты, наверно, мое стихотворение, посвященное тебе, не получил, – правда, неважное, но зато сердечное. Видно, ты не получил – все было на еврейском языке. ... Как близок наш родной дом и как далек он от нас! Думаю, что 56-й год будем праздновать у нас дома. Помнишь, в 49-м году последний наш праздник среди любимых и друзей? Бузеле, почему нас с тобой еще не отпускают? Какой глупый вопрос!.. Поэтессой я уже не буду. Подрезали мне крылья, потушили огонь. Я только хочу прожить последние годы возле своих близких – больше мне ничего не надо».

Смешно и грустно говорить об этом, но в лагерной газете она печатала заметки о том, как «благодаря ударному труду на благо Родины успешно идет исправление врагов народа». Вот такие жуткие заметки. Я передал эту газету в областной краеведческий музей в Биробиджане.

Совсем недавно, перебирая мамин архив, я обнаружил тетрадку, а в ней – какие-то каракули, какие-то карандашные строчки. Стал разбирать их и понял, что это стихи, написанные ею в хабаровской тюрьме и в ГУЛАГе. Пять стихотворений на мамэ-лошн.

Она никогда не говорила мне об этих стихах... но я считаю их лучшими в творчестве мамы.

«Оставьте заявление...»

... Я хорошо помню как она возвращалась... В то время (в январе 1956 года) я учился в Кишиневе, но прилетел в Биробиджан повидаться с мамой. Помню, дорога из Молдавии на Дальний Восток заняла у меня 36 часов. Маму и ее коллег по несчастью встречали на перроне биробиджанского вокзала очень многие наши друзья и знакомые...

...Момент встречи на вокзале я не застал, поскольку прилетел спустя несколько дней. Но помню, бывшие эки собрались у нас дома: и Миллер, и Рабинков, и Эмиот – постаревшие и не очень здоровые люди... Говорили о себе скупно, неохотно, строили планы на будущее, обсуждали, кто где намерен работать...

... Вернувшись из заключения мама больше нигде и никогда не работала, хотя активно сотрудничала и с местным еврейским радио, с газетой «Биробиджанер штерн», и с московским журналом «Советиш геймланд». Печатались ее стихи и рассказы (в переводах на русский язык) и в журнале «Дальний Восток».

«Неяркая с виду строка»

В 1968 году в Хабаровском книжном издательстве вышла первая тоненькая книжечка стихов Любы Вассерман. Рецензируя ее, Бузи Миллер написал в «Биробиджанер штерн»: «Ее стихи искренни, душевны, трогательны, просты – в лучшем смысле этого слова. Они навеяны, можно сказать, какой-то особенной женской нежностью и обаянием. Лирически – непосредственны, языково – ясны, народны. Неяркая с виду строка, которая иногда проскальзывает в ее стихах, – не нарочитость, она лежит в доброй традиции настоящего фольклора, звучит чисто и правдиво, по-своему непосредственно, как пение или сердечная исповедь».

Три последних года своей жизни Люба Вассерман прожила в Кишиневе, у сына. Помню, как провожал ее, тяжело больную, в Хабаровском аэропорту. Поцеловав меня, она тихо сказала:

- А теперь иди. Больше мы с тобой не увидимся... Так оно и случилось.

Она умерла второго марта 1975 года, на шестьдесят восьмом году жизни, за день до дня рождения Серго и за шесть лет до свадьбы своей единственной внучки Асенки, которая почти десять лет назад переехала из Кишинева в кибуц Хани-та под Нагарией.

Люба похоронена на еврейском кладбище, на надгробном памятнике -- раскрытая книга с ее стихами на идиш.

Стихи, конечно, о Биробиджане...

БУЗИ

25 января 1988 года утром мне в редакцию позвонил из больницы Марик Миллер:
- Только что умер папа.

Марик был измучен бессонными ночами у постели отца и произнес эту горькую фразу тихо и растерянно, как бы не веря собственным словам.

И положил трубку.

Хоронили Миллера тысячи биробиджанцев. В городском Дворце культуры, где был установлен гроб с телом покойного, играла тихая печальная музыка, сменялся почетный караул. Я тоже стоял с траурной повязкой у гроба Бориса Израйлевича. Вглядываясь в навсегда успокоившееся лицо, я думал о письме, полученном буквально в те же дни из Москвы от старейшего еврейского писателя Иосифа Рабина. Прошедший вместе с Миллером нелегкий путь по лагерям ГУЛАГа и вернувшийся из сталинского чистилища надломленным и больным, Иосиф написал мне: «Хоронили на днях еврейского писателя, нашего товарища, разругавшегося при жизни с Ароном Вергелисом. На кладбище пришло всего несколько человек. Почему? Потому что люди боялись: вдруг об этом узнает Вергелис? Как долго мы будем зависеть от одной-единственной «официальной» личности? Увы, смерть нашего товарища – невозможная потеря еще одного звенья в золотой цепочке еврейской литературы.» (Уже после смерти Иосифа Рабина мне прислали его стихи на идиш, обращенные к дочери. Я перевел их на русский язык и хочу напомнить лишь одну невеселую строфу:

*Моя родная, нас по сторонам
Безжалостное время разбросало.
И если спросишь,
Быть ли вместе нам,
Отвечу я:
Надежды слишком мало...*

Под стихами – дата и место их написания: 15 марта 1938 года, Биробиджанская тюрьма НКВД.

... Слетались как птицы

Бузи Миллер -- так называли его друзья, родные и коллеги по перу, и под этим именем он известен в еврейской литературе. Борис Израйлевич -- официальное его имя в иерархии ЕАО; именно так обращались к нему партфункционеры, читатели и почитатели, молодые литераторы области. А по паспорту он был -- Бер Срулевич Мейлер. Последний из могикан еврейского Биробиджана. История и судьба столицы ЕАО неразделимы с судьбой этого мудрого, трагически печального рыцаря еврейской литературы, на долю которого выпали и горластая счастливая юность в харьковской литературной группе «Птичье молоко» (с Эмкой Казакевичем, Гиршке Диамантом, Тевье Геном), и «репатриация» в Биробиджан в августе 1936 года после окончания Московского государственного института имени Ленина, и годы учительствования (Миллер приехал в Биробиджан по путевке Наркомпроса), и ночные бдения в «Биробиджанер штерн» (он был редактором этой газеты), и арест, и долгие семь лет тайшетских лагерей, и возвращение в родной город (в котором сегодня есть улица его имени), и снова работа в редакции, и тяжкий (в свободное от службы в газете время) труд не только над собственной изящной прозой, но и над стихами, которые изредка как птицы слетались к его письменному столу...

*Как хочется мне песню написать!..
Но Муза от меня ушла к другому
Решительному, злому, молодому,
И мне ее, как видно, не догнать...*

«Расхулиганились еврейчики....»

В 48-м сняли Бахмутского, первого секретаря Еврейского обкома. Сняли как «буржуазного националиста». Этой же формулировкой пестрели дела многих представителей еврейской интеллигенции Биробиджана. На место Бахмутского прислали из Москвы нового первого секретаря – Симонова. Шофер, встречавший в хабаровском аэропорту своего нового начальника, вспоминал: «Первую фразу Симонова в аэропорту я запомнил до конца своей жизни. Он спросил у меня: «Что, расхулиганились здесь еврейчики?». И добавил: «Ну ничего, ничего, мы порядок наведем...». Симонов оказался человеком пьющим, грубым. Свою работу в Биробиджане начал с того, что приказал сшить для обкомовских машин новые чехлы на сиденья. Их сшили... из занавеса разогнанного к тому времени Биробиджанского ГОСЕТа государственного еврейского театра имени Кагановича.

Миллер не подозревал тогда, что вскоре ему суждено стать «буржуазным националистом». «Первым звонком» и грозным предупреждением ему послужила состоявшаяся в марте 1948 года VI областная партконференция. Бузи как редактор «Биробиджанер штерн» был среди ее делегатов и докладчиков.

Костры из книг

9 апреля того же года по следам конференции в редакции «Биробиджанер штерн» прошло собрание, на котором были «обнаружены» вредные ростки буржуазного национализма. С гневной речью против «националиста» Миллера выступил коммунист Б. Гороховский:

- Мы должны извлечь необходимые уроки. Допущено преклонение перед Дер Нистером, мы не разглядели буржуазного национализма в его статьях и рассказах...

Председатель обллита, главный цензор еврейской автономии Гороховский «необходимые уроки» извлек: спустя несколько дней после собрания он сжигал еврейские книги в котельной областной типографии. Сжигал он их в точном соответствии с присланным ему циркуляром, в котором значилось 136 наименований...

«Махровые националисты»

Бергельсон, Дер Нистер и Бузи Миллер

Спустя год, 6 июня 1949 года Миллеру предъявили постановление об аресте. Среди прочих обвинений в преступной деятельности есть и такие (цитирую):

«- еще в 1934 году, будучи на учебе в Москве на еврейском отделении пединститута, МЕЙЛЕР-МИЛЛЕР находился под влиянием преподававших там еврейских националистов-бундовцев...

- в 1936-1937 годах, а также в 1947 году, встречаясь в Биробиджане с приезжавшими из Москвы писателями – ныне разоблаченными и арестованными буржуазными националистами БЕРГЕЛЬСОНОМ и КАГАНОВИЧЕМ (ДЕР НИСТЕРОМ), полностью разделял антисоветские взгляды последних...

- в 1947 году опубликовал в печати повесть «Биробиджан» и пьесу «Он из Биробиджана», в которых противопоставляет Еврейскую автономную область другим областям Советского Союза, проповедует «идеи» национальной ограниченности и шовинизма... являясь ответственным редактором еврейской газеты «Биробиджанер штерн», в мае 1946 года опубликовал фельетон Г. РАБИНКОВА злобно националистического содержания, а в сентябре и октябре 1947 года, вопреки прямым указаниям органов цензуры, поместил в газете несколько явно националистических очерков махрового еврейского националиста КАГАНОВИЧА (ДЕР НИСТЕРА)...».

И, наконец, последняя цитата из постановления на арест:

«Указанные выше преступные действия МЕЙЛЕРА-МИЛЛЕРА Б.С. подтверждаются показаниями арестованных органами МГБ КАГАНОВИЧА П.М., БЕРГЕЛЬСОНА Д.Р., а также свидетелями ФРИДМАНОМ Н.М., РАБИНКОВЫМ Г.Б., ГОРОХОВСКИМ Б.Е., частичным признанием самого МЕЙЛЕРА Б.С. в его заявлениях в горком и обком ВКП(б) и другими материалами и документами...».

Мы стали «семьей врага народа»

Папу арестовали в Хабаровске.

Вспоминает дочь писателя, Софья, живущая в Кармиэле (Израиль):

- Что мне запомнилось из событий, связанных с арестом папы? 4 июня 1949 года он уехал в Хабаровск (как позже я узнала – обжаловать свое исключение из партии) и... как в воду канул: не возвратился на следующий день, как обещал, даже не позвонил. Это было очень не похоже на него. Мы не знали, что думать. Мне приснилось, что мама в длинной белой рубашке стоит у забора возле нашего дома; кто-то приближает ее гвоздями к заборчику; по белой рубашке течет кровь. Снилось еще что-то страшное, чего я не запомнила. Все стало ясно шестого июня ночью. К нам пришли с обыском...

А утром прибежал заплаканный Бенгельсдорф, еще кто-то, и мы узнали, что ночью арестовали писателей, журналистов, актера Файвиша Аронеса.

И потянулись бесконечные семь лет...

В 1949 году мне было всего восемь лет, но я хорошо помню, что вся наша жизнь до 1953 года проходила на фоне ожидания письма – одного в полгода! Мы могли писать чаще, посылать посылки, но оттуда – только одно письмо в полгода. И однажды это письмо не пришло. Мы боялись смотреть друг другу в глаза, я по ночам плакала... Это были самые страшные дни и месяцы из семи лет папиного отсутствия. А письмо, как позже выяснилось, пропало по вине почты.

После смерти Сталина папа мог писать нам чаще. Но прошло еще долгих три года, пока почтальон тетя Циля (я запомнила ее на всю жизнь) принесла нам телеграмму от папы, что он освобожден и через неделю будет дома.

Это было в январе 1956 года. Я помню свое тогдашнее состояние: какая-то теплая волна прокатилась с головы до ног, ноги стали ватными, и если бы я не стояла в этот момент у дивана, то опустилась бы на пол.

А через неделю мы встречали папу на Биробиджанском вокзале. Я была уже студенткой 2-го курса педучилища. Я представляла папу по долагерным фотографиям, с которых смотрел на меня молодой, красивый, интеллигентный, с умными глазами человек.

Но что я увидела, когда поезд остановился!? Я и сейчас помню это жуткое ощущение, хотя длилось оно одно мгновение: из вагона выбирается сгорбленный, истощенный человек в телогрейке и сапогах, в какой-то нелепой шапке. Первая мысль: «Это не мой отец!».

А потом, дома, мы ходили за ним гуськом, все трое его детей, заново привыкали к нему, а он – к нам.

Запомнился еще один штрих: все эти семь лет у нас дома висела карта, и там мы кружком обвели место его «отсидки»: станция Вихоревка, Братского р-на, Иркутской обл.

Единственное свидание

Ныне покойная жена писателя Анна Абрамовна Миллер из Кармиэля вспоминала:

- Это происходило в 1955 году, после смерти «отца всех народов». Потепление чувствовалось во всем. И в режиме содержания заключенных тоже. Летом того же года мне разрешили свидание с мужем в лагере.

Договорились, что поедем туда вместе с Ривой Гершкович, муж которой тоже был в лагере... Оставив детей на попечение соседей, мы отправились в путь...

Страшно было оказаться ночью на сибирской станции, среди каких-то подозрительных людей... Переночевали на вокзале... Утром узнали, что нам с Ривой – в разные лагеря... Со слезами на глазах распрощавшись со мной, она уехала.

В специальном домике для встреч я ждала мужа, которого не видела шесть лет...

Вскоре Бузи пришел – в лагерной одежде, худой, изможденный, заросший, едва узнаваемый... Родной, ни в чем не повинный человек.

Нетрудно представить нашу встречу...

Несколько дней промелькнули, как одно мгновение. Я была счастлива, что вижу живым мужа, отца наших детей... Он вздох рассказывал мне, в каких лагерях побывал, какой работой занимался: на лесоповале, в каменоломнях и пр. В одном из лагерей соседом Бузи по нарам был священник, который сказал ему: «Если вождь народов взляз за евреев, значит скоро ему конец».

Вспоминали с Бузи пережитое. Я рассказала ему о страхе, когда мы ничего не знали о нем... Как был у нас дома обыск, как этот обыск напугал детей.

Нам с Бузи было в ту пору по 36 лет. После его ареста мне с детьми было непросто. Счастье еще, что я не была членом партии и меня не вынуждали отречься от мужа, «врага народа». Зато все остальное – предательство некоторых из друзей, косые взгляды прохожих, непонимание, – все это я испытала как жена «врага народа» в полной мере».

Слово о «режиссере»

Миллер вернулся в родной город, стал работать, писать. Много позже, в семидесятых, мы часто ездили с ним по пограничным заставам, он читал свои стихи или прозу в переводах на русский язык, и был счастлив тем, что может это читать, и тем, что его слушают розовошекие солдатики, дородные доярки и небритые трактористы. Как-то в селе Амурзет, вольно раскинувшись на берегу Амура, мы решили прогуляться после ужина. Вышли на берег. На той стороне реки тускло мерцали огоньки китайской деревеньки. Я задал Миллеру давно мучавший меня вопрос:

- Борис Израйлевич, почему вы никогда не рассказываете о своей отсидке?

- А что о ней рассказывать? Вся страна была сплошным ГУЛАГом, и ничего нового я об этом сказать не могу. А пересказывать уже известное – не желаю.

Миллер не лукавил. Ему действительно не хотелось повторять уже известное о лагерях. Возможно, он не желал тратить дорогое время на пустые разговоры, ибо хотел работать, писать, понимая, что впереди у него не так уж много времени. Редкие редакционные отпуска он тратил на собственное творчество, и почти все свои книги – романы, стихи, повести, выходившие в Москве и Хабаровске на идиш и на русском – он написал именно в таких творческих «отпусках». А за пару недель до смерти он передал мне для публикации в «Биробиджанер штерн» свою поэму «В перестройке – сердца», в которой впервые попытался сказать свое слово о том усатом «режиссере», который загнал его, Миллера, на долгие семь лет в сибирскую тайгу. Этой своей поэмой Бузи сполна рассчитался со своим лагерным прошлым.

Там на краю земли

Он умер, буквально несколько лет не дожив до перемен, случившихся в его стране: до развала Союза, до прихода Ельцина к власти, до Чечни, до отъезда своих близких в Израиль, до того времени, когда его сын Марик, которому из лагеря он писал длинные письма, возглавил в Хабаровске еврейское общество и стал издавать еврейскую газету «Шалом» на русском языке. Он не дожил до того дня, когда юный дальневосточник Боря Миллер сообщил на весь Хабаровский край по местному телевидению, что о своем «старшем дедушке» Бузи Миллере он знает по рассказам папы Саши и дедушки Марка. Бузи Миллеру не пришлось решать вечный еврейский вопрос «ехать-не ехать». Он навсегда остался в Биробиджане, в котором есть его, Миллера, улица. Остался – памятником на городском кладбище, мемориальной доской на стене дома на бывшей Торговой улице, книгами в областной библиотеке имени Шолом-Алейхема. Остался, чтобы всегда напоминать о том, что там, на краю земли, еврейская жизнь все-таки была, и автономия еврейская тоже – на пятнадцать лет моложе той страны, в которой сегодня живут и помнят писателя не только его любимые сын Марк и дочь Софочка, но и сотни его читателей, коллег и друзей его молодости. Их в Израиле сегодня больше, чем в Биробиджане, – впрочем, биробиджанских евреев сегодня в Израиле вообще больше, чем там, на берегах Биры. Что мог бы написать обо всем этом Бузи?

СТАЛИН И ИЗРАИЛЬ.

ИСТОРИЯ КОРОТКОЙ ЛЮБВИ И БОЛЬШОЙ НЕНАВИСТИ

Н и один народ не может считать себя предметом исключительной ненависти «отца народов». Каждая нация – и большая, и малая – может предъявить Сталину и его режиму свой горький счет. Но взаимоотношения Сталина с евреями, безусловно, – особая статья.

В марте 2003 года со дня смерти «вождя народов» (по определению одних) или «одного из величайших тиранов XX века» (по мнению других) исполняется 50 лет. В преддверии этой даты самое время проследить диалектику взаимоотношений евреев и Сталина.

Из-за необычайной широты и многогранности этой темы автор статьи решил ограничиться периодом, начиная с провозглашения Государства Израиль.

Как известно, в 1947 году Сталин обеспечил в ООН серьезную поддержку созданию независимого Государства Израиль. Это обещало стать прекрасным фундаментом отношений двух стран. Во многих израильских кибуцах висели – а кое-где висят до сих пор – портреты Иосифа Виссарионовича. Вряд ли где-либо еще (за исключением Албании) проявления культа личности Сталина сохранялись так долго...

Так когда и где между Сталиным и Израилем пробежала черная кошка?

СССР первый де-факто и второй после США де-юре признал независимость Израиля 14 мая 1948 года. Еврейский антифашистский комитет сразу направил президенту Хаиму Вейцману приветственную телеграмму. Тысячи советских евреев присылали в различные учреждения, в том числе в военкоматы, письма с просьбой направить их в Израиль, где они могли бы с оружием в руках защищать страну от империалистической агрессии британских марионеток (имелись в виду арабские страны, начавшие полномасштабную войну против только что созданного еврейского государства) и строить там социализм.

Вместо Палестины потенциальные репатрианты отбыли в противоположном направлении – но произошло это уже после того, как отношения между СССР и Израилем резко испортились.

Говорят, когда в ООН принимали решение о создании государства Израиль, Сталин долго курил трубку, а затем произнес: «Все, теперь мира здесь не будет». «Здесь» – это на Ближнем Востоке.

Вплоть до начала 90-х годов вся история арабо-израильского конфликта была связана с противостоянием сверхдержав, их борьбой за влияние в регионе. Лишь в ходе Войны за независимость Израиля и СССР, и США стояли на стороне еврейского государства.

Обе сверхдержавы на заре «холодной войны» хотели видеть еврейское государство своим союзником, потенциальным проводником влияния в регионе

и противовесом влиянию европейских государств, которые на тот момент еще сохраняли в регионе свои колонии. Не случайно в период Войны за независимость Израиля иорданским Арабским легионом командовал британский генерал Джон Глабб; это была единственная из участвовавших на стороне арабов армия, которой управлял профессионал.

Американцы же стремились поскорее похоронить Британскую империю, основой могущества которой был Суэцкий канал, проходивший по территории Египта. Поэтому на Ближнем Востоке им понадобился «свой парень» – сильный, умный и отчаянно настроенный не уходить со своей земли – иными словами, враждебный к арабам.

Советская пресса периода Войны за независимость Израиля пестрела статьями, обличающими арабские марионеточные режимы и английских империалистов, борющихся против еврейского национально-освободительного движения. СССР дал чехословацкому правительству указание на поставку Израилю оружия чешского и советского производства, что во многом обеспечило победу евреев в первой арабо-израильской войне.

После победы Израиля представитель Украины в ООН Д. Мануильский предлагал поселить более полумиллиона арабских беженцев в советской Средней Азии и создать для них автономную республику. Этот план, как известно, осуществлен не был.

В России (и не только) бытует мнение о том, что, выступая в поддержку создания Государства Израиль, Сталин просчитался. Он надеялся, что это будет послушное Кремлю государство рабочих и крестьян. Для этого были основания: в еврейской Палестине, а после и в Израиле, где проживало много эмигрантов из России и Польши, идеи социализма и коммунизма были весьма популярны. Добавим к этому популярность СССР среди евреев Палестины как освободителя Европы от нацистов; лидерство в сионистском движении партий левой ориентации; наличие российских корней у большинства лидеров еврейского ишува в Палестине; наличие в СССР многочисленного еврейского населения. Не исключено даже, что Сталин полагал усилить просоциалистическую ориентацию Израиля за счет массовой эмиграции советских евреев.

Словом, СССР на протяжении первых нескольких лет существования еврейского государства не оставлял надежды надолго привязать к себе Израиль.

По мере усиления «холодной войны» Сталин рассчитывал превратить Израиль в оплот борьбы Кремля против мирового империализма во главе с США. Некоторые историки рассуждают шире, утверждая, что Сталин надеялся получить дивиденды от создания Израиля при любом раскладе. Если на Земле Обетованной возобладает «красный элемент», значит, Израиль станет лучшим другом и локомотивом мировой революции в данном регионе; в противном случае Сталин получает в союзники весь арабский мир – тоже неплохо.

Но не тут-то было. Восторженные просоветские настроения в израильском истеблишменте продержались не более года – до выборов в кнессет первого созыва, где просоветская партия не получила большинства, а стала всего лишь «одной из». В Израиле наметился сдвиг в сторону Запада...

...Те, кто говорят о «черной неблагодарности» израильтян по отношению к Сталину, упускают из виду такие немаловажные события, как «дело врачей», расправу над Еврейским антифашистским комитетом, планы массового переселения советских евреев на Дальний Восток... Даже пламенные израильские коммунисты воспринимали подобные известия из Москвы без восторга (в компар-

тии Израиля на этой почве произошел раскол), а уж об умеренно левых, центристских и правонастроенных кругах и говорить не приходится. Так что результаты выборов оказались абсолютно закономерными.

Победившие (и правившие непрерывно до 1977 года) МАПАЙ – «Маарах» – «Авода» хотя и исповедовали левую идеологию, но достаточно четко отмежевывали собственные социалистические взгляды от коммунистических воззрений, скомпрометировавших себя в отношении евреев СССР. С другой стороны, израильские социалисты настолько боялись СССР, что долгое время не предпринимали никаких практических мер в защиту живших там евреев, и только деятельность праворадикальной Лиги защиты евреев, созданной в 60-х годах американским раввином Меиром Кахане (убит в 1990 году арабским террористом в США) «разбудила» их и подняла на борьбу за предоставление советским евреям права на выезд.

История не признает сослагательного наклонения, но смею утверждать: не будь в СССР конца 40-х – начала 50-х гг. столь матерого антисемитизма, советско-израильские отношения стали бы развиваться по совершенно иному сценарию. Конечно, Израиль вряд ли вошел бы в Организацию Варшавского договора, но сателлитный вариант наподобие югославского (конечно, я не имею в виду короткий период, когда Советы называли Иосипа Броз Тито фашистом) представляется вполне вероятным.

Зачем же Сталин всё испортил? Зачем прибег к столь откровенным антиеврейским мерам, настроившим против него не только Израиль и не только пресловутый империалистический Запад, но и изрядную часть нейтральной мировой общественности?

Этому предложено множество объяснений, наиболее обоснованным из которых представляется следующее. Сталин перестал нуждаться в поддержке Запада, столь нужной ему в годы Второй мировой войны, и решил показать, «кто здесь босс» – т.е. выступить на последний и решительный бой с мировой капиталистической системой, потенциальными агентами которой представлялись ему евреи.

В то время подозрительность вождя достигла маниакальной стадии, и он возжелал устроить тотальную проверку на лояльность советского еврейства. Евреи проверку не выдержали: четвертьмиллионное московское еврейство устроило восторженную встречу в 1948 году первому израильскому послу в СССР Голде Меир.

Это было время массового пробуждения национального самосознания среди советских евреев. Тому способствовала Катастрофа европейского еврейства, когда евреи были четко выделены из среды других народов.

Одновременно с ростом еврейского самосознания и стремлением евреев к возрождению своей национальной жизни во внутренней политике СССР углублялся великорусский шовинизм. Строго говоря, шовинизм использовался Сталиным и его окружением для мобилизации масс с начала Второй мировой войны, каковая продемонстрировала, что национализм и панславянство в отсталой малообразованной стране явились более мощными объединяющими факторами, нежели марксистско-ленинская теория.

Поначалу выступления евреев в поддержку Израиля весьма удивили советских руководителей, которые не ожидали столь глубокого проникновения сионизма в сердца своих евреев. На этом фоне вновь зазвучали предложения ЕАК о создании еврейской союзной республики в Поволжье или в Крыму как со-

ветской альтернативы Израилю. Максимум, на что согласилась Москва, – принять постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по укреплению и дальнейшему развитию хозяйства Еврейской АО», которое предусматривало отправку туда 50 учителей и 20 врачей, в первую очередь еврейской национальности. Было разрешено выпускать газету «Биробиджанер штерн» вместо одного раза в неделю дважды, увеличить тираж этой газеты на русском языке, создать еврейское книжное издательство в Биробиджане и издавать альманах на идиш. Два последних пункта выполнены не были (журнал «Советиш геймланд» начал издаваться в Москве несколько лет спустя после смерти Сталина).

Сталин умер. Портрет Сталина в газете израильских коммунистов «Мапам». Заголовок в газете «Аль-Гамишмар»: «Солнце народов закатилось».

Осенью 1948 года наметились первые признаки того, что руководство Израиля не торопится беспрекословно выполнять указания из Москвы. Тогда еще речь шла далеко не о принципиальных расхождениях – но извечную еврейскую строптивость московские партийные бонзы восприняли как неподчинение приказу.

Сталин решил, что настало время для проведения широкой волны антиеврейских репрессий. Это было мстью Израилю за доверие, которое он не оправдал, это было и запоздалой мстью советским евреям за отсутствие патриотизма в том смысле, как его понимал Сталин и его окружение. Ближневосточный сдерживающий фактор перестал действовать, и дорога к самым диким проявлениям антисемитизма оказалась открытой.

Во дворе биробиджанской библиотеки запылали костры: это горели книги репрессируемых еврейских писателей. Одним из пунктов обвинения, предъявленного членам ЕАК, стали вышеупомянутые предложения об «альтернативной еврейской государственности». Еврейскую интеллигенцию обвинили в желании отторгнуть Крым от СССР!

В последние годы жизни Сталин окончательно признал Израиль врагом Советского Союза. Евреи, имеющие родственников в США или Израиле, подозревались в антисоветской деятельности. В эпоху правления Сталина тысячи были убиты агентами НКВД или сосланы в ГУЛАГ, все еврейские организации (кроме нескольких десятков синагог, тщательно контролируемых органами) были закрыты...

...Израильтяне тоже не дремали. В феврале 1953 г. в знак протеста против действий советского руководства в советском посольстве в Тель-Авиве была взорвана бомба. В ответ Сталин отдал распоряжение о разрыве дипломатических отношений между двумя странами.

Так антиеврейские настроения в СССР и антисоветские настроения в Израиле непрерывно катализировали друг друга.

Лишь смерть Сталина 5 марта 1953 г. предотвратила готовившуюся расправу над советскими евреями.

Начатую Сталиным антисемитскую политику продолжил Хрущев. Хотя он и не прибегал к прямым репрессиям против евреев (не считая нескольких «экономических процессов» конца 50-х – начала 60-х годов), именно «кукурузник» заложил основы проарабской внешней политики СССР, хотя Сталин, о чем говорят много данных, не допускал и мысли о сотрудничестве с «реакционными и отсталыми» арабскими режимами.

При Хрущеве синагоги закрывались еще более стремительными темпами, чем при Сталине, иудаизм – основа еврейской духовной культуры – был объявлен мракобесием, евреям не разрешали собираться на молитву в частных домах, выпечка мацы была запрещена.

В свою очередь, Израиль искал союзников в Европе, главным образом во Франции. Но они оказались ненадежными, и к концу 60-х годов окончательно сформировалась ориентация Израиля на США.

Цепная реакция продолжалась. Когда стало ясно, что Израиль отходит к американскому лагерю, СССР начал искать союзников на Ближнем Востоке, руководствуясь принципом «враг моего врага – мой друг».

С середины 50-х годов Москва, чтобы не допустить полной гегемонии США в регионе, делает ставку на радикальные арабские режимы Египта, Сирии и Ирака. В этих странах национально-освободительные революции покончили с монархическими режимами, и влияние западных держав оказалось под вопросом. У Москвы появилась возможность под антиимпериалистическими лозунгами наращивать свое присутствие на Ближнем Востоке, отстаивая позиции арабов – и заодно свои собственные.

Израиль же никогда не изменял своему заокеанскому союзнику, чем провоцировал еще большую ярость Кремля.

Нормализация советско-израильских отношений началась лишь в конце 80-х годов, а вскоре не стало Советского Союза. Российско-израильские связи – это уже отдельный разговор.

Даже спустя много лет после смерти Сталина «вождь народов» остается наиболее известным в Израиле советским лидером коммунистической эпохи (Ленин принадлежит другому времени: в массовом сознании израильтян его фигура более «сцеплена» с фигурами основоположников коммунизма Маркса и Энгельса, т.е. теоретиков, а вот Сталин знаменит именно как практик)...

...Однако при всей его популярности, образ Сталина носит сугубо негативный характер. Исключением являются отдельные представители маргинальных леворадикальных групп, численность которых непрерывно сокращается.

И все же отдадим должное Сталину. В одном он оказался прав: после краха коммунистической системы мир изменился до неузнаваемости – но Ближний Восток по-прежнему остается горячей точкой планеты...

Валентин БЕЙЛИНСОН

МОСКВА НАЧАЛА 1953 г.*

Из теплого Таджикистана в декабре 1951-го я прибыл в морозную, вьюжную и сумрачную Москву.

Первые три-четыре дня – безграничная радость от близости к жене и крохотной дочурке. Однако надо искать работу, ведь моих сбережений надолго для содержания семьи не хватит.

Естественно, первый шаг – встречи с друзьями и приятелями, использование знакомств. Составил список и за пару недель обошел всех. Институтские друзья, занимающие значительные и крупные должности, встречали меня приветливо, но если только я заводил речь об устройстве на работу, умолкали или испуганно отшатывались. Те же, кто хотел и старался помочь, оказывались бессильными. Максимум, что им удавалось, – разыскивать вакансии и сообщать о них. Обращения к знакомым моих родителей тоже ничего положительного не приносили. Хуже того, иногда создавалась видимость, что мое дело крутится, согласовывается, но после долгих ожиданий в приемных начальников выяснялось – никому я не нужен.

О преподавательской работе уже не мечтал, хотя моя бывшая директор школы Любовь Георгиевна Богдасарова очень хотела мне помочь.

С марта 52-го пошел я по второму кругу, теперь бегал по адресам, по которым, как мне сообщали, требуется юрист. Бывали дни, когда я посещал более десятка учреждений и предприятий. Конечно, впустую, но в отличие от круга первого почти всегда нарывался на грубость и оскорбления.

Поделился с Любовью Георгиевной своим недоумением: ну не берут меня по «пятому пункту», так зачем еще издеваться? Любовь Георгиевна разъяснила: ей известны случаи, когда в отделах кадров просителя-еврея намеренно доводят до иступления и он обличает кадровиков в фашизме; вот такого просителя, какие бы заслуги у него ни были, тут же арестовывают; поэтому надо быть готовым к любым провокациям и при первом признаке, что подбивают на вспышку гнева, тотчас забирать документы и вежливо уходить...

Жизнь в Москве становилась вообще мучительной, опасной и мерзкой.

Друг моего детства, Лендрош Аслаханян вызвал меня на секретный разговор и рассказал, что его приятельница, больничная врач, сообщила Лендрошу: в родильных домах происходят загадочные смерти новорожденных. Коллеги считают – евреи травят русских младенцев. В роддоме, что на Покровке, с поличным поймали завотделением. Я с ужасом слушал друга детства. И это говорит Лендрош, сын Каро Аслаханяна, воспитанник нашего арбатского двора, и он тоже верит в такое! Чего же ждать от других?

Валентин БЕЙЛИНСОН (1926), – д-р пед. наук. В 1990-94 гг. директор Центра развития социальной-педагогике. С 1994 г. живет в Германии.

* Фрагменты из книги воспоминаний «Времена и судьбы» (готовится к печати).

Слухи о врачах-отравителях повторялись, множились, громко и гневно комментировались. Везде. Это была народная молва. В каждом выпуске центральных газет, особенно «Правды», писали о мерзавцах-евреях. Всякое упущение в деятельности ведомств, учреждений, предприятий, любая нехватка связывались с евреями, с их пакостями и злонамеренностью.

Елена Израилевна, мать моего друга, секретарь райком партии, решительно заявляла: евреи сами во всем виноваты. Они неискоренимые националисты; для них родной дом и благодетель – Израиль, а здесь они, продажные души, тащат только своих. Ворье на ворье! Очистительная кампания необходима!

И это публично внушала мне еврейская женщина! Но через пару месяцев началось уголовное дело уже против мужа самой Елены Израилевны, директора завода, и она слетела со своего партийного поста. Изумленная и потрясенная, но все же успевшая развестись с мужем, она надолго теперь замолчала...

Отовсюду приходили горькие вести: многие евреи-начальники усердствуют в антисемитских чистках и гонениях, лучших специалистов арестовывают по доносам родственников и давних приятелей.

Другая часть евреев, крепко обеспеченных или богатых, связанных с теневой экономикой и потому непоколебимо самоуверенных, оценивала бедствующих евреев, честных трудяг, как неудачников, как тех, кто «не умеет жить».

Менялись, а может быть, раскрывались люди других национальностей: русские, украинцы, осетины, молдаване, литовцы. Многие, слишком многие из них впадали в состояние великорусского, а то и нацистского остервенения.

Шла кампания, в которой действительно выковывалось морально-политическое единство государства и народа. Лишь крошечная часть населения сумела отстоять человеческое достоинство, сохранить элементарную порядочность. Появление в общественных местах человека еврейской внешности становилось актом трагедии. Я-то внешне совсем не похож на еврея (меня даже на одном приеме фронтовиков «большой начальник» выделил как образец, олицетворение «подлинно русского солдата»), и потому выход из дома мне ничем не угрожал. Но я безумно боялся за близких. Тогда каждый день что-то случалось – в магазине, на улице, в транспорте...

Многое из этой мерзости позабылось, стерлось.

События тех дней были настолько обыкновенными для московских будней, что я о них никому не рассказывал: ну, зачем сыпать соль на раны? А позже все годы молчал, стараясь не вспоминать – из-за жгучего стыда за страну, за свой народ.

* * *

Вернувшись в Москву, я нашел там бывшего министра юстиции Таджикистана Раджабскова. Он стал теперь членом Верховного суда СССР. Должность вроде большая, для таджика – небывалая, но уединенная, замкнутая, совсем не соответствующая возможностям и характеру Раджабекова. Сперва он жил в гостинице «Москва», затем получил квартиру на Песчаной, в хорошем новом доме.

Я ни о чем не просил Раджабекова, для меня было большой радостью просто видеться с ним. Однако Раджабсков сам занялся моим устройством. Поговорил даже обстоятельно с управляющим делами Верховного суда СССР о референтской работе. Довольный, Раджабсков повел меня в отдел кадров.

Здесь мною занялись вежливо, я бы сказал, уважительно. Когда огромная заполненная анкета, подробнейшая автобиография и множество документов были приняты, молодой инспектор отдела кадров, чуть ли не извиняясь, предупредил: теперь надо немного подождать, недели две.

Проходит месяц, другой, третий – полное молчание. В отдел кадров Верховного суда пошел Раджабеков. Здесь ему сухо, даже недовольно сообщили, что людей со стороны, не имеющих допуска к сверхсекретной работе, проверяют как следует, не менее полугода. Раджабеков все понял. Он был обескуражен. Я же удивлялся Раджабекову и восхищался им. Такой умный, многоопытный и проницательный государственный деятель, а все еще верит в святость советской власти, принципиальность и верность идеям революции.

* * *

... К весне 52-го среди евреев, которых я знал и уважал, утвердилось чувство безысходности. Антисемитизм стал тотальным и разнузданно злобным явлением в стране.

В августе заболела директор моей бывшей школы Любовь Георгиевна Богдасарова. Человек железной воли и огромной внутренней энергии, Любовь Георгиевна таяла, и каждое движение ей теперь давалось с трудом. Болезнь непонятная, а постоянно лечащего ее врача и давнего друга, профессора В. Н. Виноградова уже нет: он в сталинской опале, подвергать опасности Любовь Георгиевну своим вниманием не может. Пришлось ей пользоваться «Кремлевкой», которую она презирала.

В ту пору ее регулярно навещала Е.А. Фурцева. С возвращением Хрущева в Москву он сменил Попова на посту первого секретаря Московского комитета партии – дела Фурцевой поправились. Она выкарабкалась из «ленинградского дела» и теперь стала вторым человеком в Московской партийной иерархии.

В сентябре 52-го, побывав у Любови Георгиевны, я узнал от нес много важного.

Есть сверху указание тайно составлять списки евреев. Отделам кадров приказано – составить на работающих, а домоуправлениям, жилищно-коммунальным службам – на остальных. Указание устное, а потому выглядит особенно грозным. Евреев собираются высылать.

Я безоговорочно принял ее сообщение как достоверное. Я знал: прежде чем выдать такую информацию, Любовь Георгиевна использовала все свои возможности, чтобы перепроверить сведения от Фурцевой.

Как ни тяжело мне было, я на последующих встречах с Любовью Георгиевной эту тему не поднимал. Но она сама это делала. Так сообщила, что по ее сведениям, в Москве в одних районах списки на евреев уже составляют, а в других даже на уровне секретарей райкомов ничего не знают. В середине октября 52-го Любовь Георгиевна, непривычно волнуясь, сообщила: зарубежные компартии, среди них такие мощные, как итальянская и французская, заявили ЕМУ, что обеспокоены разгулом антисемитизма в СССР. А ОН в своих планах завоевания мира рассчитывает на иностранные компартии. Потому речь свою на долгожданном съезде посвятил им, льстил, назвав «ударными бригадами». Говорят, что Торез робко, а Тольятти посмелее, да и кто-то из англичан возмущенно говорили о том, что антисемитизм в СССР подрывает позиции европейских компартий, завоеванные ими в эпоху антигитлеровского Сопротивления, резко сокращается их влияние на сочувствующих

делу социализма... Придется ЕМУ, – сделала Любовь Георгиевна ободряющий вывод, – считаться с таким мнением. Есть сведения, что и Вильгельм Пик доложил ЕМУ: политика СССР в национальном вопросе лишает Социалистическую Единую Партию Германии возможности стать конструктивной альтернативой нацизму в Германии.

Если ОН игнорирует такое, то ЕГО замысел – пустышка. Танками Европу на завоеешь. Это даже и ОН понимает.

* * *

В том же октябре позвонил мне домой мой бывший фронтовой товарищ – Павел Иванович Серин. Событие само по себе исключительное. Мы изредка, к Новому году и Дню Победы, посылали друг другу письма, но чтобы вести телефонные разговоры – такого раньше не было.

Павел Иванович, справившись о делах и близких, сообщил цель необычного звонка:

– Переезжайте в Пермь. Здесь мы, – так и сказал «мы», имея в виду не только себя, но и других однополчан, а также пермских благожелателей, – тебя и жену прилично устроим; спокойно перезимуете.

Я сразу понял Серина, расстроганно поблагодарил и попросил письмом уточнить условия. Павел Иванович обрезал: «Объяснять не могу и не буду. Мы все подготовили крепко. Решай!».

Мысль об отъезде из Москвы у меня уже возникала, и здесь я должен сделать важное пояснение. Со школьных лет я неукоснительно держусь правила – не тащить дурные, а тем более ужасные вести в дом. Потому и то, что узнал о предстоящем выселении евреев, держал при себе, как и свое намерение уехать из Москвы...

Но тут произошли события, которые пробили брешь в броне моей скрытности. Отец мой, снова битый и перебитый, опять исключенный из партии, опять лишенный работы и со страхом ожидающий ареста, получил от полковника Радченко предложение немедленно повидаться. Встреча произошла на квартире сестры В. Я. Радченко. Владимир Яковлевич объяснил отцу, что действует по поручению их боевого друга-начальника генерала Варенцова. Необходимо уехать, затеряться. На время. В Перми у Варенцова крепкие и надежные связи. Его старый боевой товарищ – нынче главный военпред на гигантском Мотовилихском артиллерийском заводе, человек очень влиятельный в Перми и вообще на Урале. Этот человек Варенцовым подготовлен и сделает все, как надо.

Вот такую весть сообщил мне (и только мне!) отец. У него не было больше сомнений в том, что готовится выселение евреев как вражеской нации. Тогда я рассказал отцу о телефонном звонке П.И. Серина, который с фронта вернулся на работу в свою прежнюю милицию.

Другой случай произошел у мужа сестры отца, моего дяди, – а он принадлежал к ближайшему окружению Маленкова. Зашел я зимним вечером навестить тетю и двоюродных сестренку, к которым был привязан. Хозяин дома, человек сильного характера и более чем уверенный в себе, молча пил и непрерывно курил. Он явно был не в себе. Наконец, уже к ночи, дядя медленно, отделяя слово от слова, заявил: «Составляют списки на евреев. Будут выселять. Места еще окончательно не определены. Но знаю, что на Дальнем Востоке строят огромный лагерь, а в Северном Казахстане и Восточной Сиби-

ри обозначают зоны». Сделав паузу, дядя продолжал: «Это первая очередь. Вторая – полукровки. На Украине стараются, там уже и на них списки составляют». Дядя вновь замолчал и надолго, а мы сидели, чувствуя, что страшный конец вот-вот последует. Наконец, дядя через силу выцедил: «Это и меня, моей семьи коснется. Никуда не денусь...».

Всю дорогу до дома я думал. Сообщение дяди – не новость, но то, что оно исходило от него, большого специалиста по политическим играм, владеющего секретнейшей информацией карательных органов, убеждало непоколебимо. Тем более, что оно являлось фактом его собственной биографии, касалось его жены и детей. Несомненно, дядя выдал правду.

* * *

Что происходит? Что будет? Об этом я думал дни и ночи. А в напряженное состояние врывался простенький вопрос. Но таких, как мой дядя, – не единицы, а сотни и тысячи; ведь у нескольких членов Политбюро жены – еврейки, а дети полукровки, есть даже в семье Сталина. Значит, их заметут? Но это же несусветная заваруха.

Обсуждая это на очередной встрече с Любовью Георгиевной, мы пришли к выводу: не получается что-то у Сталина, во всяком случае, быстро. Коль скоро Сталин пойдет на поголовное выселение евреев и полуевреев, это приведет к мгновенному распаду Системы. Это же кадрово-нацистский переворот, внутри СССР такое закрутится, что и представить невозможно, СССР как многонациональное государство перестанет существовать.

Нет, Сталин – не дурак, теперь на завоевание мирового гоподства он должен пойти подготовленным. Вот эти факторы и не стыкуются. Не получается у товарища Сталина. Оттого и висит вся неопределенность с окончательным решением еврейского вопроса.

Чтобы завершить эту тему, еще два факта разного значения.

В 1964 году умирал С.Я. Маршак. Об этом его родственники сообщили моему отцу. Маршак – не Эренбург, он в политику не лез, но был осведомлен о настроениях власти, ее планах в отношении евреев, как никто другой. Жил Самуил Яковлевич тихо, незаметно, общения с сильными мира сего избегал, а вот тайны их откуда-то знал.

Умиравший Маршак исповедовался самому близкому человеку, который посчитал нужным передать содержание исповеди моему отцу. Самуил Яковлевич рассказал, назвав имена и даты, что с ним произошло в первые два месяца 1953 года. Началось с того, что в январе его вызвал в ЦК Суханов, помощник Маленкова. Суханов, вроде бы встревоженный, спросил, видит ли многоопытный Маршак, что происходит в стране, какой гнев народа вызывают евреи. Приняв молчание Маршака за понимание, Суханов продолжал нагнетать ужасы: правительство уже не в силах сдерживать народ, а через пару недель начнется открытый суд над «врачами-убийцами», а затем пройдут публичные казни в разных городах страны. «Вы представляете, что будет?! – волновался Суханов. – Да, да, погромы повсеместно, народный гнев никого не пощадит...». Полагая, что убедил Маршака, Суханов приступил к «конструктивной» части. Он вкрадчиво сообщил Маршаку, что подготовлен проект письма-обращения самых известных евреев Сталину, в котором они, заверяя руководство СССР в преданности советских евреев, просят спасти их – организованно, под охраной вывезти в отдаленные безопасные рай-

оны. Далее в исповеди Маршака следовали подробности о сборе подписей под этим письмом...

Наконец, маленький фактик, но, как показало время, играющий и по сегодня определенную роль.

В 1978 году П. В. Руднев показал мне брошюру. Ее автор – Д.И. Чесноков, главный редактор журнала «Вопросы философии». Брошюра, заказанная Чеснокову Сталиным, «научно, с марксистских позиций» обосновывала необходимость и правомерность выселения евреев. Написанная популярно, она была рассчитана на массовое распространение. Сталин лично прорабатывал план брошюры и редактировал ее. В начале февраля 1953 года книжонка была издана. И до «дня X» ее огромный тираж хранился на складе МГБ.

Сталин был так доволен новоявленным ниспровергателем, что ввел Чеснокова в Политбюро (с октября 52-го Президиум ЦК КПСС), сделал заведующим отделом ЦК и одновременно главным редактором теоретического органа партии журнала «Коммунист».

Петр Васильевич, человек абсолютной, даже вьедливой точности в сообщаемых им сведениях, передал мне тогда, что Лебедев, помощник Хрущева, показывал ему самому, Рудневу, корректуру «новомарксистского» труда Чеснокова с пометками и исправлениями Сталина и рассказал, что кое-кому Сталин как подарок преподносил эту фашистскую брошюру.

* * *

В пору моего постоянного общения с Любовью Георгиевной (1952-1954 гг.), когда наши отношения поднялись до уровня полного доверия и самого теплого взаимопонимания, я понял: глубочайшим чувством у Любви Георгиевны остается ее любовь к мужу – Лазарю Богдасарову. Погиб он перед войной. Но как? Об этом Любовь Георгиевна говорить не могла. Сопоставляя и соединяя детали ее рассказов о личной жизни, я установил – внезапная смерть мужа была как-то связана с трагедией Орджоникидзе, – с ним Богдасаров работал и дружил.

Уже в этой связи возникал вопрос о ее отношении к Сталину. Любовь Георгиевна никогда в наших разговорах не называла Сталина по имени-отчеству или по фамилии. Только «Он», только личным местоимением...

Как-то сразу в нашем личном общении легко и естественно утвердились правила, которые мы со всевозможным усердием соблюдали. Ни я, ни Любовь Георгиевна не лезли друг к другу с расспросами и уточнениями. Каждый рассказывал то, что считал возможным для себя. Другое правило – мы никогда не выпытывали источники информации. Ведь манера спрашивать «А откуда ты это взял?» – не просто бестактность, это – понуждение к выдаче тех, кто доверил тебе свои сведения. К тому же часто личная осведомленность в сложных вопросах складывается из множества разных источников, их анализа и сопоставления, а объяснение процесса превращает откровение в научный доклад, меняет тон, характер общения.

Любовь Георгиевна, куда более опытная и многознающая, чем ее ученик, никогда не поправляла меня. А было в чем поправлять. По сей день не могу забыть, как в 1947 году я, возбужденный встречей с отцовым приятелем, освобожденным из заключения в 1940 году и ставшим в войну замечательным военачальником, доказывал Любови Георгиевне, что аресты лучших людей – это дело негодяев, пробравшихся в органы государственной безопасности, Ягоды и Ежова, что Сталин избавил страну от них...

Слушая такое, Любовь Георгиевна переменялась в лице, но не оборвала. Лишь после долгой паузы, как бы между прочим, заметила: – «Кажется, Ванникова и Мерещкова, Вавилова и Туполева, Смушкевича и Штерна посадили после Ежова?».

Чем больше и лучше я узнавал Любовь Георгиевну, тем отчетливее замечал, что она считает Сталина виновником гибели своего мужа.

* * *

Если непонятный XIX съезд партии проскочил как-то мельком, то состоявшийся после него 16 октября 1952 года пленум Центрального комитета заставил меня задуматься. Вместо Политбюро был создан Президиум ЦК КПСС (на XIX съезде партия была переименована). Дело, однако, не в названии. Вместо традиционно небольшого Политбюро (восемь – десять – двенадцать человек) теперь в Президиуме тридцать шесть. И тут поползли слухи о том, что Президиум – вообще не главный орган партии; им является тайное, никакими решениями съезда не предусмотренное, Бюро Президиума. Кто вошел в Бюро? Сталин, конечно. Наверное, Маленков, а еще кто?

Я занялся единственно доступным – анализом официальных данных. Первое, что бросалось в глаза, – необыкновенно высокий процент русских в Президиуме ЦК – 72%. И это при том, что согласно тем же официальным отчетам, с 1946 года прием в партию в национальных республиках и областях шел быстрее, чем в русских районах. Второе – там явно мало украинцев, хотя украинцы составляют 20% населения СССР.

В те октябрьские дни Любовь Георгиевна отправилась к академику В. Н. Виноградову поздравить его с 70-летием. Жизнерадостный Владимир Никитич не был похож на себя. Выдающийся мастер медицины находился в состоянии обреченного. Он отвел Любовь Георгиевну в кабинет, запер его на ключ и попрощался. Затем достал конверт, в котором были фотографии, среди них фотопортрет профессора Д. Д. Плетнева с его автографом – «любимому ученику».

Да, портрет того самого Плетнева, которого Виноградов почитал как лучшего диагноста в Европе и первого терапевта Советского Союза. Того самого Плетнева, которого на процессах 1937 года Вышинский обвинил в «злодейском умерщвлении» В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, а также Горького и его сына М. А. Пешкова. Того самого Дмитрия Дмитриевича Плетнева – учителя, которого Виноградов предал: именно он дал обвинению экспертное заключение о «вредительских методах» лечения, применявшихся учителем-профессором.

4 ноября 1952 года В. Н. Виноградова, постоянного и личного врача Сталина, арестовали.

Именно от Любови Георгиевны я узнал: арестованы все светила медицины. Среди них и добрые знакомые ее, моих мамы и бабушки – В. Ф. Зеленин, В. Х. Василенко. Дочь арестованного эндокринолога, профессора Шерешевского, работала учительницей английского языка в 43-ей школе – школе, в которой сверхбдительно охранялись старшими офицерами госбезопасности внуки Сталина и детишки высшей советской знати. Грозовые тучи собирались над школой...

Под Новый год к директору явился подполковник МГБ, чтобы заявить о недопустимости пребывания на учительской работе в такой школе членов семей «злейших врагов партии и государства»... Это было предупреждение.

Любовь Георгиевна тотчас предприняла необходимые действия, чтобы сохранить школу и ее педагогов. Надежду Николаевну Шерешевскую и Праско-

вью Филипповну Николаеву она не позволила тронуть. Они продолжали работать и даже не узнали, что им грозит. В течение полугода она постоянно помогала этим учительницам деньгами.

* * *

Общие и частные события потрясли Любовь Георгиевну. На людях, в делах, она казалась прежней, разве что более придирчивой и грозной. А наедине с немногими надежными друзьями стала другой. Так, со мною наши роли переменялись. Теперь больше говорила Любовь Георгиевна.

Страдания прорвали плотину, которая долго, крепко сдерживала горечь и стыд за то, чем стала ее партия, во что превратилось то дело, которому беззаветно служил ее Лазарь. Теперь Любовь Георгиевна высказывала все, что накопилось годами: «Я выращиваю сад, а Он его рубит. – И следовал монолог на тему противостояния Сталину. Любовь Георгиевна предъявляла ему счет за загубленных учеников. Их оказалось более четырехсот. – Он хочет войны. Ему нужна война. Большая. Он хочет покорить всю Европу». – Эту тему Любовь Георгиевна никак не оставляла. Она поднимала ее теперь на каждой нашей встрече. И насыщала каждый раз новыми, волнующими фактами. Суммирую их.

Сталин сделал главный вывод: начало 50-х годов – самое благоприятное время для нанесения сокрушительного удара по капиталистической Европе и установления в ней «социалистических» порядков, своей власти. Как это осуществить? Есть две силы – внешняя для СССР и внутренняя.

Внешняя – коммунистические партии западноевропейских стран, добившиеся в годы войны с фашизмом большого влияния. Эти партии должны стать «пятой колонной», решительной и дерзкой, «ударными бригадами» Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина.

Военные возможности СССР сейчас велики как никогда. Советский Союз с августа 1949 года имеет атомные бомбы и значительно превосходит США в оснащении этим оружием своей армии (так думала Любовь Георгиевна). Советский Союз завершает создание нового типа – водородную бомбу, уже на два-три года опережает США. Война в Корее, начатая летом 1950 года, выявила слабость войск Соединенных Штатов и силу Советского Союза.

Социалистический лагерь, возглавляемый СССР, достиг превосходства над Соединенными Штатами и их союзниками. Но это преимущество, так явно считает Сталин, носит временный характер и будет продолжаться не более, чем до 1954 года. Потому главная задача состоит в том, чтобы немедленно собрать в железный кулак все силы для нанесения удара по Западной Европе. В самое ближайшее время. Уникальная возможность установить социализм во всей Европе не должна быть упущена.

Этой цели должны служить внутренняя и внешняя политика государств социалистического лагеря. Служению этой цели необходимо подчинить всё: действия, образ жизни каждого жителя и руководителя любого ранга, материальные и людские ресурсы. Сталин, как никто другой умеет таить свои замыслы, но теперь он говорит о них в своем кругу. Так, развернутое обоснование плана завоевания Западной Европы он дал в докладе на совещании руководителей социалистических государств. Он торопится. Он хочет при жизни занять «социалистическую» Европу. 1954 год Сталин называет предельным не только потому, что такой срок диктует общая обстановка, но и из-за того, что чувствует – его конец приближается.

Впервые Он почувствовал смерть в 1949-м, когда случился инсульт. Отныне ОН не может писать. Диктует стенографистке, а это бесит его, ибо унижает; ОН не переносит зависимости от кого-либо. К 1950 году высохла левая рука и начала сохнуть нога. Капризный, болезненно самолюбивый, Сталин подчеркнуто игнорирует предписания врачей и все чаще вступает в резкие, злобные пререкания с предельно деликатным Виноградовым. А болезни наступают: прогрессирующий атеросклероз, тяжелая гипертензия; с 1952 года непрерывные мучительные головные боли и внезапные приступы головокружения, прыгающее до страшного уровня кровяное давление.

Помочь может только настоящее лечение – квалифицированная медицина и встречное движение пациента к выздоровлению. Первос Сталин имел до 1952 года в избытке, но вторым не обладал уже давно. Своих врачей пересажал, другим не доверяет... Вот и остался один на один со своими мучениями. Самочувствие ухудшается с каждым днем.

Сталин в бешенстве. Грандиозный план, венчающий многолетние усилия, осуществляется с большой задержкой. Сбои возникают то тут, то там, даже в системе карательных органов, даже в среде ближайших помощников. Сталин бьет направо и налево, летят головы, проводятся самые решительные кадровые перемещения, но до главной цели все еще далеко. Он не успевает!

... 16 октября 1952 года. Пленум ЦК КПСС. Сталин вдруг обрушивается на Молотова, преданнейшего помощника и испытанного друга. Сталин говорит много и долго. С нескрываемой злобой. Сталин припоминает Молотову ошибки и просчеты, доходит до того, что высказывает предположение о связях Молотова с американской разведкой. Затем Сталин, походя, стирает в порошок Микояна.

Эти оба не вошли, конечно, в Бюро Президиума ЦК КПСС. Выдвигая и продвигая Вышинского, Сталин уже с 1949 года оттесняет Молотова на второстепенные позиции. Не вошел в Президиум ЦК Андреев. Он, как и Ворошилов, – фигуры в руководстве страной номинальные. А Ворошилова, столько сделавшего для уничтожения потенциально опасных Сталину выдающихся военачальников, Сталин теперь называет английским шпионом.

Так четыре старейших члена ближайшего сталинского окружения с позором выброшены вон. Они – в явной опале.

Главный телохранитель Сталина, генерал-лейтенант Власик со всей своей командой скомпрометированы и заменены новыми охранниками. Сменен опытный и надежный управляющий делами Совета Министров СССР Чадаев. Врачи, медицинский персонал, в том числе фармацевты, лечившие Сталина, заботившиеся о его здоровье, объявлены «убийцами в белых халатах» и арестованы. Сменились даже повара и большая часть прислуги.

Вождь народов задушил страну! Сколько вынесли на себе советские люди в 30-е годы, какие заводы и электростанции построили, выдержали и выиграли войну! А что имеют? Живут в подвалах, бараках, перегороженных фанерой коморках, полжизни теряют в очередях... Единственное ощутимое улучшение за девять послевоенных лет – газификация городов и поселков. А в Москве – расширение метро.

Он засадил весь народ за парты учить ЕГО труды – «Краткий курс истории партии», «Вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Чтобы народ не думал о реальной жизни, чтобы под приглядом был и после работы.

* * *

То, что я узнал от Любови Георгиевны в эти зимние вечера, проясняло для меня многое, в том числе дикое и нелепое преследование «космополитов», а также отношение властей к интеллигенции.

Как никто другой, Сталин знает психологию советского народа. Общие рассуждения и теоретические построения об опасности космополитизма для него – сотрясение воздуха. Космополитизм должен стать предельно конкретным, образным и осязательным. Вот только тогда народ увидит, почувствует врага. На нем сосредоточится бродящая в народе злоба, заработает звериный инстинкт...

В «космополиты», в разряд персонализированных врагов, надо зачислить ту часть интеллигенции, которая не может жить без и вне мировой культуры. Врага близкого, находящегося постоянно рядом, народ должен видеть в инородцах, прежде всего, в евреях. Ведь в силу своей исторической судьбы, рассеявшей евреев по всему миру, они самое космополитическое племя, да еще социально активное. А самым опасным врагом надо считать тех инородцев, кто накопил авторитет среди русских, кто ассимилировался с ними.

Вот такой мне теперь представлялась борьба с космополитизмом. В ней отчетливо проступала железная логика Вождя. А какие-либо личные антипатии Сталина, его настроения имели в этой логике подчиненное, хотя иногда и стимулирующее значение...

* * *

6 марта рано утром радио объявило о смерти Сталина.

Я воспринял это сообщение чуть ли не с удовлетворением. В последние годы происходил мучительный процесс перемены моего отношения к Сталину. Долго, слишком долго я подыскивал ему оправдания. Но с 1952-го года уже не мог найти ни одного аргумента в его пользу.

В 1953 году Сталин уже казался мне крупнейшим в мировой истории контрреволюционером, властолюбцем, предавшим революцию ради самодержавия в новом страшном, зверином обличье. Сталин, виделось мне тогда, извратил высокие идеи и благородные намерения Революции, уничтожил великие свершения. Сталин – враг № 1 для нынешних поколений и, видимо, для нескольких грядущих.

Так пришла ко мне духовная определенность. Покончено, наконец, с сомнениями и терзаниями. Пришла ясность. Пришло решение. Тяжелый камень свалился с души. Теперь я знаю, что делать. Надо восстанавливать ленинские мысли, ленинские принципы жизнедеятельности партии, общественных отношений. Надо восстанавливать веру в революцию. Революция продолжается. Теперь я почувствовал себя полным энергии и решимости.

Но все же был страх. А что будет со страной без Сталина? Ведь все привыкли жить под железной пятой. Злобы, ненависти и негодяйства накопились столько, что без сталинской узды они вырвутся, захлестнут страну...

Этот страх жил во мне до конца марта 1953 года.

Мог ли я предполагать тогда, что категорическое отделение Сталина от революции, от социальной системы, сию порожденной, как и изблечение Сталина в злодеяниях, неумолимо приведут меня к переоценке самой системы, к выявлению ее пороков? Нет, в голову тогда такое не приходило...

Октябрь, 1999 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТЕЙ «КРЕМЛЕВСКИХ ВРАЧЕЙ»

Яков ЭТИНГЕР

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПРОФЕССОРА Я. Г. ЭТИНГЕРА – ПЕРВОЙ ЖЕРТВЫ «ДЕЛА ВРАЧЕЙ»

13 января 1953 года было опубликовано сообщение ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». В нем говорилось, что органами государственной безопасности «раскрыта террористическая группа врачей, ставившая своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активных деятелей СССР».

В сообщении приводился список арестованных врачей – виднейших деятелей советской медицины, многие из которых были широко известны в стране. Шесть еврейских фамилий и три русские.

В числе названных в хронике ТАСС был мой приемный отец, один из крупнейших отечественных кардиологов, доктор медицинских наук, член правления Всесоюзного общества терапевтов, профессор Яков Гилярисвич Этингер, погибший 2 марта 1951 года в результате пыток и издевательств в Лефортовской тюрьме. Генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, анализируя «дело врачей», признавал, что «самым, пожалуй, знаменитым из них был специалист с мировым именем Этингер, трагически погибший в тюрьме».

Он был арестован первым из профессоров-врачей, 18 ноября 1950 года. С него и началось «дело врачей». Еще до приемного отца прямо на улице арестовали меня, тогда студента-экстерна исторического факультета МГУ, а в июле 1951 года взяли и приемную мать Ревекку Константиновну Викторову, тоже врача. Она была приговорена к 10 годам тюремного заключения, а я – к 10 годам в особом лагере.

Яков Гиляриевич Этингер родился 22 декабря 1887 года в Минске. Он происходил из хорошо известного в еврейской истории рода Этингеров, многие из которых были выдающимися общественными деятелями, писателями, искусствоведами. Один из родственников Я.Г. Этингера – известный еврейский писатель Соломон Этингер.

Отец Якова Гиляриевича был купцом 1-й гильдии, сын получил высшее образование и стал врачом.

В 1909 году Я.Г. Этингер окончил естественно-математический факультет Кенигсбергского университета, а в 1913-м – медицинский факультет Берлинского университета. В этом же году получил степень доктора медицины. Учась в Германии, он живо интересовался политической жизнью этой страны, был хорошо знаком со многими видными деятелями германской социал-демократической партии. В годы учебы, во время студенческих каникул он часто совершал поездки в различные страны, побывал в Египте и Палестине. Этот широкий интерес к миру не отчуждал Якова Гиляриевича от своих корней, он глубоко изучал историю своего народа.

Яков ЭТИНГЕР – доктор исторических наук, проф., приемный сын «кремлевского» врача, проф. Якова Гиляриевича Этингера.

С 1929 года Я.Г. Этингер – заведующий терапевтическим отделением Московской Яузской больницы «Медсантруда». Он рассказывал мне, что на территории больницы существуют тайные захоронения расстрелянных в начале 20-х годов.

В 1932-41 гг. Я.Г. Этингер – заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней педиатрического факультета 2-го Московского медицинского института, а в 1941-49 гг. – заведующий кафедрой факультетской терапии педфака того же института. Профессор с 1935 года, доктор медицинских наук – с 1937-го.

В библиотеке Конгресса США я обнаружил документ, в котором говорилось, что в 1950 году группа видных деятелей мировой медицины обсуждала возможность выдвижения Я.Г. Этингера на Нобелевскую премию по медицине «за исключительно оригинальные работы в области кардиологии».

Долгие годы Я.Г. Этингер был консультантом Лечебно-санитарного управления Кремля. Его пациентами были видные государственные деятели того времени, представители высшего военного командования, известные писатели, деятели науки и искусства.

На протяжении многих лет он лечил С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе, неоднократно высказывал сомнения относительно официальной версии их смерти. Он, в частности, считал, что С.М. Киров был убит по приказу Сталина, а Г.К. Орджоникидзе если и не убит, то покончил с собой. (Любопытен следующий факт. Несмотря на то, что Я.Г. Этингер на протяжении длительного времени лечил Г.К. Орджоникидзе, регулярно наблюдал его, практически был его домашним врачом, он не был своевременно ознакомлен с окончательным медицинским заключением о причинах смерти Серго).

Среди пациентов отца были Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов, Л.М. Карahan, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников, С.М. Буденный, А.П. Розенгольц, Л.Б. Красин, С.С. Каменев, Н. Лакоба, Ф. Ходжаев и многие другие видные деятели того времени. В довоенные годы отец консультировал в поликлинике Коминтерна, лечил многих его руководителей – Пальмиро Тольятти, Вильгельма Пика, Георгия Димитрова, Василя Коларова, Иосипа Броз Тито.

Я.Г. Этингер был широко образованным человеком, свободно владел тремя иностранными языками – немецким, английским и французским, прекрасно разбирался в вопросах литературы и искусства. У нас дома часто бывал выдающийся актер МХАТа Н.П. Хмелев, знаменитая балерина Е.В. Гельцер, известные художники Н.Н. Крымов и С.В. Малютин, писатель А.С. Яковлев и поэт С.Я. Маршак, многие другие представители творческой интеллигенции. Разумеется, дружеские отношения с этими людьми были во многом связаны с врачебной деятельностью отца. Хорошо помню стихотворную надпись, сделанную С.Я. Маршаком на книге переведенных им сонетов Шекспира, которую он подарил отцу:

Пришли сонеты в СССР

Сквозь долгие века.

Тому причиной Этингер,

Лечивший Маршака.

К сожалению, экземпляр этой книги не сохранился – во время ареста отца она была изъята. Как мне потом стало известно, следователи МГБ пытались использовать ее в качестве доказательства некоей «преступной связи» между отцом и С.Я.Маршаком, против которого собирали материал.

В конце 40-х годов в стране усиливались репрессии против евреев. Борьба против космополитизма с раскрытием псевдонимов многих критикуемых ли-

тераторов и писателей, в результате чего подчеркивалось их еврейское происхождение, явное усиление антисемитских тенденций в стране, закрытие Еврейского антифашистского комитета и арест в 1948-1949 гг. многих известных еврейских писателей, таинственная в то время смерть Соломона Михоэлса, все это вызывало глубокую тревогу у Я.Г. Этингера. Отец был знаком с арестованными еврейскими писателями Л. Квитко, И. Фефером. Они, а также ответственный секретарь ЕАК Шахно Эпштейн, бывали у нас дома. Я иногда присутствовал во время бесед Я.Г. Этингера с этими людьми. В основном речь шла об усилении антисемитизма в СССР, касались и вопросов, связанных с созданием государства Израиль.

Я.Г. Этингер считал, что в СССР имеет место самый настоящий государственный антисемитизм, идущий непосредственно от Сталина. Как опытный врач, он придерживался мнения, что Сталин страдает манией величия и манией преследования. Отец говорил мне, что знаменитый русский ученый В.М. Бехтерев еще в конце 20-х годов обследовал Сталина и поставил диагноз «паранойя». Через день ученого не стало.

В 1948-49 гг. у Я.Г. Этингера возникли определенные трудности на работе. Складывалось впечатление, что власти хотят выжить его из 2-го Медицинского института, где он заведовал кафедрой и был руководителем терапевтической клиники.

Теперь стало известно, что органы МГБ стали усиленно его «разрабатывать» с 1949 года. После «знаменитой» сессии ВАСХНИЛ летом 1948 г., на которой разгрому подверглись так называемые вейсманисты-морганисты и «победу» одержал поддержанный Сталиным авантюрист от науки «академик» Т.Д. Лысенко, отец, имея кроме медицинского, и высшее биологическое образование, открыто критиковал Лысенко, что в то время квалифицировалось властями как проявление антисоветских настроений.

Летом 1949 г. по распоряжению Сталина отцу пришлось покинуть работу в медицинском институте и он устроился профессором-консультантом в поликлинике миннефтепрома. В начале того же года, как теперь стало известно, у нас на квартире было установлено подслушивающее устройство, и все разговоры дома тщательно фиксировались, вплоть до нашего ареста осенью 1950 г. Записи бесед передавались министру госбезопасности СССР генерал-полковнику В.С. Абакумову, а тот докладывал о них самому Сталину. Обвинения, которые были предъявлены Я.Г. Этингеру, Р.К. Викторовой и мне, базировались на записях наших домашних разговоров. Приемному отцу инкриминировались «изменнические намерения» и «клеветнические измышления» в адрес Сталина, сравнение сталинского режима с гитлеровским, осуждение борьбы против космополитизма как проявление антисемитизма. Значительную часть «компромата» составила «враждебная оценка» внешней политики сталинского руководства, особенно его нападок на маршала Тито, утверждения о том, что война в Корее в 1950 году была развязана по приказу Сталина северокорейским режимом. «Серьезным» обвинением было и «систематическое слушание» антисоветских передач «Би-би-си» и «Голоса Америки».

Но не это все было главным обвинением. Из ставших ныне известных секретных материалов следует, что уже 20 ноября 1950 года на первом же допросе старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник М.Д. Рюмин предъявил Я.Г. Этингеру обвинение во «вредительском лечении» им видных партийно-государственных деятелей, в первую очередь

секретаря ЦК, начальника Главного политического управления Красной Армии генерал-полковника А.С. Щербакова, которого он вместе с другим известным кардиологом профессором В.Н. Виноградовым лечил с конца 1944 года по 10 мая 1945 года, когда Щербаков скончался после длительной и тяжелой болезни. Однако Рюмин этот допрос не запротоколировал. Он упорно добивался «признания» обвиняемого. В допросах принимал участие и Абакумов. Между ним и Рюминым возникли разногласия относительно лечения Я.Г. Этингером Щербакова. В конце декабря 1950 года министр госбезопасности пришел к выводу, что фактов «вредительского лечения» не существует и в последних числах января 1951 г. дал указание «прекратить работу с Этингером» о «вредительском лечении», ограничившись лишь обвинениями в «антисоветской деятельности». Мне представляется, что Абакумов, очевидно, понимал всю абсурдность обвинений во «вредительском лечении» и не знал, каковы подлинные намерения Сталина. Рюмин же, возможно, располагал другой информацией. О разногласиях между ними в связи с «делом» Я.Г. Этингера подробно писал А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», но, к сожалению, неправильно указал время описываемых событий – конец 1952 года. Несмотря на возражения Абакумова Рюмин продолжал «разрабатывать» вопрос о «вредительском лечении».

Допросы проходили в ужасающей обстановке. Из материалов следственного дела следует, что у присмного отца, страдавшего грудной жабой, в период следствия случилось в общей сложности 29 острых сердечных приступов, из которых 10 произошли в кабинете Рюмина. В связи с этим медчасть Лефортовской тюрьмы составила справку: «В дальнейшем каждый последующий приступ грудной жабы, сопровождающийся сердечной слабостью, может привести к неблагоприятному исходу». Однако это не остановило Рюмина. Рюмин применял извращенные методы следствия, чем довел Я.Г. Этингера до полного истощения. 2 марта 1951 г. в 17.00, возвратившись после очередного допроса в камеру, Я.Г. Этингер, как говорится в материалах следственного дела, «подошел к столу, откусил кусочек хлеба, сделал несколько шагов по направлению к двери и в бессознательном состоянии упал». Смерть наступила от паралича сердца.

Когда были открыты материалы следствия, стало известно, что о смерти отца тогда никто не знал. Имя же его было потом приобщено к списку «врачей-вредителей».

Было ли кремировано тело отца, где он похоронен – об этом в деле нет никаких материалов. Могила его, как и место погребения миллионов жертв коммунистического террора в нашей стране, неизвестна.

После смерти Сталина, 4 апреля 1953 года, врачи были реабилитированы и освобождены. Я.Г. Этингера среди них не было. Все поняли, что он погиб.

На Востряковском кладбище в Москве, на еврейском участке похоронена в 1943 году мать Я.Г. Этингера. На могиле памятника надпись на идиш. Лет сорок назад я сделал на нем еще одну надпись по-русски: «Профессор Яков Гиляриевич Этингер 22.12.1887 – 2.08.1951. Могила твоя неизвестна. Но память о тебе вечна».

Москва, 2002 г.

ДЕЛО ВРАЧЕЙ. ЛИЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА

Для нашей семьи «дело врачей» началось 12 ноября 1952 года, когда был арестован мой отец и я, вернувшись вечером из института, увидел в прихожей нашей квартиры на Смоленском бульваре в Москве нескольких громко разговаривавших мужчин. Мама и сестра сказали, что папу уже увезли. Меня обыскали, и с этого момента для нас возникла атмосфера тяжелого ожидания, которая потом, ночью 3 апреля 1953 года, когда родители вернулись, исчезла так же внезапно, как и возникла. Это были месяцы ожидания того, что кто-то, где-то объяснит нам происходящее. А объяснить нужно было вот что: как это может быть, чтобы человек, который в двадцать с небольшим лет участвовал в создании этой власти и этой партии, член партии с февраля 1917 года, в 1917-1920 гг. был участником большевистского подполья на Украине, председателем Житомирского комитета партии, секретарем Волынского губкома, делегатом IX съезда партии, членом Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в 1922 и 1923 годах, известный у нас и за рубежом профессор-терапевт, создатель отечественной школы в области лечения бронхиальной астмы (его монография «Бронхиальная астма» в 1951 г. была переведена и опубликована в Варшаве), с 1933 года постоянный консультант Лечебно-санитарного управления Кремля, лечивший и близко знавший многих руководителей Коминтерна, вдруг пошел против своего народа и своей партии, против своих больных, известных и неизвестных, против своих учеников и своей семьи, наконец?

Эта загадка для меня перевешивала все и вся, она была гораздо серьезней, чем мое исключение из комсомола в Московском архитектурном институте, а потом и из института. Необходимость разобраться в происходящем была в тот момент важнее тех проблем, которые особенно усилились с арестом мамы после выхода знаменитой газеты «Правда» 13 января 1953 года с сообщением о разоблачении группы «врачей-вредителей».

Я убежден, и со временем становится все понятнее, что «дело врачей» было необходимо тоталитарной системе (осознавалось это или нет) для интеграции общества на основе привычной, уже не раз опробованной базе «борьбы с происками внутренних и внешних врагов». В данном случае «кремлевские врачи» были очень удобны, потому что были приближены к самой верхушке общества. Они в массовом сознании олицетворяли собой ту самую городскую интеллигенцию, которая всегда была потенциально отторгаема в России, с ее общинно-крепостной, деревенской историей.

Так же, как и предыдущие политические процессы, «дело врачей» должно было служить одной стратегической цели, ощущаемой скорее на уровне инстинкта. Необходимо было остановить неминуемое сближение с Западом, перекрыть не только каналы, но и сами импульсы обязательного в этом случае реформирования советской системы. А реформировать и обновлять заставляла сама ситуация. Страна к этому времени начала терять, и это было

Леонид КОГАН – д-р архитектуры, автор ряда работ по проблемами урбанизации. Сын проф. Бориса Борисовича Когана, одного из обвиняемых по «делу врачей».

заметно, послевоенный политический капитал, оказываясь в изоляции среди развитых стран Запада. Мы испытывали все больший дискомфорт в отношениях со странами так называемой «народной демократии». Недаром же там были инспирированы политические процессы над лидерами потенциально реформистских движений (Ласло Райк в Венгрии, Трайчо Костов в Болгарии, Рудольф Сланский в Чехословакии). У нас сложилась традиция, и она более или менее понятна, делать акцент в «деле врачей» на проблеме антисемитизма. Я думаю, что государственный антисемитизм в годы сталинизма, при всех ширмах, которыми он обставлялся, не нуждается теперь даже в обсуждении. Но сводить к этому «дело врачей» – значит зараннее поверхностно облегчать диагноз.

На самом деле это был вызов тоталитаризма цивилизации Запада, недаром же все это сопровождалось антизападной истерией. Время и жизнь, сама история рассудили по-другому, и этот вызов в конечном счете, спустя много лет привел к кардинальным сдвигам внутри самого общества. В этом главный урок «дела врачей», и его опасно забывать.

Теперь конкретнее и предметнее о том, как развивались события после 12 ноября 1952 года, в какие тона они были окрашены и как я их воспринимал.

Когда папу увезли, у нас начался обыск. На наши вопросы о том, что произошло, ответа не было. Сказали только, что кто-то, где-то, в чем-то должен разобраться. Простукивали стены, поднимали матрацы, прелистывали книги, подробно читали переписку, просматривали фотографии... Даже заставили подняться мою сестру Ладу, которая была тяжело больным человеком и могла передвигаться с большим трудом. Потом я понял, что искали «яды, оружие, деньги». Нам было сказано, что насчет нас никаких указаний нет, я могу продолжать учиться в Московском архитектурном институте и говорить, что у нас произошло, в институте не надо. Две комнаты из четырех опечатали. Потом приходили еще и еще, поехали с обыском и на нашу дачу (42-й километр Казанской железной дороги).

Так, во внутренне «закрытом режиме», выражаясь бюрократическим языком, мы просуществовали до 13 января 1953 года. Я ходил в институт, сдавал зачеты, хотя один из них пришелся на утро после очередного обыска, и мне пришлось объяснять профессору, что я не совсем готов по ряду сложившихся обстоятельств, но мне очень нужна стипендия и «тройку» я никак не могу получить. Лишь через пятнадцать лет, когда я защищал кандидатскую диссертацию, он «признался», что знал, что это были за «обстоятельства». «Мы встречались с Вами тогда не в лучшие времена», – заметил он.

13 января вышла знаменитая газета «Правда» с сообщением о раскрытии и аресте группы «врачей-вредителей», среди которых я прочел фамилию папы, а также моего дяди, М.Б. Когана, умершего за год до этих событий в ноябре 1951 года. Были там и фамилии очень близких наших друзей, с которыми в течение всей жизни наша семья поддерживала тесные отношения, и прежде всего, конечно, практически родственной была семья Мирона Семеновича Вовси, жившая рядом на Арбате. Моя сестра Лада и Любочка Вовси учились в одном классе.

В этот же день меня вызвали в институт на совместное заседание партийного бюро и комитета комсомола. Вопросов было много, их задавали настойчиво и с интересом, в том числе и о том, кто из моих близких товарищей знал, что произошло, почему не сообщили об этом, и, вообще, как могли, общаясь со мной, не понять, кто я. Вызвал резкую реакцию мой ответ на вопрос, что я

почувствовал, когда прочел газету. Я ответил, что это было чувство сына. Для меня это было элементарно, но так, очевидно, было не для всех.

Здесь же на собрании меня исключили из комсомола с формулировкой «За потерю политической бдительности», что звучало весьма весомо в те годы. Пожалуй, в тот момент я впервые так близко узнал, что со словом «политика» можно падать довольно низко. Потом была целая серия разбирательств по комсомольской линии, на которых я, естественно, уже присутствовать не мог. Но именно на них мои ближайшие товарищи, подвергшиеся коллективным допросам по поводу того, что происходило у нас в квартире, кто там бывал и о чем говорили, не дали себя спровоцировать, не отказались от дружбы со мной, да и просто от меня, и тоже получили строгие комсомольские взыскания с такой же, как у меня, формулировкой. Но это отдельная тема и требует отдельного повествования.

Поздно вечером 14 января арестовали маму, и мы с сестрой и нашей домработницей Настей оказались перед целым набором мыслей и проблем. Я старался поменьше общаться с ребятами, телефон нам пришлось отключить, поскольку поднимать трубку и слышать ругань и угрозы нам просто надоело. С товарищами общался в основном не в институте, а на улице и в не очень людных и заметных местах. Поочередно с Настей я носил передачи для папы и мамы на Кузнецкий мост, 24, в приемную Министерства государственной безопасности, по лицам и интонациям присмщиков, старшин и лейтенантов, пытаюсь понять, где родители и что с ними происходит.

Источников информации мы не имели, но решили, что пока принимают передачи, надежда существует. Мы вспоминали слова мамы, сказанные, когда ее увозили: «Я поехала, чтобы привезти папу, я еду за ним». Можно как угодно относиться к этим словам, но почему-то казалось, что в них что-то есть. И если даже это только кажется, то мало ли что бывает... Разговоры по телефону-автомату не добавляли оптимизма, назревало что-то неизвестное и, конечно, в этот момент хотелось какой-то знаковой поддержки извне. Наши друзья нам не изменили, и мы стали вдруг получать деньги почтовым переводом от родителей моего ближайшего друга под псевдонимом, что в те времена было совсем не трудно вычислить.

Вскоре поползли слухи о готовящемся процессе над врачами и депортации евреев... Вспоминается эпизод из того периода, когда страна узнала об ухудшении здоровья Сталина. Во время одного из таких сообщений, которое мы слушали в актовом зале института, я (как потом это было представлено) вслух кому-то сказал, что если бы врачей не арестовали, то было бы кому сейчас его лечить. А так, – никого практически не осталось... Вскоре после смерти Сталина меня вызвал директор института и мне было заявлено, что мои товарищи возмущены тем, как я себя веду и что говорю. Поэтому он как директор, не может допустить моего дальнейшего пребывания в институте. Приказа мне на руки не дали, и я тогда не видел и не знал формулировку.

Я написал письмо «на самый верх», где обрисовал ситуацию, в которой оказались мы с сестрой и просил «разобраться» (это слово было тогда в ходу), что нам теперь делать. По Москве ползли слухи, что где-то что-то происходит, что политическая власть ищет какие-то решения. Я почувствовал начало изменений по тому, как незадолго до этого мне было сказано в приемной МГБ, что папа просил теплые вещи, и я могу их передать. Мы с сестрой поняли, что папа жив, а в интонации сотрудника я уловил «положительную динамику».

В самом конце марта 1953 года я получил письмо из Архитектурного института. Меня вызывал директор. Нас с Ладой это озадачило, но одновременно подтвердило, что предчувствия изменений нас не обманывают. Иду к директору, а он задает мне вопрос: «Зачем Вы беспокоите больших людей?». Отвечаю, что я уже не студент института, учиться я больше не могу и надо знать, что делать. Просил наверху разобраться. Директор в ответ: «Вы напишите заявление на мое имя, мы его рассмотрим...». Продолжая строить догадки, возвращаюсь домой и Лада мне говорит: «Напиши, а вдруг...?». Это было, кажется, 2-го апреля. 3-го апреля я сел писать, и 4-го утром должен был ехать в институт.

В ночь с 3-го на 4-е апреля где-то около двух часов, – звонок в дверь. Я открываю, – на пороге мама, за ней папа, а за ними тот сотрудник из органов, который вел себя с нами наиболее прилично. Мама с порога: «Я привезла папу, как и обещала»... Сотрудник: «Ну вот, ребята, я же говорил, что разберутся!». Объятия, поцелуи, распросы... Помню папин вопрос ко мне: «А ты действительно думал, что я шпион?». И тут же: «Как в институте?». Отвечаю, что исключен, но директор буквально на днях сказал, чтобы я написал заявление и его рассмотрят. «Никаких заявлений. Мы полностью реабилитированы, а если у директора есть вопросы, то пусть позвонит в МВД!». Утром я у директора: «Мне еще нужно писать заявление?» – «Идите на занятия. Вас уже ждут».

Несколькими днями раньше я увидел, наконец, на доске приказов формулировку, с которой я был исключен из института. Она была такова: «Исключить как не внушающего политического доверия». Что это означало тогда для нашего с сестрой будущего, – даже нечего гадать. На дворе был март 1953 года и Лаврентий Павлович Берия был на вершине власти.

Когда потом я подошел к доске приказов, то приказа о моем исключении на ней уже не было. В отделе кадров я очень просил дать мне его на память. Но, к сожалению, мне было отказано. «Ну зачем это тебе, ни к чему это...». В тот счастливый солнечный апрельский день мне это было вроде бы действительно ни к чему. Мои друзья и товарищи встретили меня объятиями и поцелуями, это был праздник второго рождения и мы все его помним. До сих пор, когда встречаюсь с однокурсниками, мне об этом говорят, и все эти годы воспоминания остаются живыми.

Я убежден, что без анализа, без постановки диагноза, – ведь речь идет не просто об истории болезни общества тех дней и лет, а скорее всего о болезни всей истории России, – не может быть и выздоровления. О важности точного диагноза я слышал не раз, ведь я вырос во врачебной семье. И не раз папа вспоминал старую врачебную шутку: «Лечили от желтухи, а оказался китаец!». На примере «дела врачей» мы видели, как в тоталитарном обществе даже диагноз заболевания человека мог стать поводом для фабрикация политического дела. Диагностика же социальная, когда речь идет о заболевании общества, конечно же, не могла поощряться прошлым режимом.

И хотя того режима уже нет, традиции тоталитарности мышления сразу не исчезают, и отторжение нестандартных оценок нашего прошлого еще долго надо будет преодолевать. Тем более, если речь идет об ответственности не отдельных деятелей или персон (это как раз сколько угодно!), а об ответственности государства и страны в целом. Этот этап осознания у нас еще не пройден.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДИСКУССИИ О ДЕПОРТАЦИИ

В №2, 2002 нашего журнала была опубликована дискуссия под характерным названием «Депортация евреев – 1953. Миф или реальный план?». В последние недели жизни Сталина антисемитская вакханалия, которая была ведущей в политической жизни СССР осенью 1952 и первых трех месяцев 1953 года, неукоснительно подбиралась к наивысшей точке. Чем и как должно было завершиться дело «врачей-вредителей» – будет ли над ними открытое судилище и публичная казнь, развернутся ли по стране еврейские погромы, депортируют ли евреев из промышленных центров страны в Сибирь или другие места необъятной страны – таковы были узловые точки дискуссии. Топ был задан известным историком Г.В. Костырченко, автором фундаментального исследования «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» (М., 2001 г.), который назвав статью «Миф о депортации», высказывает мнение, что все-таки диктатор незадолго до своей смерти пошел на понятный и отказался от намерения провести публичный процесс над врачами. Широко циркулировавшие слухи о подготовке Сталиным «тотального выселения евреев в Сибирь» Г.В. Костырченко относит к категории мифов, порожденных запуганным еврейским населением, которые были растиражированы падкой на сенсацию прессой и недобросовестными исследователями до уровня «депортационной истерии». В редакцию поступил ряд статей, с откликами на дискуссию о депортации.

Федор ЛЯСС

ПО ПОВОДУ АНТИДЕПОРТАЦИОННЫХ АРГУМЕНТОВ Г. КОСТЫРЧЕНКО.

Сталин и газета «Правда» в январе-апреле 1953 года.

В связи с тем, что до сих пор нет единого мнения, кто же остановил «секиру палача», нависшую над еврейским народом в последние годы жизни Сталина, представляется актуальным разобрать две альтернативные версии о роли лично главы государства – И. Сталина в том, что судебный процесс по так называемому «Делу врачей – вредителей», со всеми вытекающими из этого последствиями в плане возможного «окончательного решения еврейского вопроса» в сибирском варианте не состоялся.

Версия № 1 – Сталин лично по собственной инициативе или под нажимом извне «дал отбой» и остановил следственный процесс над арестованными врачами и «Дело врачей – вредителей» было прекращено в середине – конце февраля 1953 г., еще при жизни Сталина.

Версия № 2 – «Дело врачей – вредителей» было свернуто только после смерти Сталина, последовавшей 5 марта 1953 г., и только смерть Сталина предотвратила депортацию евреев.

Г.В. Костырченко и другие сторонники версии «депортационного мифа» (в дискуссии эту позицию занимали И.А. Альтман и Ж.А. Медведев) опираются на то, что до настоящего времени не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию, но и каких-либо других документов, говорящих о подготовке массовой административной высылки евреев. В поддержку версии участники дискуссии приводили аргументы, что такую акцию трудно было осуществить, поскольку евреи «ассимилировались и растворились в интернациональной массе», а также и то, что «многие из них к тому же играли заметную роль в области науки, культуры и других общественно значимых сферах». Г.В. Костырченко приводит и такой аргумент, что массовые антиеврейские репрессии противоречили бы официальной доктрине советского интернационализма, что было бы плохо воспринято западными компартиями, а депортация евреев «поставила бы страну перед неизбежностью коренных преобразований в советском законодательстве», на что Сталин, по его мнению, не был готов.

Федор ЛЯСС – д-р. мед. наук, публицист. Живет в Израиле.

ЛЮБИМЫЙ
ЛЯСС

Важнейшим аргументом Г.В. Костырченко является то, что «накануне того, как Сталина разбил паралич, с полос центральных газет исчезла воинственная риторика, неизменно присутствовавшая в них начиная с 13 января 1953 г.». Из этого факта делается однозначный вывод, что Сталин по тем или другим обстоятельствам вынужден был свернуть агрессивную антисемитскую критику «еврейских буржуазных националистов» и их «заграничных хозяев» и сам дал отбой «делу врачей». Этому же подходу придерживается известный исследователь эпохи сталинского режима Ж.А. Медведев, который высказывает мнение, что Сталин по состоянию здоровья самоустранился от государственной деятельности: резко сократил приемы в кремлевском кабинете, не подписывал важных государственных бумаг, даже не вскрывал пакетов с почтой, которые доставлялись к нему в Кунцево.

По моему мнению антидепортационная концепция Г.В. Костырченко и его сторонников несостоятельна, не подкрепляется научными изысканиями и фактами, в своей основе противоречат существу сталинского тоталитарного строя. В обоснование своего подхода я провел исследования того, как отражала газета «Правда» события начала 1953 года, с целью выявления и оценки следующих показателей:

а) количество статей с воинственной риторикой против «еврейских буржуазных националистов и их заграничных хозяев», а также содержащих прямое руководство к проведению в различных административных структурах страны антисемитской политики, политической и моральной подготовки к планируемой депортации и,

б) частоты появления имени Сталина в публикуемых материалах газеты как показателя руководства Сталиным и личного его участия в управлении страной.

Обнаружив динамику в перечисленных выше показателях, мы сможем судить о том, что творилось на самом вершине власти, в черном ящике истории, и оценить степень личного вмешательства Сталина в «Дело врачей» и в судьбу евреев. В качестве источника информации для наших целей использовался анализ ежедневных выпусков газеты «Правда» – ведущего рупора в проведении государственной политики и канонизации личности Сталина, тираж которой составлял более 10 млн экз., в результате которого выявлялся объективный показатель – количество упоминаний имени Сталина на страницах газеты и динамику опубликования публицистических статей, которые по своей идеологической направленности носили антисемитскую окраску, т.е. были нацелены на создание напряженности в обществе.

Изучению были подвергнуты те выпуски газеты, которые отражали повседневную обстановку в стране, «общий фон» событий в течение января – апреля 1953 года. При этом из анализа были исключены те номера газет, которые имели целенаправленный характер и не отражали «фоновое» состояние внешней и внутренней политики государства. К таким выпускам мы отнесли газету от 21 января, посвященную 29-й годовщине со дня смерти Ленина, газету от 14 февраля и 15 марта, заполненную материалами, связанными в основном со смертью и похоронами Л. Мехлиса и К. Готвальда, и, конечно, выпуски газет от 5 и до 19 марта, где количество упоминаний имени Сталина было непомерным в связи с его болезнью, смертью и похоронами. Из общего объема газетной информации, взятой для исследования, исключались хроникальные статьи, статьи из рубрики «День нашей родины», «Из последней почты». Итого изучено около 100 выпусков газет, в которых подробному просмотру, а иногда и построчному чтению подвергались более 500 статей.

Полученные результаты (сведены в таблицы №1 и №2.).

В таблице №1 представлены данные об общем количестве публицистических статей в течение всех четырех (от января до второй половины апреля) месяцев и количестве статей, которые начинались обращением к Сталину и (или) упоминали это имя в связи с поставленными в публикации задачами. Имя Сталина упоминалось вне зависимости от тематики статьи и как рефрен повторялось из статьи в статью («Сталин это Ленин сегодня», «Вклад тов. Сталина в ...», «Предвидение товарища Сталина...», «По определению тов. И.В. Сталина ...», «В гениальном произведении И.В. Сталина», «Сталин не раз предупреждал ...» и т.д. и т.п.).

Перечисленные выше речения, ставшие законсервированными оборотами речи, присутствовали как в статьях, посвященных идеологическим вопросам, так и проблемам науки, искусства, народного хозяйства.

Таблица № 1

Параметры анализа	Январь	Февраль	Март	Апрель	Графы
Количество номеров газеты, подвергнутых анализу	29	27	16	15	1
Исключены из анализа выпуски:	за 21 и 22 числа	за 14 число	От 5 до 19 числа	Начиная с 16 числа и до конца месяца	2
Всего публицистических статей	198 (6,8)	173 (6,4)	80 (5,0)	82 (5,4)	3*
Количество публицистических статей, в которых упоминалось имя Сталина	59 (29,7%)	47 (27,16%)	23 (28,7%)	1 (1,2%)	4**
Общее количество упоминаний имени Сталина в номере	227 (3,8)	190 (4,0)	65 (2,8)	1 (1,0)	5***
Количество статей нацеленных на создание напряжен. в народе	8 (2)	8 (2)	4 (2)	0	6****

Таблица № 2

Дата выпуска	Всего публицистических статей в номере	Из них статей, в которых упоминалось имя Сталина	Общее количество упоминаний имени Сталина в номере
1	7	2	5
2	6	3	15
3	5	3	5
4	6	1	2
5	7	1	3
6	5	1	3
7	5	-	-
8	6	1	2
9	9	4	30
10	6	4	8
11	8	2	3
12	5	3	18
13	8	1	10
15	6	-	-
16	5	1	6
17	7	1	6
18	6	2	10
19	7	-	-
20	7	1	3
21	6	-	-
22	8	3	9
23	8	6	25
24	6	1	4
25	7	2	7
26	6	3	12
27	5	1	4
28	6	-	-
Итого	173	47	190
За февраль месяц	(6,4)*	(27,16%)**	(4,0)***
До 18 числа	101 (8,0)*	28 (27,7%)**	116 (4,1)***
После 18 числа	72 (6,5)*	19 (26,3%)**	74 (3,8)***

Особо нами отмечались статьи, прямо связанные по тематике с готовившимся «Делом врачей» с целью обработки населения в нужном для Сталина направлении, насаждающим шпиономерию, выявление ротозеев, разоблачение «врагов народа», еврейских националистов.

Характеристика статей, напечатанных с 1 января 1953 года по 15 апреля 1953 года в газете «Правда» по критерию а) наличия в их тексте упоминания имени «Сталин» и б) статей, которые по своей идеологической направленности были нацелены на создание напряженности в народе и носили антисемитскую окраску.

Примечание: в скобках представлены относительные цифры

* в графе № 3 – в среднем на выпуск;

** в графе № 4 – по отношению к общему количеству статей;

*** в графе № 5 – в среднем на 1 статью с именем Сталина;

**** в графе № 6 – среднее количество статей в неделю.

Особое внимание было уделено февральским выпускам газеты, анализ которых позволяет ответить на вопрос о личном участии Сталина в управлении страной и в том числе главного его «детища» того времени – «Дела врачей – вредителей».

Количество упоминаний имени Сталина в публицистических статьях, напечатанных в течение февраля 1953 г. в газете «Правда».

Примечание: в скобках представлены относительные цифры

* в среднем на выпуск;

** по отношению к общему количеству статей;

*** в среднем на 1 статью с именем Сталина;

Обсуждение

Приведенная в таблицах «бухгалтерия» только с виду примитивна, однако со значительной достоверностью позволяет определить на основании выбранных нами критериев, когда и как Сталин осуществлял личное руководство страной и «Делом врачей-вредителей».

Из данных таблиц следует, что количество статей, антисемитская направленность которых просматривалась сквозь каждую строчку в течение января-февраля не изменялась. Это были и передовицы, тематические материалы, фельетоны с воинственной риторикой против еврейских буржуазных националистов и их заграничных хозяев. Все эти печатные материалы были инструментом, средством, направленным для достижения напряжения в народе, чреватого взрывом.

Также не изменилось и относительное количество статей, в которых упоминалось имя Сталина, говорящих о культе личности Сталина и его активной деятельности на посту главы государства (а значит и влияния на проведение следствия над врачами) в последней трети февраля месяца. Утверждение Г.В. Костырченко (6), что «с 20 февраля с полос «Правды» исчезла риторика «Еврейских буржуазных националистов и их заграничных хозяев», несостоятельна. В действительности во второй половине и особенно в последней декаде февраля частота и характер публикаций в газете «Правда» статей с антисемитской риторикой только обостряется.

Конец февраля – период, который считает Г.В. Костырченко временем, когда Сталин решил «свернуть агрессивную пропаганду». Просмотр газет этого периода не подтверждает, но говорит об обратном. Кампания, развернутая на страницах газеты «Правда» широким фронтом в течение января и двух третей февраля, отнюдь не сворачивается, а в последней декаде вступает в следующую решающую фазу, закрепляя реакцию населения на достигнутых успехах следователей в деле подготовки будущих подсудимых к открытому политическому процессу.

Если допустить, что сам Сталин «дал отбой», тогда непонятно, почему газета «Правда» 20 числа (№ 51 - 12619) печатает пространную статью «Боевые задачи нашей печати», в которой требуется «решительно усилить идеологическую работу» и в первую очередь в печати, которая должна способствовать воспитанию советских людей в духе

высокой политической бдительности. Зоркий глаз цензуры уж никак не допустил бы опубликование такой статьи, если ОН «дал отбой». «Правда» должна была бы первой поддержать этот «отбой». В статье опять (в какой раз!) муссируется высказывание Сталина о том, что в стране сохранились «живые люди – носители буржуазных взглядов и буржуазной морали», явный, ни чем не прикрытый призыв к расправе над «живыми людьми». Напомню, что расправа над врачами совсем близка, и страна готовится, вернее, благодаря газете «Правда», почти готова к ней.

20-е число февраля месяца вписано в историю журналистики как черный ее день. В этот день, когда по Г.В. Костырченко с полос «Правды» исчезла критика «еврейских буржуазных националистов» и их «заграничных хозяев», в «Правде» печатается статья О. Чететкиной «Почта Лидии Тимашук». Вот из нее цитаты: «Да перед ней был враг, и не один, а шайка врагов Советского Союза, злобных, хитрых и хорошо замаскированных»; «Она помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей». Вот уже 50 лет не стирается из памяти это произведение советской журналистики как эталон продажности и профессиональной не порядочности. Это был сигнал к резкой активизации юдофобской пропаганды. Периодическая печать запестрела еврейскими фамилиями в разносных статьях о халатности, разгильдяйстве, семейственности и других грехах, в каких только можно обвинить человека. По городам поползли слухи самого невероятного свойства и росли они как снежный ком. Атмосфера вокруг евреев сгушалась с каждым часом, с каждой минутой: оскорбления в общественных местах, беспричинные избиения детей в школе, увольнения с работы, начиная от директоров предприятий, институтов, заведующих лабораториями, начальников цехов и кончая рядовыми работниками. Увольнения проводились под видом сокращения штатов, мнимых нарушений дисциплины и просто без объяснения причины.

Резко активизировался партийный аппарат в центре и на периферии – партийные собрания на заводах, в больницах, в институтах; обкомовские и райкомовские комиссии по проверке деятельности в основном работников еврейской национальности; организация писем протеста. Я и люди моего поколения хорошо помнят, не могут не помнить, этот всегосударственный юдофобский шабаш. Например, секретари районных комитетов партии г. Харькова на пятый день после появления статьи О. Чететкиной докладывали о реакции местного населения на аресты «врачей-убийц». (4). «Среди жителей района появилось отрицательное отношение к врачам-евреям, <...> высказывались мнения, чтобы всех евреев выслать в Биробиджан, <...> не позволять врачам-евреям делать прививки детям в детских садах и школах, <...> ведутся разговоры о том, что детей заражают туберкулезом. Трудящиеся района выражают ненависть и презрение к врачам-убийцам и единодушно высказывают мнение, чтобы к ним была принята высшая мера наказания».

Мощная кампания травли с «разоблачениями» медиков-евреев мигом перекинулась гонениями на евреев вообще, независимо от их профессии. Но сейчас, спустя 50 лет, это страшное время трудами некоторых ученых, следующих концепции Г.В. Костырченко, приобретает совершенно иной комментарий. Так, В. Балан в статье «Ложь о Лидии Тимашук» (2) сообщает (цитирую): «Статья Ольги Чететкиной показывала, что еврейский аспект «Дела врачей» в середине февраля был снят» и что «эта статья была первым шагом к их (врачей-убийц Ф.Л.) реабилитации.» (2).

Пойдем дальше по страницам газеты «Правда». В последние дни февраля газета всеми силами поддерживала развернувшуюся пропагандистскую вакханалию. (25, 26, 27 февраля (№№ 56, 57, 58 - 12625, 12626, 12627) появляется серия статей о бдительности, о неизбежности обострения классовой борьбы в условиях капиталистического окружения, об опасности шпионажа и вредительства, – передовые – «Партийным организациям работу на уровне новых задач партии», «Свободные народы повышают бдительность», статья секретаря Чкаловского обкома КПСС П. Корчагина «О требовательности в работе».

Таким образом знакомство с печатной продукцией газеты «Правда» начисто противоречит версии Г.В. Костырченко о том, что в конце февраля Сталин пошел на попятную... Все было как раз наоборот. Анализ печатной продукции газеты «Правда» показал, что конец февраля характеризовался широкомасштабной, оголтелой юдофобской кампанией с высокой интенсивностью, которую реализовать без лично сталинской активной поддержки, а скорее – без его инициативы, было невозможно. Газета «Правда» осуществила очередной виток разжигания страстей в процессе подготовки «дела врачей» к открытому судебному процессу. К сказанному можно добавить столь большой перечень статей, заметок, сообщений на эту неблагоприятную тему, напечатанных в последней декаде февраля в других центральных газетах и журналах, что из этого получился бы увесистый том. Только пренебрежение к историческим фактам или их предвзятая интерпретация позволяет сказать, что сам Сталин «дал отбой». Да если бы появилась хоть одна строчка вопреки желанию и приказанию Сталина, не только редактора оно печатного издания, не только всей редколлегии вместе с технической редакцией, но и самого издания, враз бы не стало.

Анализ газеты «Правда» за март месяц тоже очень важен для решения вопроса о роли Сталина в «Деле врачей». Ведь с первого числа он не у дел, его поразил мозговой инсульт. Он уже полутруп, над ним колдуют врачи. Поражение мозга настолько тяжелое, что прогноз предрешен. А публикация на страницах газеты «Правда» продолжается без каких-либо изменений. Кстати, вопреки утверждению А. Авторханова, сообщившего о прекращении антисемитской кампании в газете «Правда» со 2 марта. Если допустить, что сам Сталин «дал отбой», тогда непонятно, почему в «Правде» 3 марта была опубликована статья В. Смирнова «Джойнт – филиал американской разведки», в которой предавались анафеме «врачи-убийцы, продавшие душу и тело желтому дьяволу, умертвившие...» и т.д. и т.п. Зоркий глаз цензуры уж никак не допустил бы опубликование такой статьи, если ОН «дал отбой» до того, как его настиг мозговой удар. «Правда» должна была бы первой поддержать этот «отбой» (возможно, что указанная статья напечатана не «Правдой», а другой центральной газетой. Но даже если я ошибся, это существа дела не меняет!). Вместо этого редакция газеты реализует заготовки на запланированную тему, т.е. реализует указания Сталина последних дней февраля: 1 марта (№ 60 - 12628) С. Борзенко подробно пишет об изданной в Северной Корее брошюре «Разоблачение шпионов», в которой знакомят читателя с «коварными методами вражеской разведки, которую ведут американцы – цивилизованные варвары XX века. 4 марта (№ 63 - 12631) правительство сообщает о болезни Сталина. Следующие дни газета заполнена сообщениями о его агонии, смерти, народном прощании и похоронах с водворением гроба в мавзолей, теперь уже Ленина-Сталина. Угар похорон прошел. Никаких указаний «сверху». Новый «верх» в лице Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева, Л.П. Берия и др. делит власть. И опять в газете появляются статьи старого «сталинского» направления: 15 марта (№ 74-12642) статья Я. Калинберзина посвящена бдительности, в связи с широкой шпионской деятельностью США против СССР. Доказательства – злодеяния орудовавших в нашей стране врачей-вредителей, продавшихся рабовладельцам-людоедам из США и Англии. Опять фигурирует в статье тезис Сталина о «вражеском окружении» в рамках старой январь-февральской фразеологии.

Обращает на себя внимание статья Д. Чеснокова в газете от 18 марта (№ 77 - 12645) «И.В. Сталин о Советском государстве». Это тот самый Чесноков, который был введен Сталиным на XIX съезде партии в члены Президиума ЦК. Причем ни для кого не было секретом, что избрание Д. Чеснокова на столь высокий пост связано с его позицией, представлявшей евреев, как основных врагов социалистического государства. Он заработал свое место в наивысшем органе власти СССР тем, что приветствовал Сталина за разгром в тридцатых годах оппозиций, в основном состоявших из евреев. Это тот самый Чесноков, которому приписывается составление брошюры, обосновывающей и призывающей к депортации евреев из промышленных городов СССР. В теперешней публикации, развивая в статье теоретические аспекты го-

сударства, автор, перепевая высказывания Сталина, особо указывает на «опасность недооценки роли и значения буржуазных государств и их органов, засылающих в нашу страну шпионов, убийц и вредителей». Автор отмечает «значение Советского социалистического государства, его военных, карательных и разведывательных органов, необходимых для защиты страны...». В скобках замечу, что неделей раньше была напечатана передовица «Неустанно крепить мощь советского государства» с той же самой фразеологией, что почти точно изобличает ее автора – Чеснокова Д.И.

О чем говорят мои многословные перечисления о публикациях марта месяца в газете? О том, что до момента его болезни от Сталина не поступало никаких указаний о изменении политики партии, направленные на разрядку того напряжения, которое ими же было создано. А редколлегия газеты «Правда» и ее редактор не получая никаких указаний, продолжает осуществлять ту политику, которую наметил ее творец – Сталин.

И опять-таки, если Сталин «дал отбой», то почему продолжали действовать по старым инструкциям партийные боссы в Харьковском Государственном Университете, где аж 21 марта на партбюро был заслушан доклад комиссии о кадрах физико-математического факультета, в результате которого были «отстранены от должности» все сотрудники-евреи, занимавшие должности заведующих кафедрами и доцентов?

Если сам Сталин «дал отбой», тогда почему в марте месяце в Москве в Союзе писателей продолжает раскручиваться колесо шельмований и административных гонений на писателей, литературоведов и критиков-евреев? Начатое еще в 1949 г. очищение писательских рядов от «безродных космополитов» к концу февраля – началу марта 1953 г. набирало обороты. Об этом подобострастно спешит сообщить Сталину и Маленкову руководство Союза писателей в лице К. Симонова и А. Сафронова (А. Фадеев прихворнул очередным запоем, да так, что даже не смог расписаться). Прошли многочисленные аресты.

Конец марта, главный вершитель всех судеб – в мавзолее, рядом с другом и учителем, а холоуи-приспешники продолжают исполнять ранее запущенные «руководящие указания». Оставалось ведь немного – начать погромы. Сталина нет, и подсказки, что делать дальше, тоже нет. Вот и работали холоуи в старом направлении. А «наверху» не до каких-то врачей, писателей, «наверху» сами отходили от страха, да и занимались делом мест под солнцем. Сталинские же инструкции продолжали действовать. Где уж тут «дал отбой» в конце февраля.

Следует также отметить, что в марте месяце количественные параметры публикаций с именем Сталина и общего количества упоминаний этого имени также остались без существенных изменений (см. табл. 2). Это можно было бы объяснить определенной инерционностью со стороны руководящих органов и освещением траурных церемоний, связанных со смертью Сталина и Готвальда, в которых без имени Сталина не обойтись. Однако уже в конце марта в статьях «Против настроения парадности и благодушия» (25 марта № 84 - 12652), «Высокая ответственность партийного работника» (27 марта № 86 - 12654), «Сила советского строя» (28 марта, № 87-12655) обошлись без единого упоминания имени Сталина! Всего месяц тому назад такая «вольность» была бы невозможной. Это уже четкий симптом, говорящий о том, что в связи с отсутствием «хозяина» его культ зашатался.

Апрель месяц характеризуется практически полным отсутствием в правдинских публикациях имени Сталина. Это прослеживается уже с первых апрельских номеров газеты «Правда», что однозначно говорит о начале процесса десталинизации.

4 апреля (№94 - 12662) «Сообщение Министерства внутренних дел СССР, где сообщалось, что МВД «провело проверку всех материалов предварительного следствия ... Установлено, что показания арестованных ... получены... путем применения недопустимых и строжайше запрещенных законами приемов следствия. Арестованные полностью реабилитированы ... из под стражи освобождены».

И в этом же выпуске сообщено об отмене указа о награждении врача Л. Тимашук орденом Ленина как «неправильного».

Президиум ЦК КПСС 3 апреля 1953 года вынес постановление об освобождении 37 врачей и членов их семей, и в ночь на 4 апреля всех их развезли по домам на черных легковых машинах (надо думать на тех же, на которых их почти полгода тому назад свозили на Лубянку. И в том же сопровождении).

Середина апреля. Газета «Правда» свободна от имени Сталина. Почти невероятной чувство. Совершенно непривычно!

В передовицах и во множестве публицистических статьях нет ни одного упоминания о Сталине. Нет его и в таких статьях, где ранее не могло не быть его имени, нет даже ссылок на его гениальные труды, нет ни одного упоминания, что Сталин указал..., Сталин предложил..., тов. Сталин разоблачил...

Нет Сталина, и культ его испарился. Все предельно ясно и видно невооруженным глазом. Пока ОН есть, ОН у кормила власти, ОН руководит страной – все развивается под ЕГО неусыпным контролем, в заведенном ИМ направлении, в том числе и в направлении к открытому политическому судилищу над сломленными, но ни в чем невиновными врачами, в направлении к тотальному террору в стране, к террору, в котором депортация евреев из промышленных центров страны и повальные погромы – неотъемлемая его составляющая. Но вот ... ЕГО нет, ОН отбыл в мир иной, нет ЕГО личного руководства, а значит – ближайшим соратникам из старой гвардии, над которыми уже был занесен карающий меч, можно вздохнуть свободнее. а заодно и освободить ни в чем не повинных людей, которых они лично знают, как честных людей, высококвалифицированных специалистов, пекущихся об их здоровье. Нет основания претворять в жизнь и ЕГО замыслы. Тем более, что в мире зреет возмущение, а новому правительству и руководству партией отнюдь не нужны международные осложнения.

Выводы

Анализ печатной продукции, поставляемой газетой «Правда», показал, что объективные данные в сфере изученных критериев (абсолютное количество, частота и удельное количество упоминаний имени Сталина, количество и антисемитская направленность статей) свидетельствуют об отсутствии в течении января – февраля месяца 1953 года изменений по отношению к готовящемуся Сталиным открытому процессу над врачами.

Только со смертью Сталина 5 марта 1953 г. остановилась «скрипучая телега следствия» (выражение самого Сталина!), сорвался уже почти подготовленный открытый судебный процесс над «врачами-вредителями», остались не построенными виселицы, оказались без дела уже готовые к разгону погромщики, не заполнились эшелоны смерти, не сгнил в Сибири ни в чем неповинный еврейский народ.

Тиран умер, и только поэтому не совершилось спланированное им последнее его злодеяние – суд над ни в чем неповинными врачами, тотальный террор с еврейскими погромами и депортация еврейского населения из главных промышленных городов СССР.

Литература

1. А. Авторханов. Загадка смерти Сталина, «Посев». 1981 г.
2. В. Балан. Ложь о Лидии Тимашук, Интернет-журнал «Очерки по еврейской истории», № 4.
3. С. Бриман. Харьков и дело врачей. 1953. 1994, «Шалом», №20. с. 3-4.
4. Д. А. Волкогонов. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина (в 2-х книгах). «Москва», 1989, кн. Вторая, с. 197-198.
5. Г. В. Костырченко, Тайная политика Сталина, 2001.
6. Г. В. Костырченко, Депортация – мистификация, «Лехаим», 2002 г.
7. Ф. М. Лясс. Советским евреям депортация предстояла, Заметки о еврейской истории. Интернет-журнал «Заметки по еврейской истории», см раздел «Статьи по еврейской истории».
8. К. Симонов. Глазами человека моего поколения, «Москва», 1989, с. 235.
9. П. Финн, С. Аронович. Большой концерт народов, или Дыхание Чейн-Стокса. Журнал «Искусство кино», 1992, №5, с. 92.
10. Ф. Чуев. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. «Источник», 1997, №1.
11. З. Шейнис. Провокация века. «Вечерняя Москва», 1991, № 192, с. 4.
12. Я. Я. Эйтингер. Это невозможно забыть, Москва, 2001 г.

Шломо ГРОМАН

ДЕПОРТАЦИЯ БЫЛА НЕОСУЩЕСТВИМА ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ

Не являясь историком, я не стану приводить аргументов ни за, ни против точки зрения, согласно которой Сталин в конце жизни планировал выселить в Сибирь, на Дальний Восток абсолютно всё еврейское население СССР. Однако попробую рассмотреть данный вопрос с позиций демографии.

Мне представляется, что полная депортация советских евреев была практически неосуществима по причине обилия межнациональных браков, в которых они состояли.

Ассимилированность евреев в СССР в начале 1950-х годов была еще не так высока, как двумя-тремя десятилетиями позднее. Однако уже тогда сотни тысяч советских евреев, главным образом жители крупных городов европейской части страны, состояли в браках с русскими и представителями других национальностей. Этим евреи разительно отличались от всех остальных народов, ставших жертвами сталинской «коллективной ссылки»: чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев и волжских немцев. Каждый из указанных этносов жил весьма изолированно как географически, так и матримониически.

Если в чудом сохранившихся после Катастрофы еврейских местечках Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы и Латвии, а также в местах компактного расселения неашкеназских общин – горских, грузинских и бухарских евреев – брачная обособленность евреев еще в значительной мере сохранялась, то в РСФСР и в традиционно космополитических (конечно, не в том смысле, какой вкладывал в это слово Сталин) столицах союзных республик, а также в Харькове, Одессе, Львове и других многонациональных мегаполисах Украины с выраженной еврейской компонентой, отделить евреев от неевреев не смогла бы никакая «хирургическая» операция.

Бывший сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) Н.Н. Поляков вспоминает, что «выселение должно было осуществляться в два этапа: чистокровных – в первую очередь, полукровок – во вторую» (см. «Новый Век» №2, стр. 120). Однако полукровками проблема далеко не исчерпывалась. Во-первых, при таком подходе туманной остается участь многочисленных «четвертинок», «осьмушек», евреев на три четверти и т.п. Во-вторых, наличие методологический нонсенс: как, интересно, собирались поступить большевики с некоей семьей, состоящей, скажем, из 70-летнего деда-еврея, 65-летней бабушки – еврейки по матери, их 40-летнего сына, его 35-летней жены-украинки, их 35-летней дочери, вышедшей замуж за 40-летнего полукровку (еврея по отцу, русского по матери), и четырех внуков – двоих со стороны сына и двоих со стороны дочери? Во сколько этапов их надлежало депортировать? И что делать с нееврейскими родственниками, включая не упомянутых выше обоих родителей жены-украинки и русскую мать зятя?

Если бы Сталин решил депортировать вместе с евреями всю их нееврейскую родню, то ему пришлось бы иметь дело с дополнительными сотнями тысяч, если не миллионами возмущенных до крайности людей. А если бы женитьба на нееврее освобождала от высылки – по стране прокатилась бы волна фиктивных браков (которым в необходимых случаях предшествовали бы фиктивные разводы).

Особенное распространение получили смешанные браки среди молодежи – людей, родившихся и воспитывавшихся после революции. Трудно себе представить, чтобы эта социально активная прослойка покорно подчинилась абсурдному приказу, который, как мы убедились, даже сформулировать толком нельзя.

Но мой вывод таков: даже если бы планы депортации евреев существовали, им не было суждено сбыться. Следует сказать, что это одно из немногих положительных следствий ассимиляции евреев в СССР.

Шломо ГРОМАН – израильский журналист.

Александр РАШИН

БУЛГАНИН ГОВОРИЛ ПРАВДУ О ВОЗМОЖНОЙ ДЕПОРТАЦИИ

Николай Александрович Булганин родился в семье служащего, вступил в партию в 1917 г. и начал свою карьеру в ЧК, борясь с «контрреволюцией» в России и Туркестане. Потом он работал в различных государственных учреждениях, а в 1931 г. стал председателем Моссовета. Чистки 1937-38 гг., освобождавшие многие руководящие посты, были выгодны для Булганина, ставшего Председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР в 1937-38 гг. Во время Великой Отечественной войны Булганин занимал посты, сходные с военными постами Хрущёва: Булганин был членом Военного Совета на Московском, Западном, Балтийском и Белорусском фронтах в ранге генерал-лейтенанта. В 1944 г. он стал генералом армии. В 1948 г. Булганин становится членом Политбюро и остается приближённым Сталина до самой его смерти.

В 1970 году Булганин дал устное интервью историку Якову Этингеру о подготовке в 1953 г. депортации советских евреев, в которой он принимал участие.¹

Начну с того, что во время интервью Булганин был в отставке и не имел какой бы то ни было власти. Как все, кто знал слишком много, он, конечно (по моему мнению), находился под постоянным наблюдением КГБ. В интервью Булганин, кроме Сталина, назвал в качестве основных организаторов депортации Г. Маленкова и М. Суслова. Булганин отказался назвать других участников подготовки геноцида. Однако Булганин назвал в качестве одного из основных виновников Михаила Суслова, который во время интервью был вторым по могуществу (после Леонида Брежнева) человеком в советской иерархии. Интеллигентный и жестокий Юрий Андропов с 1967 г. возглавлял КГБ, безжалостно заключая в психбольницы и ГУЛАГ слишком разговорчивых диссидентов. Как могло случиться, что Булганин «разговорился» и с ним ничего плохого не произошло? Для меня оставалось загадкой, как мог Суслов снести обвинение в преступлении, до сих пор не признанном ни советскими, ни российскими официальными источниками, от такой ничтожной персоны как Булганин? Такое терпение и всепрощение вовсе не характерны для коммунистических властителей. Я нашёл возможное объяснение этой загадке в книге Роя Медведева «Все соратники Сталина» (1984): «Мы не знаем, думал ли Суслов, что он в какой-то момент может стать главой партии. Он был несомненно раздражён растущим авторитетом Брежнева. ... На пленуме ЦК в конце 1969 г. Брежнев произнёс речь, в которой он критиковал многие недостатки в экономической политике и управлении, что было воспринято как указание политического направления. После Пленума М. Суслов, А. Шелепин (член Политбюро и глава КГБ в 1958-61 гг.) и К. Мазуров (член Политбюро и первый заместитель председателя Совета Министров) послали в ЦК письмо, содержащее ряд критических комментариев к речи Брежнева. Ожидалось, что это приведёт к диспуту на предстоявшем весеннем Пленуме ЦК, но этого не случилось, поскольку Брежневу удалось заранее заручиться поддержкой наиболее влиятельных членов ЦК, и Суслов, Шелепин и Мазуров отозвали свои критические замечания. Суслов замолк и удовлетворился вторым местом в партийной иерархии и ролью главного идеолога».

Таким образом, похоже, что откровения Булганина являются лишь небольшой видимой частью массивного политического шантажа, направлявшегося с самого верха и потому – ненаказуемого. Булганин откровенно намекал, что обвинения могут быть предъявлены и другим «влиятельным членам ЦК». Невозможно со всей уверенностью сказать, приукрасил ли Булганин историю, но она должна была включать в основном правильные факты, чтобы быть эффективным орудием шантажа. Это даёт не прямое,

Александр РАШИН – канд. ф-м. наук. Живет в США, активист еврейской общины.

¹ Это интервью является важным свидетельством в пользу мнения тех, кто полагает реальными планы депортации евреев.

но сильное подтверждение правдивости болгаринского интервью. Вероятно, что в руках организаторов этого шантажа были не только устные показания, но и документы. Поскольку Сулов ушёл с политической сцены довольно поздно, не исключено, что эти документы сохранились.

Никита Хрущёв был снят с постов главы партии и государства в 1964 г., и после этого за каждым мгновением его жизни следил КГБ. Я с трудом могу поверить, что передача его мемуаров за границу, и даже их диктовка на магнитофон, не были одобрены на самом верху. Интересно, что мемуары Хрущёва (1970) были опубликованы на Западе почти в то же время, когда Булганин давал интервью. В отличие от болгаринского интервью, мемуары Хрущёва содержат слишком много имён, чтобы проследить направленный политический маневр, и его не обнаружил Давид Кранкшоу, прокомментировавший мемуары. Кранкшоу видел цель мемуаров в противодействии попыткам реабилитации Сталина. Рой Медведев (1984) утверждает, что «Сулов не поддерживал почти готовый план реабилитации Сталина, которая намечалась на 90-ю годовщину со дня его рождения (т.е. декабрь 1969 г.), одновременно направляя уничтожение последних остатков хрущёвской оттепели». Но если какая-либо группа в руководстве поддерживала планы такой реабилитации, то хрущёвские разоблачения преступлений Сталина укрепляли власть его наследников в руководстве СССР.

Отметим, что мемуары дочери Сталина, Светланы Аллилуевой, были опубликованы в тот же период – в 1969 г. Публикацию было бы легко остановить – вся семья Аллилуевой была заложниками КГБ в Москве. Книга Милована Джиласа «Встречи со Сталиным» также была опубликована в 1970 г. Было бы интересно проследить датировку других авторитетных свидетельств (см. например, Ваксберг, 1994) о подготовке геноцида. У меня для этого не было детальных источников. Однако очевидно, что близость дат основных «откровений» о преступлениях Сталина ко времени разгрома «Пражской Весны» и планировавшейся Суловым атаки на Брежнева указывает на то, что эти «откровения» были оружием в борьбе за власть в СССР, и для того, чтобы быть эффективными, должны были содержать реальные факты. Свидетельство Булганина о подготовке уничтожения советских евреев предоставляет нам такие факты.

Арон ЧЕРНЯК

О ДИСКУССИИ БЕЗ КОНЦА И БЕЗ КРАЯ

Не стихают споры вокруг планов депортации евреев в последние месяцы правления Сталина. Свидетельством тому служит дискуссия с характерным названием: «Депортация евреев – 1953. Миф или реальный план?» в журнале «Новый век» / Москва – Иерусалим, №2, 2002/. Закономерен ли столь широкий интерес к этой уже ставшей исторической теме? На наш взгляд, такой интерес имеет веские основания, сохраняющие свою актуальность и в наше время. Однако дискуссия о возможной депортации советских евреев неизбежно оказывается в ситуации дефицита объективной, убедительной информации. Тот, кто пытается доказать, что Сталин планировал депортацию, вступает в туманное пространство, где факты сомнительны, доказательства отсутствуют, где четкость уступает место расплывчатости и прямое подменяется косвенным. И, наоборот, каждый, кто пытается доказать, что реальной угрозы депортации не существовало, также и по тем же причинам оказывается в нелегком положении.

Арон ЧЕРНЯК - д-р исторических наук. Живет в Израиле.

Это обстоятельство приводит к тому, что дискуссия о депортации протекает не столько в сфере прямых и очевидных фактов, сколько в сфере рассуждений, предположений и домыслов, другими словами, – это явление **ВЕРОЯТНОСТНОГО ЗНАНИЯ**, и, следовательно, ее результат не может быть абсолютным, в лучшем случае, он сводится к нахождению **НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОГО** решения. Как и всякая вероятность, такое решение может быть оспорено. Здесь мы сталкиваемся со второй стороной дискуссии – человеческой: нравственной, психологической и потому эмоциональной. Ее невозможно отторгнуть, ибо это чистый продукт нервов еврейского народа. И именно это обстоятельство, а не какие-либо привходящие амбиции авторов, – истинная движущая сила дискуссии. И вполне закономерно поэтому, что дискуссия будет продолжаться.

Цель настоящего выступления – обобщить доводы в пользу **НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОСТНОГО** ответа на вопрос, существовала ли в СССР в 1953 г. угроза депортации евреев? Начнем с признания абсолютной объективности журнала «Новый век» в освещении проблемы депортации. Наряду с позицией тех, кто считает депортацию реальной перспективой (в данном случае это историк Я. Этингер и проф. медицины Ф. Лясс), приведены высказывания их противников: историков Г. Костырченко и И. Альтмана; менее категорично этой же позиции придерживается известный ученый-биолог и публицист Ж. Медведев).

Но почему-то среди них не оказалось писателя А. Борщаговского. Между тем, «знаменитый космополит», автор замечательной монографии «Обвиняется кровь», основанной на секретных архивных материалах, к тому же ярый враг Сталина, имеет взвешенный взгляд по рассматриваемому вопросу. Мимо него не может пройти ни один исследователь проблемы депортации. Борщаговский ни на минуту не сомневается в преступных желаниях Сталина. «Нашлись бы, конечно – пишет он – вагоны и конвоиры, не считанные километры тайги и тундры, но как свезешь миллионы людей уже не за дымовой завесой войны, не нахрапом, не втайне, а на глазах у протрезвленного человечества, для которого Сталин, пока еще, символ победы над бесчеловечным фашизмом! Нашлась бы тюремная похлебка для всех и братские могилы-ямы, вырытые по пути для упавших, пристреленных, для «малOVERОВ» и скептиков... Как соберешь их по всей империи, как обойтись с сотнями тысяч смешанных браков, с полукровками? Как заменить вдруг добрую четверть врачей, десятки тысяч учителей, научных работников, как поступить со множеством видных деятелей науки, искусства, литературы, мастеров, отмеченных премией его имени?!» /А. Борщаговский. *Обвиняется кровь*. Документальная повесть. М., «Прогресс-Культура», 1994, с. 36/.

Автор считает ненависть Сталина к евреям неизлечимой болезнью. Однако окончательный вывод А. Борщаговского звучит следующим образом: «Ссылка, депортация евреев страны не миф, но мифологический, близкий к фантастике образ вожделений и тайных планов Сталина, его неутоленной жажды; дополнительный мотив ненависти из-за сознания **НЕВЫПОЛНИМОСТИ** его мечты /выделено Борщаговским - А.Ч./». Он не в силах был справиться с этим, страдал, исходил ненавистью, его склеротические сосуды напрягались, грозя катастрофой. Все возраставшая жажда такой расправы породила и новую волну репрессий... /Там же/. Хотел, стремился, но не мог – такова фрейдистская ситуация, своеобразный феномен личности Сталина.

Имелись ли подобные феномены в истории России? Да, имелись. Оказывается, у сына сапожника Иосифа Джугашвили был достойный предшественник – тоже сын, только императора, Александр Николаевич Романов, более известный под именем Александра III. Этот «Государь император Всероссийский» ужасно не любил евреев и известно, что однажды он спросил своего министра Витте, верно ли, что тот водится с евреями? Мудрый Витте в ответ спросил у царя: может ли он собрать всех русских евреев и утопить в Черном море? Ответа не последовало, что подумал при

этом царь, мы не знаем. Зато известно одно прямое его высказывание: «В глубине души я ужасно рад, когда бьют евреев...». Тут встает вопрос: почему же всевластный «хозяин земли русской» не привел желания в исполнение? На это он сам и ответил. Оказывается, приведенная фраза Александра III имеет продолжение: «и все-таки, – назидательно утверждал он, – не надо допускать этого». /Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., МГУ, 1964, с. 419./ Существо этого предостережения разъяснил председатель Комитета министров России М.Х. Рейтерн. Выступая на заседании Комитета, он заявил в 1882 г.: «Нужно защищать всякого от всяких незаконных посягательств. Сегодня травят и грабят евреев. Завтра перейдут к так называемым кулакам... Потом может очередь дойти до купцов и помещиков»/ Там же, с. 417./ Как человек Александр III желал «побить», а как глава государства – не мог. Антисемитских чувств не был лишен и Николай II, а ведь Сталин был совсем не глупее венценосных предшественников. После этого исторического экскурса перейдем к изложению своей позиции.

Безусловно, проблему возможности или невозможности осуществления такого масштабного и сложного предприятия, как депортация миллионов людей, нельзя рассматривать без учета всей совокупности различных факторов, и проф. Ф. Лясс использовал для обоснования своих взглядов по вопросу депортации системный подход. Возникает следующая схема: явление депортации, ее сущность и особенности; подготовка депортации – документальная база, организация и пр.; Сталин – состояние, психология, возможности и др.; соратники Сталина – их реакция; ситуация в стране; реакция за рубежом... Мы готовы серьезно рассматривать каждое высказывание сторонников депортации, за исключением одного утверждения – о публичной смертной казни врачей, которая, якобы, была предрешена властями. Это представляется абсолютно невозможным, Это был бы дикий анахронизм: последняя публичная смертная казнь по политическим делам в России состоялась примерно за 70 лет до рассматриваемых позиций, в 1880-х гг.; казнь А. Ульянова и его соратников в 1887 г. происходила в тайной обстановке. Публичная казнь врачей не имела никакого смысла: устрашать было некого, ее проведение вызвало бы неопишуемые последствия за рубежом, да и в самой стране. Утверждения о публичной казни наносит только вред защитникам наличия угрозы депортации, ибо может посеять недоверие и к другим их утверждениям. Перейдем к рассмотрению указанной системы.

Содержание и характер депортации. Речь шла о насильственном поголовном переселении евреев из отдаленных районов страны; о размещении их в бараках, которые уже строились; предполагались два этапа депортации: сначала – чистокровные евреи, затем – полукровки. Излагались сведения об организации катастроф с эшелонами евреев, о гибельных условиях их пребывания в местах размещения и т.п. То есть, в сущности, – о геноциде, что означало депортацию более двух миллионов евреев плюс сотни тысяч полукровок. Это – не менее четверти врачей страны, сотни тысяч учителей, научных работников, специалистов народного хозяйства, деятелей литературы, искусства и т.д. Могла ли страна вынести такой удар? Евреи не только «паспортная» группа населения, но интегрированная часть общества, проросшая в его структуры, с широкими родственными связями. Это тоже удар по обществу. Напомним, что Гитлер выпустил из заключения еврейских мужей немецких женщин как только те организовали массовый протест. Никакого сравнения здесь с выселением народов во время войны нет.

Депортация еврейского населения – ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ событие, выходящее за рамки страны. Оно требует ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО обоснования, влечет за собой ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ последствия и ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ ответственность. И здесь встает вопрос: даже при всем возможном стремлении Сталина, можно ли в НЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ условиях найти ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ обоснование, которое бы обладало всеобщей силой убедительности в своей целесообразности и необходимости? Тут никакие ухищрения даже изощренных сталинских пропагандистов не помогут. Сталин не мог этого не понимать.

Подготовка депортации. Вопросы организации этого предприятия, строительства бараков, подготовки железнодорожных составов, выделения людей, финансовых средств и т.п. рассмотрены Г. Костырченко и др. исследователями, которые не нашли документальных подтверждений. Мы лишь скажем несколько слов относительно документальной базы. Ссылаются на то, что Сталин не любил подписывать документы. Может быть. Но имеется огромное количество примеров его подписи в важнейших документах: советско-немецких 1939 г., расстрельных актов, страшных приказов периода войны и пр. Если даже предположить, что депортацию можно было провести без прямого сталинского документа или другой властной инстанции, то нельзя было избежать множества т.н. «подзаконных документов». Это распоряжения, указания, сообщения, доклады, переписка и т.п. акты, которые проходили через различные инстанции. Нет их следов, ссылок, пусть глухих, и иных т.н. «исторических остатков». Уничтожить такую массу их невозможно – это скажет любой архивный работник. Кстати, сохранились не менее «страшные», даже прямые документы, скажем, о расстреле польских офицеров – в Катыньском лесу и др.

Ситуация в стране. Власти и, очевидно, сам Сталин немало постарались, чтобы создать антисемитскую истерию, и это явилось стимулом для расправы над евреями. 5 марта 1953 г. в адрес Г. Маленкова, Л. Берии, Н. Булганина, Н. Хрущева была направлена сводка материалов о реагирования населения на болезнь Сталина. / «Неизвестная Россия. XX век.» Т.2. М., «Историческое наследие», 1992, с. 254-258./ Вот какие были высказывания: «В тяжелой болезни Сталина виновны те же врачи-убийцы». «Не приложили ли руку к его здоровью евреи?». «Если не выздоровеет т. Сталин, как бы рабочие не устроили погром еврейских палаток и магазинов. Если не выздоровеет т. Сталин, то нам надо пойти на Израиль и громить евреев». Но были и другие высказывания: «Туда и дорога», «Ну и хорошо», «А стоит ли его лечить?» А когда было обнародовано о реабилитации врачей, многие русские люди радовались. В этот день в нашей квартире телефон разрывался от поздравлений.

Реакция за рубежом. Она тщательно скрывалась от населения СССР. Но кое-что просачивалось: «Вышинскому пришлось коснуться в своем ответе на вопрос о евреях, – читаем мы в донесении МГБ СССР, – значит, за границей по этому вопросу ведут соответствующую кампанию... Вышинскому трудно будет и дальше вести непримиримую политику, теперь придется идти на уступки» (Там же, с. 257.). «Дело врачей» приобретало невиданно серьезный характер. Волна протестов охватила страны Запада, амплитуда их была чрезвычайно широка: от компартий до правых, «реакционных» сил. Альберт Эйнштейн направил телеграмму с резким протестом министру иностранных дел СССР А. Вышинскому. Другой великий физик Ф. Жолио-Кюри, требуя международного расследования «дела врачей, угрожал выйти из Французской компартии. Все лидеры политических партий Великобритании осудили истерическую антисемитскую кампанию в Советском Союзе. Элеонора Рузвельт и вместе с ней 49 видных деятелей США обратились к президенту Д. Эйзенхауэру с призывом выступить в защиту советских евреев. Он еще ранее заявил по радио, что ни один из обвиняемых врачей никогда не вступал в какой-либо контакт с американскими спецслужбами – это был беспрецедентный случай. Пожалуй, только император Вильгельм более 50 лет назад выступил с подобным заявлением – во время процесса Дрейфуса. Демонстранты в столицах западных стран несли плакаты и транспаранты с лозунгами: «Сталин – новый Гитлер», «Позор Сталину», «Наш долг – спасти московских врачей». В феврале 1953 г. дипломаты, аккредитованные в Москве, обратились в МИД СССР, с заявлением: «Если этот кровавый спектакль, – говорилось в нем, – будет разыгран, то все аккредитованные в Москве послы западных стран покинут СССР, и дипломатические отношения будут прерваны».(Оскоцкий В., секретарь Союза писателей Москвы; «Новый век», №2, 2002 г.). Выдающиеся деятели мировой медицины приступили к организации Международного комитета для изучения обвинений, предъявленных советским

врачам. Разумеется, трудно с какой либо определенностью утверждать в какой мере подобные акции могли воздействовать на поведение Сталина.

И. Сталин. Планы депортации евреев, начиная от замысла и кончая осуществлением, не могли быть проведены без указания и в той или иной мере участия Сталина. Здесь трудно избежать гипотетических представлений, но имеются свидетельства и более достоверного характера. Обратимся к генералу П. Судоплатову, одному из руководителей органов безопасности. В конце февраля 1953 г. генерал был вызван к Сталину. «То, что я увидел, меня поразило. Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами стали длиннее. Видимо, слухи о двух инсультах были верны...» (Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы, М., 1997). И далее генерал вспоминает: «За несколько дней до смерти Сталина, – подчеркивает он, – я заметил в поведении Игнатьева /министр госбезопасности - А.Ч./ нарастающую неуверенность. Интуиция подсказала мне, что вся антисемитская кампания вот-вот захлебнется и ее организаторы станут нежелательными свидетелями и будут подвергнуты аресту» /Судоплатов П. Указ. соч. с. 493./ Кто-кто, а многоопытный генерал МГБ, приближенный к Сталину, хорошо знал его повадки. И, наконец, говоря о возможности депортации, Судоплатов заявил: «Я считаю, что речь идет только о слухе, возможно, основанном на высказываниях Сталина или Маленкова, выяснявших отношение общества к евреям в связи с «делом врачей» /Там же, с. 495./ Примечательно, что главный обличитель Сталина Н. Хрущев, обвинявший его в числе прочего и в антисемитизме, прямо не говорит о подготовке депортации евреев. Не будем повторять их высказываний. Отметим лишь обстоятельство, связанное с «ходом подготовки суда над «врачами-убийцами». В тексте печально знаменитого сообщения ТАСС 13 января 1953 г. о «врачах-убийцах» указывалось, что следствие завершается и обвиняемые вскоре предстанут перед судом. Процесс ожидался со дня на день, но прошел январь, прошел февраль, а известий об этом не было... В 1976 г. известный историк А. Авторханов в книге «Загадка смерти Сталина» обратил внимание на то, что антисемитская кампания была прекращена в газете «Правда» от 2 марта 1953 г. Простейший расчет показывает, что соответствующая директива была дана либо 28 февраля, либо не позже 10-11 часов утра 1 марта. Инсульт у Сталина произошел вечером 1 марта, но до позднего вечера это оставалось неизвестным: никто не решался войти в его комнату без вызова. Следовательно, директива эта явилась при жизни Сталина, т.е. шла от него, иначе быть не могло. «Допросы арестованных врачей: М. Вовси, В. Виноградова, В. Зеленина прекратились, примерно, за неделю до смерти Сталина. Они утверждали, что 25-26 февраля произошел какой-то перелом». /Лясс Ф. Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид. Иерусалим, 1995, с. 116./ Сигнал к отбою мог дать только Сталин. Как известно, Сталин забраковал радикальный вариант письма видных еврейских деятелей, составленный в духе сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. «В архив» – распорядился Сталин. По его поручению новый вариант составил главный редактор «Правды» Д.Т. Шепилов. По свидетельству Костырченко, это письмо «по форме и лексике...разительно отличалось от того, что было раньше. Это была уже не прежняя вульгарная агитка, а вежливое приглашение «вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев... и, самое главное, уже не выдвигались никаких требований расправиться с «врачами-отравителями» /«Новый век», 2002, №2, с. 105-106./ Еще ранее А. Борщаговский писал по поводу и первого варианта письма: «остужающий и сердитый окрик раздался с самого верха» /Борщаговский А., указ. соч., с. 380./ Имеются и ряд других свидетельств об «отбое», который был дан Сталиным.

Существует, однако, противоположное мнение, сторонники которого выдвигают следующую мотивировку: тот, кто утверждает, что Сталин мог отказаться от своего настойчивого стремления, проявляет полное непонимание его личности. Разумеется,

никто не может претендовать на монополию в этом вопросе, однако целый ряд примеров в поведении Сталина указывает на то, что при всем своем властном самодурстве Сталин был достаточно осторожным человеком, более того, он был крупным мастером политической ретиранды. Отказаться в случае необходимости от тех или иных действий и при этом взвалить вину на исполнителей – один из излюбленных приемов Сталина в большой политической игре. Возникли трудности коллективизации – Сталин пишет знаменитую брошюру «Головокружение от успехов»/1930 г./, Репрессии 1937-1938 гг. достигли определенного пика – смещается «сталинский нарком» Ежов, приходит Берия, уровень террора несколько снижается, даже несколько тысяч узников освобождены /в т.ч. Рокоссовский, Мерецков, Горбатов/. Космополитская кампания 1949 г. вдруг прекращена, появляется некоторые «обратные» высказывания, хотя и ограниченные. Во внешней политике также время от времени наблюдается подобная тенденция. /«Берлинский кризис», «Корейская война» – когда она зашла в тупик, Сталин в начале 1953 г. предлагал китайскому руководству заключить перемирие/. В целом нельзя сказать, что Сталин был человеком риска и увлечений. «Он был достаточно «гибким» политиком, – отмечал Жорес Медведев, – и немалое число его «поворотов» было неожиданным» /«Новый век», 2002, №2, с. 118./.

Конечно, Сталин был властным и авторитарным диктатором, любившим принимать самостоятельные решения, но не всегда; во многих случаях он стремился «привязать» к своим решениям соратников, разделяя с ними ответственность. Таковы, скажем, многочисленные документы – расстрельные списки «врагов народа» – в сущности, это акты коллективных преступлений, что дает нам право коснуться вопроса о соратниках Сталина в рассматриваемой ситуации.

Соратники. В литературе получила некоторое распространение версия о «восстании» ряда членов Президиума ЦК КПСС против Сталина при обсуждении вопроса о депортации евреев. Якобы они выразили открытое и решительное несогласие с требованием Сталина о депортации и это привело к апоплексическому удару и смерти вождя народов. Версия эта представляется мифической, но само ее изложение в печати, в т.ч. зарубежной, довольно показательны, ибо она не могла появиться ранее. Нередко мифы – явление не случайное. Это заставляет нас обратиться к вопросу об отношении старых соратников Сталина к проблеме депортации евреев. Следует иметь в виду два обстоятельства. Конечно, они как опытные политики, видели крайне негативные, разрушительные последствия этой акции для страны, ее внутренней и международной жизни. Во-вторых, вставал вопрос об ответственности. Соратники наблюдали угасание Сталина, понимали, что он скоро умрет – как сложатся обстоятельства, неизвестно, но вся ответственность падет на них. Как смогут они оправдаться? Свалить всю вину на мертвого? – это не пройдет. Об этом говорила история. Нюрнбергский процесс в частности. О том, что такие настроения были возможны, свидетельствует выступление Н.С. Хрущева на съезде КПСС. «Но мы чувствовали, – заявил он, – что дело с арестом врачей – это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это «дело», то увидели, что оно от начала до конца ложно. Это позорное «дело» было создано Сталиным».

«Дело врачей» стало захлебываться еще до смерти Сталина. «Весь февраль 1953 г. Жемчужину /арестованную жену Молотова - А.Ч./ допрашивали на Лубянке. И вдруг второго марта все прекратилось» /Лясс Ф. Указ. соч., с. 122/. В эти дни следователи задавали арестованным врачам вопросы о перспективах болезни Сталина, не называя его имени /Там же, с. 165/. Подобные действия, конечно, были не случайны, характерны. Может возникнуть вопрос: какое, вообще, значение для Сталина могли иметь взгляды его соратников? Не следует спешить с отрицательным ответом. При обсуждении важных вопросов Сталин, как правило, выслушивал различные мнения, а затем предлагал проект решения. Какой бы «совещательный» характер ни имели те или иные мнения, они могли иметь определенное значение. Тем более, если на обсуждение выносился столь серьезный вопрос.

Я хочу завершить свое выступление, возможно, не совсем обычно. Все, что мной написано выше, – высказывания историка, прошедшего в этом плане школу выдающегося исследователя и рыцаря науки профессора Т.А. Зайончковского. Симпатии и антипатии, интуиция, внутренние побуждения, нравственные начала и т.п. конечно остаются при историке в качестве некоего весьма важного фона, но они – за пределами научных выводов. В известном смысле историк не принадлежит себе как человек полностью, он находится во власти фактов и логики, не может преступить через них. Таково «бездушие» исторической науки. Но никто не в праве отказать мне выразить свою чисто человеческую позицию и отношение к позиции своих оппонентов. Я не уверен, что в принципе не существовало каких-либо истинных признаков грядущей депортации. Поэтому я с уважением отношусь к работам тех, кто отстаивает подобную ситуацию, тем более, написанных кровью сердца (и моего, в том числе). Но, и в споре с самим собой, верх берет профессиональный историк.

Итоговые выводы выглядят следующим образом:

1. Нет достаточных оснований говорить о неизбежности депортации евреев и утверждать, что она не состоялась исключительно из-за смерти Сталина.

2. В то же время теоретически возможно допустить проведение депортации при жизни Сталина.

3. Оба эти положения принадлежат к типу вероятностных. Однако сама вероятность – явление, которое допускает градацию по степени приближения к реальности.

4. Осуществление депортации представляется наименее вероятным по сравнению обратным. Поэтому о возможности депортации следует говорить не на уровне абсолютного знания или утверждения, а в рамках знания вероятностного, предположения.

Таковы, на мой взгляд, и границы дискуссии, если иметь в виду современную информационную ее базу. Как же быть с дискуссией? Конечно, никто не может ее запретить, и никто к этому не призывает. Однако палицо информационный кризис дискуссии, но одновременно усиливается и эмоциональный напор оппонентов, растет накал страстей, появляются побочные, в сущности, выходящие за рамки научного спора, моменты. В частности, проскальзывает иногда и такая мысль: противники наличия подготовки депортации пытаются защищать Сталина. Но это, извините, чистая чепуха: **СТАЛИНА НЕЛЬЗЯ ЗАЩИТИТЬ, ИБО НЕЛЬЗЯ ЗАЩИТИТЬ ЧЕЛОВЕКА ОТ САМОГО СЕБЯ**. Ничто не может «спасти» крайне негативный образ Сталина. Провел бы он депортацию евреев или отказался бы от нее – это уже не могло бы изменить его нравственный облик.

Инна ЛЕСОВАЯ

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ В ИТАЛИИ

ПОВЕСТЬ

Ему так хотелось увидеть! Кажется, одной секунды было бы достаточно для того, чтобы охватить взглядом и вобрать в память окружающее, все, что находилось здесь, совсем рядом и давало о себе знать волнующим слиянием голосов, скрипов, шелестов.

Того, что называется воображением, у него не было. Он мог лишь подставлять ко всем этим звукам какие-нибудь фотографии, отрывки из фильмов, по большей части немых, лишенных не только красок, но и воздуха, и солнца. Он догадывался, что на самом деле все выглядит совсем иначе, гораздо красивей.

Так оно и было.

Солнце светило прямо в затылок Матери, которая сидела у окна. Казалось, мягкие лучи с наслаждением проникают в ювелирную путаницу завитков, выбившихся из высокого узла. Этот узел, очень редкого русого цвета, как бы сталкивал на лоб новенькую шляпку из прелестного светло-серого фетра, овальную, с высокими, как борта лодочки, полями – так что хорошо была видна припавшая к низкой тулье белая креповая роза. Вместе с серыми атласными листиками она была утоплена в сборочках почти прозрачной ткани. Из такой же ткани были сделаны рюши и большое жабо на шелковой блузке, серой в белую полоску. Стоило где-то приоткрыться двери, морскому ветерку скользнуть в распахнутое окно – и все эти складочки, оборочки взмывали, а потом долго колебались, будто искали, куда опуститься.

- Знаешь, на что похожа твоя блузка? На пар... Когда у нас в марте начинают таять сугробы... Вот так же ходит зигзагами.

- Это от мадам Помье. Я все ждала, когда ты заметишь.

- Я сразу заметил, -- улыбнулся Отец.

- Нравится?

- Очень.

- Мадам Ларок уговорила меня сфотографироваться в этом наряде.

Дымчатый рюш чуть отступал от шеи, подчеркивая ее нежную линию, резким изгибом переходящую в линию подбородка. Лицо было чуть подсвечено снизу – то ли белой скатертью, то ли бликами, играющими на тарелках. Это теплое тайное сияние как бы объединяло их и отделяло от всего постороннего.

Именно своим особым освещением и был приятен ресторанчик синьоры Матинелли. Свет стелился над столиками, оставляя темным и прохладным высокое пространство под потолком. Посетителей было совсем мало, и в зале слышался шум моря, шелест деревьев, азартные выкрики часка.

Здесь они обычно праздновали возвращение Отца из его деловых поездок. Поездки были частыми, но недолгими. Так что кому-то со стороны могло показаться, что слишком бурно проходят все эти встречи: с подарками, рассказами, шумными выражениями радости. Но такова уж была эта семья. Завтрак, обед, прогулку – все здесь превращали в знаменательное событие. Особенно Мать.

Инна ЛЕСОВАЯ (1947, г. Киев), – автор 18 повестей и романов. Проза Инны Лесовой регулярно публикуется в журналах США, Германии, России, Украины. В дополнение к своему литературному творчеству И. Лесовая работает в изобразительном искусстве и ее работы выставлялись на персональной выставке в Москве. Она также приглашалась для участия на вернисажах в Париже и Брюсселе. Живет в Киеве.

Мать была человеком, счастливым от природы. Маленькому Мики пошел уже шестой год, а она продолжала рассказывать историю своего замужества, как самую свежую новость, причем история эта, в сущности, вполне обыкновенная, выглядела в ее изложении немислимым, фантастическим стечением обстоятельств. Мики любил ее слушать больше, чем любую сказку.

Так могла бы радоваться своему незаслуженному везению какая-нибудь дурнушка, а не женщина, привыкшая к всеобщему восхищению, почти что красавица. Считалось, что ее портит радостно вздернутый, островатый носик, хотя, возможно, именно он и придавал ее лицу особое обаяние. Да и не вязался бы, пожалуй, классический нос с этими глазами, чуть раскосыми и удлинненными, как два листика вербы. С этими бровями, которые начинались с забавных вертушек, придававших лицу неустойчивое выражение – будто она попыталась нахмуриться, но не выдержала и улыбнулась.

Эта ее улыбка... как бы раздвоенная виноватым треугольничком верхней губы... Казалось, ей неловко показывать свои милые зубки, целовко быть такой молодой, такой везучей, такой любимой.

Отец вернулся накануне, и так уж вышло, что сразу нагрянули гости и сидели допоздна. Все утро было занято возней с ребенком, и поговорить никак не удавалось.

Замученное пирожное Мики громоздилось посреди тарелки горкой крошек с шишкой вылезшего крема. Шоколад в чашке почти остыл. Белый беретик с синим помпоном висел на спинке отодвинутого стула. Самого Мики не было. Племянница хозяйки повела его смотреть щенков спаниеля.

Где-то в глубине ресторана тихо звенела посуда. Пахло кофе, морем и олеандрами.

- Весна в Италии... – сказал Отец. – Что может быть лучше?

- Весной везде хорошо, – улыбнулась Мать.

Солнце осветило угол ее глаза, зеленый зрачок стал глубоким и прозрачным.

- Почему ты хочешь обязательно оставить Россию? Я понимаю – раньше. Но сейчас! Все говорят, в России такие перемены к лучшему! И война вот-вот кончится...

Он поморщился с добродушной досадой.

- Твои друзья обольщаются. Это все романтика. А я реалист. На мой взгляд, там начинается что-то несусветное. И я не хочу даже разбираться в этом. Жаль, что нет никого, кто мог бы вместо меня закрыть там все дела. Так не хочется ехать! В любом случае мне было бы спокойнее, если бы вы отправились в Бостон прямо сейчас. Поживете пока у Симона. Он будет счастлив...

- Нет-нет! – запротестовала она. – Без тебя – никуда!

- Конечно, это невозможно. В твоем положении... Одна на пароходе...

- Чепуха! Я не боюсь плыть на пароходе. Я прекрасно себя чувствую! Прекрасно! Помнишь, как меня тошнило, когда я носила Мики? Днем и ночью! А сейчас хоть бы что! Знаешь, что я тебе скажу? Это какой-то удивительный ребенок! Я каждое утро просыпаюсь счастливая! Мне все время весело! – Ее голос звучал возбужденно, будто били деревянной палочкой по хрустальному бокалу. – Это она! Я чувствую, что это девочка. Я говорила тебе тогда, с Мики, что стала чуть-чуть мужчиной. А сейчас я ощущаю себя... дважды женщиной!

- Быть женщиной больше, чем ты есть? – рассмеялся он и накрыл ее ручку своей большой осторожной рукой.

- Нет-нет! Я прямо чувствую, как смешиваются два характера! Вот увидишь: она... Необыкновенно веселая и смелая!

Пожалуй, он чуть-чуть ревновал жену к этому ребенку, которого она вынашивала в не проходящем лихорадочном нетерпении – так на вокзале ждут дорогого человека, поезд которого должен прибыть с минуты на минуту. Что-то его беспокоило. Он даже советовался с доктором – разумеется, тайком от нее, – но доктор не понял его опасений. «Вам можно только позавидовать», – сказал он.

И действительно: она была совершенно здорова, очень нежна и с ним, и с сыном. Что же до зависти, то им действительно завидовали. Причем не их красоте, эlegantности, явному благополучию, а удивительному сочетанию приятных характеров.

Объективно он был для нее слишком высок, широк в плечах и тяжел. Но в этой тяжести, в чуть намечавшейся полноте было что-то располагающее. Казалось, он добродушно тяготеет и чрезмерной длиной своих ног, и чрезмерной шириной плеч, и грудью, излишне мощной, как тяготеет не по погоде теплой одеждой. У него даже привычка была такая: обеими руками держаться за лацканы пиджака, будто он намеревается его сбросить. Он двигался как бы чуть замедленно, а вместе с тем аккуратно и ловко.

Синьора Матинелли, хозяйка ресторана, высоко ценила его деликатное обхождение с ее новыми стульями.

- Что значит хорошее воспитание! – сказала она, выглядывая в зал сквозь щель между плюшевыми шторами. – Никогда не развалится на стуле, как другие. Понимает!

- А какой красавец! – поддержала синьора Боллони и переместилась за спиной хозяйки так, чтобы лучше видеть их столик.

Строго говоря, красавцем он не был. Однако крупные и необычные черты привлекали к себе внимание не меньше, чем его рост. Лоб был вылеплен мощными гранями. Густой черный волос, казалось, теснил назад встречный ветер. Что еще... Спокойные черные глаза. Нос. Вот у него-то как раз нос мог бы быть и получше... Чуть горбатый, с округлым утолщением на конце, он казался маловат для такого лица и несколько простил его. Вообще чертам Отца недоставало мужественной агрессии. Но этот недостаток замечательно скрадывали большие жесткие усы.

- Кстати, - сказала Мать, - надо что-то решать с Мики. Пора уже все ему рассказать. Я не решалась без тебя. Знаешь, еще неизвестно, как он это воспримет. Мики привык, что все вокруг восхищаются им, обожают его... А тут появится маленький, и мы должны будем делить свою любовь. А вдруг он станет ревновать?

- Бог с тобой! Да Мики будет счастлив, уверяю тебя! Давай прямо сейчас и расскажем ему!

- А... как мы ему объясним? – разволновалась она.

- Да так, как есть.

- Хоть бы он там не выпросил у них щенка. – Оба посмотрели в сторону желтой шторы. - Нам еще только щенка не хватало на корабле.

Он снова помрачнел.

- Какая-то безвыходная ситуация! Ехать на последних месяцах – скверно, с грудным ребенком – еще хуже. Ей-Богу, лучше всего тебе было бы уехать прямо сейчас.

- Пожалуйста, не начинай сначала! И потом, ты забываешь: я должна спеть еще две «Богемы»! Кстати, Курье предлагал концерты в Генуе. Но я отказалась. У Курье началась истерика, когда я ему рассказала. Эта современная мода только тем и хороша, что можно до самых родов проходить и никто ничего не заметит. А звучу я потрясающе! Ты не представляешь себе! Как никогда! Вот как-то она так удачно подпирает мне диафрагму... Такое впечатление, что она мне сознательно помогает! Правда, маленькая, ты мне помогаешь? – обратилась она как бы в собственную свою глубину и привычно коснулась рукой того места, где задумчиво лежал на боку Зародыш. Он скользнул, подался вперед, поближе к ее руке, и несколько раз ткнулся в ее ладонь плечом и головкой.

- Вот! Вот! Ах, как жаль, что ты не можешь услышать! Она мне отвечает! Мы с ней все время разговариваем! Вот ты не веришь, а я тебе покажу дома! Спрошу у нее что-нибудь... Иногда я с ней советуюсь и делаю так, как она подсказывает!

- Сокровище мое! Ты меня просто пугаешь! – улынулся он растерянно. – Ребенок крутится оттого, что ему чего-то не хватает. Ты напрасно носишь корсет. Я всегда считал, что он вреден, и особенно в период беременности.

- Да разве это настоящий корсет – то, что мы сейчас носим!

- Не знаю, не знаю, – сказал он. – Во всяком случае, меня смущает, что плод начал шевелиться слишком рано.

- Ну и Мики рано начал вертеться!

- С Мики мы не знали сроков...

- Да, - улыбнулась она. – Наша девочка еще не родилась, а успела уже хорошо попутешествовать... А что ей еще предстоит!..

Крепко сомкнутый ротик Зародыша покривился. Он знал, что когда-нибудь из таких спазмов начнет получаться человеческая улыбка. Он вообще много чего знал – куда больше своих молодых беспечных родителей. Больше, чем ему самому суждено было узнать впоследствии, после рождения.

То, что называлось «Будущее» или «Жизнь Доры», лежало перед ним, как огромный кристалл, прозрачный и обозримый, во всех красках, звуках и ощущениях. И Зародыш, не напрягаясь, видел каждый миг своего будущего одновременно. Все это двигалось, светилось, дышало. Утомляло рябью не сменяющих друг друга дней и ночей. И одновременно маленькая Дора грызла крошечные пыльные груши на длинных, как у вишен, палочках, и завязывала на затылке марлевый бант, и отпаривала в тазу с горячей сывороткой сухие, покореженные ступни, уродливые, как вывернутые из земли корни, и взлетала в гранд жетэ, едва коснувшись сцены пуантом, и опускалась то в пустых, то в набитых растерянными людьми коридорах, быстро семенила ногами, как Жизель, не разгибаясь, от двери к двери... «У меня дети, у меня почти тысяча человек детей!» Требовала, стучала кулаком: «У меня тысяча!..» И стояла на вокзале во Львове, и серые каменные головы заглядывали через ее плечо в записку с адресом свекрови, и уже подходила к ее дому, уцелевшему среди руин, под вальс из «Евгения Онегина», под сто вальсов из «Евгения Онегина», которые накладывались друг на друга, на «Танцы маленьких лебедей», на целые стаи «маленьких лебедей», и «Апассионат», и пионерских песен. И за всем этим, как грубый, настырный аккомпанемент – стук колес...

Зародыш не понимал, зачем ему, маленькому и беспомощному, так непомерно много открыто? Почему он выдерживает все это знание, под которым бы рухнул зрелый человек, вольный в своих поступках? И что это? Результат случайного сбоя в заведенном порядке жизни – или, наоборот, то, что дано каждому живому существу: увидеть, узнать и, родившись, все забыть, но остаться закаленным, втайне готовым к тому, что должно на тебя обрушиться?

Более правдоподобным казалось второе. Иначе трудно было бы объяснить, как Дора смогла перенести все свои несчастья. Сам Зародыш подумывал порой, не следует ли ему, несколько раз повернувшись на своей коротенькой пуповине, так затянуть ее... Но... Во-первых, ему было ясно, что из этого ничего не выйдет: иначе не стоял бы перед ним живой движущийся кристалл... Да и жаль было некоторых мгновений: этих полетов в лучах прожектора, первого снега, фантастического появления Бронекса – в темном коридоре театра, куда Дора зашла мимоходом, совершенно случайно, и увидела будто зародившуюся в самом конце, во тьме, за поворотом легкую мужскую фигурку, вертящуюся волчком с раскинутыми руками прямо ей навстречу и замершую, застывшую перед ней с распростертыми объятьями и смущенным лицом... Да, это тоже было красиво – может быть, не менее красиво, чем нынешний день, – хотя и без моря, без олеандров, без дорогой одежды, без множества вещей, так пленительно звенящих, шуршащих вокруг.

Все эти вещи, все эти мелочи очень много значили для Зародыша. Он не мог их вообразить, а между тем прекрасно знал. И не только вещи. Он знал город, он знал улицы – по звукам, по особому гулу пространства, по скрещению сквозняков, которые говорили ему даже больше, чем скрип и скрежет под ногами Матери, чем ощущение подъемов и поворотов.

А уж как хорошо он знал собственный дом! Завихрения воздуха на лестнице, голос каждой двери... Да что там – если даже дверь была открыта, Зародыш понимал, в какую комнату они входят, сколько в ней окон, пуста она или заставлена мебелью. Все звучало и сообщало о своем присутствии: внесенная гитара, раковина на ками-

не... У каждой вазочки, каждого стаканчика был ни с чем не сравнимый выдох. Посвоему звучала даже пугающая, фальшивая глубина зеркала.

Помогало ли ему знание будущего так хорошо ориентироваться в окружающем мире? Пожалуй, нет. В этом просто не было нужды. Слух заменял все. И это даже не вполне можно было назвать слухом, ибо Зародыш ощущал звуки, как прикосновения, всем своим крошечным тельцем. Эти шумы-прикосновения были приятными и неприятными, любимыми и нелюбимыми. Особенно ему нравился близкий шелест листы. А еще – далекое кудахтанье курицы, шум моря, звяканье ложечки в чашке с кофе. Или такое, например: он очень любил молчание колоколов, молчание открытого рояля, арфы. Все это пело невыносимо прекрасно, как поет про себя человек, не размыкая губ.

Так пела про себя Мать. Было несколько чудесных мелодий, которые постоянно вибрировали в ее горле, в небе, в той части груди, где обычно прикалывалась брошь... По этому тайному пению Зародыш всегда знал, какое настроение у Матери: каждому настроению соответствовала своя, особая мелодия. В последнее время все чаще прорывалась одна – очень красивая и на первый взгляд даже радостная. Сначала казалось, что это та мелодия, с которой утром просыпаешься счастливым. Но когда она повторялась второй, третий, пятый раз, свет, излучаемый ею, начинал слепить. Становилось почти непереносимо грустно, в горле скапливались слезы странного предчувствия.

Зародыш вслушивался и гадал: не передается ли Матери его собственное знание? Вот уж чего ему не хотелось – омрачать эти счастливые дни! Он знал, что их остается мало, и дорожил каждой минутой покоя, каждой минутой присутствия Отца.

Когда Отец уезжал, Зародыш еще не осознавал себя. Но первым, что проникло к нему из окружающего мира, было ожидание – оно волнами напряженного гула расходилось от Матери, оно нетерпеливо тикало рядом, в маленьком тельце Мики. И все разговоры Мики и Матери, между собой и с другими людьми, были об Отце, о его скором приезде.

Как только Отец появился, Зародыш их понял. Он так быстро привязался к Отцу, так ценил каждую минуту его близости! Оказалось, что Мать ничуть не преувеличивала, когда уверяла свою подругу: «У него такой взгляд! Как прикосновение! Когда он смотрит на что-то, это место согревается!» И еще она говорила: «Вокруг него всегда что-то такое стоит, вроде облака, и всегда хочется подойти поближе».

Бедный Зародыш! Он единственный знал, что этого огромного человека, создающего вокруг себя особое пространство, где каждый чувствует себя любимым и защищенным, – этого человека не станет. И уже совсем скоро. Зародыш еще не мог плакать, он только горестно раскачивался, когда большая рука приближалась к нему. Он всем своим крошечным тельцем прижимался к отцовской ладони – так подставляют себя лучам солнца. Старался запомнить это ощущение и журчащие толчки отцовского пульса, раскаты низкого приятного голоса, легкий присвист в словах, цепляющих жесткие волосинки усов... И знал, что ничего не запомнит! Он мечтал лишь об одном – о том, чтобы эта их счастливая жизнь продолжалась как можно дольше, ценил каждую ее минуту. И постоянно был несчастлив, постоянно повторял про себя: «Только бы не сегодня».

Так уж странно все было устроено: жизнь четко делилась на две половины. Его нынешнее существование, о котором ему наперед ничего не было известно – и жизнь Доры, которую он видел без пробелов и дымок времени, но тоже не с начала, а лишь с того мига, когда Зародыш осознал себя второй раз, уже будучи отдельным человеком, девочкой, остриженной налысо, в широком линиялом платье, сползающем то с одного, то с другого плеча. И девочку звали Дорой. Она знала свою фамилию, знала, что сирота, что сначала бывает весна, потом – лето. Умела шнуровать ботинки и петь три песни. Знала, что в новый детдом попала недавно, но не помнила, где жила раньше. До того яркого дня простиралась мутная тьма без проблесков, и откуда-то из этой тьмы выступили две женщины в одинаковых шляпках из белого полотна, широкие поля которых образовывали одну общую тень, когда женщины шептались

на каком-то непонятном языке. Они сказали, что зовут их тетя Вера и тетя Фаня, и дали ей кулек с черешнями. Дора проглотила три прямо с косточками, пока они сообразили объяснить ей, что косточки нужно выплевывать. Дора видела, что не очень-то понравилась тете Вере и тете Фане, и не совсем понимала, зачем они пришли. Вид у них был какой-то беспокойный: то ли торопились, то ли боялись чего-то. И с жалостливым недоумением всматривались в ее лицо. Дора тоже боялась – что ее вовремя не отведут на обед. Черешни кончились, и она растерянно терла одну об другую липкие ладошки. Женщины смотрели и не знали, что еще сказать или сделать. Наконец, одна сообразила: «Что тебе принести, когда мы придем в следующий раз?» «Мячик!» – оживилась Дора. Никогда до этого ей и в голову не приходило, что можно иметь собственный мяч. Но с того дня пошел отсчет времени – началось ожидание мячика. «Тетя Вера» и «тетя Фаня» так больше никогда и не появились. Дора много лет мстила им: каждый раз, заполняя анкету, в графе «Имеются ли родственники?» писала жирное «нет».

Вслушиваясь в разговоры родителей и их знакомых, Зародыш пытался узнать, кто же они были, Фаня и Вера. Но имен этих пока не упоминали. Те фразы, которыми Фаня и Вера обменялись на неизвестном языке, Зародыш, в отличие от Доры, прекрасно понял, но они ничего не проясняли. Одна спросила: «Почему так много еврейских детей?», а вторая ответила: «Разве не ясно, почему?»

Зародыш вообще понимал все, хотя не знал ни одного языка. Слова то ли не существовали для него, то ли самим звучанием открывали свой смысл. И не имело значения, на каком языке говорят родители, на каком – синьора Матинелли с синьорой Боллони, а на каком – две подруги-американки за соседним столом.

«Ты узнала ее?» «Ну конечно! Она просто прелесть. Но он – вообще редкий красавец! Как ты думаешь, он тоже певец?» А за двумя стенами синьора Матинелли говорила племяннице, которая мыла под умывальником пухлые ручки Мики: «Ах, этот Микеле! Он похож на ангела из Санта-Тринита!» «Даже там нет такого», – сказала племянница и повела Мики в зал. А синьора Боллони, когда за ними закрылась дверь, добавила: «Слишком, слишком красивый ребенок! Такие долго не живут».

Три ветерка столкнулись в центре зала. Мики подбежал к родителям.

- Они такие хорошенькие! – зашебетал он. – Вот такие малюсенькие, а ушки длинные! И вот так висят!

В голосе его дрожала тайная умоляющая нотка.

- Может, попросить для тебя другой шоколад?

Мики растерянно уставился на свое пирожное и помотал головкой.

- Я всегда люблю холодный.

- Давай-ка я покормлю тебя, Мики! – предложила Мать и взялась за ложечку.

- Это стыдно, – сказал неуверенно Мики. – Я уже большой...

- Ничего, – успокоил его Отец. – Иногда можно.

Свет, отраженный тарелкой, осветил шейку, подбородок. Мики покорно тянулся навстречу ложке.

- Он совсем не хочет есть! – привычно пожаловалась Мать.

- Давай, давай, Мики! – поторопил Отец. – У нас есть для тебя большой сюрприз.

- Какой сюрприз? – встрепетул Мики.

- Ну вот... – сказала Мать. – Nun wird er denken, dass wir damit einverstanden sind, das Hundchen von Signora Natinelli zu nehmen¹. – И негромко рассмеялась.¹

Мики наконец проглотил остаток пирожного, и они направились к выходу. Немного постояли на площадке, привыкая к яркому дневному свету.

Потрескавшиеся ступеньки спускались к дорожке, идущей вдоль пляжа. Зародыш не любил этот путь. Скрип песчинок между мрамором и кожаными подошвами обжигал, крокотанье гальки под ногами матери, казалось, оставляло на его теле синя-

¹ – Теперь он подумает, что мы согласны взять щенка у синьоры Натинелли. (нем.)

ки. Беспорядочное дерганье и колыханье мешало Зародышу сосредоточиться. Он боялся упустить какие-то важные их слова, которые могли бы прояснить что-нибудь в его Будущем. Что же все-таки произошло с Отцом? И когда именно это случится? Не скажет ли он прямо сейчас: «Да, кстати! Завтра я уезжаю в Россию».

Россия... Россия... Мать повторяла это слово, как некое сказочное заклинание. Красивое сочетание звуков, не имевшее ничего общего с тем, что видела Дора: осыпавшийся хлеб, мрачные просторы гниющей осени, наскоро присыпанные шершавым снегом – снегом, снегом, который все густеет, так что сливаются земля и белое небо, и уже неясно, куда он едет, Дорин поезд, вечный Дорин поезд. Едет, черный, прорезая своей немислимой длиной долгую Дорину жизнь, так что девушки в белых пачках и девочки в черных галошах и марлевых платяницах, и тысячи школьных тетрадей, исчерканных красными чернилами, будто выпархивают из-под его колес, на мгновение приподнятые резким ветром, и тают где-то далеко позади. А впереди эти станции, полустанки, разъезды, небритые, злые от бессилия мужчины, уверяющие Дору, что вагонов больше нет («что же, по-вашему, важнее: отправить военный завод или ваших детей?!»), а Дора, как обезумевшая Жизель, бросается от начальника к начальнику («детей, конечно, детей!»), пробивает дорогу в толпе, ревушей от давки и отчаяния, протискивается, безжалостная к этой толпе, с тайной надеждой отыскать в ней знакомые лица. «Дорогу, дорогу!» «Детдом номер пять – первый вагон! Детдом номер восемнадцать – второй вагон! Ярцевский дом сирот – третий и четвертый вагон!» «Врачи, имеющие дипломы! Подойдите к начальнику поезда!» «Девушка, я биолог. Я смогу быть полезным» «Девушка, я педиатр. Диплом в дороге пропал, нас бомбили. Честное слово, я педиатр!» «Не имею права. Не имею права». А Доре только двадцать три года. Только двадцать три года! И она ждет, когда двери захлопнутся, когда отстанут темные люди, бегущие за вагоном, и снова потянутся белые снежные поля. А Мать произносит слово «Россия» – так нежно и певуче, так неправильно и по-итальянски, будто оно сродни словам «Россини», «Росси», «Розина»... Так что Зародышу кажется, что Мать никогда и не бывала в России.

Господи! Ну что бы им так и остаться в этом городе, на этом берегу! Все было бы по-другому! И Дора была бы совсем другая, и не было бы у нее жесткого, негибкого голоса, которого так стыдился Зародыш. А был бы такой же легкий и звенящий, как у Матери, и она гуляла бы с ними по берегу, и Отец присаживался бы на корточки, касаясь одним коленом гальки, и слова жужжали бы в его усах, как ласковые пчелы.

Зародыш слушал. Редкие слабые волны, лизнув берег, уже не возвращались... с сипеньем исчезали в широкой полосе ракушечного крошева. Ветер полоскал юбку у ног Матери. Где-то далеко-далеко переговаривались два человека. Кричали чайки.

- Иди сюда, Мики! – позвал Отец. – Мы хотим тебе что-то сообщить.

Мики остановился. Обруч его, описав обмирающий круг, упал на дорожку. Новенькие туфельки неуверенно захрустели по сырой гальке. Зародыш замер. Он догадывался, о чем сейчас заговорит Отец. Дыхание Мики, выжидающе неровное, слышалось совсем рядом. И еще было слышно, как ветер, бьющий ему в лоб, глинкает шелковыми пружинками детских локонов.

- Мы подумали, Мики, что ты уже большой мальчик. Пока меня не было, ты научился пользоваться столовым ножом и шнуровать ботинки.

- Сплю один... – с робкой гордостью прибавил Мики.

- Ну вот! Я и говорю. Ты уже смог бы помогать нам и мадам Ларок, если бы у нас появился... малыш... Как ты на это смотришь?

- Я? Конечно! Я всегда хотел братика!

- Ну что ж! Прекрасно! – сказал Отец. – Будет тебе братик или сестричка.

- Я думаю – сестричка, – уточнила Мать.

- Тебя устроит сестричка?

- Сестричка? Это даже лучше! Девочки не толкаются. А когда это будет? – голосок Мики задрожал от нетерпения.

- Ну-у, дорогой... – пророкотал ласково Отец. – Этого еще немного подождать придется! Сначала я съезжу ненадолго в Россию. Потом мы поплывем все вместе на пароходе в Америку. А уж там...

- Так она в Америке... – слегка расстроился Мики. – А ее там никто не заберет до нас?

- Нет, нет, Мики! – успокоила Мать. – Она только наша. И она уже здесь. Просто ее еще нельзя увидеть: она слишком маленькая и спрятана у меня внутри – вот тут.

Зародыш привычно двинулся навстречу руке матери и ткнулся в нее лобиком.

Мики постоял какое-то время неподвижно, не то свыкаясь с новостью, не то принимая важное решение.

- Вот что, папа, – сказал он и протянул отцу свой обруч и палочку. – В субботу Николай Петрович подарил мне точно такой же обруч, только синий. Я не сказал тебе, чтобы ты не огорчился. А теперь видишь, как хорошо получилось: синий будет мне, а твой – сестричке. Синий уже поцарапанный немножко, и красный вообще гораздо лучше. Так что я не буду его больше гонять.

- Ну вот и славно. Я его понесу. А теперь видишь вон того синьора, который играет на аккордеоне? Вот тебе деньги. Пойди и брось ему в шляпу.

Отец позвенел в кармане мелочью и сыпал ее в ладонку Мики. Мики кивнул и заторопился на набережную к уличному певцу.

- Пусть успокоится, – сказал Отец. – Привыкнет.

- Да, – откликнулась Мать. – Он такой чуткий мальчик... Даже слишком. Как ты думаешь, это ничего?

- Ничего, – Отец провожал взглядом ладную фигурку удаляющегося Мики. – Просто он все время с женщинами. Вот в Бостоне я займусь им. Он должен научиться ездить верхом, плавать. Ну и вообще... Он нежный, но довольно крепкий. Посмотри, какой: ножки длинные, стройные. Вот увидишь – он вырастет настоящим мужчиной.

- И очень красивым, правда?

Зародыш перевернулся на спинку.

Перед ним был Мики. Он сидел на лавочке в самом конце аллеи, в негустой тени ионьских деревьев. Его длинные ноги, закинутые одна на другую, выступали далеко вперед на желтую кирпичную дорожку. Локоть правой руки лежал на спинке скамьи, и большая неширокая кисть свисала с какой-то красивой, непривычной свободой. Густые светло-русые волосы, необычного серебристого оттенка, слегка вились. Они вызывали то же чувство, какое вызывает воздушная крона весеннего дерева. Такая прическа была бы к лицу какому-нибудь красавцу-киноактеру – как и улыбка, чуть раздвоенная застенчивым уголком верхней губы. Его зеленоватые, чуть раскосые глаза смотрели прямо на Дору. Этот взгляд... Нет, не узнающий! Он как бы с первой секунды узнал сестру. Он будто и не ожидал ничего иного и был счастлив видеть Дору, и становился все счастливее по мере ее приближения. А Дора шла, запинаясь, и сторожика легонько подталкивала ее в спину, поправляла платье, стряхивала с черных волос застрявшие сучки и соринки. И две девочки, с которыми Дора никогда не дружила, семенили рядом и зудели: «Ищи тут ее, ищи... Бегай за ней два часа...»

Дору действительно долго искали. Она слышала, как ее зовут, но не откликнулась, потому что сидела на дереве и ела зеленые завязи груш. Она слегка побаивалась ди-зентерии, но утренняя каша была уж очень жидкая, и Дора проглотила ее слишком быстро... Возможно, и это сыграло какую-то роль в ее отношении к Мики. Слова «к тебе пришли» мгновенно вызвали в памяти Доры двух тетенок и принесенный ими кулек черешни. Пустые руки незнакомца разочаровали ее. А тут еще этот уверенный взгляд, белоснежная рубашка с подвернутыми до локтя рукавами. Почему-то Дору удивило, что у горбуна подвернуты рукава рубашки. И еще прическа... У всех горбунов, которых доводилось видеть Доре, были черные, гладко зачесанные жидкие пряди. И смотрели они так, будто постоянно помнили о своем горбе. А этот сидел, как ни в чем не бывало – будто не нависал над его глазами костлявый лоб, будто не портил его лицо хрящеватый нос, будто весь он не был похож на большую длинно-

ногую птицу, у которой туловище выпирает спереди и сзади, а голова лежит прямо на плечах.

Бедный Мики! Да ни на минуту не забывал он о своем уродстве! Ангелочек, сорвавшийся с фрески Санта-Тринита, выпавший по жестокой случайности из красивого дня в Италии и вечно пребывающий там. Это оттуда он черпал представления о жизни, свои деликатные и раскованные ужимки и позы, которыми так восхищался Бронек. А Дора ничего этого не понимала и злилась, уверенная, что Бронек старается ради нее, показывает, что не брезгует ее братом.

Как стыдно было Зародышу, как стыдно! Хотя он и понимал, что, в сущности, Дора была для Мики неплохой сестрой – в дальнейшем, разумеется. Можно ли было ожидать, что она вот так сразу примет и полюбит чужого странного человека, который вместо того, чтобы дать ей время привыкнуть и привязаться, смотрит на нее с конца аллеи жадным узнающим взглядом и в первую же минуту, оставшись с ней наедине, сообщает: «Я твой брат»...

Возможно, если бы Доре стало известно, что где-то у нее есть брат-горбун – да что там! какой-нибудь совершенный урод! – Дора непременно начала бы искать его. И была бы счастлива встретиться с ним, вот таким, какой он есть. Но все получилось... Так, как получилось.

Конечно, Мики поторопился. Он, с его чуткостью, мог бы все это предвидеть. Но и его можно понять: ведь Мики-то всегда знал о том, что она есть. Он любил ее заранее, хотя, умудренный годами болезни и неподвижности, знал, что она окажется совсем не такой, какой рисовалась в его мечтах.

Для Доры же все вышло иначе: брат свалился с неба, без предупреждения, и любить его было обязательно, а следовательно – трудно.

- Садись, я не заразный, – сказал Мики.

Она пожалала плечами, как бы говоря: «Вот еще!» – и села, хорошенькая, недоверчивая, легкая от отсутствия воспоминаний, с бровями и глазами матери, с гримаской подавленной брезгливости, потупленная. И он уже ничего не помнил из того, что воображал себе, когда глядел в потолок, изо дня в день, привязанный бинтами к гипсовому панцирю, и тайком старался хоть чуть-чуть вывернуться на бок. Мечтал, как он вылупится когда-нибудь из этой ненавистной скорлупы, высокий и ровный, и отправится искать роддом, куда возил когда-то матери передачи и где, конечно же, сохранились все бумаги... А найденная сестра, узнав, кто он такой, тут же бросится навстречу ему – и всем его воспоминаниям, всему, что принадлежит им обоим.

- Ведь тебя зовут Дора? Дора Эльберт?

Она удивленно моргнула.

- И что это тебе пришло в голову сочинять себе разные фамилии?

- Так... – пожалала она плечами, не поднимая глаз. – В книжке прочла...

- Да я уже догадался, – рассмеялся он. – Я два месяца ищу тебя по детдомам. А до того несколько лет посылал письма, и мне отвечали, что ты нигде не числишься. Я долго болел, – пояснил он между прочим. – Лечился в туберкулезных санаториях – в Крыму и здесь, недалеко, в Пуше. Мне везде отвечали, что такой нет. Я решил уже, что тебя отправили в другой город. А потом подумал, что где-то могли перевернуть фамилию, снова стал ходить. Проверял всех девочек семнадцатого года по имени Дора. И вдруг в четвертом детдоме я нашел в списках «Дору Копперфилд» – и сразу сообразил, что это ты, что ты себе фамилии из книжек берешь. А нынешняя твоя – откуда? Из «Овода»? – Дора кивнула. – Ты, я вижу, начитанная девочка...

Дора хихикнула. Она знала, что должна, наконец, заговорить, но все ее внимание занимала почему-то лежащая на коленях у брата черная кожаная планшетка. Он то расстегивал, то застегивал ее длинными разумными пальцами.

- А почему ты записалась именно итальянкой? Просто так или...

- Просто так.

- А знаешь, – сказал он, – ведь мы почти до самого твоего рождения жили в Италии. Мама была певицей.

- Знаменитой? – оживилась Дора.

- Не знаю. Мне казалось, что знаменитой. Я ведь был совсем маленький, мне еще и шести не исполнилось, когда умерли родители. – Он будто оправдывался перед Дорой. – Мама давала концерты и пела в опере. Она была такая красивая! – Мики всматривался в лицо Доры, будто отыскивая что-то. – Вот, взгляни. – И он наконец раскрыл свою планшетку.

Черная плоская глубина поманила Дору. Но там оказалась лишь большая записная книжка в кожаном переплете с серебряной чайкой в уголке. Мики вытащил ее, полистал. Осторожно извлек оттуда согнутую вдвое картонку, в которой лежало несколько лавровых листиков. Секунду подумал и вернул их на место. Снова пролистнул страницы и достал фотографию.

То была фотография Матери.

Зародыш так часто погружался в это мгновение, так напряженно всматривался в кремово-коричневое изображение, дышащее новизной и свежестью, что знал до малейших подробностей нежный овал лица, безмятежную улыбку, задумчиво отогнувшийся мизинец ручки, подпирающей острый подбородок, белую розу на шляпке, полосочки и воздушные рюши блузы. Но образ этот, несмотря на все старания, никак не совмещался с его ощущениями, с радостной поступью Матери, со звоном ее голоса, бьющегося где-то высоко и счастливо, с оживленным шуршанием ее платья и едва уловимым лепетом оборок и невесомой дымки, которую морской ветер перекладывал на ее груди так и эдак, – а, главное, не совмещался с той чудесной мелодией, которой никогда не было в жизни Доры.

Доре фотография очень понравилась, но она никак не могла поверить в то, что эта прелестная женщина – ее мать. Такая молоденькая! В старинных одеждах, как из сказок о принцах и принцессах, живших в давние-давние времена.

- А... папина фотография?

- Нет. К сожалению. – У Мики снова был такой голос, будто ему стыдно, что он не может поделиться чем-то с Дорой. – У меня и мамина фотография оказалась случайно. Папа был очень красивый и очень-очень высокий. Я, кажется, больше и не встречал таких.

- Тоже артист?

- Да нет, не знаю, кем он был. Как-то, помню, мама сказала: «Ты ведь медик», а он ответил: «Скорее химик». Вполне возможно, я что-то неправильно понял. Мы собирались куда-то переехать из Италии, это точно. А перед этим он выехал в Россию по каким-то делам... И отсюда пришла телеграмма... Я даже не знаю, что там было написано. Меня сразу увели к хозяйке. Я слышал, как разбилось какое-то стекло, слышал, как кричит мама, но делал вид, что ничего не понимаю...

Мики замолчал, задумался.

Ах, как хотелось Зародышу, чтобы Мики никогда не произносил этих слов! Порой он начинал метаться, как осужденный, которому неизвестен день казни. Чуть раньше, чуть позже – но весь этот ужас неизбежно должен был навалиться на него. Весь этот звон и крик ему предстояло услышать. Его не могли увести к хозяйке, как маленького Мики. Но хотя бы не знать заранее!

- Ну а потом что было? – вежливо спросила Дора.

- Потом мама начала собираться в дорогу. Она без конца повторяла: «Я приеду туда и там все выясню!» Хозяйка и гувернантка пытались ее отговорить. По-моему, она сошла с ума от горя. Она набила чемодан отцовскими вещами, а для меня не взяла ни пальто, ни теплой обуви. Мы очень долго сюда добирались. И в конце октября я ходил в бархатной курточке и белых туфельках.

- А где вы жили?

- У какой-то старухи. Такая странная была... Дом я нашел, но ее там уже нет. Умерла, наверно. Не знаю, кто она – родственница, квартирная хозяйка... Она продавала на рынке наши вещи и готовила еду. Так ужасно было, беспорядочно... Какие-то люди бегали, стреляли... Маму отвезли в роддом, и я носил туда передачи. В Италии, – улыбнулся Мики, – меня и за порог не выпускали без гувернантки. Пока мы добрались сюда, я стал совсем другим. Ничего уже не боялся. Раз прихожу в больницу. Ты уже дня три как родилась. И мне говорят, что мама заболела тифом, и ее увезли в инфекционное отделение. Знаешь, я тогда по-русски так себе говорил... и ведь добрался! Там мне сказали, что мама без сознания и передача не нужна... Ну, а на обратном пути, – он будто испытывал удовольствие, подходя к счастливому концу, – меня случайно вытолкнули из трамвая, и я сломал позвоночник. Это даже к лучшему вышло. Куда бы я делся... Война, власть несколько раз менялась... Эти белые туфельки, истоптанные, они уже малы на меня стали... А мама прожила еще два дня.

- Она меня видела? – спросила Дора.

- Наверное, – сказал он. – Сразу после родов. Она тебя так любила!

Он снова полистал свою записную книжку и вытащил оттуда закладку – шелковую нитку с жемчужной бусинкой.

- Это от мамино ожерелья.

Мики раздумчиво посмотрел на нитку, растянутую между двумя пальцами, и, улыбнувшись, положил на место.

- А фотографию оставь себе. Я все помню, а ты... Как только у меня появятся деньги, я закажу для себя копию.

Несколько раз фальшиво протрубил горн.

- Это на обед, – сказала Дора.

Он встал со скамейки и показавшись Доре по-новому страшным. Почти нормально-го роста, он будто весь состоял из двух длинных ног в белых наглаженных брюках. Дора старалась не смотреть ему вслед и все же краешком глаза видела, как он широко шагает по дорожке, как мелькает исчезающим светлым пятном за густой зеленой дымкой деревьев.

Уже подходя к столовой, Дора сообразила, что забыла спросить, как его зовут. И не сказала ему о том, что учится в балетной школе. Даже ей тогдашней показалось странным, что она совсем не рада его появлению. Что же до Зародыша, то его просто переворачивало от раздражения, от досады на Дору, а отчасти и на Мики, поспешившего отдать ей свою главную драгоценность.

Но заслуживала ли Дора такой неприязни? Ведь что, собственно, она приобрела в тот день? Странного брата с двумя горбами. С дурацкой планшеткой... Уже в столовой детдомовские хулиганы, которых Дора утром отчитывала на пионерском сборе, бегали вокруг нее, вытягивая руками рубашки на груди и спине и вжимая в плечи голову. А вокруг смеялись, и ясно было, что на объявившегося брата все успели тайком посмотреть.

И вовсе непросто было освоиться даже с тем, что она узнала о родителях. Конечно, Дора понимала, что не выросла из земли, что были когда-то и отец, и мать. Она часто думала о них, пыталась себе их представить. И они менялись с годами, по ее желанию, по ее выбору. И при этом становились все реальнее. Отец – командир на гражданской войне, мать – бесстрашная боевая подруга... И вдруг – вдобавок к горбуну-брату, с барским видом сидящему на лавке, она получает буржуев-родителей, с горничной, гувернанткой, служанкой. С жемчужным ожерельем! Впрочем, как раз пропавшего ожерелья было почему-то жаль... А главное – появилась какая-то непонятная растерянность. Так мог бы чувствовать приемный ребенок, вдруг узнавший, что он в семье чужой, что были когда-то другие отец и мать, но давно умерли. Как жить ему теперь с этим знанием? А между тем прежнее привычное существование непоправимо осложнено и испорчено...

Выходило, что Дора больше не имеет права мечтать об отце-командире и героине-матери. Новые родители, внезапно обретенные, никак не заполняли образовавшейся пустоты. Что означало: «скорее химик, чем медик»? Аптекарь? Аптекарь в представлении Доры был персонажем просто комическим. А богатство, о котором можно было судить по рассказам брата, вызывало у Доры чувство стыда и гадливости. Такое же, как огромная записная книжка, засушенные листики, мелькнувшие между ее страницами. Может быть, единственным, что вызвало в ней живое чувство, была бусина на нитке, которую брат явно собирался ей отдать, но передумал в последнюю минуту. Она чувствовала себя обделенной, и фотография, доставшаяся ей, несколько не избавляла от этого неприятного ощущения.

Глядя в тот день, Зародыш пытался смягчить свою досаду на Дору – и не мог, хотя все понимал. Обед оказался еще хуже, чем завтрак. Голод только начинался, детдомовские не успели к нему приспособиться. И вечером того же дня Дора выменяла фотографию матери на горбушку липкого серого хлеба, надкушенного в двух местах. Перед этим фотография успела постоять на подоконнике возле Дориной кровати, и Дора, осторожно подправляя рассказ брата подробностями по собственному вкусу, поведала подружкам, что мать ее, оказывается, была знаменитой певицей и выступала во всех оперных театрах мира, заодно перевоза среди своих нарядов большевистскую газету «Искра», за что была схвачена царской охранкой и убита в тюрьме. Она говорила с обычным детдомовским пылом – и верили ее рассказам точно так же, как вчерашним рассказам об отце-командире. Фотография ничего не доказывала. Женщина на ней была слишком молоденькой, какой-то волшебной-милой. Эта роза во лбу... эти дымчатые рюши, колечки локонов, кусты олеандров за спинкой белого кресла, море с дальним парходом и небо с накренившейся чайкой... Казалось, что это фея, нарисованная сто лет назад. К тому же на обороте фотографии были напечатаны такие же линейки и циферки, какие делались на почтовых открытках. И у каждой девочки в палате стояла на тумбочке своя безумноглазая красавица, о которой рассказывались такие же истории.

На следующее утро Дора не стала есть свой хлеб и понесла его в школу вместе с давно припрятанным кусочком рафинада. Нина, с которой она так глупо поменялась накануне, была старше на год. На первой же перемене Дора нашла ее. Нина стояла с другими девочками у высокого окна, распахнутого в сад, и восторженно захлебываясь, рассказывала: «Она была певицей! А папа танцевал в балете! Меня тоже брали выступать, когда я была маленькая. Мы вообще-то по нации итальянцы, жили в Риме...»

Заметив Дору, она сунула фотографию за спину и даже слушать не захотела о хлебе и сахаре.

После обеда Дора снова подошла к ней, теперь уже с двумя кусками хлеба, и пообещала отдать еще и вечернюю пайку, но Нина заявила, что фотографию украли у нее из парты... А когда Дора кинулась за помощью к подружкам, все оказались против нее. Даже Галя, самая верная, самая справедливая, сказала, что Дора не имеет права приставать. Что когда она, Галя, выменяла фотографию своей мамы за слоника от брошки, а тот оказался поломанным, она не стала требовать фотографию назад...

- Так ведь то артистка была! Аэлита из кино! – нарушая основы детдомовского этикета, закричала Дора.

После этого случая Нина стала избегать ее. И не только Нина. Похоже было, что фотография ходит по рукам, и тому имелось косвенное подтверждение. Как раз в это время к ним в швейную мастерскую привезли несколько огромных рулонов марли. Девочки сшили себе нарядные платья с пышными юбками, причем оказалось вдруг, что все платья украшены рюшами вокруг шеи и пышными, до пояса, жабо... Дора тоже сшила себе такое платье.

За неделю Дора успокоилась. Ей стало казаться, что не было никакой фотографии, что не было и брата... И все-таки в воскресенье она наряжалась особо тщательно

но. Ее марлевого платье хрустело от крахмала. Хрустел на затылке огромный бант. Дора боялась, как бы ветер не сломал его, и все касалась озабоченными кончиками пальцев. Свои черные волнистые волосы она причесала по-новому, так что воспитательница Марья Ивановна сказала: «Все девочки сегодня хорошенькие, а Дора – лучше всех». Еще бы, у нее у одной были белые носки – подарок аккомпаниаторши из балетной студии. И галоши у нее были совершенно новые, без единой царапинки! Недаром Дора берегла их всю зиму, почти не носила.

В то утро она как бы не думала о брате. А вместе с тем вся эта красота создавалась отчасти и для него. Дора знала, что ей будет неприятно, если он больше не придет, хотя так было бы проще: не пришлось бы рассказывать о потерянной фотографии. Но он явился в то же время, что и неделю назад, с той же планшеткой – почему-то она вызывала у Доры отвращение еще большее, чем его горб. Раздражали его хозяйственные движения, то, как он щелкает замком... Но со дна планшетки он вынул сверток, и это оказался кусок пирога из темной муки с редкими изюминками. Дора переломила его пополам, но не стала спорить, когда Мики отказался от своей половинки.

- Не надо, – улыбнулся он. – Знала бы ты, сколько всего этого было у меня в детстве!

Мики слегка откинулся назад и уставился в даль, не видимую Доре. Сидел, свесив эту свою руку – так, будто сидит не на проходной детдома номер семь, а в той самой Италии, которая была в его жизни точкой сравнения и отсчета.

Странно, но Зародышу, когда он вглядывался в свое Будущее, казалось, что Мики никогда и не уезжал из Италии. Легкий прищур его глаз, умиротворенная, благодарная задумчивость... Он как бы не просто сидел на лавке, он пребывал в щедро дарящем мире. И облупленная гипсовая ваза за его спиной казалась античной амфорой, а гнилые столбы у въезда – римской колоннадой.

Зародыш знал об Италии ровно столько, сколько впоследствии удосужилась узнать Дора. Не много. Но... Как он понимал Мики! Как старался хоть что-нибудь сохранить для Доры из этого чудесного дня! Втискивал, вколачивал в свою непонятно устроенную память плавное беззвучие теплого воздуха между двумя порывами ветра, молчание спокойного моря, его редкие неожиданные всплески, едва уловимое сопение мириад обсыхающих на солнце ракушек, лопотание крыльев двух бабочек, летающих рядом, изгиб и наклон берега, глубину парка, толщину и высоту стволов, хрипение дырявого аккордеона, старческий голос, широко и фальшиво длящий высокую ноту: «O sole mio, o sole mio». Удивленный и недоверчивый голос: «Где ты взял эти деньги, малыш?» – «Мне папа дал, синьор.» – «Благослови тебя бог, малыш, твоего папу и твою маму.» – «Спасибо, синьор. Вы знаете, синьор, у меня скоро родится сестричка.» – «Правда? Вот хорошо, малыш! Ты, конечно, не будешь обижать ее?» – «Что вы, синьор, я буду ее очень любить! Я всегда буду защищать ее!» – «Конечно, малыш, дай бог тебе хорошую сестренку, такую, как ты сам».

Зародыш печально сморщился и помотал головкой. Ах, Мики, Мики! Так оно и было: любил всю жизнь, защищал. Все-то он видел лишь какую-то собственную реальность, все-то был сыт пирожными, съеденными в детстве. Он вел себя как счастливец, вечно виноватый перед обделенной Дорой. У него были пирожные, дом с портретами, родители, бонна, белый костюмчик, пять плюшевых медведей... И он полагал, что Дора, ничего этого не зная, должна страдать больше, чем он, утративший. У него то и дело вырывалось что-нибудь вроде: «Бедная ты моя!» Она! Самая красивая девочка в классе! Отличница в школе и в балетной студии! Председатель совета отряда! У нее платье, у нее галоши блестят ярче, чем любые лакировки! Такая независимая в своем сиротстве. А он все смотрит, все отыскивает в ее лице черты неведомых ей людей: раскосые глаза матери, отцовскую трещинку на нижней губе – все, что хранил с пяти лет, лежа в своем гипсовом саркофаге, воскрешая и заучивая наизусть свое прошлое. Он, сохранивший под уголком матраса старую записную книж-

ку, бусинку и фотографию матери, оправдывал Дору, винил себя в пропаже фотографии, винил свою торопливость, так что в конце концов и Дора поверила в его вину. Он только спрашивал с этой своей заботливой жалостью: «Ты хоть успела запомнить мамино лицо?» – «Да» – лгала Дора. – «Вот и прекрасно, – радовался он, вглядываясь в ее черные глаза, будто надеясь найти отпечаток фотографии в окружности зрачка. – Это главное! А я то что! Я маму прекрасно помню! Как она говорила, улыбалась, ходила... Как она шляпку на ветру придерживала. А эта фотография... Я знаю на ней каждую тень! каждую точку! Если бы можно было фотографировать прямо из человеческой памяти! Жаль, что я не умею рисовать! Так ты запомнила?» – «Да», – терпеливо повторяла Дора, видя, как ее попытки вспомнить делают фотографию матери все более нечеткой, и даже блузка ее понемногу превращается в марлевую, и вытягиваются ноги, которых на фотографии не было, а на ногах этих – белые носки и галоши. И ни разу не обиделся ни на одну из ее выходов, на эту вечную ее спешку – то репетиция, то совет отряда, то уроки – только подхватывался виновато: «Да, да. У меня тоже срочные дела. Я тут засиделся, извини». Он понимал, чего стоят все эти небольшие хитрости и уловки девочки, привыкшей всегда говорить правду своим высоким, негнушимся голосом. Знал, как трудно ей преодолеть страх перед его болезнью, и терпеливо объяснял: «Это называется хубус, это не больно и не заразно...»

О том, что болезнь его незаразная, сообщил при первой же встрече. Имя свое назвать забыл, а это нет. Он потом бил себя тонкой кистью по лбу и смеялся: «Как же я, дурак, не подумал! Я-то всегда знал о том, что ты есть и что зовут тебя – Дора!»

Двенадцать лет лежал, постепенно и спокойно осознавая, что чуда не будет, что гипсовая оболочка не спасает его, а изменяется вместе с ним, из года в год, повторяя форму все более уродливого тела. Лежал и ждал, когда – все равно уже какой! – встанет и отправится на поиски.

И обнаружит, что не очень-то он ей и нужен.

Впрочем... Надо сказать, что Дора ничего такого не думала. Она была уверена, что защищает брата, когда в своем марлевом платье гонялась за старшими мальчишками, изображавшими горбунов, била кулаками по плечам и царапучим затылкам. Это Зародыш видел многое по-другому и понимал, на кого она злится. Понимал, что не так уж ей необходимо присутствовать на репетиции первомайского концерта с самого начала, если ее номер – коронный – идет почти в конце. Понимал, почему именно в те дни, когда приходит Мики, у нее оказывается слишком много уроков.

Возможно, и Дора поняла бы это – если бы Мики хоть раз показал, что он обижен, что он мог бы и не придти, что и у него есть свои дела – куда более важные, чем у Доры. Но он всегда был на страже, всегда готов был защитить сестру от любой неловкости, от угрызений совести.

В сознании Зародыша не укладывалось, что между этим днем – днем, когда Мики узнал, что у него скоро родится сестричка, – и тем, когда он впервые увидел ее, прошло всего тринадцать лет. Казалось, между ними лежит провал в целый век. Целый век – между черными галошами Доры и лайковыми ботиночками ее матери. И напрасно Мики пытался приблизить их друг к другу. Дора была сломанной веточкой, воткнутой в землю и пустившей в нее свои прямые крепкие корешки. Так сказал о ней однажды Бронек, в один из дней, когда они ездил втроем на остров.

Но Мики не видел этого. Сам-то он в одинаковой степени принадлежал и ушедшему, и наступившему времени, не чувствовал никакого провала. Ему казалась совершенно естественной вся эта цепь событий и превращений. Он не восхищался переродившимся миром, но прекрасно ориентировался в нем. Его практичность порой даже раздражала Дору. Спокойные рассуждения о ремесленном училище, которое он тогда как раз заканчивал. О необходимости продолжать образование. «При моем здоровье нельзя будет долго работать физически. К точным наукам я не способен. Я

хотел бы преподавать в школе, но... Горбатый учитель – это нехорошо...» И морщился, будто речь шла не о нем, а о каком-то общем принципе. «Медицина... Есть, конечно, такое предубеждение, что из больных людей получаются особо внимательные, знающие врачи... Но боюсь, что оно не распространяется на горбатых... Итак, остаются только юриспруденция, нотариат...»

Он знал, что сестре неинтересны все эти мудреные выкладки, а упоминания о горбе просто неприятны, но продолжал надеяться, что таким образом приучит Дору не смущаться, не краснеть так тяжело, едва лишь речь заходит о его болезни. Тщетно. Даже в старости, в аэропорту, когда таможенники стали небрежно осматривать содержимое его сумки и карманов, она ощущала тот же угрюмый прилив крови к щекам, те же стыд и раздражение. Так же краснела она в детдоме, когда по воскресеньям он появлялся на центральной аллее со своей планшеткой... В театре, когда в паузах, скользя взглядом вдоль передних рядов, замечала острое, бледное лицо, очарованно уставленное на нее, будто она главная, будто она единственная...

Конечно, она боролась с собой, конечно, старалась не подавать вида. Терпела комплименты подружек по труппе, считая их лицемерными. «Сразу видно, что твой брат очень умный!» Или еще хуже: «Твой брат такой симпатичный!». И восторги Бронька: «Ну что это за человек такой! Какая во всем порода!»

Впрочем, нет, с Броньком было по-другому. Она очень быстро поняла, что он восхищается Мики вовсе не в угоду ей. Поняла – и смутилась. Она была готова уделить брату кусочек от своего огромного счастья, но выходило, что достается ему гораздо больше, чем она собиралась дать! Слишком велика оказалась роль Мики во всех этих бесконечных разговорах над стаканом коричневого чая в длинной полутемной комнате Бронька. Или под вербами на острове, куда они выезжали по выходным с едой, с одеялами, а позднее – и с маленькой Лизонькой на руках.

Ах, какие это были счастливые воскресенья! Похожие друг на друга, как листья на ветке, как бусинки в ожерелье.

Бронек будил ее на рассвете. Она поднималась с трудом, хмурая собиралась, хмурая ехала в трамвае. И лишь оказавшись у желтенькой лестницы, круто спускающейся к пристани, оживала. Уже на первой деревянной площадочке начинала радоваться, что все-таки проснулась рано. Спускаясь вниз, все больше возбуждалась от запаха реки и гладко расчесанных прибрежных водорослей, от бряцания металлических цепей, от буханья воды между дебаркадером и катером.

Мики всегда ждал их внизу, в самом начале очереди. Плыли они недолго, на давно облюбованный островок, а потом шли вдоль воды по жирному, уползающему из-под босых ног песку – подальше, куда ленились заходить другие пляжники. Сворачивали, брали немного вверх, где за густыми зарослями невысоких верб начинался широкий луг. Там, под деревьями, набрасывали на траву одеяло и падали на него с наслаждением в прохладную тень. Мики не раздевался, только расстегивал рубаху, удобно откидывался на раздвоенный ствол дерева. Блаженно шурясь, водил глазами вдоль горизонта, и Дора, может быть, не осознавая этого, смотрела на него победоносно. «Ну как, неужели это не лучше, чем твоя Италия?» И он, тоже взглядом, как бы отвечал ей: «Да, тут прекрасно, прекрасно! Но Италия...» Дора снисходительно усмехалась.

Так весело, так жадно хотелось есть! Дора резала овощи, чистила яйца, разливала по бумажным стаканчикам лимонад... Газовые шарики кололи небо. На зубах поскрипывал песок.

Любая, самая простая еда так навсегда и осталась для Доры праздником. Готовила она как попало, не изошрялась, и ее смешило, когда Мики, запрокинув голову своей острый подбородок и шурясь на голубые бреши среди негустой листвы, разглагольствовал об итальянских пирожных, и казалось, что они плывут над ним по небу вместо облаков. А Бронек слушал внимательно и отзывчиво, будто Мики читал стихи.

Случалось, расходился и сам Бронек, начинал рассказывать о том, как его мать готовила жаркое – то в томате, то с черносливом. Как, возвращаясь из школы, он за полквартила различал среди других запахов запах ее стряпни.

Чуткий Мики, видя Дорино безразличие к этим блужданиям по утраченному прошлому, начинал оправдываться за нее перед Бронекон. «Ты понимаешь, она ведь росла без семьи, без своего дома. Я помню, в детстве для меня даже переезд на новое место был травмой. Только привыкнешь, привяжешься – снова собираем вещи. А у нее ведь и собственных вещей не было!» И они обращали на Дору свои такие разные глаза и смотрели с совершенно одинаковой нежной жалостью. Будто Дора больная или увечная...

Нет, она не обижалась. Разве что где-то внутри шевельнется смешливая досада. Особенно на Мики. Уж кому бы так смотреть на тоненькую, крепко сколоченную Дору! С ее пышными волнистыми волосами, золотистым загаром, длинными, чуть раскосыми глазами, похожими на два листика. Они жалели ее! Мики, понапрасну пролежавший полжизни в гипсе со своими жалкими драгоценностями, спрятанными под матрац... Да ведь это было чудо – то, что он нашел Дору! И чем бы он жил, не свершись это чудо?

А Бронек? Разве не бросил он свою семью со скандалом, с юной жестокостью – ради искусства, ради своих убеждений? Разве не висели у него за спиной тяжким горбом сомнения, угрызения совести? Дора видела один надрыв в этих его воспоминаниях, в бесконечных письмах, которые он с любой оказией отправлял в Польшу.

На письма никто не отвечал, и для Доры так было даже спокойнее: ей не хотелось делить Бронек с какими-то неведомыми родственниками. Они не вызывали в ней ни особого тепла, ни особого любопытства. Иногда Дора пыталась представить себе его родителей, его смешную старенькую бабку, его дом – что-то такое... чопорное, золотисто-коричневое, где Бронек однажды раскружился в блистательном шенэ, широко раскинув свои стремительные руки, и понесся волчком прочь – в Париж, в Берлин, в Лейпциг, в Ригу – и прямо к ней, к Доре, из-за угла, по темному коридору – споткнулся и застыл... с этими руками, будто готовыми для объятия, чуть запыхавшись, чуть смущенный...

Дора увидела его всего сразу. Он ни на кого не был похож. Как-то по-нездешнему собранный, серьезный... Почти мрачный. Точнее, так: у него было лицо мрачного человека, который, открыв дверь, внезапно обнаружил, что на улице теплая солнечная погода. Станным было все: его кожаная курточка со стоячим воротником и множеством пряжек и ремешков, стальная челка, прикрывающая лоб, которая не только не старила лицо, но прибавляла ему что-то мальчишечьё... Дора никогда не встречала таких пристально-светлых глаз. Припухшие подбровья скрывали веки, и от этого казалось, что глаза не моргают.

- Вам куда? – спросил он с легким, очень милым акцентом.

- К Марии Анатольевне.

Он вежливо указал рукой направление. Она благодарно закивала, хотя прекрасно знала, куда ей идти.

У Марии Анатольевны Дора посидела недолго: все беспокоила нелепая мысль, что он еще стоит за дверью с этими своими раскинутыми руками. Наскоро рассказала о том, что жаль было бросать работу в Чугуеве. «Там есть такие девочки – прелесть! Если бы их сюда, к вам! Я, конечно, пыталась работать с ними по вашей системе, не спешила ставить на пуанты... Но эта ужасная директриса... Она во все вмешивалась! Если бы не она, я бы осталась. А так – пошла в обком комсомола и сказала: «Хватит! Я и так отработала два года вместо одного, а теперь хочу перевестись на дневное отделение!» – «Конечно!» – подхватила Мария Анатольевна. – Ты способная, ты должна получить полноценное образование! К тому же у тебя брат – больной человек, ты обязана быть рядом. Кстати, как он?» – «Ничего. Закончил институт. Работает юристом в какой-то важной организации.» – «Очень, очень милый человек! Ты ему кланяйся».

Дора вышла из кабинета и изумилась: в коридоре никого не было. Правда, когда она зашла к девочкам, там сразу заговорили о нем. «Жаль, что ты ушла! У нас сейчас так интересно! Приняли нового балетмейстера! Он родом из Польши. Такой талантливый, необычный! Совсем молодой – и уже поседел. Это когда он бежал от фашистов. Он будет ставить «Жизель». А где твой брат? Он совсем перестал ходить в театр. Передай ему привет, скажи, что мы скучаем, что откидной стульчик его ждет!».

Она вышла от девочек, закрыла спиной дверь и замерла. Он снова стоял перед ней – разве что руки не раскинуты. Дора и не видела рук, видела только серые глаза и небрежную россыпь волос, падающих на лоб.

Зародыш так любил этот день – самый странный и, наверное, самый красивый в жизни Доры! К нему все сходилось, от него все разбегалось лучами, как от серединки цветка: цепь немислимых ощущений и поступков, смена восхитительных картин...

Ах, если бы можно было показать все это Матери! Зародыш напрягался, мучительно и вдохновенно, пытаясь пробиться к ее воображению, вмешаться в ее сны. Но то ли это было невозможно, то ли для Матери настолько обычен был вид пустого темного театра, закулисной мишуры, всех этих фанерных замков и фанерных лебедей, что она все равно приняла бы свои видения за смутное воспоминание об одном из тех театров, где ей доводилось выступать.

Пожалуй что наряд Доры должен был привлечь ее внимание. Такого она, разумеется, не видела нигде – да просто не поверила бы, что девушка может ходить по улице в трикотажной футболочке, белой с синим, и в юбке, едва прикрывающей колени.

Но главное было даже не в юбке. В чем-то другом... Весь облик Доры был облик другого мира, другого времени – чуждый и неприемлемый для Зародыша, который ощущал себя принадлежащим к изящному, утонченному веку своих родителей, пусть и знал он его большей частью по звукам. Нежное и густое шуршание складок, оборок и кружев дорогого белья, шелковистый скрип корсета, все эти шорохи, вздохи, полыхания, скольжения, присвисты хорошо сшитых платьев, тонко звенящих и постукивающих своими пуговками, крючками, украшениями, – говорили Зародышу куда больше, чем фотография, которую он прекрасно знал и всегда мог увидеть. В саду, на растопыренной Дориной ручке. На подоконнике – прислоненную к стакану...

Зародышу было так забавно наблюдать за Дориным восприятием! И в тринадцать, и в восемьдесят лет ей казалось, что это глубокая древность – годы, на которые пришлось недолгая жизнь ее отца и матери. Впрочем, чему тут удивляться, если и Зародыш, который знал куда больше, ощущал почти то же самое. Ему приходилось делать над собой усилие, чтобы принять простую данность: вовсе не сто лет разделяло двух женщин. Ту, что шла по набережной, придерживая нежной ручкой шляпку, с которой морской ветер норовил сдуть газовую пенку – и ту, которая широко ступала по другой набережной, не итальянской, но тоже очень красивой.

Дорога поднималась круто вверх. Зародыша устраивало то, что решили не брать извозчика: тряска в экипаже была одним из самых неприятных для него ощущений. Конечно, ходьба по плохо вымощенной улице тоже не доставляла радости, но Зародыш знал, что скоро они свернут налево, на широкую ровную улицу. Он хорошо ориентировался. В этих местах ему был знаком и приятен голос каждого квартала. Зародыш с удовольствием слушал, как воздух стремится спокойно стечь вниз, к морю, как сырой встречный ветер лениво разворачивает его назад, рассовывает по тесным сонным дворам. Каждый дом по-приятельски здоровался с ним дыханием распахнувшейся двери или открытого окна.

Впрочем, и в незнакомых местах он не чувствовал себя затерявшимся. Уже по разноголосым сквознякам на перекрестке мгновенно определял длину и ширину квартала, высоту и массивность окружающих зданий. Достаточно было легчайшему ветерку скользнуть вдоль стены – и Зародыш уже знал все о ее форме и фактуре, как

если бы прошелся по ней рукой. Тут срабатывало еще нечто, кроме слуха... Все окружающее как бы касалось его издали, чуть-чуть давило. Может быть, поэтому он предпочитал просторные, широко открытые небу улицы. И недолюбливал подъезды и арки, сжимался в комок, ощущая неустойчивость, неуравновешенность нависающих глыб. Или это страх Матери передавался ему?

Конечно, он очень зависел от настроения Матери, от малейших его перепадов. Вот и сейчас, у поворота на площадь, Мать лишь чуть замедлила шаг – а Зародыш уже понял, что она увидела кого-то, с кем не хотела бы встречаться. Это были двое мужчин и молодая женщина. Их шумная радость показалась Зародышу вполне искренней.

Дальше пошли вместе. Дама держала Мать под руку и весело рассказывала ей о какой-то своей неудаче. Один из мужчин приставал к Мики с глупыми расспросами взрослого, не знающего, о чем говорить с ребенком. «Так что же, Мики, это правда, что у тебя скоро будет братик?» «Сестричка», – уточнил Мики, не уверенный, что это следует обсуждать с посторонним человеком. Но, помолчав, не выдержал и добавил: «Вот. Мы ей обруч уже купили» – «Отличный обруч! – искренне растрогался Мики. – Она будет спать в моей кровати. Там пока медведи спят. А я сплю на большой кровати без сетки.» – «Ну вот и прекрасно!» Тут мужчина оказался рядом с Матерью и сказал: «У вас просто эльф, а не ребенок! Я надеюсь как-нибудь написать его портрет. Вот так, как он сейчас стоит: на солнце, в кремовой матросочке. На фоне старого дома. Эти глазки в легкой тени...» – «Для такой картины, – перебила его дама, – нужен хотя бы Эдуард Манэ! А ты изуродуешь его своими углами и загогулинами!» Мужчина расхохотался, очень довольный. Чуть позади гудел мягкий голос Отца. «Нет-нет! Мне неудобно вам отказывать... любое одолжение, но не это... Вы же знаете, как я далек от политики! И от всего такого вообще...» – «Мне больше не к кому обратиться, – настаивал другой, тоже низкий голос. – Это совершенно безопасно! Буквально несколько листков... Никто и не взглянет на них! Выручайте, Яков Михалыч! Вам совершенно нечего бояться!».

Зародыш весь напрягся и дернулся – да так неловко, что Мать весело ойкнула. Как он досадовал на себя за то, что пропустил начало разговора! Не эта ли навязчивая просьба стала причиной краха их семьи? Но разобраться было уже невозможно. Да и зачем, раз все равно ничего нельзя исправить? Какая, собственно, разница, что именно погубило отца: опасная бумажка или сердечный приступ в дороге?

И все-таки... И все-таки Зародыш испытал некоторое облегчение, услышав твердый ответ: «Ничего я не боюсь, но это против всех моих принципов!»

Наконец-то они распрощались. Казалось, что на улице стало тише и покойнее, чем до этой встречи.

- Давай зайдем к синьору Виани. Уже должны быть готовы фотографии.

- Подождите здесь, я сам зайду...

Хлопнула старая, плохо пригнанная дверь. Мики подтянулся поближе к Матери. В отсутствие Отца он чувствовал себя обязанным оберегать ее от всех возможных неприятностей.

- Знаешь, что я еще придумал... – начал Мики. – То ожерелье... Помнишь, оно на балконе порвалось и потом стало коротеньким... Может, оно будет впору сестричке?

- Пожалуй.

Звонкий и легкий голос вился высоко над ними, отдельный, как птичка.

- Я дам тебе свою шкатулку, ты выберешь оттуда все бусинки, а мадам Ларок их нанижет на новую нитку.

- Я сам нанизую, – предложил Мики. – Как раз сегодня вечером, пока вы будете в гостях, я смогу этим заняться. Мадам Ларок вденет мне нитку в иголку.

- Ну вот видишь, как хорошо. И тебе не будет скучно.

Дверь снова проскрипела.

- Очень удачные снимки! – сказал Отец. – Я заказал таких еще четыре.
- Действительно! Хорошо получилось, – отозвалась Мать. – Надо будет послать такие Фанечке и Шуре.
- Мне тоже нужна такая, – попросил Мики. – Мне тоже подари одну.
- Зачем? – удивилась Мать. – Они у нас общие, как и все остальное. Разве нет?
- Да, конечно, – согласился Мики. – Но я хочу, чтобы одна была только моя.
- Ладно, – сказала Мать удивленно. – Пусть вот эта будут твоя. Только до дома я отнесу ее в сумочке.
- Нет-нет, мама, я сам ее понесу!
- Тогда вот что, – предложил Отец. – Я тоже сделаю тебе подарок.
- Он вытащил из кармана совсем новый дорогой блокнот в кожаном переплете с серебряной чайкой, врезанной в верхний угол.
- Положи сюда фотографию, и она у тебя не помнется. А потом сможешь записывать сюда разные вещи.
- Ну что это сегодня за день такой... – воскликнул дрогнувшим голосом Мики. – Счастливый...

Нет! Все-таки не было в Дориной жизни такого дня! Даже в те ее самые лучшие три года, с Бронекком. Не хватало в их любви светлого благоговения, которым был так полон весенний день в Италии. И не этого ли с тайной грустью искал и не находил в их отношениях Мики? Легкая тень разочарования мелькала порой в его взгляде, когда Бронек небрежно обнимал Дору за плечи. Или говорил что-нибудь такое... вроде: «Ты у нас, Дорка, правильная! Как сталинская конституция!» Или еще хуже: «Нет, Миша! Ну какая же Дорка балерина!»

Тут уж Мики начинал горячиться и спорить. «Да ведь ты не видел ее на сцене, Бронек! Ни разу не видел, как она танцует! Если бы комсомол не направил ее в этот дурацкий Чугуев, она уже была бы солисткой! Ты посмотри: кто больше подходит на роль Жизели – она или твоя Соколова?!» «Еще и Жизель! – хохотал Бронек. – Зачем мне видеть, как она танцует? Я вижу, как она огурец режет! как она сарафан снимает! Она у нас прелесть, красотка, но у нее нет мелодии внутри. Понимаешь, Миша, она звенит, как жестяное ведро! Она педагог, Миша, начальник, директор! А ты говоришь – Жизель!»

Мики смотрел на сестру испуганно, будто боялся, что она обидится на Бронека. А Дора и не думала обижаться. Ну, не нравилась она ему как балерина... Так ведь о себе он говорил и того хуже! И ноги у него не такие, и руки не такие, и голова слишком большая... А Дора смотрела на него и ничего этого не видела. Напротив, она находила, что все в нем необыкновенно складно и обаятельно, и совершенно не понимала, почему он ушел со сцены.

Привычка Бронека рассуждать о себе как о человеке постороннем – насмешливо, почти язвительно – нравилась Доре, и она эту привычку быстро переняла. Могла с удовольствием заявить, не шадя возвышенных чувств Мики, что-нибудь вроде: «Да я ходила в балетную студию только потому, что там давали дополнительный паек!».

Кстати, о том, что она бросила балет, Дора действительно не жалела. Да, она любила музыку, праздничное сияние спектаклей, но не скучала по театру, по тяготине репетиций – тем более по ежедневной изнурительной работе у станка. «Дора, тяни подъем! Дора, прямее спину! Дора, выше подбородок!...» Было ясно, что представляй она для театра существенную ценность, ее не отпустили бы так просто, отстояли бы. Самолюбие ее тоже не было уязвлено: стать в ее возрасте директором детского дома, пусть и небольшого... Такое случалось нечасто. Здесь она чувствовала себя уверенно и на месте. А главное – как бы ни подтрунивал над нею Бронек, Дора знала, что он всегда любит ее. Хотя и было в его странном взгляде столько всего намешано! И восхищение, и жалость, и удивление иностранца – все-таки иностранца, все-таки немножко чужака!

Кстати, Мики пугался еще больше, когда Дора начинала посмеиваться над Бронекком. Ее смешила растерянность, в которую порой повергали Бронекка самые обычные житейские обстоятельства. Вообще-то привыкший к советскому быту, он мог вдруг придти в негодование от какого-нибудь крючка, сорванного с двери уличной уборной, или от картонной подошвы, протершейся за один вечер. При этом у него появлялся акцент, и голос, вообще-то низкий, к концу каждого предложения доходил до фальцета, взвизывался каким-то забавным вензельком. Дора называла это «гордые польские крендели»... Иногда она выражалась и посильнее. Бронек неизменно хохотал, а Мики искоса поглядывал на него, пытаясь понять, насколько искренен этот смех.

Бедный, бедный Мики, готовый чем угодно пожертвовать ради нее и Бронекка! Но только не их обществом.

Нет-нет, ни разу Дора не подумала, что Мики стесняет их! И вряд ли замечала в себе приятное чувство свободы, которое возникало, когда они с Бронекком уходили к реке вдвоем. Или позднее, втроем, с Лизочкой.

Мики в воду никогда не заходил. Даже не спускался на пляж. Он оставался «сторожить вещи». Сидел, откинувшись на свою раздвоенную вербу, блаженно уставясь взглядом в прошлое. Дора не спешила возвращаться. Да и Бронек, пожалуй. Купались... Обсыхали прямо на песке, снова шли в воду... И только Лизонька, если была с ними, тащила назад, к Мики. Издали бросалась к нему, приникала, мокренькая, к неприютной птичьей груди. С самого рождения Лизоньки Дора готовилась прививать ей любовь к уроду-дяде, но это не понадобилось. Вид Мики был привычен ей и ничуть не смущал. Даже наоборот: когда посторонние люди от нечего делать спрашивали хорошенького ребенка: «Кого ты больше любишь: маму или папу?», Лизонька отвечала: «Мишу». И тут же обнимала его, бережно и как-то очень складно.

Доре было известно, что Мики не заразен, но что-то внутри ее опасно напрягалось. Она бросала тайный вопросительный взгляд на Бронекка, хотя знала, что тот ответит ей демонстративным спокойствием. И поскольку ничего тут нельзя было изменить, раздражалась на ребенка. «Видишь, что ты наделала? Теперь у Миши мокрая рубашка! И будет пятно!» А Мики смотрел виновато... Он-то все понимал и не осуждал ее. Как, впрочем, и в тех случаях, когда она бывала с ним действительно бестактной.

Взять хоть эти ее насмешки по поводу блокнота. Зародыш понимал, что Дора не шутила бы так, если бы знала, откуда он у Мики. И все-таки просто корчился от всех этих неуклюжих острот... «Что вы! Этот блокнот не для адресов! Миша носит его для солидности...» «Это Мишина мебель!» «Вам нужны лавровые листья? Попросите у Миши, у него всегда с собой...» Мики смеялся, очень добродушно, как бы нарочно показывая Бронекку, что тот чего-то здесь просто недопонимает.

Но что понимал сам Мики? Будь он о себе более высокого мнения, он догадался бы, что дело тут в элементарной ревности. Да, Дора ревновала, когда видела, как Бронек смотрит, сощурился, на Мики, сидящего под деревом в одной из своих странных поз, с улыбкой, обращенной к невидимым горизонтам, к вечной своей Италии, воздух которой он вдохнул когда-то так глубоко, что уже не смог, не захотел выдохнуть, оставил навсегда в своем птичьем горбу, так что хватило на всю жизнь.

«Нет, ты только посмотри на него, Дорка! Откуда столько красоты в каждом движении?» – говорил Бронек с азартным восхищением, глядя, как Мики несколькими четкими рывками поднимается с земли, или как ловко взбирается по осыпающемуся склону реки, пронизанному темными волокнами корней, как широко ступает по солнечному лугу, весь в белом, похожий на аиста, ломко нагибается за цветком и протягивает его преданно семенящему рядом ребенку.

Никогда Бронек не смотрел так на Дору.

Господи, как она любила его глаза! Светло-серые, с веками, всегда припухшими, как бывает у человека после долгого сна, и при этом лишенные малейшего налета сонной мути.

Как бы рано ни проснулась Дора, она всегда обнаруживала, что муж лежит, уставясь в потолок, будто созерцает там движущиеся картины.

Собственно, эти картины преследовали его везде и постоянно. Случалось, Дора невольно оборачивалась туда, куда смотрел Бронек, и удивлялась, ничего там не обнаружив. При этом ей казалось, что, в отличие от нее, Мики способен проникать в фантазии Бронька. Может быть, потому, что лицо у Мики становилось такое же, какое она различала когда-то в темноте зрительного зала.

Конечно, ее не могло не задевать и то, что Бронек обсуждает свои замыслы не с нею, пусть даже очень посредственной балериной, а с Мики, который не имел к балету вовсе никакого отношения. Если, разумеется, не считать балетом эти ужасные санаторские танцы. С некоторых пор они стали вызывать у Бронька напряженное любопытство.

Бронек буквально вытягивал из Мики все новые и новые подробности. А Дору почти выворачивало, когда она представляла себе концерты в залах, заставленных кроватями. Закованные в гипс дети, читающие стихи, поющие хором и поодиночке - это еще ничего... Но балет... Можно ли вообразить себе что-то безумнее? Танцы под баян одними руками... Как будто из чего-то мертвого вылезло и закачалось, задержалось что-то живое...

Между тем Мики уверял, что зрелище было просто захватывающее. Одна из воспитательниц собиралась даже поставить целиком «Лебединое озеро»... Затея сорвалась только потому, что у «Одетты» началось осложнение, и ее перевели в больницу.

Мики вспоминал о санаторском «балете» как бы слегка посмеиваясь, но при этом всегда восхищался руками той девочки: «Никогда больше не видел рук таких красивых и выразительных! Действительно, лебеди! Настоящих два лебедя!»

Бронек внимательно слушал. Он лежал, вытянувшись на спине, в тени вербы. Рядом, под хрусткой, заглаженной квадратами простынькой, засыпала Лизонька. С веток падали редкие чистые капли. Лизонька вздрагивала и говорила: «Дождик!».

Пока она спала, все лежали, замерев в случайных позах, будто кем-то оброненные на краю огромного зеленого луга, и тишина стояла такая необыкновенная, что казалось – ее исполняет оркестр.

Потом что-то начинало постепенно меняться. То ли в воздухе, то ли в самой Доре. Она срывала длинную травинку и издали касалась ею тела Бронька, забавляясь тем, как он досадливо смахивает несуществующую муху.

Весь он был такой стройный, ладный. Ветер лениво перебирал темно-серебряную россыпь его волос. Эта ранняя седина так нравилась Доре, так волновала ее! Хотя она уже знала, что переезд Бронька в Россию произошел без всякой романтики. А поседел он неизвестно от чего в четырнадцать лет.

Ужасно хотелось подойти к нему, прижаться, приласкать! Но рядом был Мики, и она просто начинала хлестать Бронька травинкой, чтобы привлечь к себе его внимание. А он, занятый своими мыслями, не отзывался.

Однажды она рассердилась и спросила:

- Что, прикидываешь, как воплотить в театре идею этой сумасшедшей воспитательницы?

Бронек вскинулся и посмотрел на нее удивленно. А потом усмехнулся и сказал:

- Не так это глупо, как ты думаешь. Только ведь никто не даст.

- «Лебединое озеро»? – заинтересовался Мики.

- Нет-нет! Что-нибудь Шопена... Может быть, второй концерт...

Он напел три-четыре ноты, но Дора перебила его.

- Шопен! Шопен! Нет, что ли, других композиторов?

- Есть, конечно. Но это же так естественно! *Sam jestem Polakiem i Kocham Chopina.**

- Ну какой же ты поляк! – пожалала плечами Дора. – Мать у тебя – еврейка, отец – серб, уехал ты из Польши сто лет назад...

- Ну и что? – удивился Бронек. – У Шопена отец – француз. И с матерью его не

совсем ясно. Он тоже рано уехал из Польши. И все-таки он – поляк. Он дух Польши! Я думаю, главное – это детство. Вот ты, Мики – ты кто? Итальянец?

Мики задумался как-то очень серьезно.

- Не знаю, поймешь ли ты... Я – горбун. Иногда мне кажется, что это нация. – Он помолчал и добавил со смехом. – А может быть, даже раса...

Дора закатила глаза и хотела что-то сказать, но Мики тут же перевел разговор на другую тему.

Зародыш слегка сердился на Мики, который поспешил перебить сестру. Было так интересно, что она могла бы сказать об этом! Она ведь не то что произнести – она еще и подумать ничего не успела, а Мики уже испугался, заранее уверенный, что слова ее обязательно покоробят Бронек.

Мики считал, что Бронек не вполне понимает Дору, какое-то ее глубинное изящество и тонкость. Он часто спорил с Бронек. Иногда терпеливо, даже чуть свысока, а иногда с горячностью – когда Бронек заводил свое о «мелодии», о прекрасной скрипке без резонатора, или в который раз начинал досадовать из-за утерянной фотографии.

- Это я виноват! – оправдывался Мики. – Надо было снять копию, прежде чем отдать фотографию ребенку.

- Тринадцать лет – не такой уж ребенок! Ты-то сумел сохранить ее! А ведь тебе было всего пять!

- Что же ты сравниваешь! У меня ведь все сложилось совсем по-другому!

Тут Мики начинал разводить уже полную ахинею. О своем необычайном везении, о тепличных условиях, в которых он оказался, угодив в туберкулезный санаторий. О старого типа врачах и учителях, счастливо уцелевших в закутке, не тронутым новыми временами. Мики попал в естественную для него атмосферу мягкой интеллигентности. А вот Доре, беденькой, не повезло: ее с самого рождения жестокая судьба втолкнула в жизнь, суровую и бездушную, на неумолимо движущийся конвейер...

- Ты можешь себе представить? – волновался Мики. – Ребенка изо дня в день будит горн! Или горластая тетка открывает дверь и орет «Подъем!». Или «Отбой!». А у ребенка нет даже воспоминаний, не с чем сравнивать!

Доре было смешно. Она знала, что Бронек именно это и привлекает в ней: звонкая пустота без воспоминаний. Дора работала в детдоме и сама кричала по утрам «подъем», а по вечерам «отбой». Так же она будила и Лизоньку, сознательно сопротивляясь размягчающему влиянию Мики и Бронек.

Дора считала себя хорошим педагогом. Она не могла бы сказать, что любит свою работу, потому что это была не работа, а продолжение ее прежней жизни, существующей параллельно с ее жизнью новой. Дора никогда не упоминала при своих воспитанниках о том, что у нее есть ребенок и муж – но не потому, что умышленно избегала этого. Она просто... как бы забывала на время об их существовании. Забывала о том, что у нее есть своя комната, уютные обжитые вещи. Она была абсолютно искренна, когда гордо говорила своим воспитанникам: «Я тоже детдомовка!»

Своим домом, своей семьей она гордилась – и не так, как гордится этим обычная женщина, а как-то именно по-детдомовски, по-сиротски – победно. Как человек, добившийся в жизни чего-то, на что не мог рассчитывать. Почему не мог? Да она просто не поняла бы, если бы кто-то спросил ее об этом. Никогда она не чувствовала себя бедной, обделенной. Да, у нее не было родителей – но она не жалела об этом всерьез. И совершенно искренне недоумевала, когда Мики спешил объяснить любой ее промах тем, что в детстве ее не баловали, не закармливали пирожными, не укачивали под оперные арии. Уж ей-то было хорошо известно, насколько легче живется в детдоме тем, кто не помнит своей семьи.

Однажды к ней в детдом привезли мальчика лет восьми... Это было вскоре после того, как ее назначили директором. Ухоженный ребенок из благополучного дома.

Нет, не просто благополучного. Как-то особенно любовно был наглажен воротничок его рубашки, начищены ботиночки... Светлые волосики были зачесаны набок, и казалось, что их мыли по одному.

Он плакал, когда его ввели в кабинет Доры. Плакал, садясь на стул, плакал навзрыд и не отвечал ни на один ее вопрос. Дора, и не заглядывая в документы, знала, что произошло с мальчиком этой ночью... Он был не первый, у кого арестовали родителей, но первый, кто так откровенно и смело предавался своему горю, не принимал ни помощи, ни утешения.

Дора сама принесла ему с кухни обед. Он даже не посмотрел на еду. Тогда она сходила на склад за бельем и постелила тут же, на коротеньком кожаном диване. Он не ложился, так и уснул сидя. Впервые в жизни Дора видела, как плачет спящий человек: всхлипывает, стонет и не просыпается. Она решила, что не пойдет ночевать домой. Бронек уже три дня как уехал на гастроли, с Лизонькой оставалась няня.

Дора села так, чтобы загородить от мальчика свет лампы, и стала разбирать накопившиеся бумаги. В те годы к канцелярской работе стали относиться гораздо серьезнее. Теперь уже нельзя было просто так назваться французом или Дорой Копперфилд.

Заполнив «личное дело» мальчика, Дора заперла его в шкаф. Ключ от этого шкафа она никогда никому не передавала. И не поощряла любопытство своих сотрудников. «Нас не касается, погибли их родители, арестованы или спились. Для нас они все одинаковы, все – сироты».

Она так и не заснула в ту ночь. Глядя в темноту, на завалившегося в угол ребенка, на личико, начинающее остывать и привыкать во сне, Дора думала о том, что вот так же плакал когда-то маленький Мики, возвращаясь из больницы с узелком не принятой еды – пока не выпал спиной на рельсы из переполненного трамвая. Она впервые поняла, что имел в виду Мики, постоянно твердивший: «Мне тогда очень повезло!». Это была конкретная боль, перекрывающая нечто другое, более страшное. То, с чем мальчик, спящий на казенном диванчике, остался наедине.

Доре было неловко смотреть на него. Казалось, вокруг ребенка стоит облачко чьей-то любви, заботы, какого-то неведомого уюта. Она говорила себе, что все это вздор и блажь, а вместе с тем почти видела, как облачко медленно тает, и думала, что это, наверно, очень больно, и что, слава богу, ей не пришлось такого пережить.

То был один из немногих дней, когда Дора ни одним своим словом, ни одним поступком не разочаровала Зародыша. И все же чего-то в ней не хватало. Вот этого самого облачка. Зародыш чувствовал точно такое же вокруг себя – оно защищало, грело, ласкало, оно казалось незыблемо надежным. И так грустно было знать, что оно растает, что его никак нельзя сохранить для Доры! И Дора даже не поймет никогда, чего именно была лишена от самого своего рождения.

Зародыш развернулся и замер, напряженно впитывая, вписывая в себя звуки дома. Рядом, за неплотно прикрытой дверью, чуть слышно посапывая, спал Мики. Отец, полулежа на диване, читал газету, стараясь не шуметь хрусткими листами. Кряхтела курица в сарае на заднем дворе... Кухарка чистила толченым кирпичом кофейник. Вскликивала мадам Ларок, растроганная теплой надписью на подаренной фотографии. Били колокола на Санта-Тринита, били часы в гостиной, били часы на первом этаже, били часы в домах напротив, чуть не совпадая в своем представлении о времени. Неподвижные листья терпеливо ждали ветерка.

Мать стояла у окна, глядя на яркий солнечный свет, насквозь пронизывающий дворик, и счастье, осязаемое и материальное, как звон или жар, разрасталось в ней, искало выхода, вибрировало в груди, напрягало горло щемящей мелодией. Вроде бы несложной, вроде бы не грустной...

Зародыш знал, что эта мелодия ни разу не прозвучит в длинной Дориной жизни. Ее не будет ни на одной из пластинок Броньки, ни в одном из «радиоконцертов по заявкам», которые Дора Яковлевна так любила до глубокой старости. Эта мелодия ни разу не донесется из окон музучилища, мимо которого Дора Яковлевна ходила на работу.

Зародыш страшно напрягся в еще одной безнадежной попытке вынести эту мелодию в будущее, в сознание маленькой Доры, засыпающей под блеклым одеяльцем с черной печатью «Детдом N 1». Пытался пробиться к ней изнутри и снаружи, уверенный, что в личике этого ребенка сразу прибавилось бы рассеянной мягкости, добродушной неуверенности, ироничной несерьезности, которых так недоставало Доре взрослой. Но пробиться не удавалось. Возможно, из-за ночного буханья и воя, из-за грохота идущих навстречу друг другу поездов, из-за вокзального крика – всего, что взметнул над Дориной жизнью первый год войны. Все это стояло над ее восьмьюдесятью двумя годами, заглушая, делая почти неслышимыми детскую песенку, сладкий полет оркестра, скороговорку невыключаемого телевизора – так что Дора Яковлевна всю жизнь казалась глуховатой при своих совершенно здоровых ушах. А, может, людей вводил в заблуждение ровный негнувшийся голос. Или неумение слышать чью-то недосказанную мысль. «Да не мямлите же, – требовала Дора Яковлевна, – говорите прямо!»

Больше всего доставалось от нее Мики. Он-то как раз и не умел прямо. Всегда и во всем сомневался. Боялся быть назойливым, вмешиваться в чужие дела. Да и что он мог сказать ясно? Что он знал такого, чего бы не знали все? Он тоже полагал, что если война и начнется, то где-то далеко, как это было с Финляндией. А неясные предчувствия... Так именно Доре он и не мог сказать: «Мне как-то тяжело. Не хочется, чтобы Бронек ехал во Львов. Да еще с ребенком». Будь Дора другой, она бы все это увидела на его лице, услышала в голосе, как ясно видел и слышал это Зародыш.

У Доры были другие проблемы. Она привыкла к тому, что они с Бронек как бы одни в мире. Как бы оба сироты. И вдруг оказывается, что две старухи, о которых столько рассказывал Бронек, живут себе по старому адресу, во Львове, а в этот Львов, хотя он и стал уже советским, нельзя взять да и поехать просто так, и приходится бегать по разным учреждениям, добиваться какого-то дурацкого пропуска, а беспомощные старухи не понимают, почему Бронек медлит, и забрасывают его письмами на чужом языке, которые Бронек читает как-то отдельно от нее...

Доре не хотелось, чтобы Бронек разглядел в ней эту ревность, и потому она поддерживала его, даже чересчур горячо. Помогала заполнять бумажки, искала подарки... А главное – сама предложила ему взять с собой Лизоньку.

Бронек не просил об этом, и предложение Доры его растрогало и удивило. Не то чтобы до этого Дора не доверяла ребенку: просто он сам неуверенно чувствовал себя, оставаясь наедине с Лизонькой. Боялся, что она может ушибиться, простыть, съесть что-нибудь не то.

Сама Дора вела себя с ребенком как-то очень смело, почти легкомысленно. Давала дочке грызть пирожки, купленные на улице, позволяла ей лазить, где хочется, не прятала от нее ножицы и вилки. И ничего плохого не случалось. Пирожки не вредили Лизоньке, она редко простужалась. Споткнувшись, с ангельской медлительной мягкостью опускалась на попку и лишь оглядывалась удивленно.

Несомненно, Лизонька была очень легким ребенком. Но Дора не говорила Бронеку: «Не бойся, ты запросто с ней справишься. Она может есть то же, что и ты. Одна ночь – и вы на месте». Она говорила: «Ты представляешь, какая это будет для них радость?!».

Знала, чем пронять! Но даже в самом конце, перед отходом поезда, Бронек был готов отдать ей ребенка. Возможно, из-за Мики: какой-то он был в тот день уклончивый и усталый. Бронек посматривал на Мики вопросительно, будто ждал именно от него окончательного решения.

Мики потом всю жизнь казнил себя за ту неуместную деликатность, вечно жался... «Я должен был прямо сказать: «Сейчас неподходящее время для поездок. Тем более с ребенком... Со дня на день может начаться война...» А я, дурак, боялся вмешиваться...».

Дора, слушая его, неизменно молчала, глядя в пол – хотя и помнила прекрасно тот день, видела его не хуже, чем Зародыш. Пристальный и умоляющий взгляд Мики.

Лизоньку, привычно прилипшую к дядиной птичьей груди. Помнила, как с веселым упрямством расцепила ее ручки. Слышала смущенный лепет брата: «Может, не нужно...» Он тогда еще что-то сказал – когда поезд уже дернуло, качнуло с лязгом. Бронек в окошке указывал на них растерявшейся Лизоньке и махал ее крошечной ладошкой.

Дора прошла с ними рядом несколько шагов, пока поезд набирал скорость, и отстала. Странно, что впоследствии именно это вызывало в ней особую, почти невыносимую досаду: ведь могла пробежать еще немного, еще несколько секунд видеть их в окне!

То был чистенький поезд, на веселом солнечном вокзале. Через неделю, на том же месте, в неразберихе, в крике, Дору мотала из стороны в сторону ходящая водоворотами толпа. Дора не сопротивлялась. Поезда с запада прорывались все реже. Никто не знал, на какой путь их примут. Не было уже никакого расписания. Чаще всего составы проходили, не останавливаясь. Дора смотрела в окна, до ломоты напрягала глаза. Зачем-то выкрикивала им вслед имя Бронек. Кому-то помогала перетаскивать вещи, кому-то задавала нелепые вопросы. Говорили, что поезда в дороге страшно бомбят, что во Львове уже хозяйничают немцы. Но она каждый день вырывалась с работы, чтобы забежать домой и прямо оттуда – на вокзал. Трамваев стало меньше, они часто застревали среди улицы. Тогда она шла вдоль колеи, не замечая ни воя сирен, ни тарыхтения зениток. Что-то грохотало, жутко и неправдоподобно, как грозовые раскаты в погожий день.

В театре почти никого уже не было. Стараясь не смотреть Доре в лицо, ей предлагали эвакуироваться с очередной группой. Она отвечала, что боится разминуться с Бронек, что без нее он не справится с ребенком и двумя старухами.

В горно с ней говорили откровенно. Что оставаться здесь бессмысленно, что Бронек, если ему удалось вырваться из Львова, уже на востоке – и что Дора обязана выехать с детьми, как только подадут транспорт. Тем более что ее уже назначили ответственной за эвакуацию восьми детдомов. «Вы справитесь. Вы молодая, энергичная. Знаете свое дело. Да и нет никого больше, кроме вас и Коли Степаненко! Все вывозят свои семьи...» «А у меня – не семья?!» – выкрикивала в ответ Дора. И Зародыш слышал, как в ее голосе звучит все меньше уверенности.

Что-то менялось в Доре. Ее жизнь, описав фантастическую петлю короткого счастья, возвращалась к точке пересечения, чтобы продолжить прямую линию сиротства. Дора окончательно перебралась в детдом. Она больше не чувствовала себя директором, она была одной из многих, принадлежала единому организму, полностью упрямого желания выжить, и делала все, что для этого требовалось, потому что была старше всех и сильнее. Это раньше ей можно было не бояться бомбежек, а теперь нельзя, потому что ее муравейник боялся и вздрагивал в гигантских подвалах туберкулезного санатория. И Дора говорила звонким негнушимся голосом, пробивающимся сквозь все шумы и грохоты, спасительным и отрадным, как свежая вода: «Ничего страшного, ребята! Это только кажется, что бомбы падают рядом! Просто дом стоит на горе. Потерпите! Дошкольников уже увезли! Через два дня нас отправят по Днепру на пароходе».

Бегала по учреждениям, требовала, стучала кулаком, и комсомольский вожак Коля Степаненко носился за ней, преданный, как апостол, пытаясь перенять на ходу ее сиротскую наглость, беззвучно, одними губами, повторяя каждое ее слово. «Мы не можем везти детей без сопровождения врача!» – «Нет врачей! Подберете где-нибудь по дороге!» – «Как это «подберу»?! Что я, увижу его в окошко и остановлю поезд?»

Зародыш с удивлением вслушивался в Дорин уверенный голос. Голос, который перешибал чужой страх, чужое безразличие. Голос, за которым со слепым старанием шаркал, перетекал из переулков в переулочок молчаливый поток, теснясь к стенам, прячась в предательских остатках утренней тени, через пустеющий город, безумно огрызающийся последними зенитками, готовый принять свою новую судьбу. Тек с муравьиным упорством Дорин детдом, согнутый под тяжестью рюкзачков, в которых стучали друг о друга, отмечая каждый шаг, миска, кружка и ложка, засунутые

поверх белья, зимнего костюма, пальто и ботинок, из которых не следовало вырастать... И по такому же приглушенному рокоту Дора знала, что еще один поток приближается к ним справа, со стороны центра. Громыхали на тележках жестяные коробки с нелепыми продуктами, которые в спешке выдали Доре на кондитерской фабрике, и настырные осы ходили роями вокруг них, будто надеялись отбить свое добро. И страшно было, что этот осиный гул помешает вовремя различить дальний гул самолетов... как уже случилось, когда первый раз пытались добраться к пристани. И солнце поднималось как-то быстрее, чем обычно, и досадно было, что не решились разбудить детей еще раньше, и все это напоминало Доре что-то давнее. Какое-то нелепое ожидание радости набегало с порывами ветерка, но у нее не было ни желания, ни возможности разбираться в этом. Она не узнавала привычное место, потому что обычно подходила к нему со стороны трамвая, да и площадь перед пристанью была неузнаваема: из конца в конец ее заполняла толпа давящих друг друга людей. И упершись в эту толпу, в ее визг, вой и брань, Дорины муравьи остановились, застыли в тесном переулке. «Пропустите, пропустите детей!» – надрывался сорванный голос где-то слева. «У нас тоже дети!» – отзывались полные обреченной злобы женские голоса. «Ваши дети с вами, а мы возьем сирот! Товарищи, проявите сознательность! Сироты! Поймите! Это транспорт для детских домов!»

Дора бросилась назад, в загустевшую мешанину детских лиц, неразличимых из-за общего выражения уверенности в ее могуществе и в своем собственном праве на жизнь... застучала в какие-то двери, завертела твердым пальцем телефонный разболтанный диск, закричала в трубку: «Срочно примите меры! Нам срывают эвакуацию!» Она ненавидела эту толпу на пристани так же, как ее зажатые в переулке сироты, – и почувствовала себя так, будто одержала победу над каким-то чудовищем, когда толпа, теснимая прибывшими на грузовике солдатами, раздалась на две стороны, оставив прямо перед Дорой просторный коридор, через который тут же дохнуло в лицо знакомыми запахами реки, и стали видны перила пристани... вербы, белая полосочка песка на левом берегу, стало слышно буханье дебаркадера, так что на какую-то секунду она удивилась тому, что Мики не стоит на своем обычном месте.

Детские ноги захрустели песком на деревянной лестнице. «Детдом номер восемь! – выкрикивала Дора. – На посадку! Спокойно! Без паники!» Она стояла на квадратной площадке, где обычно стоял контролер, и торопливо проставляла галочки в списке. «Детдом номер двенадцать! Товарищи провожающие, не задерживайтесь на пароходах!»

Зеленые мешочки мелькали перед глазами Доры, подпрыгивая и толкая друг друга, скатывались вниз на причал.

Дора спустилась последней. Звенели цепи, ерзали под ногами скользкие мостки, пахло нагретой смолой и резиной... Пароход попятился от причала, развернулся и поплыл вниз по течению. Дору чуть затощило, и снова мелькнула в голове какая-то блажь, что вот, мол, снова поздно выехали, по жаре... Но тут же она очнулась, и как-то разом увидела удаляющийся берег: пыльную зелень августа, разбитый чемодан, повисшую на колючих кустах одежду, и на фоне белого неба – людей, все еще напирающих зачем-то на железные перила... Теперь это не была уже враждебная, ненавистная толпа – она распалась на отдельных мужчин и женщин, и ей необъяснимо четко был виден каждый, со своим страхом, со своим нежеланием смириться. Казалось, за эти несколько минут она запомнила их на всю жизнь. Но Зародыш знал, что уже к вечеру ей начнет мерещиться в этой толпе Бронек, а на следующее утро она точно вспомнит, что разглядела его лицо и услышала его голос: «Пожалуйста! Возьмите хотя бы ребенка!».

Дора говорила себе, что этих людей не бросят, что за ними пришлют дополнительный транспорт. Какие-нибудь баржи... Их много попадалось по дороге. Были даже самодельные плоты.

Где-то на полпути к Днепропетровску они догнали спокойно плывущую по течению цепочку покореженных обломков – доски, обрывки тряпья... По каким-то при-

метам Коля Степаненко решил, что это один из кораблей, на которых отправляли дошкольников. Он велел Доре увести детей с палубы, да и самой запретил смотреть. Но обломки еще долго тянулись за ними, будто не хотели отставать от низки празднично-белых корабликов.

Зародыш старался не задерживать свое внимание на том августе, лучезарно-ясном и солнечном. Из-за Матери. Он все-таки не был вполне уверен в том, что его сознание надежно защищено от всех этих плывущих обломков, от надрывных воплей поездов, которые несутся с грохотом от лета к осени, от вокзала к вокзалу... Особенно смущали его те мгновения, когда два состава, торопящихся – один на восток, другой на запад, – чиркнув всей своей длиной друг о друга, как бы зависали в остановившемся времени. Ему казалось, что именно в такие мгновения происходят прорывы, выбросы из будущего в прошлое, которые могут омрачить счастливые дни его Матери. Не так их много оставалось.

Наверно, самым страшным на этом пути были временные пристанища. Брошенные и разграбленные здания: школа с выбитыми окнами, дом культуры с огромными картинами по стенам и необозримыми загаженными паркетными полами. И каждый раз они, Дора и ее муравьи, принимались скоблить и скрести, уверенные в том, что уж на этот раз здесь и останутся. Любовно выкладывали вдоль стен ряды соломенных лежанок, сушили на кустах и заборах черные сиротские трусы и голубые майки.

Дольше всего они прожили в шахтерском санатории – белоснежном дворце с огромным парком и виноградником на пологом склоне. Таких сладких, таких драгоценно красивых ягод Дора не видела никогда в жизни, так что даже она ненадолго поддавалась жадному возбуждению этого случайного праздника. И когда через две недели ее разбудил знакомый звук дальнего обстрела, Дора долго не могла заставить себя подняться, не могла поверить, что сейчас все начнется сначала: торопливые сборы, беготня по кабинетам, таким одинаковым, с бумагами под ногами, с вывернутыми ящиками... Но она, конечно же, пошла, храбрая и наглая от отсутствия личной корысти, юная Дора Яковлевна, на которую присмиревшая детдомовская вольница возложила обязанность добиваться и спасать, и командовать группкой растерянных помощников. Сами почти дети, эти помощники с изумлением слушали, как Дора Яковлевна отчитывает пожилых неприступных начальников, с восхищением смотрели, как она перепрыгивает широкими легкими прыжками Жизели из вагона в вагон, и бросались за ней, не глядя вниз на мелькающие шпалы. Заглядывали в лицо, как студенты заглядывают в лицо профессору: «Вы считаете, это не корь, Дора Яковлевна? Да, действительно, есть вши, Дора Яковлевна! – И светлели от радости. – А мы, дураки, испугались! Подумали, что корь!»

И всему этому бесконечному эшелону принадлежали ее длинные, чуть раскосые глаза, и волнистые черные волосы, и редкостной белизны зубы, которые она азартно скалила, пролезая, согнувшись, под вагонами, с платформы на платформу. Бежала вдоль составов и, задыхаясь, выкрикивала: «Товарищи бойцы, нам нечем кормить детей!». От одной распаханной площадки – к другой, под бесшабашный топот солдатских сапог, под хриплые разливы наезжающих друг на друга гармошек, под неуклюжие шутки мужчин, уходящих на смерть. «Товарищи бойцы, помогите, чем можете! Нам нечем кормить детей!»

И, будто подтверждая ее слова, смотрели на солдат детские лица, прижавшиеся к десяткам нечистых окон запертых вагонов. Следили за тем, как падают на платформу коричневые бумажные мешки, как набирает скорость внезапно тронувшийся эшелон, как поднятый им ветер рвет на Доре Яковлевне старенькое платье и старается затянуть ее под колеса вместе с прижатыми к груди сухарями.

Хруст сухарей... У Зародыша от него стягивало кожу. Ненавистный звук! Еще более невыносимый, чем крик голодных младенцев – тех, что на одной из станций в сутолоке отступления наспех погрузили в Дорин поезд, как тучки с бьющимся грузом, – без еды, без запасных пеленок – и забрали только через четыре дня.

Но ничего этого Мать не слышала – слава Богу, не слышала. Она стояла у окна, выходящего в сад. Треугольник солнечного света с нежным шорохом подбирался к ее руке, лежащей на подоконнике. Было так тихо и спокойно, как бывает днем в доме, где спит ребенок. Тише тишины. А редкий шорох отцовской газеты и тайный ропот диванных пружин под тяжелым телом как-то особо подчеркивали этот покой.

- Может, ты все же прилегла бы? Еще есть время.

Она помотала головой, не покидая взглядом сада.

- Я не устала. Пожалуй, мы выйдем пораньше, чтоб не опаздывать. А до конца оставаться не будем.

- Как хочешь.

- Слушай, – сказала Мать, – не помнишь случайно, что это за мелодия?

И она запела легким приглушенным голосом.

- Н-не знаю... Шуберт? А, может, Шопен?

- Похоже, но как-то не совсем... Я уже просмотрела все мазурки и вальсы...

- Бывает такое. Привяжется мелодия – и ни за что не вспомнишь, откуда она.

- Я думаю, это поет наша девочка, – сказала Мать. – Эта мелодия... она меня все время переполняет, с тех пор, как я забеременела. Особенно утром. Или когда подойдешь к окну. Такое счастье! Никогда раньше такого не было!

Зародыш замер. Он вдруг поверил, что так оно и есть. Что он действительно – источник, центр невысказанного счастья, которое заливает, переполняет окружающий мир. Это противоречило здравому смыслу, противоречило всему, что он знал о себе и об этом мире. Но сейчас для него имело значение только одно. «Мы все живы. Мы все существуем рядом. Я. Моя мать. Мой отец. Мой брат. И даже – о Господи! – Бронек... Он не только уже родился, он – взрослый мальчик, школьник. И как раз в это мгновение что-то делает, с кем-то говорит, ходит, дышит...»

Зародыш не знал точно, где в это время должен находиться Бронек, но ему казалось, что это вовсе не так уж далеко, что он ясно ощущает его присутствие в мире. Чуть ли не его дыхание.

- Какой красивый день! – продолжала Мать. – И свет какой-то необычайный! Будто сегодня все пойдет по-другому! Без ночи, без вечера...

Зародыш даже задохнулся – так хотелось ему хоть на секунду увидеть этот день... Он слышал, как свет, едва заметно меняя направление, проникает все глубже в комнату, соскользая с одних предметов на другие, будто легчайшая ткань. Ничего, ничего подобного в Дориной жизни не было.

Совсем рядом, неуклюже спланировав, упала газета Отца, громко скрипнул диван, опустились на пол ноги и двинулись в разные стороны за домашними туфлями. Отец встал, и дом едва уловимо дрогнул. Скрипнула тяжелая мебель, будто устроилась поудобнее. Зародыш невольно дернулся навстречу Отцу.

- Ты чего дерешься? – с притворной обидой прикрикнула на него Мать.

Зародыш почувствовал ее руку и благодарно потерялся о ладонь. Отец приближался. Приближался весь стройный шум его жизни, величественный, как шум леса и водопада, так красиво сливающийся с нежным шумом жизни Матери и слабеньким тиканьем Зародыша. Отец обнял Мать сзади и стал тихонько покачивать ее, будто баюкал ребенка:

- Ах ты моя фантазерка! Вот увидишь, родится у нас мальчишка-хулиган. Ну и пусть! Какая нам разница!

Она отрицательно поматывала головой и повторяла про себя, одними выдохами и легкой вибрацией неба: «Не-ет, ты девочка, конечно же, ты девочка... Ты мой звонкий колокольчик! Совсем не такая, как твой братик. Он у нас немножко плакса и трусишка, но ведь ты будешь любить его и защищать, даром что он старше...»

- В чем ты пойдешь? – спросил Отец.

- В синем платье. Если оно еще годится на меня.

Зародышу было жаль, что умолк этот голос, направленный к нему изнутри.

- В крайнем случае, надену лиловое. Вообще, боюсь, мне пора заняться своим гардеробом.

Зародыш поморщился. Ему уже довелось побывать у портнихи, и это было одно из самых неприятных его впечатлений. Он вообще не любил близости чужого тела. За исключением Отца и Мики. А портниха к тому же трогала и поворачивала Мать, что было просто нестерпимо. Все раздражало: и звон булавок, и сильное от усердия дыхание, и терпкий скрежет мела, тянущего ткань...

Собственно, и сам процесс переодевания был не слишком приятен Зародышу. Его стеснял туго затянутый корсет. Еще хуже были туфли на высоких неустойчивых каблукках, лишающие чувства покойной надежности.

Впрочем, на этот раз Зародыш был настолько занят своими мыслями, что почти не замечал мелких неудобств. Он все обдумывал слова, сказанные Матерью. Было так грустно и стыдно – оттого, что Дора не оправдала ее надежд. Зародыш лежал, понуро свернувшись, и старался не напоминать о себе. Так нашаливший ребенок, проступок которого еще не обнаружен, избегает матери и страдает от ее ласк и похвал.

И все-таки Зародыш был несправедлив к Доре. Да, она не стала для Мики сестрой-защитницей. Но разве она не сделала в своей жизни гораздо больше? Она вывезла из горящего города сотни сирот, и сколько еще детей подобрала на станциях, заблудившихся, оставших от поездов, брошенных на произвол судьбы! Разве не могла она настоять на своем, проводить до парохода этот молчаливый поток одинаковых коричневых костюмчиков, горбатых рюкзачков – и уйти домой, чтобы ждать там возвращения мужа и ребенка? И спасти их. Или погибнуть с ними вместе. Или не дожидаться их и погибнуть одной. Во всяком случае, быстро. Но Дора была человеком правильным, и математика ее была проста: тысяча детей – это в тысячу раз важнее, чем одно дитя, пусть даже такое дорогое и ненаглядное, как ее Лизонька. И она боролась за каждую из этой тысячи жизней еще и оттого, что любая потеря сделала бы ее жертву менее оправданной.

Возможно, Зародыш не мог оценить эту жертву, поскольку ему с самого начала было известно, что Бронек не вернулся в Киев, что не было его на днепровской пристани, в толпе, теснимой на две стороны солдатами. Не было на бесконечных станциях среди тех, перед кем Дора захлопывала двери своего сиротского поезда. Не было в очередях, покорно пропускавших Дориных сирот в станционные столовые, откуда шел вызывающий слезы нетерпения запах теплой каши.

Но Дора, Дора-то этого не знала! И каждый раз, когда униженная, враждебная толпа оставалась позади, темнела и расплывалась – ложная память с подлой готовностью подставляла в ее гущу два лица.

Надо сказать, что судьба была к Доре невысказанно добра. За год пути она не похоронила, не потеряла ни одного ребенка. Ее длинный поезд каким-то чудом миновали инфекционные болезни, от которых гибли дети по дороге на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию. Она чувствовала себя победительницей в тот день, когда вела по Ташкенту длинную колонну детдомовцев. Подростки, отвыкшие ходить по твердой земле, жалких в своей обветшалой одежде и развалившейся обуви. Дора очень устала, но каждый шаг доставлял ей удовольствие. Волновали незнакомые запахи чужого жилья, теплой пыли, цветущих деревьев. Дору ждали, никто не старался от нее избавиться – наоборот, каждый спешил ей чем-то помочь. Детей накормили и уложили спать прямо на земле, на снесенных со всего города коврах.

Спящие на земле дети... это было зрелище, от которого не веяло ни покоем, ни умиротворением. Двое суток они не просыпались и лежали, как брошенные на поле боя мертвецы, и все двое суток Дора не смыкала глаз, и не отпускала домой врача, который тщетно старался ее успокоить. А потом они стали шевелиться, то в одном, то в другом конце двора, и врач не давал Доре будить спящих, а у нее не было терпения ждать, она боялась, что кто-нибудь из них не проснется, а это было бы просто чудовищно: здесь, на теплой земле, не ведавшей, что такое налет или обстрел, после всех ужасов дороги!

Дора чувствовала себя ответственной за всех этих детей даже тогда, когда их разделили на несколько больших групп и развезли по разным городам. И она ничуть не удивилась, когда где-то через год получила письмо из Намангана, от Гали Шаломеевой. Эта девочка, которую Дора не помнила в лицо, обратилась за помощью именно к ней, а не к кому-нибудь из киевских воспитателей, сопровождавших Галин детдом из Ташкента в Наманган. Едва дочитав эти несколько строк, в которых пугающе просто говорилось о немыслимых вещах, Дора привычно ринулась по кабинетам – и уже через пять дней оказалась в Намангане.

Из одиннадцати детей, умерших за зиму в наманганском детском доме, Дориных было двое, но ей почему-то казалось, что все одиннадцать погибли по ее недосмотру, что это она легкомысленно передоверила их всех кому-то чужому, ненадежному. И Доре не было странно, когда с разных концов огромного восточного двора бросились ей навстречу дети, по большей части местные, черноглазые. Своих она узнавала по остаткам одежды, которую получила на складе перед самой эвакуацией. У остальных не было и того. Истертые в паутину трусы не прикрывали наготы, хрупкие восточные косточки выглядели особенно жалко. Тесня друг друга, они протискивались к ней, по-детски страстно жаловались на директора, почему-то уверенные, что теперь его можно не бояться. Она не все понимала в этой смеси налезавших друг на друга русских и узбекских слов – что-то о женах директора, которые ходят сюда за мукой, о русских любовницах, с которыми он пирует по ночам в красном уголке... Ей показывали дырявые тюфяки, набитые соломой и утратившие цвет от грязи, тащили в изолятор, где на сдвинутых вплотную кроватях малярия трясла лежащих валяком желтых, стриженных налысо... то ли мальчиков, то ли девочек. Ее заставили заглянуть в окна директорского кабинета, увешанного и застланного коврами, с посеребренным бюстом Сталина, перед которым лежала на блюде тугая, невиданных размеров виноградная гроздь. Рядом на другом блюде светилась нарезанная длинными ломтями дыня. Ее аромат казался голодной Доре сильным, как запах одеколона. А с другой стороны двора уже тянуло пряным дымком и наглой роскошью спешно затеянного плова.

Все это – и дыня, и плов – предназначалось для нее, для Доры, хотя никто толком не понял, в чем заключается ее миссия и каковы ее полномочия. Ради нее директор гонял суетливых поваров. Он издали поглядывал на Дору с искренней симпатией к ее молодости, обаянию, раскосым глазам. Барственный красавец с парализующе ласковым взглядом, он никак не мог понять, почему Дора в ответ на его гостеприимство стучит своим кулачком по столу, так что ломти дыни съезжают с блюда на скатерть. Почему, запинаясь от ярости, несет какой-то бред о плывущих по реке обломках, о муке, смешанной с водой, о младенцах, для которых жевали сухари, о какой-то площади, застеленной коврами...

- А вы! А вы! – задыхалась Дора. – Уморили голодом! Так и знайте: я вас посажу! Зародыш чувствовал, как жирный, невыносимо-пряный запах плова густеет, заполняет все вокруг, склеивает легкие.

Нет, не имел он права прервать свою жизнь, оставить Дорин поезд без предводительницы. И не так уж преувеличивала старенькая Дора Яковлевна, утверждая, что без нее этот поезд не дошел бы и до середины пути. Застрял бы где-нибудь под Ростовом, рассеялся и пропал. И уж во всяком случае, пропали бы те, кого она избавила от радужного вора, который и не догадывался о том, что он вор, не понимал, за что взъелась на него миловидная девчонка в короткой юбке – ведь он так быстро и споро организовал для нее прием... Не понимал, почему плачут люди в зале суда, выслушивая то, что она уже откричала, отхрипела в его кабинете. Какой Диккенс? Какой Оливер Твист? Не понимал. Хотя на суде она говорила куда разборчивее. Почти спокойно. Снова обломки, снова младенцы, снова солдаты, бросающие на ходу сухари... «Мы же сутками не выпускали их из вагонов, мучили их в духоте, чтобы ни

один не отстал случайно, если тронется поезд! Мы же довезли сюда всех, всех до одного! Мы же думали, что спасли их!»

Директор обводил зал тяжелым от мигрени взглядом и думал, что, по-видимому, слишком слабо владеет русским языком. Ему казалось: Дору больше всего возмущает то, что его детдом не бомбили. На это он и напирал в своем заключительном слове – и еще на то, что почти все умершие дети были местные... А предостерегающие гримасы москвича-адвоката директор оставлял без внимания. Ему хотелось одного: поскорее уйти из этого зала и никогда больше не слышать голоса Доры. Звонкого, с каким-то странным надломным дребезжанием внутри.

Этот голос утомлял и Зародыша. Он напоминал ему другой невыносимый звук – лязганье ведер, которые верный Дорин помощник, незаменимый Коля Степаненко мастерил из жестяных коробок с надписью «патока».

Из душного зала Дора вышла на такую же душную маленькую площадь. Решение суда ее разочаровало. Она была еще слишком молоденькая для того, чтобы понимать, как это много – пять лет. Рядом шел Коля, развернувшись бочком так, чтобы заслонить от нее трех растерянных женщин – по всей вероятности, тех самых жен директора, которые ходили в детдом за мукой. Они что-то робко выговаривали Доре вслед и указывали на своих напуганных детей. Зародыш знал, что Дора их все-таки заметила – и что эти смуглые неяркие лица, эти широкие черные платья с радужными вертикальными полосами будут следовать за Дорой по жизни так же, как обломки парохода, как толпа, напиральная на запертую дверь ее вагона, как отданная за надкушенный хлеб фотография... И все-таки, все-таки считал ее жесткой, нечуткой. Не верил говорящему взгляду Мики, у которого за любой фразой, за любым словом, обращенным к сестре, скрывалась вечная, главная мысль: «Ты все прекрасно понимаешь, ты только зачем-то хочешь казаться такой...»

Почему Дора всю жизнь стремилась противостоять этому взгляду? Что хотела доказать, от чего защищалась? Почему неизменно отвечала притворной непроницаемой ясностью? Конечно же, притворной. Пускай не все, но многое она действительно понимала. Понимала, когда на праздничном летнем вокзале забирала у Мики Лизочку, обеими ручками обнимающую его за шею... Понимала его скромную невысказанную мольбу: «Может, все-таки не посылать ребенка с Бронекком?» И виноватое заверение: «Ты не думай, тебя она любит больше!». И это вечное: «Не волнуйся, ты же знаешь, что я не заразный...»

А уж тогда, когда нашла брата в Ташкенте, в грязной больничной палате – она и сама заговорила глазами не хуже, чем Мики.

Это произошло через несколько месяцев после того, как длинный Дорин поезд прибыл, наконец, к месту назначения и распался на отдельные детдома. И они с верным Николаем остались при своих ста одиннадцати, каждого из которых знали по имени и в лицо, и чем он переболел, и чего от него можно ждать. Это было уже почти по силам, почти нормально. Главное – небо не грозило больше бомбежкой, а вместо тяжело вихляющего пола, вместо ревматически лязгающего металла под ногами была твердая и глухая земля. И лишь телу, привыкшему удерживать равновесие, ногам, привыкшим перепрыгивать несущуюся навстречу пустоту, было странно и неловко приспособливаться к наступившему покою. Да еще пространство вокруг казалось излишним – того и гляди, унесет куда-то вбок.

Работы было очень много. Дора сама вела бухгалтерию, приводила в порядок обносившуюся за год одежду, воевала со вшами, ходила со старшими мальчишками ловить черепах (сама она есть их так и не научилась), добивалась разрешения использовать под тетради конторские книги. Целую гору этих книг бросила организация, которую выселили из двух длинных приземистых флигелей, чтобы освободить место для детдома. Там же Доре выделили закуток, гордо названный «кабинетом». В нем она и жила.

Дора как раз стояла у окна, когда принесли письмо от Мики. Почтальонша через калитку отдала его девочке, и Дора видела, как та бежит через переполненный солнцем двор, бежит и машет белым конвертом, похожим издали на маленького голубя. Если бы Дора сама взяла у почтальонши письмо, она сразу узнала бы почерк Мики. Но девочка бежала так долго... и так радостно... А главное – сразу по приезде Дора направила письмо в Бугуруслан * и каждый день ждала ответа... Она, разумеется, запрашивала данные и о брате, так что при других обстоятельствах была бы рада. Но... девочка так бежала, так махала, что она успела столько всего предположить...

А Мики писал о том, как долго ее разыскивал. Что уже не надеялся найти. Дора, прекрасно знавшая манеру брата никогда не высказываться прямо, прочла это письмо примерно так: «Я уже год посылаю запросы во все инстанции. О Бронеке и Лизочке никаких сведений нет. Но ведь и о тебе целый год не было никаких сведений – так что у нас еще остается надежда...»

Снова Мики нашел ее – и снова она была разочарована. Почти без интереса прочла о том, как он эвакуировался со своим главком, и как был поражен, узнав, что сестра, оказывается, живет совсем рядом, в том же Ташкенте, в нескольких кварталах ходьбы... И не прибежал он к ней только потому, что слегка приболел.

Уже через час Дора шла по городу в своем лучшем платье, в том, что было куплено к свадьбе. С лицом почти таким же красивым и решительным, с каким она входила в кабинеты железнодорожного начальства. Однако в общепитии Доре сказали, что накануне вечером Мики отвезли в больницу, потому что у него отнялись ноги. Дора сразу же направилась туда.

Посетителей не принимали, но пожилая медсестра провела ее по темному коридору, велела подождать и исчезла в палате. Узкая щель, оставленная ею, не прибавила в коридоре света, но мгновенно наполнила его горячим воздухом, тяжелым от скисшего мужского пота. Дважды прорвался и смолк режущий ухо длинный вскрик... или визг. Не мужской, не детский. Доре вспомнилось вычитанное где-то: «крик раненого зайца». Почему-то она была уверена, что кричал Мики. Доре захотелось сейчас же уйти, но она пересилила себя и на зов медсестры вошла в палату, спокойная, даже с улыбкой на лице.

Мики лежал в самом дальнем и самом темном углу, и Дора сначала не уловила на той кровати очертаний человеческого тела: ей показалось, что туда в беспорядке свалены какие-то подушки, тряпки... Потом она увидела острый задранный подбородок, запрокинутую голову, сияющую подняться ей навстречу, угол глаза с пристальным говорящим зрачком.

Все так же улыбаясь, Дора пробиралась между кроватями и думала о том, что впервые видит брата лежащим – и как, оказывается, ему неудобно и трудно лежать! Она издали отыскивала, как бы собирала в единое целое его длинные ноги, нелепо торчащую вбок треугольную грудь, облепленную огромной взмокшей больничной рубашкой.

Дора вздрогнула. Она вспомнила, как дочь, уточнив деликатно «Лиза любит маму!», соскользала с ее коленей, прижималась к этой самой груди и шурила самозабвенно глазки...

Мики все это видел. И хотя говорили они о чем-то совсем другом, приличествующем случаю, – смотрел он на нее так, будто только что она на всю палату сказала: «Теперь ты понимаешь, что не должен был позволять ребенку прижиматься к себе?» «Но меня уверяли, что я совершенно не заразен! – взглядом оправдывался Мики. – Врачи считают, что этот процесс начался от здешней жары и недоедания. А я больше года не был в контакте с ребенком!» «Откуда мы знаем, что сейчас с ребенком?» – тоже взглядом перебивала она, будто главной опасностью для ребенка был этот самый злосчастный туберкулез. Поразительно, но она испытывала при этом что-то вроде удовлетворения, какое доставлял ей любой промах Мики, любая его вина, настоящая или кажущаяся.

Впрочем, все это были даже не мысли. Скорее – какие-то тени мыслей. А слова и действия Доры были правильные. И Мики впоследствии не так уж сильно преувеличивал, повторяя, что спасла его сестра – хотя, конечно, спас его ленинградский профессор Фогель, рискнувший сделать операцию. Но и Дора была на высоте, так что даже Зародышу почти не к чему было придаться. Его коробила лишь спокойная готовность, с которой Дора принимала благодарность Мики. Все-таки в самый тяжелый, в самый ответственный момент ее не было рядом: как раз пришло письмо из Намангана, и Дора выехала туда. Справедливо ли было винить ее в том, что в Намангане она почти не вспоминала о брате? Но Зародышу стыдно было слышать голос стареющей Доры Яковлевны, из года в год набирающий тайную горечь. «Я вытащила его из могилы...» И за этим всегда маячило некое: «а он...».

Нет, никогда у нее не было ясной мысли, что вот, дескать, Мики предал ее, женившись на Соне. Или предал Лизочку, став отцом... Но эта дребезжащая глупина в голосе, когда она произносила: «Он женился как раз после моего возвращения из Львова...»

У Зародыша мельтешило в мозгу от фразы, повторенной сто раз в учительской, в больничной палате, в купе поезда, на лавочке в парке, в приемной зубного протезиста: «И вот я приезжаю из Львова, где мне сообщили, что мой муж и ребенок погибли, а он меня встречает радостной новостью: «Поздравь меня, я женюсь!»».

Зародыш видел, как с годами эта нескладица обретает все более устойчивую, незыблемую форму, хотя, спроси кто-нибудь Дору, в каком году она ездила во Львов, Дора, несомненно, ответила бы, что в сорок седьмом, что раньше туда попасть было невозможно.

В сорок седьмом... Прошло почти два года после окончания войны, и давно уже не было у них никакой надежды. К тому времени даже Мики перестал посылать свои бессмысленные запросы в Бугуруслан, в Москву, в Международный Красный Крест. Дора надеялась лишь узнать какие-нибудь подробности, взглянуть на дом Бронек.

Дом она нашла. И он не вызвал в ней никаких особых чувств. На лавочке у входа сидели три женщины. Дора подошла к ним. И они очень просто, как о самом обыкновенном деле, рассказали ей о том, что Бронек – с ребенком, больной матерью и выжившей из ума бабкой – не смог вырваться из города. «Когда ваших стали забирать, он договорился тут с одной соседкой, что оставит у нее дочку. Но дите страшно кричало, и пришлось взять ее с собой. Вы не огорчайтесь, все равно бы кто-то донес».

Женщины смотрели на Дору выжидающе: вот сейчас она заплачет, и тогда станет ясно, как себя вести: уговаривать ее, давать воду, валерьянку, усаживать на скамейку... Но Дора стояла перед ними, прямая, с лицом, лишенным всякого выражения, даже вопросов не задавала.

Погода была пасмурная, но ясная. За спиной у Доры, в соседнем доме, кто-то разучивал второй концерт Шопена, без конца повторяя один и тот же пассаж. Именно тот, который Бронек так часто насвистывал. Казалось, время застряло в одной точке и никак не может переступить в следующую минуту. Дора невольно оглянулась, поискала глазами окно.

- Это не ваш рояль, – строго заметила одна из женщин.

По тому, как она сложила губы, было ясно, что женщина не собирается рассказывать, где сейчас находится «Дорин» рояль. Соседки ее явно одобряли.

Дора была чужая, и ее появление всех откровенно тяготило. К ней несколько потеплели лишь тогда, когда поняли, что ее ничуть не заботят ни вещи, ни квартира. И все же настоящего, человеческого сочувствия она в них не вызывала.

Издали Доре показали соседку, которая согласилась взять к себе Лизочку. Сухая, несимпатичная старуха шла куда-то с ведром... Спросили, не хочет ли Дора с ней поговорить. Дора не хотела. Она вдруг испугалась, что услышит что-то такое, с чем станет еще труднее жить дальше. Дора уже смирилась с тем, что Бронек нет, но

невыносимо было бы узнать, что перед смертью его как-то унижали. Ташили, толкали, может быть, раздели...

Дора еле заставила себя спросить, где их похоронили.

- Куда свозили с тюрьмы на Лонского? – обратилась к соседкам одна из женщин.

Те переглянулись, пожали плечами.

- Может, в Янов? – предположил кто-то неуверенно.

- Да нет, Яновский – это уже потом...

- Это далеко? – спросила Дора. – Как туда добираться?

- Да чего вам туда ехать? Ничего там нет. Ровная земля, песок серый...

Дора постояла еще немного и уехала на вокзал. На следующий день она вышла на работу.

Что же касается Мики и его женитьбы, то произошло это еще год спустя, о чем Дора тоже, конечно, помнила. Откуда же взялось это несправедливое раздражение? Почему Зародыша просто преследовал тихий недобрый шелест? «И вот возвращаюсь я из Львова...» Так хотелось ему выдрать из Дориной жизни, как страницы из ветхой книги, все эти сцены, разговоры с намеками! «Конечно, у него были свои интересы, свои устремления...».

Дора будто прощала Мики, но введенные в заблуждение попутчицы, соседки по палате, участковые врачихи осуждали брата-эгоиста. Как минимум, за поспешность.

Поспешность... Да если бы Мики видел, что способен хоть как-то заполнить пустоту Дориной жизни, он никогда не женился бы, не отнял бы у сестры ни крошки своего внимания, своего времени! Но Дора превращала брата – с его болезнью, с постоянной угрозой обострения – в тяжкий долг, в мрачный смысл своего существования. Конечно, у нее была еще работа – но как-то отдельно, сама в себе. А Мики хотелось, чтобы Дора жила, чтобы Дора была счастлива. Он понимал, как трудно ей принять нечто взамен Бронекка и Лизоньки. Хуже того, ему самому было почти невыносимо представить себе рядом с Дорой другого мужчину и другого ребенка. Но он надеялся на молодость Доры, на то, что жизнь – хочешь или не хочешь – продолжается, а память слабеет. Оттого и отказался он, вернувшись в Киев, поселиться с Дорой, в ее длинной и темноватой, но сухой комнате. Снял угол – у старика-пьяницы, зато совсем рядом с Дорой, так что каждый вечер, возвращаясь с работы, он забегал к ней. Ненадолго.

Мики даже не раздевался. Садился на диван. Полы его расстегнутого пальто, довольно дорогого по тем временам, резко изламывались какими-то неожиданно изящными складками. Дышал свежестью раздвинутый шарф. Вызывающе красиво выглядели длинные ноги, одна присогнутая, другая выставленная вперед – и бледная кисть, как бы случайно забытая, свисала совсем уж картинно на фоне темных наутюженных брюк. Доре так и слышался голос Бронекка: «Нет! Ну откуда в человеке столько изящества!» И она снова испытывала что-то вроде той давнишней досады на мужа. Что-то такое, непонятное... Будто Бронек, восхищаясь ее братом, подбивает Мики оставаться горбуном и уродом. Будто в угоду Бронекку Мики мог бы и переиначить свое прошлое... Не поехать тогда на трамвае, опоздать, к примеру. Или решить добираться домой пешком. И не надвинулся бы лоб на эти чудесные глаза, не заострился бы нос, не растянулись губы. И не было бы этого утомительного множества налагающихся друг на друга смыслов: «Я все вижу. Я знаю, что тебя раздражает даже мое пальто. Но это неважно, это мелочи. Ты совсем другая. Я-то лучше знаю, какая ты на самом деле!»

А Зародыш любовался Мики и думал, что ему вовсе не хочется, чтобы тот был каким-то другим. Высоким стройным красавцем. Или пусть бы их было двое. Еще неизвестно, кого из них предпочла бы Соня, будь у нее выбор.

В отличие от Доры – да и от самого Мики – Зародыш вовсе не считал, что Соня вышла замуж исключительно из-за своего отчаянного положения. Ну да, только что

закончилась война. Мужчин осталось мало. Действительно, Соня голодала. И ей было очень трудно жить в одной комнате с отцом, замужней сестрой и племянниками. А Мики к тому времени занимал не по годам высокую должность. Он получил красивую комнатку с балконом в общей квартире. Но напрасно Дора так легко согласилась с точкой зрения брата.

- Меня познакомили с милой девушкой, – начал Мики, глядя на свое колено. – Она очень нуждается и не имеет собственного угла. Разумеется, при других обстоятельствах я не мог бы и мечтать о такой жене. Но что поделаешь... – Он как-то горестно и сочувственно повел головой. – Она согласна. В конце концов, я хороший юрист. И не подлец. Я хотел бы знать твое мнение. – И он посмотрел, наконец, прямо на Дору.

И Дора без труда различила все три невысказанных им мысли.

«Я хочу, чтобы ты была свободна и счастлива». «Эта девушка мне действительно нравится.» «Мне стыдно – но я все-таки мужчина, и мне это нужно. Впрочем, если ты против...».

- Почему я должна быть против? – пожалла плечами Дора. – Ты взрослый человек. Поступай так, как находишь нужным.

Она не утруждалась придать своему спокойствию доброжелательный вид, изобразить что-то вроде робкой радостной надежды. Дора видела, что решение уже принято, и не обижалась. В конце концов – разве она советовалась с ним, когда встретила Бронька?

На фоне фантастического романа, начавшегося со стремительного шенэ в темном коридоре оперного театра, женитьба Мики выглядела для Доры сделкой, тщательно обдуманной со всех сторон. И все-таки – как это странно! Неужели она не понимала, что Мики не мог говорить о себе иначе? Почему она как бы соглашалась с ним своим молчанием? Ведь ей было прекрасно известно, что есть в нем множество достоинств – и главное вовсе не то, что он «хороший юрист»! Человек, который познакомил Соню с Мики, наверняка перечислил ей по крайней мере часть этих достоинств. Вряд ли Соня согласилась бы знакомиться с мужчиной лишь на том основании, что он обеспечен и «не подлец». Так что Дора была несправедлива и к Соне, и к Мики, полагая, что «он «купил себе жену за теплую комнату и тарелку супа».

Если бы Зародыш мог стереть из жизни Доры эту фразу, повторенную вслух! Как она саднила ему совесть! Сводила на нет все лучшее, что сделала в эти годы Дора.

Каждый день она выезжала на работу в половине шестого утра и добиралась туда с тремя пересадками. Детдом, где она работала до войны, был разрушен, и новые Дорины сироты теперь ютились в фанерных летних домиках бывшего пионерлагеря, очень ненадежных, почти игрушечных. Правда, лес вокруг был необычайно красив. Дети, по большей части подростки, пережившие оккупацию, кое-как одетые, вечно голодные, научившиеся побираться и подворовывать в ближних селах и на базарах, не вызывали в Доре привычного теплого чувства. Она больше не была одной из них. Приходилось себя пересиливать. Дни сменяли друг друга, тяжелые и скучные. Дора проживала их с тем же упрямым безразличием, с каким каждый день ела детдомовский гороховый суп – жидкий, отдающий мешковиной и плесенью. Другой еды не было. Не было одежды, постелей, тетрадей. Дора знала, что ничего этого действительно нет, и взять негде, но все равно делала то, что привыкла делать: ходила по кабинетам, стучала кулаком... Уже не такая молоденькая, не такая хорошенькая. Отяжелевшая Жизель... От окошка к окошку, от начальника к начальнику, со склада – в милицию. Вызволяла своих малолетних воришек и шулеров, врывалась в полуразваленные халупы, тащила за руки своих полуголых беглецов, давила каблуком их самокрутки, выливали водку – а потом, как ни в чем не бывало, собирала на утреннюю линейку, на урок ручного труда, на репетицию, хлопала в ладоши, отбивая такт гопака... Ах, как они неслись по поляне, Дорины казаки, как грохотали по

сухой земле твердыми пятками, выбивая серую пыль! Как, не жалея себя, бросались навзничь! набок! в последнюю секунду успевая подставить ловкую ладонь! Даром, что вместо музыки был осипший Дорин голос, а вместо красных шаровар – трусы из когда-то черного сатина. «Ничего-ничего! – азартно кричала Дора Яковлевна, не переставая хлопать в ладоши. – К октябрьским праздникам все достанем! Сорочки! Сапоги! Баян!»

«И думаете, я не добилась? Думаете, мы не заняли первое место на городском смотре?!»

Этот рефрен умилял Зародыша. По нему легко было отыскивать светлые минуты скучной старости Доры Яковлевны.

Концерты, яркие костюмы, роскошные грамоты, скромненькие подарки, яростное соперничество с другими детдомами, репетиции на поляне под соснами, лихое гиканье – только это впоследствии и осталось в памяти Доры Яковлевны, оттесняя назад и делая почти невидимым все другое, нудное, уродливое, чем приходилось жить изо дня в день. И объясняя себе или другим, как это она решилась уйти с привычной работы, Дора Яковлевна напирала исключительно на свои разногласия с начальством.

Разногласия действительно были. Дора Яковлевна считала, что для новых, послевоенных воспитанников прежние методы работы не годятся. И держать взрослых детей и малышей в одном коллективе не только не полезно, а просто вредно.

Но Зародыш видел одновременно все и не мог подправлять свое будущее – подобно тому, как Дора Яковлевна с помощью выборочно слабеющей памяти подправляла свое прошлое. Поэтому он знал, что дело обстояло куда прозаичнее. Просто Доре Яковлевне надоело ездить на работу тремя транспортами, а школа, в которую она устроилась преподавательницей русской литературы, находилась в двух шагах от дома.

К тому времени у Доры Яковлевны уже начались проблемы с ногами. Болели стопы, болели тазобедренные суставы. Так она расплачивалась за недолгий блеск сцены, за пуанты неважного качества, за гранд жетэ из вагона в вагон.

Мики возил ее на консультации к известным хирургам, ортопедам, гомеопатам. Он сам платил, сам рассказывал, что беспокоит Дору, особенно напирая на благородное происхождение болезни.

- Видите ли, доктор... – начинал он своим аккуратным, как у диктора, голосом, пока Дора за ширмой спускала чулки. – Моя сестра – балерина, у нее – анкилоз...

Дора молчала, не вносила уточнений. Благодаря этой болезни, мучительной, уродующей ноги, она снова чувствовала себя балериной. Будто над жизнью ее прочертили циркулем полукруг. От юности, от «Лебединого озера» – до содовых ванночек, компрессов и массажа. И, втирая в кожу пчелиный яд, она снова испытывала давно забытое артистическое волнение. Морщилась от боли с горделивым аристократизмом. Ничего подобного не воскрешали в ней ни отчаянные детдомовские пляски, ни тем более балетный кружок, который она организовала в школе.

Двадцать рублей дополнительно к зарплате – вот единственное, что давал Доре Яковлевне этот кружок. Мальчики туда ходить стеснялись, да и девочкам быстро надоело «вальс цветов» или «танец снежинок». Слабенькие домашние дети боялись поцарапаться или ударить коленку. Дора Яковлевна скучала и даже не очень заботилась о том, чтобы это скрывать.

Собственно, и преподавание литературы не доставляло ей особой радости. Из года в год с изнурительным воодушевлением повторять одно и то же – о Базарове, об Онегине... Она несколько приободрилась было в шестидесятые годы, когда вошло в моду высказывать собственные мысли и отступать от истин, изложенных в школьных учебниках. Но оказалось, что особых противоречий с учебниками у нее как бы и нет. И вся вольность, которую она себе позволила, заключалась в том, что Дора Яковлевна стала рассуждать о литературных героях так, будто речь идет о соседях или родственниках. Иногда на уроке она расходилась почти как сплетница на ком-

мунальной кухне. Особенно доставалось от нее Наташе Ростовой – и не столько за историю с Курагиным, сколько за то, что, едва потеряв жениха, Наташа тут же вышла замуж за его друга. «Женщина глубокая, действительно благородная, отказала бы Пьеру и была бы всю жизнь верна памяти такого человека, как князь Андрей!».

Слушая Дору Яковлевну, ученики догадывались, что она сравнивает судьбу Наташи со своей собственной судьбой.

Если быть справедливым до конца, то никакому такому Пьеру Безухову она не отказала. Разве что верному, порядочному, невзрачному Николаю – да ведь и тот так никогда и не отважился поговорить с ней напрямик. А те мужчины, с которыми ее неуклюже познакомили сотрудники и соседи, были во всех отношениях хуже Николая. Кстате, никто из них не проявил особой настойчивости. И это странно, поскольку Дора действительно была неглупа и хороша собой.

В любом случае Мики сильно преувеличивал, без конца повторяя с благоговением: «Она столько раз могла устроить свою жизнь, но не захотела...» Зародыш сердился на Мики, ибо видел, как Дора, сперва пропуская слова брата мимо ушей, на старости повторяла их без зазрения совести. И вдобавок еще с особым нажимом, будто в укор Мики: дескать, она, Дора, не изменила памяти Бронека, а он, Мики, изменил.

В чем, собственно, она видела измену? Или сам Мики наводил ее на эту мысль? Он постоянно вел себя с сестрой так, будто старался заглазить какую-то вину. Точно так же вела себя и Соня. И даже их ребенок...

Каждое воскресенье они проводили вчетвером. Это нисколько не напоминало те веселые выходные с вылазками на остров, которых когда-то ждали всю неделю. О реке, о катерах даже не упоминали. В воскресенье с утра занимались домашними делами, а в час дня Мики с женой и сыном отправлялся в гости к Доре. С трюфельным тортом и какой-нибудь дорогой селедкой или колбасой. А то и с зажаренной дома курицей. Яшеньку, племянника, Дора встречала с неизменно шумной радостью, с ясным, энергичным лицом, какое бывало у нее на работе. Для Мики и Сони существовало другое выражение лица, поверх детской головки. Не то чтобы неприветливое... «Ну что ж... Вы надеетесь отвлечь меня от моих мрачных мыслей, и я готова вам немного подыграть...»

Она отправлялась на кухню и ставила на огонь начищенную заранее картошку. Соня шла за нею. В кухонных хлопотах напряжение ослабевало. Затем сажались за стол. Хватили селедку. Отчего-то всем было слегка неловко, что она оказалась удачной.

Чай пили подолгу. Обсуждали международное положение. «Может, ты приляжешь? – предлагала брату Дора. – Я достану подушки». И Мики всегда отказывался. Он садился у окна с журналом. Надевал очки. Соня искала, что бы починить, укоротить или удлинить для Доры. Мыть посуду Дора никому не разрешала. В квартире у нее было очень чисто, даже слишком, как в каком-нибудь солидном учреждении. Мальчик часами возил по полу машинку и гудел с монотонным напором.

- Яшенька! Иди сюда! Покажи мне, как ты читаешь.

Малыш поднимался с пола и без раздражения бубнил по складам что-то из сборника сказок, который Дора держала в доме специально для него. Яшенька был покорен и прост, очень под стать этим длинным воскресным дням.

- Жи-ла бы-ла де-воч-ка... Ее зва-ли...

- Обними тетю, – говорила Дора. – Покажи, как ты ее любишь.

И Яшенька со спокойной готовностью обнимал. Мики отрывался от журнала, смотрел вверх очков своими длинными говорящими глазами. «Да. Это не Лизочка. Прости. Но таких ведь и не бывает...» И Дора отвечала ему строгим выражением лица. «А я и не ждала никакой замены Лизочке. Я принимаю этого ребенка таким, каков он есть, ни с кем его не сравниваю. Не смотрю на него, как на неудавшийся пирог. Потому он и любит меня больше, чем тебя».

Зародыш видел, что Дора несколько переоценивает Яшину привязанность к себе. Да, он никогда не обнимал отца, но если бы тот попросил, обнял бы с той же го-

товностью, что и тетку. Да, он оставался у нее ночевать, но не потому, что она читала ему на ночь, не потому, что специально для него держала в морозилке мороженое и позволяла есть один за другим соленые огурцы. А потому, что так устроен мир: нужно оставаться у Доры на ночь, когда она просит.

И шла эта жизнь, год за годом. Яша рос, не меняя ее распорядка. Ну, разве что вместо мороженого – поздний матч по телевизору. Дора понемножку седела и раздалась книзу. У Мики углублялись морщины возле рта. А Соня так и вовсе не менялась. Ее милостивое печальное личико всегда выглядело немножко детским. Крошечный носик, крошечный горестный ротик, застенчивые круглые глазки. Издали могло показаться, что это высокая девочка в тяжелой коричневой шубе, с шерстяным ажурным шарфиком на темной курчавой головке, по-взрослому причесанной, идет рядом с длинноногим, хорошо одетым горбуном. Чуть позади плелся мальчик... Поравнявшись с Дориными окнами, они останавливались и махали ей на прощанье. Дора смотрела им вслед, пока они не садились в трамвай. Она видела, как мальчик, взрослея, старается все дальше держаться от родителей. Ей было больно, что Яша стыдится отца, но она не осуждала его: помнила себя в детстве и свои ощущения при появлении Мики.

А вот кого она осуждала – так это Соню. Постоянно жаловалась на нее. Соседям, сотрудникам в учительской, а позднее – и вовсе незнакомым людям. «Никто не заставлял ее выходить замуж за больного человека! – говорила Дора Яковлевна с невестой откуда взявшейся еврейской горечью в интонации. – Но если уж ты вышла – что ты ходишь с кислой миной, как будто хочешь всем показать, что тебя выдали за него насильно?!»

Тихая мягкая Соня чувствовала Дорино раздражение, но полагала, что всему виной трагедии, которые обрушились на Дору с самого рождения. Она бы не поверила, скажи ей кто-нибудь, что Дора ее недолюбливает. Не поняла бы, за что. Ведь Соня-то никогда не думала, что «продала себя за тарелку супа». Ее горестная гримаса вовсе не означала, что вот, мол, ей, молодой и красивой, пришлось выйти замуж за калеку. Означала она другое: «мой муж тяжело болен, и я могу в любую минуту остаться вдовой так же, как бедная Дора». Более того: отчасти это вечное выражение Сониного лица относилось лично к Доре, к ее несчастной судьбе, которую Соня считала тесно связанной со своею собственной.

Соня знала историю Дориной жизни со слов Мики. При желании она могла бы составить себе реальное представление о том, что за чем следовало и как все было на самом деле. Но ей это было не нужно. В погибшем прошлом ей мерещились лишь сказочный блеск и обаяние, которые и сам Мики, возможно, несколько приукрашивал в своих воспоминаниях. Соня восхищалась Италией, гордилась родителями мужа, любила Броньку, обожала Лизочку. Скромненькая балетная карьера Доры казалась ей блестящей и прервавшейся исключительно из-за войны. «Понимаете, – вздыхала Соня, – она была прекрасной балериной! Танцевала в оперном театре! Но после гибели мужа не смогла туда вернуться. Он ведь был балетмейстером, и ей там все о нем напоминало!»

Бедная, милая Соня! Как она спешила выключить радио, когда оттуда доносилась музыка Шопена! Что-то видела по Дориному лицу? Улавливала каким-то десятым чувством, что этого нельзя, не надо? Хотя Дора не только ей – никому вообще не рассказывала, что не может слышать Шопена. С годами ее ревность к Польше, ко всему польскому переросла почти что в ненависть. Ей казалось, что с помощью этой музыки, чересчур соблазнительной, чересчур красивой, две полуживые старухи заманили Броньку к себе, в серый, неприветливый город, в неуютный дом – и погубили его, утащили за собой в землю, в гигантскую свалку необмытых, неуложенных тел.

Тяжелее всего было слышать Второй концерт. Тот, который когда-то мечтал поставить Бронек, воодушевленный больничными воспоминаниями Мики. Стоило ей услышать два-три такта – и в воображении возникала ровная земля, серый песок,

сквозь который прорастают сотни человеческих рук, танцующих под эту музыку, слаженно и податливо следующих за ней.

Ничего этого не могла знать Соня. Но при первых же звуках какой-нибудь мазурки или вальса вскакивала, переключала программу, а то и вовсе выдергивала штепсель, неумело изображая при этом головную боль.

А Дора до самой смерти толковала про суп, про теплую комнату... Медсестрам из Красного Креста, которые два раза в неделю приносили ей хлеб, молоко и творог. Свидетелям Иеговы, которые просвещали ее относительно приближения конца света.

О своей молодости она рассказывала лишь особо доверенным. И то как-то неохотно – причем пользовалась почему-то словами и выражениями Мики. Это было естественно, когда речь шла об Италии и о родителях. Но точно так же она говорила о балете, о Бронеке, о Лизочке, будто и об этом обо всем узнала от брата. Может быть, потому, что в его изложении все выглядело как-то намного значительнее, красивее.

С ней явно происходило нечто странное. Дора Яковлевна помнила каждую мелочь, каждую минуту своего недолгого счастья, и вместе с тем с некоторых пор ей приходилось чуть ли не внушать себе: «да, все это было, все это действительно происходило со мной». Что-то съехало в ней, потеряло устойчивость. Ей стало трудно говорить о муже, о дочери: казалось, люди притворяются, будто верят ей, а на самом деле знают, что это всего лишь сиротская детдомовская байка, вроде отца-комиссара и боевой подруги-матери. Кстати, весь этот вздор, созданный когда-то наивной детской фантазией и вроде бы давно забытый, почему-то вдруг воскрес и засуществовал не менее реально, чем Бронек и Лизонька. И что смущало Дору Яковлевну больше всего: вскрикивая от боли, вздыхая от одиночества, прося жалости, она мысленно обращалась не к своим настоящим родителям, а к этим, выдуманым.

Иногда, опасаясь, что недоверие слушателей вот-вот прорвется откровенной ухмылкой или даже смехом, – как это случалось с подружками в детдоме – Дора Яковлевна спешила достать из ящика большую красивую фотографию Бронек, которую Мики разыскал после войны в архивах оперного театра. У нее хранились и два любительских снимка Лизоньки, но их Дора Яковлевна никому не показывала: снимки эти отчего-то покрылись сиреневыми и желтыми пятнами и на них почти ничего нельзя было разобрать.

В театральном программке – единственной, которая сохранилась у Доры – как назло, отвалился уголок, где была напечатана ее фамилия. И Дора Яковлевна старалась компенсировать эту утрату, демонстрируя гостям искалеченные пуантами ноги...

Уверенной она становилась лишь тогда, когда речь заходила о войне, о поезде, о плывущих обломках. Хотя обломков становилось все больше, в поезде все прибавлялось вагонов. Дети спали на коврах уже не двое, а трое суток, и росло количество жен и любовниц у директора Наманганского детдома...

Дора Яковлевна не собиралась никому ничего доказывать. И утерянное письмо той самой девочки, Гали Шаломеевой, принималась искать только потому, что вспоминала о нем и надеялась, что на этот раз оно найдется.

Зародыш с грустью наблюдал за тем, как раз за разом Дора Яковлевна вываливает из письменного стола, из комода, из тумбочки кучи старых бумаг и ненужных вещей. И в который раз досадовал, что никак не может ей помочь. Он-то видел, как Дора Яковлевна, на следующий день после отъезда брата, перечитывает Галино письмо в последний раз. Как укладывает его в конверт вместе с фотографиями Мики, Сони, Яши. Как засовывает туда же записную книжку Мики и четыре лавровых листика, которые он когда-то запалял между двух прозрачных пластинок на выставке американской пластмассы. Как заворачивает пакет в голубую клеенку и все это прячет за швейную машину, пылящуюся на шкафу.

Зародыш не мог понять, почему Мики не рассказал сестре, что старая записная книжка – подарок Отца. Почему не объяснил, что это за лавровые листики. Досаднее всего было то, что ничего о них не знал и сам Зародыш.

Можно было лишь удивляться тому, что Дора, совершенно не склонная к сентиментам, отнеслась вполне уважительно к странному наследству брата. Сразу же по возвращении из аэропорта она внимательно пролиставала записную книжку. Первые странички кто-то вырвал. Три или четыре были исчерканы крупными цифрами и латинскими буквами, написанными детской рукой. Дальше шла чистая и довольно свежая бумага. Кроме серебряной птички, украшавшей обложку, Дора не обнаружила ничего примечательного. И все-таки не положила ее возле телефона, не засунула в нее кулинарные рецепты, которые неизвестно зачем вырезала из газет. Видно, почувствовала что-то, раз спрятала вместе с главной своей драгоценностью, с этим самым наманганским письмом.

И все эти поиски, вся эта бестолковщина для Зародыша происходила одновременно – только халаты на Доре были разные. Да очки. Да сама она была все корявее, седее, строже, обидчивее.

Терпеливее всех слушала Дору одна из патронажных сестричек, Линочка, самая мягкая и совестливая. Дора очень привязалась к ней, и для того, чтобы та задерживалась подольше, отыскивала все новые уголки, требующие уборки. А потом и вовсе утратила чувство реальности: стала уговаривать остаться на ночь. «Куда вы пойдете в такую темень, в такой мороз! Я вам постелю на диване, почитаю книжечку». А когда Линочка робко напоминала Доре Яковлевне, что дома ее ждут голодные сыновья и муж, пожимала плечами и бросала угрюмо: «Обойдутся!». Будто речь шла о каких-то докучливых эгоистах, на которых бедная Линочка должна работать вместо того, чтобы отдыхать под крылышком Доры Яковлевны.

Заперев за усталой Линочкой дверь, Дора Яковлевна на некоторое время застревала в своей крошечной передней, еле освещенной матовым шариком. Стояла, горюя о несчастной женской доле. Потом отставляла в угол клюку и, упершись в стену заклиненным бедром, доставала из-за обувного шкафчика веник и совочек, сметала песок, оставшийся на месте Линочкиных сапожек, высыпала его в ведерко, выставленное газетой. Окружающие вещи недоброжелательно цепляли и толкали Дору Яковлевну, растравляя и поднимая в ней спрятанную обиду. Лицо ее начинало плаксиво кривиться, но она тут же одергивала себя строгим детдомовским окриком: «Эй, Дорка! Ты что это разнюнилась?». По возможности бодро добиралась до телевизора, щелкала ручкой, пока на экране не появлялось что-нибудь, способное привлечь ее внимание. Но уже через несколько минут по экрану нагретшегося телевизора начинали бегать черные полосы. И, глядя на эти полосы, Дора Яковлевна думала, что вот точно так же прошла вся ее жизнь.

Обида, не пролившаяся слезами, разбухала, разрасталась. Обида на вещи, на тесный коридор, на собственное тело, стареющее быстрее, чем вельветовый халат, на детдомовских подружек, на Линочкиного мужа, на балет, который только зря испортил ей ноги, на Бронека, говорившего, что в ней нет мелодии, на Лизочку, которая, брыкнувшись рыбкой, съезжала с ее колен, чтобы прижаться к уродливой груди Мики. Обида на своих муравьев, ни один из которых не вспомнил Дору, не подумал сообщить, как сложилась его судьба. И совершенно уж необъяснимая обида на младенцев, которые четыре дня орала, разложенные рядками поперек полок, а Дора не спала и сторожила их, и ни одному не дала скатиться на пол, хотя вагон так и бросало из стороны в сторону!

И все же самой терпкой была обида на Соню, корыстно втершуюся в их не ахти какую счастливую жизнь и развалившую ее окончательно. Это по Сониной вине Дора осталась совсем одна, и дни ее стали неразличимы: каждый день мытье подоконника, каждый день кислый творог, купленный в ближайшем магазине.

Конечно же, Соня! Как всегда, Соня! Хотя не только Зародыш, но и сама Дора прекрасно знала, как все было на самом деле, и кто был настоящим виновником этого самого развала. Любимый племянник, Яшенька. Именно он после окончания института взбесился из-за какой-то ерунды с распределением и надумал уехать в Америку.

Дора прекрасно помнила тот вечер, когда Мики с Соней прибежали к ней, пришибленные, и Сонино лицо, никогда не менявшее своего выражения, на этот раз выглядело так, будто она смотрит на крушение поезда...

И вовсе не Соня, а Мики поддался первый. Зародыш ясно видел, в какое мгновение произошел этот переход, этот... щелчок в сознании. Вот он сидит... низко над столом опущенная голова... длинные пальцы, вцепившиеся в нереледующие волосы... И вдруг поднимает глаза, а в них уже – новая мысль, удивленное прозрение... будто свет, отраженный водой, ударил в лицо. Он начинает толковать что-то о Яшином будущем, которое они не имеют права портить, о том, что если какие-то перспективы для них и закроются в связи с Яшиным отъездом – то, что это, в сущности, за перспективы? – пока не произносит, наконец, главную ахиною: «А что, собственно, держ тут НАС? Ты только подумай, Дора! Мы можем увидеть Италию! Хоть на пару месяцев оказаться на родине, Дора!»

- Какая там родина?! – вскипела Дора. – Лично моя родина – здесь!

- Ты же сам говорил, – поддержала золовку Соня, – что не знаешь, в каком вы жили городе!

- Не знаю, но я бы узнал его с одного взгляда!

Тот однажды появившийся свет так и остался в длинных глазах Мики – несмотря на все ссоры с непоколебимой Дорой, несмотря на унижения в ОВИРе, в домоуправлении, в комиссионных магазинах, несмотря на множество других предотъездных мучений... Казалось, он чуть ли не радуется им, будто это необходимые ступени в некоем ритуале...

Дора видела это счастливое возбуждение, видела, что у него даже дыхание изменилось: стало каким-то прерывистым, учащенным. Но мишенью своей она избрала бедную Соню, которая воспринимала происходящее как катастрофу, как неслыханную жертву во имя счастья ребенка.

Вся Сониная сущность покоилась на двух началах: преданная любовь и привычный, раз и навсегда заведенный порядок. Теперь она должна была отодрать, по живому, одно от другого. И, возможно, самым страшным для Сони было то, что они бросают «несчастную, одинокую Дору на произвол судьбы». Хотя кто кого бросил на самом деле? Может быть, именно Дора? Ведь она не только отказалась ехать. Она почти перестала встречаться с ними, когда речь всерьез зашла об отъезде. Дошла до того, что не поехала провожать их в аэропорт. Просто легла спать, как ни в чем не бывало. Но уснуть не смогла и под утро, когда стало уже понемножку светать, вдруг села в кровати и сказала себе: «Я же никогда больше их не увижу. И что мне, собственно, могут сделать? Лишить пенсии? Уволить с работы? Ну и пусть увольняют! Разве у меня самой не застрял уже в горле этот Павел Корчагин?»

Она бросилась на улицу ловить такси. Громящая частная колымага довезла ее до аэропорта. Дора вбежала в зал и с облегчением увидела заплаканную Соню. Рядом с ней Яша деловито забрасывал в чемодан раскуроченные таможенником вещи. Завидев в толпе тетку, пусть и делающую вид, что изучает расписание рейсов, он одобрительно вскинул брови и легонько подтолкнул мать. Соня благодарно заморгала, и слезы ее покатались еще быстрее.

Мики разговаривал с таможенником. Он не обернулся к Доре, но сразу засек ее уголком глаза, улыбнулся ей... виском, бледной скулой. Как будто вовсе не удивлен, как будто появление Доры в аэропорту и ее конспиративное поведение были спланированы ими давно и во всех подробностях. Он улыбался сестре, не прерывая разговора. Таможенник сурово крутил в руках старую записную книжку – ту самую.

Было ясно, что Мики пытается уломать его, предлагает разные варианты, но тот ничего не желал понимать. Он не позволил Мики даже взять в карман четыре лавровых листика, запрессованных в пластмассу. Похоже, эти листики его особо насторожили. Мики помешкал растерянно – и передал свои «драгоценности» мужу Сониной покойной сестры, который приехал из Кишинева попрощаться. Тот с готовностью

сунул их в большой желтый баул, куда укладывал все не пропущенные таможей вещи. «Это – тебе», – скользнули по Дориному лицу глаза брата.

Дора смотрела на Мики и пыталась понять, что же так отличает его, так выделяет в этой толпе? Не горб. Не эlegantность одежды – хотя даже безразличная к вещам Дора на этот раз оценила, с каким благородным вкусом подобран костюм песочно-го цвета, чуть более светлая рубашка того же оттенка, галстук...

Пожалуй, в этой толпе он один был внутренне спокоен и несуетлив. У него был вид человека, который знает, куда едет.

Мики поднимался вверх на эскалаторе, полуобернувшись к Доре, и Дора впервые подумала, что он красив – вот такой, как есть. И что он почти не изменился с того дня, когда она впервые увидела его, сидящего на лавке у ворот детдома.

Ей было очень странно, нет, ей просто не верилось, что брат оставляет ее навсегда с такой легкостью, с такой простой светлой улыбкой! Но какой-то частью существа – не упрямым своим разумом, а чем-то, ему не подвластным – Дора сознавала, что заслужила это предательство. Что со дня их первой встречи она непрерывно делала все для того, чтобы сейчас он мог вот так уплыть вверх, с тонкой кистью на черном поручне, со светлым плащом, перекинутым через локоть. Казалось, не эскалатор поднимает его, а собственное нетерпение. Он будто уже начинал набирать высоту...

Как жалел ее Зародыш в эти минуты! Он и сам с удивлением вглядывался в лицо Мики. Гадал, откуда такая легкость. Пытался обнаружить на этом лице тень предчувствия. Понять, догадывается ли Мики о том, что в Италии ему суждено умереть, возвратиться на фреску Санта-Тринита. Зародыш полагал, что догадывается. Не просто догадывается – знает, и только потому решил оставить сестру. И еще ему казалось, что взгляд Мики, ласковый и утешающий, устремлен прямо на него, Зародыша. Минуя Дору, проходя сквозь нее.

«Господи, да ведь я и есть Дора!» – в который раз повторил про себя Зародыш. И снова не смог смириться с этой мыслью. И снова искал ей подтверждение во множестве других, мимолетных и пристальных взглядов Мики, несущих в себе некое тайное знание, недоступное Доре. Знание о ней же самой. И в который раз Зародыш задал себе вопрос: неужели тот удар спиной о рельсы что-то сдвинул в естественном порядке вещей? Пробил брешь в перегородке, разделяющей сознание человека до и после рождения? И если это действительно было так, то, Мики, несомненно, знал наперед всю свою жизнь.

Зародыш восхищенно дрогнул: в этом случае Мики должен был помнить, как плавал в мягкой колбочке внутри гибкого подвижного тела Матери. «В этой же» – и он провел ручкой по мягкой, гладенькой оболочке. Ему показалось, что ручка движется как-то по-новому, чуть точнее, чем это было вчера. Он подвигал головой, губами, попытался разомкнуть веки – и почувствовал режущую боль, будто от этого усилия разошлось гладкое место на коже. Дорина жизнь, вечно стоящая перед его глазами, исчезла. Стало совсем-совсем темно.

«Бедная мамочка! Знала бы ты, какую одинокую несчастную старуху вынашиваешь в своем радостном юном теле! Ничего ты во мне не угадала! Разве что одно: я действительно никогда не буду плакать. Буду я сирота. Вдова. Мать убитого ребенка. И никогда не заплачу. Ни о тебе. Ни об Отце. Потому что никогда вас не узнаю. Не заплачу о муже моем, Бронеке, не заплачу о Лизочке. Ибо сначала буду уверена, что они найдутся, а потом пойму, что чудо не случится, – но произойдет это постепенно, почти незаметно. Там, во Львове, будет поздно плакать. Мне даже легче станет, когда я узнаю, что не было Бронекы ни на пристани, ни на вокзалах. И поздно будет плакать о Мики, когда придет письмо с известием о том, что он умер одиннадцать лет назад».

Зародыш закрыл глаза, и снова стало светло. Застучали колеса, закричали истерично паровозные гудки. Застегал, будто кнутом, резкий требовательный голос: «Тяни подъем! Тяни подъем! Дора, спину! Дора, подбородок!» Загремел вальс из

«Евгения Онегина», зачирикал танец маленьких лебедей, завывли сирены, заплакал спящий мальчик на казенном кожаном диване – так, будто оплакивал не только свою покалеченную жизнь, но заодно и Дорину. Хлопнула дверь за патронажной сестрой Линочкой, затрещал поломанный телевизор Доры Яковлевны, захрустели ее больные старческие суставы, зашуршал вскрываемый конверт.

Это было письмо Сониного кишиневского родственника. Коротенькое, неопрятное, коробящее обилием ошибок. С выписанным по одной букве нью-йоркским адресом Сони и сообщением о том, что Мики умер вскоре после приезда в Италию, там и похоронен.

Дора Яковлевна сидела на кровати, с мятым листком в руке, и бессмысленно следила за бегущими по экрану полосами. То, что она испытывала, не было потрясением, горем. Напротив, сразу будто отпустила, свалилась тяжесть. Оказалось, что она столько лет мучилась угрызениями совести совершенно напрасно! Не беспокоился о ней бедный Мики, не обижался за то, что она запретила ему писать и звонить.

И более того... Она испытывала нечто вроде удовлетворения... Как человек, который предупреждал других о грозящей им опасности – а те его не послушались. И вот, пожалуй, печальный результат.

Разумеется, победная горечь ее улыбки была обращена в первую очередь к Соне, ибо за эти долгие одиннадцать лет Дора Яковлевна только и делала, что крепла в убеждении: Соня увезла ее брата невесть куда, чтобы избавиться от нее, от Доры.

Дора Яковлевна не знала, как быть. Писать Соне ей не хотелось, но вместе с тем это была единственная возможность наладить связь с племянником.

Пока Дора Яковлевна раздумывала, Соня написала ей первая. Это было длинное письмо, полное благодарности неизвестно за что. Надо думать, что Сонин родственник, получив уклончивое послание Доры, истолковал его очень просто: Дора вышла на пенсию и теперь уже не боится переписываться с заграницей.

Соня сообщала, что живет одна и устроена неплохо, что, если Дора не против, Соня может ей понемножку помогать деньгами или посылками. Что Яша за это время успел жениться и развестись, а сейчас работает в банке и быстро растет по службе.

В основном же письмо состояло из укоров самой себе. У Сони выходило, что это она халатно относилась к здоровью Мики, чего-то не досмотрела, не доделала, не заставила Мики сходить к профессору, которого рекомендовала Дора, слишком робко вела себя в итальянской больнице... Ясно было, что для Сони эти одиннадцать лет прошли, как один месяц. А для Доры... Она уже и понятия не имела, о каком профессоре речь. Да и болезнь Мики как-то выветрилась из ее памяти. Смутно маячило что-то... Воспаление легких? Вроде бы он задыхался слегка, но не придавал этому значения. Или хорохорился?

Впрочем, как казалось Доре Яковлевне, все это происходило еще тогда, когда Яшенька был ребенком. Из предотъездного же времени в памяти застряли только длинные, неприятные споры с братом. Его настойчивые уговоры. Дошло ведь до того, что Мики начал доказывать сестре, насколько пуста и бессмысленна ее жизнь. Уверял, что любая перемена может привести только к лучшему. И все ссылался на Италию, будто главным во всем этом была Италия. И от этих слов его, от странного возбуждения казалось, что нет на свете никакой Италии, что она давно исчезла, как исчезли родители, – а, может, и вовсе была выдумкой Мики.

Дора спорила, не стесняясь в выражениях. Она называла тех, кто покидает родину – предателями, а Мики – дважды предателем, поскольку его, сироту, эта родина растила, лечила, выучила. Дора предсказывала, как горько будет Мики раскаиваться, когда поймет, что такое чужбина.

Нельзя сказать, что Дора Яковлевна за эти годы пересмотрела свои взгляды. У нее как бы не стало взглядов вообще. Что-то съело их, источило. Главным образом одиночество, которое Дора Яковлевна называла словом «неблагодарность». Она имела в виду не Родину – от Родины она не ждала ни наград, ни повышения пенсии.

Но кто-нибудь, кто-нибудь из тех, кого она учила танцевать «вальс цветов», кому из года в год рассказывала о непостоянстве Наташи Ростовской, пока артрит не приковал ее к дому, – мог хотя бы позвонить?! Ведь большего и не надо было!

Получалось, что Дора Яковлевна рассорилась, рассталась с братом, не писала ему – ради чего? Ради какого счастья, ради каких таких богатых возможностей? Переходить оледенелую мостовую с бестолковым светофором? Назойливо удерживать усталую молодую женщину, которая рвется к своей семье?

Что же теперь получалось? Кто помнил о ней все эти годы? Кто написал ей? Ведь даже не Яшенька! Соня, главная виновница ее бед, ее одиночества!

Изо дня в день перечитывая это письмо, Дора Яковлевна обнаруживала в нем все новые и новые смыслы. Она вдруг поняла, что Яшенька живет в стороне от Сони, какой-то своей, совершенно отдельной жизнью. Что Соня, пожалуй, не менее одинока, чем сама Дора Яковлевна. Что переписка с ней, с Дорой, возможность помогать – были бы для Сони не широким жестом, не исполнением долга в память о покойном муже. Она хотела о ком-то заботиться, для кого-то стараться и почти откровенно просила Дору о такой милости.

И все-таки Дора Яковлевна с ответом не спешила. Прикидывала, взвешивала... Единственное, что говорило о некотором ее смягчении – банка варенья, извлеченная из недр захламленной кладовки.

Линочка, обнаружив на столе банку, заполненную чем-то непонятным, ржаво-коричневым с белыми прослойками, хотела ее немедленно выбросить. Но Дора Яковлевна строго ответила, что это подарок жены брата. В тот же вечер она выломала ножом кусочек и попила с ним вприкуску чай. Дора Яковлевна так и не поняла, из чего было сварено варенье, но решила, что на вкус оно не хуже магазинной карамели.

Зародыш знал, что это крыжовник, что никакого вреда от него Доре Яковлевне не будет, и почти с нежностью наблюдал за новым ритуалом: по воскресеньям, прослушав вечерние новости, Дора Яковлевна заваривала крепкий чай и доставала из буфета Сонино варенье. Старательно сопя, била молоточком по отвертке, специально подобранной для этого дела. Особо довольной она бывала, когда осколочек получался удобной формы и не слишком большой.

Где-то очень высоко ударил колокол. И еще раз... Мелодичный незнакомый звук опускался вниз догоняющими друг друга кольцами. Они сливались, не совпадая, и создавали почти непереносимый гул.

Зародыш отвлекся от своих невеселых мыслей и обнаружил, что сбился во времени и не знает, где находится. Он предположил, что уже вечер. Пространство утратило свою радостную дневную плотность. Море было спокойно, почти бездыханно. И не далеко внизу, как привык Зародыш, а в одной плоскости с улицей, по которой катила коляска. Это пугало Зародыша: казалось, море способно ненароком слизнуть одним движением все эти улочки, готовые зарыться в ночь.

Лошади остановились на незнакомой площади. Необычно широкая, она очень понравилась Зародышу. Ему хотелось задержаться здесь подольше, запомнить задумчивый, спокойный звук ее дыхания. Но они уже подходили к большому дому, толстые стены которого надежно удерживали царящее внутри возбуждение. Не слышно было ни шума голосов, ни музыки, но окна беспокойно вибрировали, и подрагивала, ползгивала тяжелая дверь, окованная медными украшениями. Зародыш съехался, когда она распахнулась с капризным скрипом и звоном.

Впрочем, вестибюль, открывшийся за ней, был прекрасен! Он мгновенно захватывал входящего в свое возвышенное и затейливое пространство, накатывающее тремя изломами шелестящей мраморной лестницы. Глыбы воздуха обрушивались через гладкие перила балконов, приветливый сквозняк засасывал в ликующие пасти дверей. Звенела и тревожила стеклянная и фарфоровая дребедень.

Радостные всплески приветствий плавно переходили в спокойное течение бесед. Было ясно, что родителей в этом доме знают и любят. В разных концах зала говорили о Матери. Как она прекрасно выглядит, как идет ей это темно-синее платье. Как восхитительна она была в «Богеме» и как жаль, что она так скоро уезжает. С темы отъезда неотвратимо соскользали, разумеется, на тему войны.

Зародыш не мог взять в толк, что это за странная война. Не было в ней ни малейшего сходства с тем, что предстояло пережить Доре. Само это слово в понимании Зародыша никак не вязалось ни с праздничным вечером, ни с шелестом дорогой одежды, ни с гулом возбужденных голосов, в которых, независимо от того, что, собственно, произносилось, слышно было удовлетворение собственным умом, глубиной понимания... Та война, которая стояла перед глазами Зародыша, во всей своей боли, нищете и грязи, делала совершенно невозможными такие вот вдохновенные разговоры, любование остроумными округлыми фразами.

Глядя на Дору, на ее будничную, в общем-то безопасную жизнь в далеком от войны Ташкенте, Зародыш и представить себе не мог ее нарядной, расхаживающей в каком-нибудь богатом зале, вот такой же безмятежной. Ему даже стало неловко за весь этот радостный светлый день. Впрочем, он тут же сказал себе, что ничего не понимает ни в этой жизни, ни в этой войне, и что ему, который знает, как скоро кончится все это счастье и вся эта безмятежность, грех было даже на секунду ощутить стыд за своих родителей. И будто в наказание за этот стыд где-то внизу на лестнице послышался голос человека, который утром уговаривал Отца перевезти в Россию какие-то бумаги. Зародыш испугался, что он снова привяжется к Отцу со своими просьбами, хотя и понятно было, как глупо беспокоиться об этом.

Тот человек действительно очень скоро подошел к Отцу – но заговорили они вовсе не о бумагах, а о самых безобидных вещах. Об опере. О раскопках в окрестностях города. О каком-то новом лекарстве, выгоняющем камни из почек...

Зародышу плохо был слышен этот разговор, потому что играла музыка, а Отец находился в другом конце зала. Вообще все выглядело как-то так, будто родители пришли сюда отдельно друг от друга. Это было очень странно. Чужие мужчины один за другим приглашали Мать на танец. И Зародыш нарочно ворочался, чтобы показать, как ему неприятны, а то и вредны ее резкие быстрые движения. Но Мать танцевала с таким самозабвенным удовольствием, что ничего не замечала.

И совсем уж Зародыш расстраивался, когда Мать болтала с молодым человеком по имени Серж. У него был очень приятный ласковый голос, и он все понимал Мать шутливыми признаниями в любви. А она ругала его, делала вид, что сердится – но тоже ласково. Зародыш чувствовал, что в эти минуты Мать начисто забывает о нем. И тем более это было обидно, что в горле у нее все время дрожала мелодия, которую Зародыш считал «своей».

Где-то далеко, за двумя стенами загудел едва различимый отцовский голос. Зародыш прислушался, но слов не разобрал: мешали громкие женские шаги. Странное шуршание платья, сшитого как будто из мокрой ткани, приблизилось почти вплотную.

- Гости ждут, – сказала шуршащая дама. – Я пообещала им, что ты для нас споешь.
- Но... – чуть смутилась Мать, – все пришли сюда послушать Сержа...
- Пойдем, пойдем, – поднялся Серж. – Тряхнем стариной!

Зародыш слышал, как в длинном проходном зале подняли крышку рояля, как нетерпеливо затрепетал над ним воздух. Гости торопились занять последние пустые стулья. Кто-то захлопал. Его поддержали – нестройно, но радушно. Серж взял несколько аккордов, и Мать запела. И то, как складно, привычно это у них получилось, заставило Зародыша ревниво колыхнуться.

Серж играл обольстительно и чуть небрежно, так же, как только что разговаривал. С той же легкой насмешкой, веселым намеком, радуясь и заставляя других радоваться каждому ловкому аккорду, неожиданному скрещению голосов. Он будто сочинял эту музыку на ходу, деликатно отступая, давая дорогу не слишком сильному, но такому обаятельному сопрано Матери.

Этой арии в Дориной жизни не было. А вот другие два романса ей предстояло слышать множество раз. Так же, как и большую пьесу, которую Серж сыграл в самом конце. Это было так странно, так захватывающе: одна и та же музыка звучала снаружи, в настоящем – и изнутри, в будущем. Причем быстрые, блистательные пассажи задевали, прихватывали с собой еще и стук капель, падающих с мокрого тельца Лизоньки, которую Бронек, вытащив из воды, передавал Доре на пушистое махровое полотенце.

Но полной гармонии не получалось. Может быть, по вине Сержа. Что-то вносил он в эту музыку... какую-то пугающую, губительную несерьезность...

По дороге домой Зародыш лежал тихо, сложив ручки на груди. Эта ослепительная музыка наобещала столько плохого, так растревожила его... Казалось, она не просто напророчила – накликала то, что ожидало их впереди.

Думать об этом не хотелось. Зародыш стал размышлять о том, что, может быть, Серж, фамилию которого никто так и не назвал в течение всего вечера, – какой-нибудь знаменитый пианист. И, вполне вероятно, Доре было известно его имя. Или еще забавнее: может быть, Мики знал о дружбе родителей с этим музыкантом и собирал пластинки с его записями. А потом, уезжая, оставил их Доре.

Почему-то Зародышу очень хотелось, чтобы это было именно так. Он жадно прислушивался к разговору родителей, надеясь, что кто-нибудь произнесет, наконец, фамилию Сержа. Хотя Дору, которая исправно слушала подаренные братом пластинки (пока не сломался старый проигрыватель), никогда не интересовали имена исполнителей.

И снова Зародыш подосадовал на нее – будто Дора испортила игру, затеянную им и Мики, разорвала какой-то созданный ими круг. «Ну что мне с того? – спрашивал себя Зародыш. – Неужели для меня было бы так важно обнаружить, что Дора слушала именно его записи в последние годы своей жизни?» И с удивлением чувствовал, что да, почему-то важно, что, может быть, для того и даровано ему сознание, чтобы объединить в цельные, законченные фигуры события сегодняшнего дня и долгой будущей жизни. И все его существо как бы занялось от возбуждения при мысли о том, что будут, будут еще такие же дни, как сегодняшний, и множество случайных, непонятных штрихов еще соединится и образует замкнутые круги и затейливые арабески. И не только в том дело, что ему предстоит узнать много нового, но и в том, что сам он быстро умнеет. Что сейчас, вечером, выделяя усилием внимания любой эпизод из кристалла своего будущего, он замечает и понимает в нем гораздо больше, чем замечал и понимал еще утром.

И совсем по-другому видел он теперь лицо Мики, уезжающего вверх на эскалаторе – странное, нестареющее лицо, с вечной улыбкой горбуна, которая так не нравилась Доре, и в которой сейчас Зародыш распознавал ответ на любой свой вопрос. И он задавал, задавал эти вопросы, взахлеб, один за другим, а Мики улыбался, ласково и успокаивающе, пока не оказывался на вершине лестницы, пока не исчезали в чужом пространстве его курчавая голова, птичья грудь, белые пальцы, лежащие на черном поручне.

Бредовая надежда блеснула вдруг и ослепила Зародыша: исчезая навсегда из Дориной жизни, Мики должен появиться здесь, сейчас же, в этом городе, в доме, куда они едут. В своем песочном костюме, в рубашке того же оттенка, с плащом на руке. И Зародыш всей силой своего нетерпения стал торопить извозчика, подгонять лошадь...

Копыта били по остывшему булыжнику с ночной осторожностью.

- Милый Серж, – сказала Мать. – Он не в состоянии поверить, что кто-то может любить не его.

- Он очень талантлив, – сказал Отец.

- Да, конечно, – согласилась Мать и зябко потерлась о рукав мужа.

Коляска мягко покачивалась, будто спешила их убаюкать – последних, кто не

спит в этом глубоко уснувшем городе. Ни одно окно не светилось, не шевелились за оградами листья. Только в небе, необычно черном и высоком, зябко подрагивали звезды.

- Как бы нам всех не перебудить, – сказала Мать. – Открывай тихонько.

Отец кивнул и помог ей выйти из экипажа.

Ключ в двери повернулся почти беззвучно. Не зажигая лампу, они осторожно поднялись по лестнице. Что-то скрипнуло в комнате Мики. И еще раз, чуть громче. Мать приоткрыла дверь.

На фоне окна темнела детская головка. Всклоченные кудряшки торчали во все стороны. Невидимая луна подсвечивала сзади тоненькую шейку, плечико, перекошенный воротничок рубашки...

- Как же это, Мики! – огорченно вскрикнула Мать. – Ты до сих пор не спишь?

- Я ждал вас, – зашептал возбужденно Мики. – Хотел вам показать...

Он повернулся, так что стал виден вдохновенный детский профиль, и что-то потянул со своего столика. Жемчужная низка простучала по дереву, аккуратно проблестев по очереди холодными огоньками. Будто крошечный поезд промелькнул в ночи.

- Мы собрали все бусинки. Застежку приделала мадам Ларок, а нанизывал я сам. Как ты думаешь, Ей будет впору?

- Я думаю – как раз! – растроганно шепнула Мать.

- Тут потом нашлась еще одна, – ободренный Мики окончательно вывернулся из-под одеяла и зашарил по столу. – Вот.

Одинокая бусина закачалась на длинной нитке.

- Мы решили, что это будет мне на память. Медальон. И вот еще...

Он протянул Матери веточку лавра с четырьмя листьями.

- Видишь: это – папа, это – ты, это – я, а вот эта, совсем маленькая – сестричка. Я хотел их раздать каждому, но мадам Ларок говорит: пусть будут все вместе. Как ты считаешь?

- Я думаю, это правильно.

- Я положу их в свою записную книжку и буду хранить всю жизнь!

Мать ласково повалила его на бочок и укрыла.

- Если бы ты знала, мама, – прерывисто вздохнул Мики, – как я по ней соскучился!

Отец улыбался, глядя на них с порога. Его огромная фигура почти закрывала дверной проем.

1998 - 2000 гг.

Ефим ЗАХАРОВ

ДВА РАССКАЗА

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

Посмертная выставка картин художника Николая Чернова, она же и первая персональная, состоялась месяца через два после его трагической гибели. Смерть, как это нередко бывает, подтолкнула дело. В двух довольно просторных залах была представлена его живопись, графика, эскизы. В живописи преобладали сельские мотивы. Луга с цветами и злаками, заросшие пруды, лесные просеки, в зелени или в снегу, своей умиротворенностью резко контрастировали с весьма жестким взглядом художника на крестьянскую жизнь, на убогий быт. Недаром же, в листке, приклепленном у входа в зал, кратко излагавшем биографию художника, были невнятные слова о влиянии русской школы «критического реализма».

Публика фактически впервые открывала для себя Николая Чернова. Он входил в сознание людей, становился частью отечественной культуры. Сам он ушел и теперь полностью растворялся в своих полотнах. Кто и каким он был, уже мало кого волновало. Автопортретов не оставил. Не висело даже фотографии. Должно быть, не нашли.

А я был с ним знаком, хотя и не близко. И звали его тогда Наум Шварцер. Познакомился почти случайно. Было это в начале 60-х. Помню, шли мы с моим приятелем Колей Харитоновым по заснеженной московской улице. Не попали на какой-то итальянский фильм, сильно замерзли пока спрашивали «лишний билетик». Настроение было паршивым, фильм шел последний день. Коля сказал:

- Тут за углом живет мой друг, художник. Давай зайдем, посмотрим. Заодно согреемся.

- А, может, его дома нет? Вон автомат, позвони. Коля усмехнулся:

- У него нет телефона. Да куда он денется, сидит работает. Мы завернули в какой-то двор, обогнули старый, обшарканный дом и с его тыльной стороны стали подниматься по «черной» лестнице.

- Ты только не пугайся, – предупредил Коля, – он с женой разошелся, то ли выгнала, то ли сам ушел, темная история. Пока живет в своей мастерской.

По плотному слою пыли на крутых ступенях было ясно, что тут ходили не часто. Мы поднялись на чердак. Дальний его угол был отгорожен досками, обитыми толем. Коля постучал кулаком в фанерную дверь.

- Не заперто! – услышали мы. Художник стоял за мольбертом, спиной к нам. Он завесил тряпкой холст и повернулся к нам. Вид у него был как у многих непризнанных гениев кисти. Безнадзорная борода росла, как хотела. Густые, с рыжинкой, волосы на голове были, как в зарубежных фильмах, перехвачены черной лентой. Большие карие еврейские глаза. Только вместо вековой скорби в них читалась самоуверенность и высокомерие. Вытянутый нос с легкой горбинкой висячим кончиком упирался в густую растительность над губой, что и усами не назовешь. Весь облик художника вкупе с весьма затрапезной одеждой – изношенный бесцветный свитер – как-то настораживал, во всяком случае, симпатии не вызывал. Тем более, что встретил он гостей без приличествующей в подобных случаях улыбки. Он первым сел на

Ефим Захаров – зав. лит. частью в Московском еврейском театре «Шалом». В 1997 г. основал в Межд. Еврейской Газете страницу юмора – «Клуб 7-40». Автор театральных статей и книг. Печатает юмористические рассказы на еврейскую тематику в российских и израильских журналах.

низкую продавленную тахту, видно, служившую постелью. Мы примостились, как сумели. Комната, точнее, выгородка, была метров десять, в углу – стык труб парового отопления, оттуда шло тепло. В сильно скошенную крышу хитро вставлена широкая оконная рама, так что в мастерской было вполне светло.

- У Вас прямо-таки парижская мансарда, – сказал я, желая польстить. Хозяин не отреагировал.

- Старик, познакомься, ценителя к тебе привел, – сказал Коля. – Шедевры твои посмотреть.

Наум коротко мне кивнул.

«Не очень-то он любезен», – подумал я тогда.

С десяток некрупных холстов висело по стенам и стояло на полу, прислоненные к разным вещам. Все были укрыты тряпками или газетами. Это походило на комнату с покойником, где завешаны зеркала. Не видел я, чтоб в мастерской все так пряталось, да и зачем? Паломничества сюда явно не было. Наум стал сдергивать газеты. Делал это с видимым безразличием к нам: мол, смотрите, если охота. Были тут сельские и городские пейзажи, небогатая утварь деревенской избы, хлев с худущей буренкой, висящей на подпорках, чтоб не упала. Доярки в ватниках, с мощными кистями красных примороженных рук, в упор смотрели на зрителей. На полотне размером побольше – несколько скачущих мужских фигур, наподобие матиссовского «Танца». Только тут не танец, а драка. Что-то еще, уже не помню. Все было, что называется, вполне профессионально. Но ведь профессионально бывает хорошо, а бывает и так себе. Не в этом же дело. Возможно, оттолкнула меня нелюбезность хозяина, а, может, глаз искал входившего в моду авангарда, в общем, не произвели на меня особого впечатления сии «шедевры». Однако, надо было как-то похвалить, ведь не погреться же зашел? Я стал вякать про колорит, воздух, сдуру ввернул Матисса.

- Матисс – маляр! – отрезал художник.

Я запнулся. Чтобы как-то продолжить разговор, коли представили ценителем, спросил:

- Выставляли что-нибудь?

Наум фыркнул:

- А кто пустит? Да и не хочу я висеть рядом с этими... Жлобье, – он сплюнул в сторону.

Помню, меня подмывало спросить: а почему бы Вас не пустить? Кого Вы затмите? – не сказал, постеснялся обидеть. Все же, в гостях. Еще помню, спросил, кого он признает из нынешних художников? Только что Хрущев учинил свой знаменитый разнос на выставке в Манеже, благодаря чему имена ряда художников были на слуху и отношение к ним у интеллигенции было сочувственное.

- Никого!

- А из старых? – спросил я после натужной паузы.

- Микельанджело. Как скульптора, – уточнил Наум.

- Понятно. А Леонардо как инженера, – я уже не считал нужным скрывать иронию.

Наум уставился на меня злыми глазами.

- Да ладно вам, мужики, – кинулся разряжать атмосферу Коля. – Мне работы Наума нравятся. Что-то в них есть.

Наум стал завешивать картины, давая понять, что сеанс закончен. Но я уже согрелся, теперь хотелось на свежий воздух.

- Зря мы без бутылки пришли, – сокрушался Коля, когда мы спускались вниз. – Другой бы разговор пошел. Присмотрелся бы, что-нибудь тебе бы понравилось.

- Выходит, тут без поллитра не разобраться? – сострил я. – Хороша же живопись.

- Не в этом дело. Характер у него, конечно, не подарок. Жизнь ожесточила. Он таким не был. Я ж его со школы знаю. За одной партой сидели. Он на всех уроках рисовал. Одна пятерка была – по рисованию. Еле переходил в следующий класс.

После 8-го класса бросил школу. С родителями на этой почве – полный разрыв.

Нанялся ночным сторожем в какой-то совхоз. Днем рисовал. Вот откуда у него все эти коровы.

- А выставляться пробовал?

- Пока не получается. Опять же характер мешает. Он на второй минуте разговора заводится, оскорбить может запросто, пошлет подальше, раздражает он людей. Да и не жаждет он выставляться, работает себе и работает.

- Вот что я тебе скажу, Коля, сильно ты его раздуваешь. Писал бы лучше, пробился бы.

- Ой не скажи, старик, не скажи.

А как-то встретила нам на улице бывшая жена Наума. Коля ее хорошо знал. Миловидная скромная русачка. Вряд ли такая кому способна испортить жизнь, скорее наоборот. Словно оправдываясь, она стала рассказывать.

- Больше недели его никто не выдержит. Я два года продержалась. Эгоист. Пуп земли. Копейки в дом не приносил. На краски из моей зарплаты брал. Я ему говорю: моя подруга, продавщица из ГУМа, хочет, чтобы ты ее нарисовал. Она хорошо заплатит. Раз десять напоминала. Наконец, пробурчал: приводи. Та новое платье надела с голыми плечами, на шее золотой кулон. Он поглядел, хмыкнул, стал что-то набрасывать. Полчаса повозился: пока все. Та спрашивает: еще приходите? Не надо, я по памяти. Нарисовал. Та пришла, глянула, у нее аж слезы выступили от обиды. Ну хорошо, не красавица. Но зачем же так? Ушла, картину не взяла. Потом как-то встретила меня, сунула десятку: отдай своему еврею за краски, что на меня потратил. А сделал бы нормально, я бы трех сотен не пожалела. Сволочь он у тебя.

- А что непохоже было? – спросил Коля.

- Похоже, непохоже. Разве в этом дело? Ну бывают продавщицы за прилавками с такими лицами. Но тут же она улыбалась.

- Из-за этого развелись? – поинтересовался Коля.

- Нет, это я проглотила. Кормлю я его, стираю за ним. А он, словно, так и надо. Малюет да малюет. Я говорю: сделай что-нибудь на продажу. Я на базаре толкну. Не обязательно лебедей с кошечками. Напиши натюрморт с продуктами или церквушку, их хорошо берут. Воротит свой длинный нос. Ладно. Уехал он на пару дней на природу. Денег в доме ни копейки. Вытащила я из кучи пейзаж с ромашками и васильками. Сто рублей запросто дали. Накупила еды, поллитра. Выпить-то – не дурак. Все приготовила. Он приезжает: откуда деньги? Премию дали. Сели есть. Выпили. Я потеряла контроль и говорю: а теперь – за твои ромашечки. Он сразу все понял. Вылил что оставалось себе в стакан, хлопнул разом. А всю закуску – рукавом на пол, вместе с посудой. Меня обматерил. Ах так, говорю! Я тебя кормить не нанималась. Забирай свою пачкотню и дуй отсюда. Нет больше моего терпения. Ишь пристроился! Мальчишки, ну ей богу я никакая не антисемитка, но ведь с ним и не захочешь, а станешь

Потом Николая я стал видеть реже. Но при встрече спросил: а как твой Наум?

- Старик! – обрадовался Коля, – он такие вещи выдает! Давай сходим, он там же на своем чердаке.

Отогреваться надобности не было, я отказался.

Прошло лет пять. Я уж забыл о Науме. Проходя по Кузнецкому, увидел у Выставочного зала афишу о выставке группы московских художников. Очередь была невелика, я зашел. Осмотрел один зал, зашел в следующий, что поменьше. В углу народ что-то разглядывал. Я подошел. На холсте – крестьянская семья с детишками за обедом, сидят, замороженно уставившись на краюху хлеба на дощатом столе. Рядом – два мужских портрета. Деревенские мужики вызывающе и недобро смотрят на зрителей нетрезвыми глазами. Еще на одной картине драка. Несколько мужчин по кругу гоняются друг за другом. В позах и занесенных над головами кулачищах – остервенелая энергия, а лица – безучастны. Дерутся как заведенные, по привычке или от скуки. Подписаны картины: Николай Чернов. Я подумал, что, вроде бы, видел где-то эту похожую на танец драку. И только посреди ночи вспомнил, что – у Наума. Утром я позвонил Коле.

- Старик, это он, Наум! Я же тебе говорил, что он расписался. Почему Чернов? Это отдельный разговор. Давай повидаемся. Мы встретились, и Коля рассказал.

- Не принимали его в Союз, не пускали на выставки. Не подумай, что из-за «пятого пункта», вон сколько ваших выставляется. Конечно, какой-то фильтр есть, иначе сам понимаешь... Но если еврей да еще смурной – пиши пропало. Конечно, бывают характеры и похуже, но у других это не так бросается в глаза. А вам ничего не прощают. Не обижайся, так уж история распорядилась. Я ему и говорю: Наум, как Шварцер ты уже всем глаза намозолил. Реакция на тебя отрицательная. Мой тебе совет: меняй фамилию. Вот ты Шварцер, стань Черным или еще лучше Черновым. Ведь то же самое, но на русский лад. Тебя же не убудет. А то что получается? На холсте у него нищая русская деревенька, люди – доходяги, пьянь. И подписано: Шварцер. А что это Вас, товарищ Шварцер, так тянет изображать отдельные недостатки нашей замечательной действительности? Почему Вы хорошее не замечаете? А не сионизм ли это? Мы Вас кормим, понимаешь... Зачем, говорю, тебе это? Заплаты в ЗАГС 15 рублей, и ты почти что русский. Имя тоже смени. Бери Николай – тоже на «н». Будем тезками. Вздыхнул он: вообще-то мне это уже советовали. Убедил я его. Тут как раз выставка намечалась. Я говорю ему: сиди дома, вроде заболел, а картины я повезу. Я еще кое-кого подготовил, не все же к нему плохо относятся. Повез. Две картины взяли, хотя и не лучшие. Но я не возражал. Правда, он меня сильно обругал. Потом стали к Чернову привыкать. Вот и на Кузнецкий попал.

А еще через некоторое время позвонил Коля и, рыдая, сообщил, что Наум погиб. Появились деньги, купил машину, водил еле-еле, а ездил с несусветной скоростью. Разбился насмерть.

На панихиде говорили о нем как о талантливом художнике, но теплоты в словах не было. Позади меня одна женщина шепотом рассказывала другой, что покойник на самом деле, еврей, она знакома с его бывшей женой, вон она у гроба, в черном, копейки в дом не давал, сидел на ее иждивении и еще издевался.

От воспоминаний этих меня отвлек Коля.

- Старик, помнишь продавщицу из ГУМа? Вон висит.

С холста невидящим пустым взглядом на меня смотрела женщина. Я испытал унижительное чувство, так хорошо знакомое при посещении магазинов. А кулон на ее шее – словно впившийся в кожу клещ. Действительно, обидно. Рядом висела картина «Разговор за полночь». В тесной кухоньке сидят двое мужчин. На столе бутылка «Московской». Пустая. Два граненых стакана, тоже пустые. На подмокнувшей газетке – ломтики соленого огурца. Гора окурков в пепельнице. Лица у обоих напряженные. Видать, мотают себе душу мужики нашими вечными проблемами. Как это знакомо.

Подошли пожилые супруги. Оба крепкие, кряжистые.

- Не везет нам, русским, – сказал он ей, но так чтобы было слышно, – как талант, так либо убьют, либо сам погибнет. И тут я возьми и скажи:

- А почему Вы решили, что он русский? Я вот знаю, что еврей. Мужчина подозрительно на меня посмотрел.

- Это Вы бросьте. Еврей... Так нарисовать может только русский. У еврея бы в бутылке водка оставалась. А тут все выпито. Ночь. Взять больше неоткуда. Вот и маются мужики. Пошли, Маша.

- Да, – думал я, идя домой. – Он становится русским художником. Не Левитан, чтоб хоть по фамилии распознать. Не он первый, кто вложил себя целиком в культуру народа, среди которого жил. Нам не привыкать. А что же он оставил своим соплеменникам? Вспомнил я его скандальный характер, еврейскую внешность. Что и говорить, умел он возбуждать к себе неприязнь. Поди доказывай, что весь был в своей работе и тут не знал компромиссов. Те, кто знал его, наверняка, делили его на одаренного художника и противного еврея. Последнего не жаловали. Талант оприходруется, а издержки возвращаются его нации. Вот это он нам и оставил.

Эх, Наум, Наум!

ОБИДА

В переулочек из-за поворота вынырнул серый «Жигуленок» и весело просигналил несколько раз. Шагавшая впереди стайка студенток завизжала:

- Ромул! Ромул!

Разом открылись дверцы. Девушки в количестве не менее четырех-пяти нырнули на заднее сидение. Еще двое плюхнулись рядом с водителем. Дверцы, естественно, не закрывались, из машины торчали туфли или дамские сапоги.

- Стоп! – Чубатый Леха Кухаренков, курсовой шалопай, задом вспрыгнул на капот, будто на стол, – Поехали!

Почти у проходной института сигналом поприветствовали еще одного сокурсника Витьку Котова. Тот по-милицейски, поиграв воображаемым жезлом, дал машине проехать.

Такая картина повторялась почти каждое утро. Переулочек маленький, милиции никакой. Только институтский вахтер неодобрительно качал головой. Вот и все неприятности.

С веселым шумом вываливались из машины девчонки, поправляли прически, отыскивали свалившуюся в салоне туфлю.

Ромка Скворцов (Ромул пристало к нему с первого курса) гордо обходил машину, проверял заперты ли дверцы и, поигрывая ключами, шагал в институт.

Машину он купил еще на втором курсе. И был единственный из студентов, кто приезжал на своем транспорте. Говорил, что купил на свои. Ходил слух, что он фарцует. Однако, в институте замечен этим не был. Упакован он был во все импортное, чего в магазине не купишь. Носил по моде 60-х куртку из желтой замши. Она хорошо сочеталась с его светлыми усиками и такой же русой бородкой. Молодежь только начинала осваивать бороды.

Леха был чем-то вроде оруженосца при Ромуле, но вроде и сам не замечал этого. Отношения были ровные. А Витя сблизился с Ромулом еще на вступительном экзамене. Сидели рядом. Ромул незаметно подвинул ему листок с формулой и знаком вопроса. Витя написал нужные числа.

- Ты мне друг! – сказал ему Ромул после экзамена.

Ромул жил в сталинском доме с просторными комнатами, значит родители тоже были не хухры-мухры. Все вечеринки справлялись у него. Было где потанцевать, подо что, а при надобности найти укромное место - целоваться.

Когда Витя впервые пришел к Ромулу, поднялся на лифте и позвонил, открыла седеющая женщина, явно еврейского вида. Витя подумал – соседка, оказалось – мать Ромула. То-то под звонком стояли две фамилии: Скворцов и Нейштадт. Витя немного опешил: Ромул – полуеврей? А может и целиком. Отца его Витя никогда не заставал. Собственно, национальный вопрос Витю мало занимал, хотя по неписаной традиции относился он к евреям в меру настороженно. К Ромулу его отношение не изменилось. Тот водил Витю и Леху по кабакам, а то и по ресторанам. Платил всегда сам. Леха хлопал себя по карманам и сетовал, что опять забыл деньги. А у Вити их и не было. Жил в общежитии, на стипендию да на то, что присылали из дома.

Отдельные вспышки неприязни к Ромулу иногда у Вити возникали. Не нравилась бесцеремонность. Тот мог запросто подойти к незнакомой девушке в ресторане, заговорить, пошутить, пригласить танцевать, даже, если та была при кавалере, а напоследок поцеловать ручку, а то и в щечку. Раздражал и его бесконечный треп, пересыпанный анекдотами, умение моментально входить в любую компанию.

Но и сам Витя постепенно вырастал в заметную фигуру в институте. Выбрали в курсовое комсомольское бюро, потом – в факультетское. Он выпрямился, шаг стал тверже, надел галстук.

А Леха еле тянул по всем предметам. Однажды Витя буквально спас Кухаренкова. Тот пришел в институт сильно выпивши, матерно ругался, причем, в адрес властей. Леху собирались исключить из комсомола и из института. Витя добился, чтоб ограничились строгачем. Леха уцелел.

Пролетели пять лет. Подошло распределение – в этот год хилое, как никогда. Москва, ранее забиравшая половину выпускников, дала лишь несколько заявок. Остальное – периферия. Да и из московских – котировался лишь один НИИ, там бывали заграники: в Индию, Африку, Северную Корею. Брали двоих. Одна заявка – персональная – на Скворцова, что с его связями было неудивительно. На вторую – твердо рассчитывал Витя. Он тоже не сидел сложа руки. Переговорил с деканом, тот обещал посодействовать, и через пару дней мимоходом шепнул, что дело практически решенное.

И вдруг туда берут Леху.

Разъяренный Витя прижал Леху в коридоре, схватил за грудки, аж пуговицы посыпались.

- Подсуетился, падла! Леха высвободился:

- В чем собственно дело? – спросил он, поправляя пиджак.

- Не понимаешь?

-Нет.

- Меня туда брали.

- Кто тебе это сказал?

- Ну, хотя бы декан.

- Он пока что там кадрами не заведует.

Они перешли на более спокойные тона, и Леха признался, что все устроил Скворцов. У него там блат.

- Так! Значит, Ромул сподличал! – Витя был взбешен. Все, что он подспудно испытывал к этому пройдохе, затопило его:

- Нейштадт! Жид! Всегда ухватывает себе лучшее!

От распределения на периферию Витя отказался. Добыл липовую справку и получил свободный диплом. Устроился в небольшую шарагу, где пообещали жилье, и, действительно, вскоре дали комнату в коммуналке. Впрочем, прожил он там недолго. Женится. Жена Варя, товаровед по тканям. Переехал к ней, в однокомнатную. С помощью Витиной комнаты они собирались менять на двухкомнатную. Но подходящего варианта не находилось. Так и осталась та комната за Витей.

Через два года родилась дочь. Назвали Ниной.

Полдня Виктор Павлович проектировал в своей шараге какие-то канализационные системы, полдня проводил в курилке, ввиду отсутствия работы. В шараге было полно евреев, как и он ни хрена не делавших. Травили анекдоты и дружно хохотали.

- Ну попал! – думал Виктор Павлович.

Однажды, когда Виктор Павлович шел с работы, ему посигналили из машины: раз, другой, пока не оглянулся. В вишневых «Жигулях» за рулем сидел Леха.

- Витька, здорово! – он открыл переднюю дверцу. – Садись. Куда тебе?

Еще не сообразив, зачем он это делает, Виктор Павлович плюхнулся на сиденье рядом с Лехой. Машина плавно отошла от тротуара. Леха выглядел прекрасно, загорелый (хоть стояла зима), поджарый. На заднем сидении раскинулся огромный серый в яблоках дог, как показалось Виктору Павловичу снисходительно на него среагировавший. На стеклах, впереди и сзади, подрагивали забавные чертенята, явно не нашей работы. Лилась тихая музыка.

- Как живешь? – спросил Леха.

-Нормально. Как ты?

-Тьфу, тьфу, не жалеюсь. Вчера только из Египта.

- Часто ездешь?

- Приходится, – охотно откликнулся Леха. – В Индии был. На Кубе два раза. Про соцстраны и не говорю, все объездил.

- А Скворцов как? – осторожно спросил Виктор Павлович.
 - Ну за ним не угонишься, сам знаешь. Сейчас в Японии.
 - Так ведь Нейштадт. Куда нам за ними? Леха усмехнулся:
 - Нейштадт – это его приемная мать. Родная умерла. Онкология. Батя на этой евреечке женился.

-Врет!!

- Я в анкете видел, когда в Первом отделе оформлялись. Там не соврешь.

- Все равно врет. Еврей он. По повадкам видно.

- Витька, ты что?

-А то! Забыл как вы меня сделали?!

- Вот меня и ругай.

- Ты ноль!

Леха подрулил к тротуару. Виктор Павлович понял это как команду выгружаться. Он вылез и с силой хлопнул дверцей. Недовольно тявкнула собака. Леха опустил стекло.

- Ну, ладно, пусть Ромул – еврей. Так тебе легче? Ну и я еврей.

- Ты то в самый раз! – отрезал Виктор Павлович и пошел прочь.

С этой встречи стал он выпивать. После ужина, когда надоедал телевизор, а Варя укладывала дочку, – та пицчала, не хотела ложиться, – он доставал из холодильника бутылку, наливал полстакана, выпивал в одиночестве. Возникло желание поговорить, облегчить душу. Но с женой не выходило, даже, когда у нее выдавалась свободная минута после работы, стирок, укладываний, укачиваний, готовки. Когда-то она охотно слушала его. Сочувствовала, успокаивала, мол, полоса неудач пройдет. Парень он башковитый. Пробьется. Теперь стала немного нервная:

- Вить, ну надоел ты со своими евреями. Ну испортили они тебе жизнь, я-то при чем? Я сама с тобой выпью, только смени пластинку. А еще лучше, исправил бы бачок в туалете, который день течет. Ты же по этому делу работаешь.

Больно ударили его такие слова.

Пристрастился он, было, заходить после работы в винный магазин, где мужики брали бутылку на «троих» и тут же в скверике распивали. Одни, сделав дело, сразу расходились, другие долго разговаривали, а потом бежали за следующей поллитровкой.

Как-то Виктор Павлович разоткровенничался и рассказал свою историю. Пивший с ним человек неопределенного возраста, с седой щетиной на щеках, в сильно поношенном длинном пальто, одетом прямо на майку, захохотал:

- Еврей его уделал! Кинул! Да у тебя на роду написано на что-нибудь жаловаться! Не одно, так нашел бы другое. А антисемитизм, чтоб ты знал, после гриппа, самая заразная болезнь. Передается всеми путями, включая половой. Вот еврей не так чихнет или сморкнется, он уже тебе неприятен.

И тут вскочил третий.

- А вот меня лично они ничем не задели. И не могли! Подполковник генштаба, сейчас на пенсии. Туда их не подпускали. Все имею. Пенсия генеральская. А все равно на дух не принимаю. Это как?

- А хрен тебя знает как, – отозвался небритый.

- А потому что все дерьмо! И ты дерьмо, раз защищаешь! Небритый насупился, пальцы, державшие граненый стакан, побелели.

- А по харе не хочешь?

- Но, но! Я таких давил, как клопов, только кровь по стенке брызгала!

- Оно и видать из какого ты генштаба.

- Молчать!

Небритый еще более посуровел и плеснул на подполковника остатком водки из стакана. Попал на пиджак.

Нетрезвый подполковник сильно развернулся, чтоб врезать, но промазал и, потеряв равновесие, сел на землю.

- Вот так-то, – сказал небритый и пошел прочь.
- Алкаш! – крикнул с земли подполковник. – Жид!
- Сам жид, – отозвался небритый, удаляясь.

Между тем, дома положение Виктора Павловича осложнялось. Денег в семье в общем хватало. С Вариной профессией редко кто пропадал. Лишь однажды она сказала:

- Вить, да брось ты эту шарагу. Ругаешь, ругаешь, а сидишь. Помахай им ручкой. Иди в почтовый ящик. Тебя с твоей анкетой везде возьмут.

В самой деле, почему он не уходит? Комнату уже не отберут. Ловил себя на том, что побаивается. Тут он уже привык к простой работе. Евреи куда-то расползлись, уехали. А там черт его знает как будет? Да если его, пусть не так большую зарплату умножить втрое, ведь работает-то он не больше двух-трех часов в день – то, глядишь, выйдет побольше, чем у тех, кто вкалывает от звонка до звонка. Так стоит ли суесться?

В тот раз Виктор Павлович сказал жене, что подумает. Больше она эту тему не поднимала. Когда же он стал попивать, чего не скроешь, с ехидцей спросила:

- Вить, тебе что зарплату урезали? Или, может, дырки в карманах? Давай зашью. Он был нетрезв и ответил грубостью:
- Щас рот тебе зашью! Чтоб не вякала.

С этого и начались нелады. Они ругались все чаще. Каждый стал жить на свою зарплату. Виктор Павлович и раньше в перерыв обедал в столовой. Теперь покупал домой сыр, колбасу, хлеб. Пил чай с бутербродами. Варя подала на развод, и Виктор Павлович вернулся в свою прежнюю комнату в коммуналке.

Подросла перестройка со своей великой антиалкогольной кампанией. За водкой выстроились гигантские очереди. Такая привычная, выстраданная форма общения «на троих» исчезла. Да можно ли, отстояв четыре-пять часов, да еще изнервничавшись – вдруг не хватит, – тут же делиться драгоценной влагой с малознакомыми людьми? Нет, ты сам постой и добудь. Брали сколько удавалось и тащили домой. Кто как теперь употреблял – требует особого расследования. Одна форма общественного бытия сменилась другой. Ну прямо, как по Марксу.

Виктор Павлович, отстояв очередь, брал свои законные две бутылки и хмуро шел домой.

- Однажды ему позвонил его бывший сокурсник по институту.
- Про Скворцова и Кухаренкова слышал?
- Нет, а что?

Разбились в авиакатастрофе. Где-то в Мозамбике. По слухам – партизаны сбили. В Москву даже останков не привезли. Вот такова се ля ви.

Узнав о гибели обоих, Виктор Павлович не мог в себе разобраться: что же он чувствует? Первое, что пришло на ум: он мог оказаться на их месте. Бог спас! А вот злорадствует или жалеет? Пожалуй, – жалел. Что уж теперь? И Леху можно понять: каждый ищет, где лучше. И жилья в НИИ не было, а тут сразу дали, да еще помогли с пропиской.

Виктор Павлович вынул из холодильника бутылку, думал, выпьет всю за упокой двух душ. Осушил полстакана. Налил еще. И почувствовал, что больше не идет. Очень удивился. Посидел, глядя на стакан. Нет, не хотелось. Слил назад в бутылку и поставил в холодильник. И больше не прикасался. Как вылечился.

Однажды под вечер пришла Нина. Он не видел ее лет десять. Варя не позволяла. Выросла в красивую длинноногую девушку. Он и узнал ее, потому что стала похожа на мать, на молодую Варю. Помнил он дочь восьмилетним задохликом с испуганными глазами и большим ртом. Мать хватала ее и прятала, как только начиналась ссора. И вот поглядите, какая красавица! Не прислала ли ее Варя, чтобы помириться? Он бы не против. Варю продолжал любить, другой женщины не было.

Он усадил Нину. Включил чайник. Стал смотреть, что есть в холодильнике.

Она сидела, смущалась и все не начинала разговор. А он ждал. И первое, что услышал:

- Па, я попрощаться пришла. Уезжаю.

- Куда ж это?

- Совсем уезжаю. Замуж вышла. Уезжаем в Израиль.

- За еврея! – ахнул он.

- А хоть и за еврея Я уехать хочу отсюда.

- Он тебя там бросит.

- Бросит, сама проживу. А что русские не бросают?

- Дура! Среди кого жить будешь? Подумай!

- Везде люди живут. Русских там немало. Не первая еду.

- Шлюха! – неожиданно сорвался он, стукнув кулаком по столу. – Родину на кого меняешь?!

Нина встала, пристально посмотрела на него:

- Правильно от тебя мама ушла.

Он сидел у стола с приготовленными для чая чашками. Она подошла, наклонилась и, не касаясь руками, поцеловала в щеку. Попала в слезинку. И ушла.

Письмо от нее пришло через два года. Сообщала, что у него родился внук. Назвали Витькой, в честь его.

Виктор Павлович дочитал письмо. Вот так, заканчивался его род и начинался другой – нелюбимый. Он сидел с письмом в руке и ждал, что вот сейчас поднимется в нем та привычная, почти сладостная волна обиды, горечи, ненависти, что сразу смывала все вопросы. Все ставила на место. Но вместо этого, неожиданно для себя, почувствовал он в груди какую-то теплую точку. Господи, внук Витька! Витек! Воображение рисовало беспомощный лупоглазый комочек со сморщенным, как у всех младенцев, независимо от национальности, лицом. Вспомнилась его самая первая фотография. Он голенький лежит на спине, сучит ножками и улыбается светлой счастливой улыбкой. Таким он представил теперь Витьку. И не пошла на эту улыбку злая волна. Как забуксовала. Он сидел с письмом в руке и ощущением внутренней пустоты. Словно, выпало из его жизни что-то страшно важное, чем спасался многие годы и чего ничем уже не заменишь.

Проступил рассвет, а Виктор Павлович все сидел с листком письма в руке.

ИЗ ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Рахель ТОРПУСМАН

Ури-Цви ГРИНБЕРГ

УДЕЛ ПОЭТА

Родник не перестанет течь, пока Создавший его
Не обрушит на него гору или не иссушит до дна.
Так и поэту Творцом предначертан удел: творить,
Пока его душа из мира живых не истреблена.
Он – пророк, несущий слово Бога с Синая, он Божий огонь!
В нем дымящийся фимиам и неопалимая купина;
*Многие воды его не зальют*¹, ибо в нем сила гнева любви;
Лишь Бог, погасивший светильник Храма, может засыпать землей
Этот пылающий факел – ибо Ему покорны все пламена.
Лишь перед волей Творца смирится смертный творец:
Силу может отнять лишь Тот, кем она дана.
Словно ангел времен пробуждается, гневный, от древнего сна –
И человек, вдохновенный, встает, и один Господь ему Бог,
Натянувший незримый повод и напрягший – в путь! – стреме́на...

ПРОСТОЙ ВЫВОД

На милосердие мы уповали две тысячи лет,
Пытались быть Богу кротким сыном – «Да будет так!» –
Хоронить убитых, рыдать над ними и ждать,
Когда же взглянет Господь на уцелевшую горсть
И явит чудо: *барана, запутавшегося в кустах*².
Мы верили в милость народов... В любом листке Мы находили несколько
кружащих голову слов, На Западе и на Востоке мы были смазкой всех ко-
лес, На все чужие свадьбы мы слали своих плясунов.
И всякий раз лилась наша кровь... А на нашем веку случилось такое, что
страшно в своей простоте. Мы смыслим в жизни не больше, чем тот несча-
стный баран! Но бараны едят траву, а не судят о красоте...
Когда народ живет между путаницей и резней, Цена его сладким мечтам и
надеждам – грош, И все пророки его подобны грудке песка, И все идеалы
его лучезарные – ложь.
Нравственность не растет из сора покорных рабов, Тем более из корыта с
пойлом в загоне скота. Она – и глава и венец, но лишь там, где ты власте-
лин! Там, где есть власть, и защита, и высота –
Там человека меряют мерой великих дел,
А не портновской меркой и не аршином гробовщика.

Рахель ТОРПУСМАН (1970). В Израиле с 1988 года. Занимается стихотворными переводами с нескольких живых и мертвых языков. В 2001 году издала книгу переводов Катутла.

¹ «Многие воды не погасят любви» – Песнь песней (8:7).

² Когда Авраам занес нож на Исаака и ангел остановил его, Авраам внезапно увидел барана, запутавшегося в кустах, и принес его в жертву вместо спасенного Исаака (кн. Бытие, гл. 22).

Гирш ГЛИК

ПАРТИЗАНСКИЙ ГИМН
(Вильнюсское гетто)

Никогда не говори – «надежды нет».
Даже если тучи скрыли белый свет,
Но придет наш час, мы вырвемся из тьмы,
Твердым шагом отчеканим: ЭТО МЫ.

От зеленых до покрытых снегом стран
Кровь горячая течет из наших ран.
Но везде, где капли крови упадут,
Там наш дух и наше мужество взойдут.

Ясным солнцем озарится наш рассвет,
Где не будет ни врага, ни прошлых бед.
Но если поздно, слишком поздно рассветет
Эта песня, как пароль, до вас дойдет.

В ней надежда и свинец, и боль, и страх.
То не песня вольной пташки в небесах:
Эту песню пел народ полуживой,
Среди рушащихся стен готовясь в бой.

Никогда не говори – «надежды нет»
Даже если тучи скрыли белый свет –
Но придет наш час, мы вырвемся из тьмы,
Твердым шагом отчеканим: ЭТО МЫ!

Рабби Зрахия бен Ицхак ха-Леви ГЕРОНДИ
(XII век, Прованс)

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «МАЛОЕ СВЕТИЛО»

(полюемическому галахическому комментарию на первый трактат Талмуда,
написанному рабби Зрахией в 19-летнем возрасте)

Вот мое приношение:
Разъяснение Ученья,
Что в Синайском откровенье
Было нам дано

Тем, Кто внял моим молениям,
Ниспослал мне разуменье
И стремленье к наставленью
Дал мне заодно;

Тем, Кто жаждущих поит
Ключевою водою
И хранит счастливых,
коим Дорого одно –

Постигать самозабвенно
То, что вечно и нетленно:
Слово, что Творцом вселенной
Было речено.

В блеске молний сверкая
В вышине над Синаем,
И пророком Моисеем
Запечатлено.

Итак, я дам многим звеньям
Гемары разъяснение –
Станет царским угощением
Каждое звено:

Чем сухие кости грызть
В изучение Гемары –
Подходите, стол накрыт,
Все припасено!

Вот напитки и яства,
Вот оливковое масло,
Хлеб и сочное мясо,
Сладкое вино –

Свет такого застолья
Озарит поневоле
Все, что было дотоле
Скрыто и темно.

Но, боюсь, начнут смеяться,
Над юнцом потешаться:
«Ему всего девятнадцать,
Скажут, лет, – смешно!

Он так мал, что, наверно,
Написал все неверно,
Сам не знал, что кошерно,
Что запрещено!»
Я давно, всякий знает,
Пожилых наставляю,
Те ж порой рассуждают
Очень неумно.

Так что пусть меня не хают:
Ведь и в наши дни, бывает,
В новый мех наливают
Старое вино!

Алексей ГЕЛЕЙН

КАК СТРАШНО ЖИТЬ, ГОСПОДИ!

Владимир ИЛЮШЕНКО. ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ВО ХРИСТЕ, «Пик», М., 2000 г.

Ночь с 9 на 10 сентября. Как страшно жить, Господи! Отец Александр – убит.

Из дневника Владимира Илюшенко.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными...»

От Иоанна гл. 8; ст. 32.

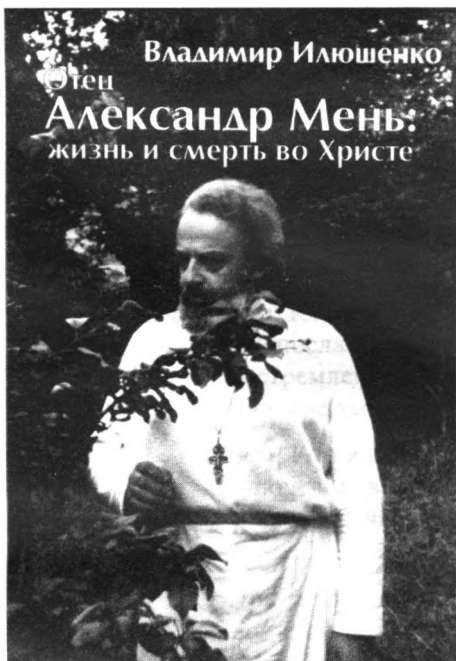
«Когда я вернусь, // Я пойду в тот единственный дом, // Где с куполом синим не властно соперничать небо, // И ладана запах, как запах приютского хлеба, // Ударит в меня и заплещется в сердце моем...».

Эти строки Александр Галич, крестник и духовный сын отца Александра, посвятил Сретенской церкви, где долгие годы служил один из выдающихся религиозных и общественных деятелей XX века отец Александр Мень. Александр Аркадьевич вспоминал, как однажды, когда на сердце было особенно тяжело, он собрался и поехал вместе с композитором Н. Каретинковым на электричке в Новую Деревню. «Я увидел его сразу, – писал впоследствии об этой встрече о. Александр, – когда он, такой заметный, высокий, появился на пороге церкви... Узнал сразу, хотя фотографий не видел...» – «Он подошел ко мне после службы, – вспоминает далее А. Галич, – улынулся, протянул руку и сказал: «Здравствуйте, Александр Аркадьевич! А я вас ждал...»

Он ждал каждого, кто шел ко Христу. Ждет и сейчас. Может, потому, когда заходит речь об отце Александре, невольно вспоминается Евангелие от Матфея: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (гл. 18, ст. 20). И дом. отца Александра – в сердцах этих людей.

Удивительное явление отца Александра – и в книге историка, писателя, общественного деятеля, члена Комиссии по помилованию при Президенте РФ Владимира Илюшенко «Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе». Удивительное в смысле полноты, многогранности, парадоксальности и какой-то пронзительной, шемящей любви, которую и автор, и другие чада о. Александра испытывали и испытывают до сих пор к своему духовному отцу.

«Он был дан нам, – пишет В. Илюшенко об о. Александре в своем дневнике, – ввиду нашей

духовной немощи. И он снят у нас ввиду нашего недостойнства. Нашего – в широком смысле: народа, страны. Русской Православной Церкви...». Сама книга и призвана помочь всем нам осугить, осознать это собственное недостойнство, но той лишь целью, чтобы преодолеть его в своих душах и – возвыситься.

Забегая вперед, замечу, что сколь многообразны пути, ведущие человека к Богу (в одном только христианстве немало троп и тропочек проложено!), столь многообразны и пути, проложенные автором для читателя к о. Александру. Строчки из дневника В. Илюшенко, письма и тексты отца Александра, статьи и воспоминания, стихи, посвященные Александру Меню...

Было в нем что-то, не желавшее укладываться в привычные рамки, что-то заставлявшее все время вспоминать гениальное «Евангелие от Матфея» Пазолини... Но – не так ли и Христос, придя в мир, разрушил храм старой веры, чтобы на его месте воздвигнуть храм веры новой? Не затем ли пришел в мир и о. Александр, чтобы принести покаяние за грехи и беззакония XX века и возвестить о грядущем свете?

Ценивший и любивший литературу, прекрасно знавший музыку, он (тогда, да и сейчас!) ослепительно выделялся на общем невнятно-сером фоне церковного клира. О. Александр никогда не был и ярим приверженцем монастырской жизни, полагая, что важнее нести свет в мир (он, например, не раз замечал, что у Христа – и это видно из Евангелия – было прекрасное чувство юмора). Подобно старцу Зосиме, благословившему Алешу Карамазова на служение в миру, и о. Александр направлял своих духовных чад в помощь людям.

Поразительны и письма о. Александра иконописцу Юлии Рентлишер, Рансе Колосниковой и молодой девушке А., пронизанные мудростью, светом, добром! В письмах девушке А. о. Александр предстает не только как блестящий психолог и тонкий педагог, но и как опытный водитель своей духовной дочери, прекрасно понимающий переживаемые ею чувства и страсти. В русской литературе, пожалуй, лишь «Детство Люверс» Б. Пастернака может сравниться с письмами Александра Меня по тонкости проникновения в мир взрослеющей девушки.

А капустаники! Сколь не старался, не мог более представить себе ни одного церковного иерарха, ко дню ангела которого можно было бы и капустаник сочинить, и порадовать в нем такой, например, далеко не шуточной (по тем временам!) телеграммой: «Поздравляем тчк крепко обнимаем тчк любим тчк не спуская глаз зпт следим Вашими успехами = Галина Борисовна (так в те годы многие диссиденты полушутя называли между собой Госбезопасность, в то время как Советская власть величалась торжественно Софьей Власьевной)».

Ни автор, ни о. Александр и не предполагали, сколь чудовишно и страшно окончится это слежение...

«Как страшно жить, Господи!». И – несколько дней спустя: «Убийство Попелюшко вызвало волну народного негодования, бурную реакцию народа и Костёла. У нас – полное молчание... «Как тут не вспомнить галичевское: «Вот как просто попасть в первачи, // Вот как просто попасть – в палачи: // Промолчи, промолчи, промолчи!». Молчагций народ – в противовес, в противосмысл народу безмолствующему... («Сколько раз мы молчали по-разному, // Но не «против», конечно, а «за»! И вновь: А. Галич!) Говоря о том, что «атеизм – это дар Божий», а вовсе «не поражение христиан», Александр Мень заметил: «Конечно, плохо, что закрывают церкви. Кто скажет, что хорошо?.. Но я уверен, что ни один храм не был бы закрыт без воли Божьей. Всегда отнималось только у недостойных... Мы жалеем храм Христа Спасителя, который был разрушен... Но с другой стороны, мы понимаем, что было что-то в нашей жизни христианской, позволившее его разрушить...».

Было, значит, и в нашей общей жизни что-то, позволившее убить о. Александра.

Книга В. Илюшенко и есть ответ на самый важный и самый страшный для всех нас вопрос: почему мы позволили убить отца Александра Меня?

...Дня многих первая встреча с о. Александром была заочной: в фильме Михаила Калика «Любить!» комментарий его связывал между собой разрозненные игровые и документальные новеллы. Впрочем, оговорился! Не комментарий – свет. Свет христианской любви, исходивший от о. Александра, наполнял фильм глубинным смыслом. Да и само название картины обретало от этого иное содержание: «Любить... и верить!» (Последний раз о. Александр появится на киноэкране в годы «перестройки» в документальном фильме «Александр Галич. Изгнание.». До его собственного изгнания оставалось тогда менее двух лет...). Свету завидовали. Завидовали, сознавая, что в свете не только любовь, но и истина...

«О. Александр, – пишет в своем дневнике В. Илюшенко, – сторонник светского государства и демократического общежития. Господь не хочет, чтобы вера была навязана человеку государством... Принудительная, огосударствленная вера – дорога в ад... «За то и ненавидели! «Отношение к о. Александру в РПЦ есть свидетельство духовного и нравственного падения клира». В этих словах, пожалуй, – и разгадка трагедии: о. Александр хотел, чтобы человек имел право выбора, чтобы он был свободным. Свободным был и сам Александр Мень, и в свете его, наряду с любовью и верой, была свобода.

Говоря же о «нравственном падении клира», нельзя не признать, что наша Церковь больна, и больна тяжело. Со времен петровских, а, может, и более ранних, когда сомкнулась с государственной машиной и подчинилась ей. Сребролюбие и стяжательство (сколько газетных полос посвятил тот же «МК» одному только «табачному митрополиту»!), юдофобия и ксенофобия, ложь и лицемерие... Вот далеко не все симптомы затяжной болезни! Не оттого ли, подменяя смысл, не уставали церковные иерархи благодарно утверждать, что всякая власть – и прошлая, коммунистическая, и нынешняя, к установлению диктатуры семимильными шагами идущая, – от... Бога?! Начав с таких восхвалений, оканчивают поступками весьма знаменательными: поддержкой военной агрессии против собственного народа в Чечне, одобрением – в лице Патриарха – неоднократно перелицованного партийного гимна!.. Многие «пастыри добрые» на деле оказались не добрыми вовсе, ибо не к свету вели свою паству... («Кто соблазнит малых сих...»). Но – об этом старались вспоминать как можно реже!»

И поныне Церковь в России так и не отделена от государства, но государством этим прикармливается, и нисколько тем не смущается, а, напротив, в благодарность за заботу и опеку, «руку дающую» всячески поддерживает: дабы не оскудевала и впредь!

И поныне в России православие является религией государственной, – первой, среди якобы равных... Отсюда и ксенофобия с юдофобией вкупе, – от власти государственной воспринятые: у нас, мол, свой, особый путь, и – не лезьте в наши дела! И кто не с нами, тот против нас. А кто против, тот уж точно – не русский, а скорее всего даже и еврей... А русский хорош уже одним только тем, что он – русский, а Россия – превыше всего... (далее: по Гитлеру, Сталину, Чаушеску, Пол Поту, Саддаму Хусейну... – кому что роднее!),..

«Страшный опыт диктатур XX века может послужить уроком для нас, верующих, – писал о. Александр. – Он дает нам возможность увидеть «со стороны» облик духовной тирании, патернализма, игры на инфантильных чувствах и массовых неврозах. Этот опыт должен привести к отказу от самой идеи государственной религии, которая имела столько аналогий со сталинизмом... Оберегая святая святых человека, его убеждения, его свободу совести, правительством содействуется единству граждан, построенному на веротерпимости...».

Только вот незадача: единство граждан нужно, чтобы разумно управлять. А чтобы править (читай: властвовать), нужна гражданская разобщенность, гражданская ненависть... Тогда можно беззастенчиво грабить собственную страну и унижать людей, тогда можно легко прийти к власти на волне невесты из чего возникшей войны, превратив ее в самый удачный, дорогостоящий и бесчеловечный «пир во время чумы» последней избирательной кампании (сколько ни писала «Новая газета» о воз-

можной причастности спецслужб ко взрывам жилых домов в ряде городов России: ни единого иска о защите чести и достоинства в ответ, – значит правда?!), тогда можно эксплуатировать самые низменные инстинкты людей... «Будем мочить в сортире!» – «блатная» феня, «блатная» страна и – власть, в которой «блатные» и «вохровцы» слились в едином порыве... Лагерное бытие и поныне определяет наше лагерное сознание. А когда общество пронизано антогонизмом: социальным, религиозным, национальным, – к власти приходят мародеры...

«В своем последнем интервью, – пишет Илюшенко, – с необычной для него резкостью и суровостью он (о. Александр – прим.авт.) говорил о наиболее тревожном явлении – рождении русского фашизма, который поддерживают очень многие деятели Церкви. Он сказал буквально следующее: «Произошло соединение русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной». Здесь разгадка тайны убийства отца Александра.

Александр Мень пришел в этот мир, чтобы предупредить нас всех об этой угрозе. Но не только! Он пришел, чтобы помочь всем нам стать свободными. Только внутренне свободный человек будет до конца сопротивляться любым попыткам обратить себя в рабство. «Я выбираю свободу!» – так напишет, так пропоет один из духовных детей о.Александра. Эта фраза – приговор тоталитарному обществу, тоталитарному государству, духовному, религиозному тоталитаризму...

А «свобода» и сегодня, как и в той давней песне, вновь отвечает: «Ну, что ж... Одевайтесь и пройдемте-ка, гражданин!» Книга Владимира Илюшенко – и об этом... А еще и о том, что пока мы будем мириться с этим «пройдемте-ка», пока «раба» из себя будем «выдавливать» лишь по капле, – до тех самых пор нам не останется ничего, кроме как из раза в раз отчаянно восклицать: «Как страшно жить, Господи!»

Эфраим БАУХ

РЕАЛЬНОСТЬ МИФА

Леонид ГОМБЕРГ. ОТ ЭДЕНА ДО ВАВИЛОНА. «Э. РА», ИЗРАИЛЬ, 2001.

Пытаясь дать определение непривычно звучащему термину «мифологическая история», Леонид Гомберг в своей новой книге «От Эдена до Вавилона» как бы идет сквозь частокोल вопросов по обе стороны своей «прогулки литератора по дорогам мифологической истории иудейской цивилизации», пытаясь найти искомое – «как это могло бы быть?» – на скрещении науки и мифа, фактов и вымысла.

Беллетристика им также упомянута не случайно. Иудейская цивилизация, несмотря на горы исследований-исторических, философских, мистических, психоаналитических (вспомним фрейдовского «Моисея»), религиозных, написанных в течение тысячелетий, множества романов и поэм, – остается влекущей тайной за семью замками, «запечатанным источником» (Песнь Песней), мифическим цитрусовым садом мудрости времен Талмуда, когда реально существовавшие четыре мудреца вошли в этот сад: Бен-Зома сошел с ума, Бен-

Азай умер, Бен-Авуя стал предателем и лишь рабби Акива вышел оттуда живым и невредимым. Цитрусовый сад на иврите – «пардес» (персидский «парадайза», латинский «парадизо» – таково название третьей части «Божественной комедии» Данте). По сути, это тот же «райский сад», «ган Эден». Но «пардес» это еще и аббревиатура четырех слов: «п» – «пшат» – буквальный смысл, «р» – «ремез» – намек, «д» – «друш» – комментарий, толкование, наконец «с» – «сод» – тайна. Каждый раз, спускаясь по этой лестнице, вы опять и опять натываетесь на тайну. Чрезмерное желание проникнуть в нее опасно: можно умереть, сойти с ума, стать предателем. Только внутреннее равновесие ума и души рождает понимание, что дано тебе ступить в пространство Божественного присутствия (Шехины), и ты должен вести себя достойно этой данности, осторожно прислушиваясь к звучанию собственной души в мировом оркестре. Правда, сам рабби Акива позднее стал мятежником и был казнен императором Адрианом, но это уже иная история.

Надо отдать должное автору книги «От Эдена до Вавилона»: он осторожно, внимательно и уважительно ведет свою прогулку по весьма запутанным тропам того знаменитого первоначального сада, где в любой миг можно наткнуться на древо жизни и смерти, древо познания добра и зла, древо мифов и снов, коснуться тайн бытия, а то и лишиться дара речи и в миг перестать понимать соседа, рядом и вместе с тобой возводящего Вавилонскую башню.

К этому следует добавить, что исследуемое Гомбергом относится к тем темам, которые вызывают мгновенный, я бы сказал, генетический интерес в человеческой душе. За этими темами скука не ночевала.

Эфраим БАУХ – израильский писатель, русского происхождения. Председатель ПЭН-Клуба.

Идти на прогулку с Леонидом Гомбергом интересно и поучительно еще и потому, что он умеет «погружаться в неизвестность» (вспомним Пастернака), странно и тем не менее весьма ощутимо передающую атмосферу «страны обетованной», Израиля, в которой автор книги не был мимолетным гостем.

Это та атмосфера, то насыщенная дыханием нагретой хвои в хамсин где-нибудь на холме Азека под Иерусалимом, где Давид боролся с Голиафом, то пронизанная запахом цветущих цитрусовых садов в пасхальные апрельские дни, когда – пусть в редкие мгновения – воистину ощущаешь прикосновение судьбы.

Концентрация мифов на этой малой земле подобна концентрации ядерного вещества на малой звезде Ван-Маапена. Истинная константа времени и истории здесь вертикальна – вглубь тысячелетий и ввысь, впрямую – к Богу. Эту атмосферу, одновременно трагическую и пасхальную, сумела по-особому передать плеяда французских ученых XIX века как бы в двух ипостасях: с одной стороны поборники интеллекта и земной реальности Эрнест Ренан – в двух своих блистательных книгах «Жизнь Иисуса» и «История еврейского народа» – и Морис Мюре в книге «Еврейский ум»; с другой – мистик Фабр д'Оливе, эзотерическими идеями рас которого вдохновился Эдуар Шюре в своей книге «Великие посвященные (очерк эзотеризма религий)», выстроив цепочку от Рамы – через Гермеса, Моисея, Орфея, Пифагора, Платона – до Иисуса. О последних двух французских авторах Леонид Гомберг пишет довольно пространно, и та самая атмосфера земли Обетованной, которая периодами исчезает, но всегда существует, ощущается фоном всех его размышлений и попыток по своему понять и сконструировать такие фундаментальные события в истории человечества, как создание Богом райского сада, история Каина и Авеля, история всемирного потопа, Ноя и трех его сыновей – Сима, Хама и Иафета.

Описание этих вселенских событий автор углубляет постоянным обращением к устной традиции – великим Комментариям (Мидрашей Раба), длящимся тысячелетиями, продолжая самой своей книгой эти традиции, но и добавляя к ним еще и археологически-топографические, исторические и экономические (смена формаций) измерения.

Это могло быть лишь увлекательно-развлекательной прогулкой литератора, если бы не следование главному принципу комментариев Устной традиции – скрупулезному вчитыванию в текст оригинала, чтобы за традиционным, клишированным сотнями лет прочтением, заметить новый поворот, едва заметный, но могущий привести к совершенно новым выводам. Это подобно колебанию крыльев бабочки, которое, по теории хаоса, может привести в движение весь мир.

Книга Леонида Гомберга многопланова. Она затрагивает одновременно целый комплекс противоречивых, а порой и взаимоисключающих проблем, потому остановлюсь на одной из них, живо и конкретно затрагивающей нас, живущих в Израиле и в России.

«Еще со времен Каина, – пишет Гомберг, – диаспорное сознание народа как-то уживалось с непомерной тягой на землю предков. Жизнь в диаспоре всегда оставалась такой же точно естественной формой существования еврейства, как и бытование на Земле Израиля, сколь парадоксальной ни представлялась бы такая точка зрения в нынешнем историческом контексте».

Но кочевье и оседлость, изгнание, скитальчество и возвращение были обычными феноменами древних миграций. Малые народы чаще всего исчезали, растворяясь в более многочисленных и сильных. Только народ Израиля сумел довести эти феномены до трагического, экзистенциального, вселенского их осмысления. «Скитающаяся тайна», как нередко называли народ Израиля, хранит в себе бродильное начало самой сущности человеческой жизни на земле, под небом Бога, и с этим ничего поделать нельзя.

Заманчиво, исходя из гегелевской триады, сделать следующее заключение: «Давайте скажем правду до конца: диаспора – это дополнительное шанс на выживание, это, если угодно, страховой полис народного будущего. Инстинкт самосохранения подсказывает: что бы там ни случилось на узкой полоске Восточного Средиземноморья, народ останется жив» (стр.133).

Но существует еще одно, не менее парадоксальное, но, быть может, менее заманчивое, обещанное Богом: «Соберу вас на земле Обетованной после рассеяния...». Шутка шуткой, но в начале прошедшего века на Обетованной проживало считанное число евреев, а ныне речь идет уже о шести миллионах. И не важно, какие события произошли в мире за тот век, приведшие к этому. Но вот же, говорят, после высочайшего вала эмиграции в 90-е годы, сейчас почти не едут. Не ехали и в 30-е годы, когда была возможна свободная эмиграция в страну Обетованную. Это именно по поводу инстинкта самосохранения. Опасность, несмотря на предупреждения, казалась нереальной и отдаленной, но взрыв всегда внезапен и мгновенен: и вот уже все врата замкнуты, и бежать некуда, и вот уже ведут в львиный ров, в яр, в печь.

Оказывается, инстинкт самосохранения даже у сынов Израиля, прошедших огонь и воду, не всегда срабатывает, причем не в индивидуе, а в целой трети народа.

Проблема эта сложна и неоднозначна. Многие исследователи ищут ей объяснения, пробуя различные подходы. Каждый автор располагает события и их толкования по им избранной линии, подобно магнитным опилкам. Но, к сожалению и беде нашей, магнитное поле не меняется – опять и опять приводит к трагедии личности, племени, народа.

Однако, как писал Фрейд, существует «первичный позыв», не дающий человеку покоя даже в самые благополучные периоды его жизни, особенно еврею; он заставляет его углубляться в недра собственной истории, чтобы понять самого себя; и в поиски эти, общечеловеческие по самой своей сути, книга Леонида Гомберга «От Эдена до Вавилона» вносит весьма существенный вклад.

מחלקת לקליטת עליה בחיפה
 תחילת פרוץ 20 חיפה 33041
 ספריה

From Recent History

Yosef Begun Light of Hanukkah in a Moscow Prison (Reminiscences of the 70s)

Vladimir Mak In Memory of Yuri Aronovich, Maestro and Dissident

1953-2003. Ignominious Anniversaries

50 Years after Stalin

Alan Bullock Hitler and Stalin. Parallels and Lessons

Leonid Shkolnik Birobidjan in the Final Years of Stalinism

Shlomo Groman Stalin and Israel. A Story of Brief Love and Great Hatred

50 Years of the "Doctors Plot"

Valentin Beylinson Moscow at the Beginning of 1953

From the Memories of the Children of the "Kremlin Doctors" by *Ya. Ettinger* and *L. Kogan*

Deportation of Jews 1953" Afterword to the discussion by *F. Lyass, Sh. Groman, A. Rashin, A. Chernyak*

Poetry and Prose

In its literary section, the magazine presents a new novel entitled "A Happy Day in Italy" by *Inna Lesovaya* (Kiev), whose prose has been published in many countries. In this novel, she writes about love, kindness, and the sense of dignity, which help one cope with the harshness of life. The magazine also presents two short stories by *Efim Zacharov* and new translations by *Rachel Torpusman* of the prominent Israeli poet Zvi Greenberg.

Books

A. Gelein "O God, It Is So Frightening To Live!" / Vlad. Ilushenko Father Alexander Men. Life and Death in Christ, 1998/

E. Bauch "The Reality of Myth" /L. Gomberg From Eden to Babel, 2001/

Artist Illustrations

On the cover and in a special insert, the magazine features the pictures of two artists of one family M. Axselrod and M. Yachilevich (see "National Culture within One Family").

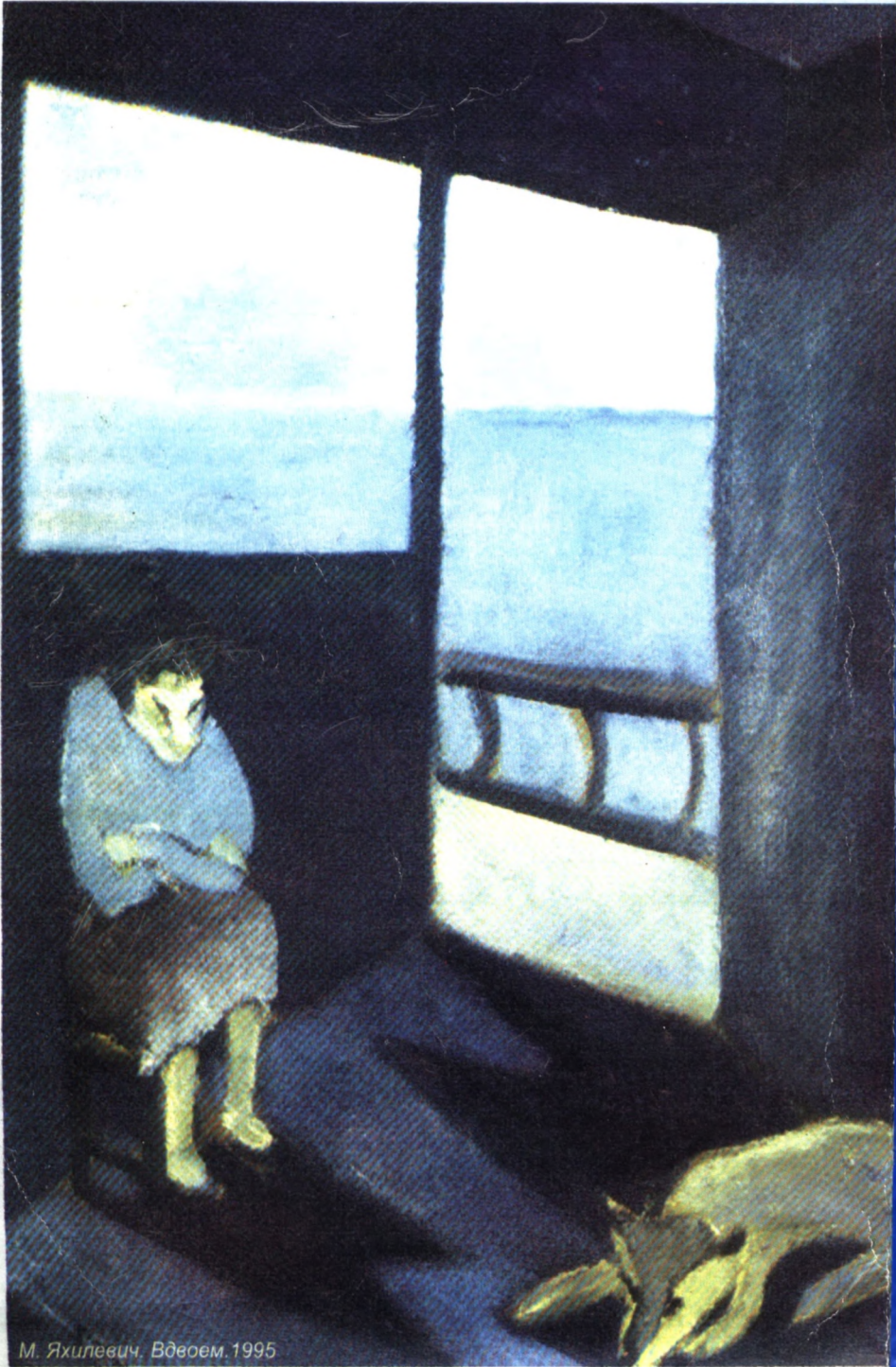

NOVIY VEK

(New Century)
Russian-Jewish
Journal

Politics. Society. Literature.

1, 2

М. Яхилевич. Вдеом. 1995